

ISSN (print): 2587-5434
ISSN (online): 2587-5523

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists

Scientific Journal

WEST – EAST

Vol 2/1, №1 (October, 2019)

Publishing House “**UNIVERSAL**”

Tbilisi 2019

INTERNATIONAL, REVIEWED AND REFERRED **SCIENTIFIC JOURNAL**
“ **WEST-EAST** ” PUBLISHED BY THE DECISION OF MEMBERS OF THE BOARD AND
SCIENTIFIC COUNCIL OF
INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL ORGANIZATION OF PHILOLOGISTS
“ **WEST-EAST** ”

DOI: 10.33739.

<http://ispop.ge/jour.php>

Zoia Adamia - Editor-in-Chief, PhD, prof, Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences, Institute of Russian Language and Literature (Georgia) ORCID iD: 0000-0001-6841-622X

Nino Sanaia - Executive Secretary, PhD, prof. Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences, Institute of Foreign Languages (Georgia) ORCID iD: 0000-0001-5818-0866

Scientific-Editorial Council

Valerij Mokienko – Chairman of the Scientific-Editorial Council, Professor, Doctor of Philological Sciences, Department of the Slavic Philology, Saint-Petersburg State University, the head of the Phraseological School of the St.-Petersburg University. Professor Dr. h.c.em. Ernst-Moritz-Arndt-University Greifswald (Germany); the Honour Professor of the Olomouc University (Czech Republic) and the President of the Phraseological Commission by the International Committee of Slavists.

Harry Walter – Professor, Dr.Dr.h.c., University of Greifswald, Institute of Slavonic Studies (Germany)

ImrePacsai – Habilitated Doctor of Philological Sciences, Professor, Nyíregyháza High School (Hungary)

Editorial Board

Olga Lomakina – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, the Peoples' Friendship University of Russia (Russia)

Simona Korycankova – Associate Professor, PhDr. Mgr., Ph.D. Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Masaryk University, Brno (Czech Republic)

Elena Tareva – Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (Russia)

Maria Konyushkevich – Professor, Doctor of Philological Sciences, Department of Journalism of YankaKupala State University of Grodno, Grodno (Republic of Belarus)

Anna Onkovych - Doctor of pedagogical sciences, professor, Kyiv Medical University, Kyiv, (Ukraine)

Tatiana Fedulenkova – Professor, Doctor of Philological Sciences, Department of Foreign Languages of Professional Communication of the Institute for the Humanities, Vladimir State University named after the Stoletov Brothers (Russia)

Anna Petrikova – PhD, Associate Professor, Faculty of Philosophy of Presov University, Presov (Slovakia)

Maria Mocarz -Kleindienst – PhD, Associate Professor, Lublin Catholic University of John Paul II, Lublin, Poland

Natalia Roitberg – PhD, the lecturer of Foreign Language at the University of Haifa (Israel)

Leila Diasamidze – PhD, Language Center, Batumi Shota Rustaveli State University (Georgia)

Olena Polovynko – Doctor of Philosophy: Philological Sciences, Associate Professor, University of Strasbourg (France)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ, РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ И РЕФЕРИРУЕМЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ „WEST-EAST”
ВЫХОДИТ ПО ОБЩЕМУ РЕШЕНИЮ ЧЛЕНОВ ПРАВЛЕНИЯ
И НАУЧНОГО СОВЕТА
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЛОЛОГОВ
«ЗАПАД-ВОСТОК»

DOI: 10.33739.

<http://ispop.ge/jour.php>

Зоя Адамия – главный редактор журнала “WEST-EAST”, доктор филологии, профессор, Цхум-Абхазская Академия наук, Институт русского языка и литературы (Грузия)

Нино Саная – ответственный секретарь журнала “WEST-EAST”, доктор филологии, профессор, Цхум-Абхазская Академия наук, Институт иностранных языков (Грузия)

Научно-редакционный совет

В. М. Мокиенко - председатель научно-редакционного совета журнала “ WEST-EAST ”, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, почётный профессор Грайфсвальдского университета им. Эрнеста Морица Арндта, Оломоуцкого университета (Россия, Германия, Чехия)

Харри Вальтер - доктор филологических наук, профессор, член президиума МАПРЯЛ, Институт славистики Грайфсвальдского университета им. Эрнеста Морица Арндта (Германия)

Имре Пачай - кандидат филологических наук, профессор, Ньиредьхазская Высшая школа (Венгрия)

Редакционная коллегия

О. В. Ломакина - доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов РУДН, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Россия)

Симона Корычанкова- доктор филологических наук, ассоциированный профессор, университет им. Масарика (Чехия)

Е. Г. Тарева - доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Россия)

М. И. Конюшкевич - доктор филологических наук, профессор, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь)

А. В. Онкович - доктор педагогических наук, профессор, Киевский медицинский университет (Украина)

Т. Н. Федуленкова - доктор филологических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых (Россия)

Анна Петрикова - доктор филологии, ассоциированный профессор, Прешовский университет (Словакия)

Мария Моцаж-Клейндиев – доктор филологических наук, ассоциированный профессор, Люблинский католический университет Иоанна Павла II, Люблин (Польша)

Наталья Ройтберг - доктор филологии, Хайфский университет (Израиль)

Лейла Диасамидзе - доктор филологии, Языковой центр, Батумский государственный университет им. Шота Руставели (Грузия)

Елена Половинко - кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Страсбургский университет (Франция)

SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”

The journal is published **twice a year (March and October)**

Reception of materials (**deadline**) until **January 15 and August 15**

The publication of the electronic version of the journal on the site is expected **until March 15 and October 15**

Mailing of the printed version of the journal will take place **until March 25 and October 25**

DOI: 10.33739.

<http://ispop.ge/jour.php>

<http://ispop.ge/archive.php>

The journal has: **Index- Crossref, ROAD-ISSN, Open journalSystems, e-library, OCLCWorldCat**, etc.

Each article of the journal is assigned a digital object identifier (**DOI**) for improved search and identification:

- Peer reviewed and referred journal
- Year of foundation: November, 2018
- ISSN (print) – 2587-5434
- ISSN (online) – 2587-5523

- Release form: printed and electronic
- Language of texts: English, Russian,
- Language metadata: English, Russian,

Thematic orientation:

1. Linguistics
2. Media culture
3. Translation
4. Pedagogics .Language Teaching Methodology

Address for correspondence and submission:

134a, TsothneDadianistr, Tbilisi 0180, Georgia.

Tel.: (+995) 599 270746, (+995) 59 608966

WEB-page: <http://ispop.ge>

e-mail:a.zoia777@gmail.com; ispop.ew@gmail.com

Anti-plagiat program

For more information on the journal and about article submission, please consult the journal's

<http://ispop.ge/jour.php>

©“WEST-EAST”, 2019

Publishing House “UNIVERSAL”, 2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ „WEST-EAST”

Журнал издается **2 два раза в год (в марте и в октябре)**
Прием материалов (дедлайн) – до **15 января и 15 августа**
Публикация электронной версии журнала на сайте – до **15 марта / 15 октября**
Почтовая отправка печатной версии журнала – до **25 марта / 25 октября**

DOI: 10.33739.

<http://ispop.ge/jour.php>

<http://ispop.ge/archive.php>

Индексация: Crossref, ROAD-ISSN, Open journal Systems, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), WorldCat и др.

Каждой статье журнала присваивается идентификатор цифрового объекта (**DOI**) для лучшего поиска и идентификации статьи

- Рецензируемый и реферируемый журнал
- Год основания: ноябрь 2018
- ISSN (печатный) – 2587-5434
- ISSN (электронный) – 2587-5523

- Форма выпуска: печатная и электронная
- Язык статей: английский, русский
- Метаданные статей: английский, русский

Научные статьи проверяются на плагиат

Направления журнала:

1. Лингвистика
2. Медиакультура
3. Перевод
4. Педагогика. Методика преподавания языков

Адрес для корреспонденции:

Грузия, г.Тбилиси 0180, ул. Цотне Дадиани, N134а

Тел.: (+995) 599 270746, (+995) 59 608966

WEB-page: <http://ispop.ge>

e-mail: a.zoia777@gmail.com; ispop.ew@gmail.com

Полная информация о журнале и правила оформления статей размещена на сайте

<http://ispop.ge/jour.php>

©West-East, 2019

Издательство “УНИВЕРСАЛ”, 2019

CONTENTS

LINGUISTICS

WINGED WORDS IN SCHOOL: MINIMUM AND MAXIMUM- Valerij Mokienko	11
SEVEN FREQUENT MODELS IN BIBLICAL PHRASEOLOGY OF MODERN ENGLISH - Tatiana Fedulenkova, Zoia Adamia	17
ZOONYM WOLF IN PHRASEOLOGY AND PARAMIOLOGY: CULTURAL CONNOTATIONS (IN RUSSIAN, UKRAINIAN, CHECHEN AND ENGLISH) - Luiza N. Gishkaeva, Olga V. Lomakina	23
COMPARATIVE RESEARCH OF TURKISH LANGUAGES (KAZAKH, TURKISH AND UZBEK) IN THE HISTORICAL ASPECT – Aigul Baituova	27
ABOUT FIXING OF THE LATEST PHRASEOLOGICAL UNITS IN DICTIONARIES OF RUSSIAN OF DIFFERENT TYPE - Elena Generalova	33
INTERLANGUAGE PHRASEOLOGICAL HOMONYMS ON THE DIALECTAL BACKGROUND - Natalia Ignatieva	38
THE PECULIARITIES OF THE USE OF STYLISTIC NOTES IN GENERAL BILINGUAL DICTIONARIES – Abdusalom Mamadnazarov	42
CASE MORPHEMIZATION AS THE BASIS OF ITS VIEWING WITHIN A COGNITIVE TYPOLOGICAL MODEL - Alexey B. Chernyshev	47
LEXICO-SEMANTIC ASPECT OF LINGUOCULTUROLOGICAL CONCEPTS “BREAD” AND “WINE” IN THE GEORGIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS - Manana Shelia	53
PHRASES WITH THE KEYWORD-SYMBOLS (ON THE MATERIAL OF THE UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGES) - Natalia Venzhynovych	58
VERBALIZATION OF THE CONCEPT “FAMILY” IN THE JAPANESE LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAREMIAS) - Ksenya Vorkina	62

MEDIA CULTURE

POLYCODE PHENOMENON OF THE NEWS TEXT IN ONLINE MEDIA - Alevtina A. Kolosova, Natalia V. Poplavskaya	66
CINEMA AND FILM CRITIC: MEDIAPRACTICES IN DISCOVERING OF THE MEAN DOMINANT - Ludmila Sayenkova-Melnitskaya	70
ORTHOGRAPHIC VARIANTS OF THE LATEST ENGLISH BORROWINGS IN RUSSIA MEDIA DISCOURSE - Anna Romanik	74
WORDPLAY, ROOT GAME AND OTHER TRICKS AND CATCHERS OF THE HEADING - Olena Gusieva	78
THE VERBAL CODE OF THE TV SERIES DISCOURSE: REVISITING THE FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE EPISODE TITLES - Anna Konstantinova	82
NEW IDEOLOGEM IN THE DISCOURSE OF AMERICAN MEDIA - Svetlana Kushneruk, Maria Kurochkina	87
THE INFLUENCE OF LANGUAGE ON THE MEDIATIZATION OF GEORGIAN MASS MEDIA ON EXAMPLE OF GEORGIAN-INDIAN RELATIONSHIP - Valentin Viktorovich Matvienko, Danara Baurzhanovna Kurmanova	92
SPECIFICITY OF POLYCODE RADIO DISCOURSE OF THE XXI CENTURY - Natalia Nesterova	96
EDUCATIONAL MEDIA TEXT ABOUT SIBERIA AS A POLYCODE PHENOMENON - Yulia Sabaeva	100
ORTHODOX PICTURE OF THE WORLD IN A RELIGIOUS MEDIA DISCOURSE: TO STATING THE PROBLEM - Alexandra Makarova	104

THE IMPACT OF NATIONALLY DETERMINED VALUE FILTERS ON THE PERCEPTION OF A FOREIGN MULTIMODAL TEXT- Tatiana Nikolskaya	109
THE SPECIAL FEATURES OF CONTEMPORARY INTERVIEW FORMAT ON YOUTUBE CHANNEL - Tatiana Popova	113
POLYCODE TEXT IN INTERNET COMMUNICATION(BASED ON THE MEDICAL ACCOUNTS INSTAGRAM) - Evgeniya Vladimirovna Volkova	117

THEORY AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

CULTURE IN THE SPACE OF LINGUODIDACTIC CONCEPTOLOGY- Elena G. Tareva	123
TEACHING OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE IN SERBIA (Serbian-Russian interlanguage homonyms in teaching Russian language)- Gordana Naumovic	127
SYMBOLICS OF CHINA REALIA IN RUSSIAN VERBAL CULTURE (IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)- Veronika Abramova, Julia Arkhangelskaya	131
MONITORING PROFESSIONAL COMPETENCE OF A LECTURER IN FOREIGN CITIZENS' LANGUAGE TRAINING- Olena Bielikova, Svitlana Dytiuk	136
CULTURE CONTACT AND VALUES CONFLICT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE- Liudmila Bogdanova	139
INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES- Leila Diasamidze	143
LEXICAL MANIFESTATIONS OF THE CULTURAL SPECIFICITY OF EMOTIONS IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE- Ekaterina Yurievna Fatyushina, Valentina Igorevna Popova	147
INTER-ETHNIC COMMUNICATION IN LANGUAGE TEACHING- Liubov Karpets, Helena Kucherenko	152
BILINGUAL EXPLANATORY-GRAMMATICAL DICTIONARIES AS A MEANS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE - Tatiana Nikitina	156

TRANSLATION

TRANSLATION HEADACHES: R. BURNS <i>WHA IS THAT AT MY BOWER-DOOR?</i> AND S. MARSHAK. <i>FINDLEY</i> (Linguistic Commentary Experience)- Elena A. Krasina	160
TACTIC OF PRAGMATIC ADAPTATION IN TRANSLATING TOURISTIC TEXTS - Said Mamedov	166

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА В ШКОЛЕ: МИНИМУМ И МАКСИМУМ – Валерий Михайлович Мокшенко	11
СЕМЬ РАСПРОСТРАНЕННЫХ МОДЕЛЕЙ В БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА – Татьяна Николаевна Федуленкова, Зоя Адамия	17
ЗООНИМ ВОЛК ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ: КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО, ЧЕЧЕНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ) - Луиза Нахидовна Гишкаева, Ольга Валентиновна Ломакина	23
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (КАЗАХСКОГО, ТУРЕЦКОГО И УЗБЕКСКОГО) В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ - Айгуль Байтуова	27
О ФИКСАЦИИ НОВЕЙШИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА РАЗНОГО ТИПА - Елена Владимировна Генералова	33
МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ НА ДИАЛЕКТНОМ ФОНЕ - Наталья Игнатъева	38
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ В ОБЩИХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ - Абдусалом Мамадназаров	42
МОРФЕМИЗАЦИЯ ПАДЕЖА КАК ОСНОВАНИЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ЕГО КОГНИТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ - Алексей Борисович Чернышев	47
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПОНЯТИЙ «ХЛЕБ» И «ВИНО» В ГРУЗИНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ - Манана Шелия	53
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КЛЮЧЕВЫМИ СЛОВАМИ-СИМВОЛАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) – Наталья Федоровна Венжинович	58
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СЕМЬЯ» В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ) - Ксения Сергеевна Воркина	62

МЕДИАКУЛЬТУРА

ПОЛИКОДОВОСТЬ НОВОСТНОГО ТЕКСТА В ИНТЕРНЕТ-СМИ - Алевтина Александровна Колосова, Наталия Владимировна Поплавская	66
КИНО И КИНОКРИТИКА: МЕДИАПРАКТИКИ В РАСКРЫТИ СМЫСЛОВЫХ ДОМИНАНТ - Людмила Петровна Саенкова-Мельницкая	70
ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НОВЕЙШИХ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ - Анна Романик	74
БУКВАЛИЗАЦИЯ, КОРНЕВАЯ ИГРА И ДРУГИЕ УЛОВКИ ЗАГОЛОВОЧНОЙ НОМИНАЦИИ - Елена Ивановна Гусева	78
ВЕРБАЛЬНЫЙ КОД ДИСКУРСА ТЕЛЕСЕРИАЛА: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В НАЗВАНИЯХ ЭПИЗОДОВ - Анна Александровна Константинова	82
НОВОИДЕОЛОГЕМА В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ - Светлана Леонидовна Кушнерук, Мария Анатольевна Курочкина	87
ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА МЕДИАТИЗАЦИЮ ГРУЗИНСКИХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИНСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ) - Валентин Викторович Матвиенко, Данара Бауржановна Курманова	92
СПЕЦИФИКА ПОЛИКОДОВОСТИ РАДИОДИСКУРСА ХХІ ВЕКА - Наталья Георгиевна Нестерова	96
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ МЕДИАТЕКСТ О СИБИРИ КАК ПОЛИКОДОВОЕ ЯВЛЕНИЕ - Юлия Сергеевна Сабеева	100
ПРАВОСЛАВНАЯ КАРТИНА МИРА В РЕЛИГИОЗНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ - Александра Стефановна Макарова	104

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ЦЕННОСТНЫХ ФИЛЬТРОВ НА ВОСПРИЯТИЕ ИНОКУЛЬТУРНОГО ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА - Татьяна Евгеньевна Никольская	109
ОСОБЕННОСТИ ФОРМАТА СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРВЬЮ НА YOUTUBE-КАНАЛЕ – Татьяна Игоревна Попова	113
ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКИХ АККАУНТОВ INSTAGRAM) - Евгения Владимировна Волкова	117

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ - Елена Генриховна Тарева	123
ПРЕПОДАВАНИЕ РКИ ВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ (Сербско-русские межъязыковые омонимы в обучении русскому языку) - Гордана Наумович	127
СИМВОЛИКА <i>КИТАЙСКОГО</i> В РУССКОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ (В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ) - Вероника Игоревна Абрамова, Юлия Архангельская	131
МОНИТОРИНГ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН - Елена Витальевна Беликова, Светлана Алексеевна Дытюк	136
КОНТАКТ КУЛЬТУР И КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО - Людмила Ивановна Богданова	139
ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ - Лейла Яковлевна Диасамидзе	143
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЭМОЦИЙ (В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ) – Екатерина Юрьевна Фатюшина, Валентина Игоревна Попова	147
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКАМ - Любовь Анатольевна Карпец, Елена Федоровна Кучеренко	152
ДВУЯЗЫЧНЫЙ ТОЛКОВО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ - Татьяна Геннадьевна Никитина	156

ПЕРЕВОД

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: R. R. BURNS <i>WHA IS THAT AT MY BOWER-DOOR?</i> И С. МАРШАК. <i>ФИНДЛЕЙ</i> (опыт лингвистического комментария) - Елена Александровна Красина	160
ТАКТИКА ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕСТИНАЦИИ - Саид Заурович Мамедов	166

LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-11-16>

WINGED WORDS IN SCHOOL: MINIMUM AND MAXIMUM

Valerij Mokienko
Doctor of Philological Sciences, Professor,
St. Petersburg State University
 (St. Petersburg, Russia)
 e-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to show the role of winged words and expressions as language repositories of cultural heritage and the possibility of teaching them at school and university. The material of Russian winged words demonstrates the correlation of knowledge of winged words with the educational level of native speakers. For this purpose, the author has applied the method of interviewing students of Russian universities. The survey data of students on this issue are presented and analyzed. On this basis, an approximate minimum of such linguistic units, necessary for mastering the obligatory knowledge of Russian literature, is outlined. The minimum is determined on the basis of maximum of the winged words and expressions described in large dictionaries, which may reflect a deeper knowledge of the students. The materials of published dictionaries of winged words and expressions can significantly expand such knowledge and with the necessary accuracy to determine the quantitative and qualitative reflection of literary sources in the „winged“ heritage of the Russian language. As a result of the proposed research, a reference dictionary of Russian winged words and phrases will be prepared for students of schools and universities in Russia and abroad.

Key words: lexicography, phraseology, phraseography, catchwords and expressions, catchwords dictionaries

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА В ШКОЛЕ: МИНИМУМ И МАКСИМУМ*

Валерий Михайлович Мокиенко
Доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
 (Санкт-Петербург, Россия)
 e-mail: mokienko40@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – показать роль крылатых слов и выражений как языковых хранилищ культурного наследия и возможности их преподавания в школе и вузе. На материале русских крылатых слов демонстрируется соотношение знаний крылатики с образовательным уровнем носителей языка. С этой целью автором применена методика опроса студентов вузов России. Приводятся и анализируются данные анкетирования студентов по этой проблематике. На этой основе очерчивается примерный минимум таких языковых единиц, необходимый для усвоения обязательных знаний русской литературы. Минимум определяется на основе максимума крылатых слов и выражений, описанных в больших словарях, которые могут отражать более глубокие познания обучаемых. Материалы изданных словарей крылатых слов и выражений позволяют значительно расширить такие познания и с необходимой точностью определить количественное и качественное отражение литературных источников в «крылатом» наследии русского языка. В результате предлагаемого исследования будет подготовлен словарь-справочник русских крылатых слов и выражений для учащихся школ и вузов России и зарубежья.

Ключевые слова: лексикография, фразеология, фразеография, крылатые слова и выражения, словари крылатых слов

ВВЕДЕНИЕ. Дискуссии об усовершенствовании системы образования в современной России и Европе так или иначе приводят к констатации, что молодёжь, «приговорённая» к Интернету и молниеносному получению любой информации по мобильным контактам, теряет вкус к чтению классической литературы. Исследования показывают, что такая констатация объективна. Так, анкетирование студентов России, Германии и Словакии обнаружило заметные лакуны в знании библейских крылатых выражений (Baláková 2013). Аналогичны результаты анкетирования, предпринятого участниками проекта «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений (словари-справочники)», поддержанного РФФИ – Е.И. Зыковой, О.В. Ломакиной, В.М. Мокиенко (руководитель проекта) и Н.А. Росовой. Ответы анкетированных из вузов Москвы, Петербурга, Пскова, Нижнего Новгорода, Тулы, Магнитогорска и других городов Российской Федерации обнаружили большие пробелы в литературных познаниях. При этом программы школьного и вузовского обучения включают не только необходимый минимум таких познаний, но и предлагают достаточно широкий диапазон авторов, которые должны изучаться. Но в реальности программы остаются либо полностью невыполненными, либо чрезвычайно «усечёнными» из-за известных формальных мер «оптимизации» обучения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09064 «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Преподаватели русского языка и литературы различными способами стремятся восполнить образовавшуюся лакуну и повысить интерес обучаемых к творчеству писателей и поэтов. Одним из методических приёмов, способствующих этому, может стать, как кажется, работа с так называемыми *крылатыми словами* и *выражениями*. Под этим термином традиционно понимаются образно-экспрессивные лексические, фразеологические и афористические единицы разного типа, вошедшие в язык из определённого литературного, исторического, культурологического источника: меткие словечки или изречения, произнесенные тем или иным историческим лицом при определенных обстоятельствах; цитаты из произведений художественной литературы, публицистики, кинофильмов; «рекламные ролики» и т.п. Таковы, например: *Иуда* (Библия), *Ахиллес* (античная мифология), *Скалозуб* (А.С. Грибоедов); *А Васька слушает, да ест* (И.А. Крылов); *И дым отечества нам сладок и приятен* (А.С. Грибоедов); *Я памятник себе воздвиг нерукотворный* (А.С. Пушкин); *Богатые тоже плачут* (название мексиканского телесериала); *сладкая парочка* (телереклама «Твикса»). Основной трудностью употребления крылатых слов и выражений является неточное или ошибочное знание их первоисточника, а также неверное воспроизведение их формы и содержания. Причём такие трудности отражаются не только в потоке разговорной речи и Интернета, но и в разных формах обучения, официального общения и собственного творчества пишущих и говорящих.

Образный оборот *крылатое слово* восходит к Гомеру, но в качестве филологического термина он вошёл в обиход благодаря сборнику «Крылатые слова» („Geflügelte Worte“), изданному в 1864 г. немецким филологом Г. Бюхманом. Принятое традиционное определение термина *крылатые слова* предполагает, что их основным категориальным признаком является «авторство» меткого слова и изречения, возможность причислить их к конкретному историческому лицу.

В этом – основная специфика и основная трудность современного литературного употребления крылатых слов и выражений. Многие пишущие и говорящие не могут точно идентифицировать источник таких единиц, а неточное указание на авторство разрушает или искажает историческую и культурологическую информацию, которая аккумулирована в них. Вторым распространённым типом ошибочного употребления крылатых слов и выражений является искажение их формы и содержания. Ср. характерные примеры из сочинений абитуриентов (Norman 2004, 159-165): *Луч света в тёмном коридоре; Это мы, призраки коммунизма, победили всё; У каждого человека есть место для подвига; И несётся навстречу будущему гусь-тройка; Советский Союз назван страной восходящего солнца не случайно; Лучшие умереть стоя, чем лёжа; Дон Кихот и его верная лошадь Ренессанс запомнились мне ещё с детских лет; Пусть всегда будет солнце! Эти слова звучат одинаково на всех языках мира! Ромео и Джульетта были очень молодыми и ещё не успели обрести пережитками прошлого; Родители Ильи Муромца были простые колхозники; У Тараса Бульбы было два сына: один – Остап, а второй – Бендер; В природе ничего не исчезает, а заносится в Красную книгу...*

Разумеется, не всегда вариантность крылатых слов и выражений является ошибочной: как и любые языковые единицы, они порождают и динамические изменения формы, не отражающиеся на их основном содержании. Так, например, библейское выражение *отделять овнов* (ц.-слав. овец) *от козлищ* (ц.-слав. козлов) заменяется сейчас на более современный вариант *отделять овец от козлищ*, а знаменитое изречение А.П. Чехова *В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли* употребляется сейчас чаще в сокращённом виде – *В человеке должно быть всё прекрасно*.

Наконец, довольно часто крылатые слова и выражения становятся объектом языковой игры, порождают каламбуры, столь популярные в современной прессе, «Интернете» и живой речи (Walter, Mokienko 2005). Например: *Бить или не бить – вот в чём вопрос* (вместо шекспировского *Быть или не быть – вот в чём вопрос*); *Кесарю кесарево, самураю – харакири* (вместо библеизма *Кесарево кесарю, а Божие Богу*); *Мой дядя самых честных грабил...* (вместо пушкинского *Мой дядя самых честных правил*) и т.п.

Разграничение случаев ошибочного употребления крылатых слов и выражений от нарочитого, стилистически оправданного – одна из задач исследования обозначенной проблематики. Дидактическая же цель решения этой проблемы предполагает отбор и рекомендацию таких языковых единиц, которые уже прошли «обкатку» временем и активно функционируют в современном русском языке и речи. Именно поэтому составители проектируемого словаря из максимума описанных прежде крылатых слов и выражений отбирают для словника наиболее частотные и узнаваемые носителями языка единицы.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Жанр такого рода словарей, инициированных Г. Бюхманом, сразу же стал популярен и до сих пор остаётся востребованным в России. И. Редников уже в 1883 г. по образцу немецкого собрания издал «Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времён и народов с историческим и сравнительным объяснением» (Rednikov 1883). В 1891 г. С.В. Максимов издал «Крылатые слова» (Maksimov 1891), хотя при этом значительно расширил этот термин, включив в него и народные пословицы и поговорки. Десять лет спустя М.И. Михельсон издаёт капитальный двухтомный словарь «Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (Михельсон 1903, 1905), несколько раз переизданный и сейчас (Mihel'son 1994). Словник этого словаря, по сравнению с собранием Г. Бюхмана, значительно расширен за счёт народных пословиц и поговорок, цитат, фраз и т.п., а материал расположен не по источникам, а в сплошном алфавитном порядке.

С.Г. Займовский (Zaymovskiy 1930) и В.З. Овсянников (Ovsyannikov 1933) продолжили традицию словарного описания крылатых слов и выражений, хотя подошли к этой проблеме по-разному – как лексикографически, так и идеологически. Новым словом в крылатологии стал сборник «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» Н.С. и М.Г. Ашукиных, изданный в 1955 г. и несколько раз

переиздававшийся (Ashukiny 1955, 1966, 1999). Термин *крылатые слова* ими понимается в том же узком значении, как у родоначальника этого жанра Г. Бюхмана, обозначая языковые единицы, «источник которых может быть установлен» (Ashukiny 1966, 4).

Современные лингвисты и лексикографы интенсивно исследуют крылатые слова и выражения в русле теории интертекста, прецедентного текста и др. (Mokienko 2003; Lomakina, Mokienko 2019). С конца прошлого века появилось много попыток словарного описания крылатых слов и выражений русского языка, анализ которых дан С.Г. Шулежковой в её докторской диссертации и в монографии «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие» (Shulezhkova 2002), а также в Предисловии «Крылатые слова и выражения русского языка как объект лексикографического описания» ко 2-му изданию нашего «Большого словаря русских крылатых слов и выражений» (Berkov, Mokienko, Shulezhkova 2008, 1, 3-15). Из последних значительных публикаций, кроме переизданного последнего словаря, можно выделить сборники Л.П. Дядечко (2001-2003) и В. Серова (2003). Популярность таких словарей вполне естественна, ибо крылатые слова и выражения КС, по характеристике В.П. Беркова (Berkov, Mokienko, Shulezhkova 2008, 1, 16-30), являются «золотым фондом мировой и национальной культуры». Вот почему изучение их в школе и вузе – необходимая предпосылка для воспитания языкового вкуса и уровня образованности нашей молодёжи.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Маркированность источником при этом – это не языковой, а экстралингвистический признак. Вот почему в лингвистическом отношении интертекстемы, большую часть которых составляют именно крылатые слова и выражения, характеризуются исключительной разнородностью и не сводимы в некую целостную уровневую систему. В них нельзя по своей сути искать единую языковую природу. «Это скорее не строгие единицы, как слова, морфемы, предложения, фразеологизмы, а такие элементы, которые относятся, может быть, больше к психологическим феноменам памяти, чем собственно языка как системы, – метко подчеркивает пограничный и лингвистически разнородный характер интертекстем А.Е. Супрун, добавляя при этом: – но поскольку эта память – о словесных явлениях, она примыкает к языковому устройству и интертекстемы могут рассматриваться как часть языка» (Suprun 2001, 106). В этом смысле интертекстемы являются своего рода «дайджестами текстов». Таким образом, отношение интертекстем к языку определяется их воспроизводимостью памятью говорящего, а не их уровневой однородностью.

Экстралингвистический параметр крылатых слов и выражений весьма действенно влияет на их функционирование. Ведь именно маркированность источником создает у носителя языка их восприятие как текста *in sich* и *ap sich*. Будучи мини-текстом, интертекстема в макси-тексте ведёт себя весьма активно и полифункционально: то как его строевой элемент типа фразеологизма, то как его законченный фрагмент паремиологического типа, то как фрагмент своего прототипа, трансформированный почти до неузнаваемости. Функциональный статус интертекстем вообще чрезвычайно разнороден из-за разнородности их чисто лингвистического статуса. Стремление отождествить интертекстему (*resp.* крылатое слово или выражение, прецедентный текст, текстовую реминисценцию, логоэпистему, эптологизм и т.п.) с единицей конкретного уровня языковой системы обречено на неудачу, поскольку сам критерий её выделения – критерий экстралингвистический. Поэтому та часть крылатых слов и выражений, которая функционально и структурно соответствует словосочетанию, может быть отнесена к фразеологии. Интертекстемы же с законченной паремиологической структурой могут быть отнесены к пословицам, а крылатые слова-мифологемы или имена собственные, претерпевшие метафоризацию – к коннотативным лексемам. В этом смысле интертекстемы являются генетическим источником самых разных по структуре и семантике языковых единиц, но таковыми их делает лишь «обкатанность» языковой системой, воспроизводимость в готовом виде. Следовательно, методы исследования и лексикографического описания каждой разновидности крылатых слов и выражений должны быть различными, обусловленными их языковой спецификой. Такая специфика накладывает свой отпечаток и на отбор крылатых слов и выражений, рекомендуемых для школьного обучения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Словник анонсируемого Словаря должен включать наиболее употребительные крылатые слова и выражения с точно паспортизированным источником. Как показывает опыт большинства справочников по русским и европейским языковым единицам такого рода, частотность и корректность их употребления непосредственно связана именно с идентификацией их источника. Незнание его приводит не только к формально-смысловым искажениям, но и к смешению исторической и культурологической ретроспективы. Целью школьного и вузовского справочника поэтому является как точная идентификация авторства описываемых крылатых слов и выражений, так и регистрация их исходной формы, которая в большинстве случаев и является нормативной.

Взаимодействие «корректная паспортизация источника» ⇔ «правильность употребления», разумеется, не всегда столь однозначно и прямолинейно, как этого бы хотелось нормализаторам. Хотя «правильность» употребления во многом действительно определяется исходной корректной формой, одно лишь указание на неё не всегда является самодостаточным для корректной рекомендации нормативного употребления.

Причины этого различны.

Во-первых, в корпусе русских крылатых слов и выражений существует определённое число единиц, источник которых приписывается разным авторам, что делает точную историческую и культурологическую его паспортизацию несколько относительной. Так, знаменитая крылатая фраза Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» – *И дым отечества нам сладок и приятен* восходит к латинской пословице *Et fumus patriae dulcis; Dulcis fumus patriae* (букв. И дым отечества сладок; Дым отечества сладок). Аналогичные

изречения встречаются в античной литературе – напр., в «Одиссее» Гомера: «... Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий...» (1, 56-58) или у Овидия («Понтийские послания» (1, 3, 33): «... Чтоб мог увидеть дым отечественного очага». В русском языке поговорка появляется, видимо, в 70-е гг. XVIII в., когда в России увеличивается интерес к античности. Она приводится в разных вариациях Г.Р. Державиным (стихотворение «Арфа» – 1798), П.А. Вяземским, К. Батюшковым. Крылатой же она, тем не менее, стала в русском литературном языке благодаря употреблению в комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова (д. 1, явл. 7 – 1824), что и акцентируется в предлагаемом словаре.

Во-вторых, поскольку споры о статусе крылатых слов и выражений продолжаются, в их состав часто включаются и единицы с «коллективным» автором. Сюда относятся прежде всего фольклоризмы и мифологизмы, например: *сказка про белого бычка, молочные реки, кисельные берега; Пойди туда, не знаю куда, возьми то, не знаю что; пуп земли; лебединая песня; Капля долбит (точит) камень; Ахиллесова пята* и т.п. В новейшее время такого рода крылатые слова и выражения пополняются за счёт оборотов (особенно иноязычных словосочетаний) из современной прессы, телепередач, «Интернета», рекламы и т.п., например: *мозговая атака, мы все в одной лодке; кошмарить бизнес; прорабы перестройки; Сам себе режиссёр; Реклама – двигатель торговли; сладкая парочка* и т.п.

В-третьих, многие крылатые слова и выражения в процессе их усвоения русским литературным языком и разговорной речью начинают варьироваться, отклоняясь от «буквы» первоисточника, но сохраняя его дух. Такие варианты было бы ошибочно считать «неправильными»: они – лишь свидетельство динамики языковой системы, её постоянной эволюции. Так, выражение *герой нашего времени* известно как название романа М. Ю. Лермонтова (1840). Возможно, однако, что оно навеяно поэту «Рыцарем нашего времени» Н. М. Карамзина. В свою очередь, крылатое выражение *калиф на час*, связанное с арабской сказкой «Сон наяву, или калиф на час» из сборника «Тысяча и одна ночь» у Н.А. Некрасова превратилось в вариант *рыцарь на час* и как название его стихотворения (1863) стало популярным. В свою очередь, от этих оборотов образована целая серия речевых или индивидуально-авторских вариантов: *герой на час, факир на час, чемпион на час, поэт на час, звезда на час, лидер на час, миллионер на час, банкир на час* и т.п. Все они понятны читателю именно потому, что ему известен их фольклорный и литературный прототип.

Наконец, крылатые слова и выражения могут становиться крылатыми в разных формах: либо в форме законченного предложения (в качестве афоризма), либо в форме устойчивого словосочетания (в качестве фразеологизма), либо «сгущаясь» до одного слова. Один и тот же источник в таком случае почти одновременно порождает целую «гроздь» крылатых слов и выражений, которые с позиций правильности речи являются равно «правильными», соответствующими литературной норме. Так, например, пушкинская крылатая фраза *И даль свободного романа/ Я сквозь магический кристалл/ Еще не ясно различал* употребляется и в полной форме, и в виде словосочетаний *даль свободного романа и магический кристалл* (Мокиенко, Сидоренко 1999, 234, 162, 332-334).

Близки к этому и языковые единицы, образованные, например, от античных мифологических наименований. Так, крылатое слово *Фемиды*, обозначавшее древнегреческую богиню правосудия, стало переносно символом правосудия и породило несколько крылатых выражений: *алтарь Фемиды, весы Фемиды, жрецы Фемиды, сыны Фемиды, храм Фемиды*.

Все названные случаи «отклонений» крылатых слов и выражений от первоисточника не опровергают необходимости и оправданности ориентации на общий для русской литературной нормы историко-этимологический (resp. источниковедческий) принцип, а лишь доказывают его динамичность и гибкость, его зависимость от общих тенденций развития русской языковой системы и от специфики конкретных языковых единиц, ставших объектом нормирования. Точное соотнесение подобных крылатых слов и выражений с первоисточником, таким образом, и становится для нашего материала главным способом кодификации и минимизации отбора этих единиц. Поскольку проектируемый словарь является нормативным и рекомендующим, исходные крылатые слова и выражения описываются в нём с большей степенью регламентаций, чем в нашем «Большом словаре крылатых слов русского языка» (Berkov, Mokienko, Shulezhkova 2008), на основе которого составляется настоящий справочник. Вариантность и источниковедческие разночтения в нём должны быть сведены до минимума.

Ориентация на по возможности точно установленный первоисточник и исходную форму крылатых слов и выражений имеет и весьма полезный культурологический аспект. Ведь эти языковые единицы являются «золотой кладовой» как национально специфической, так и интернациональной общекультурной информации.

Сам источник обычно маркирует их с достаточной точностью во времени и пространстве. Вот основные группы крылатых слов и выражений, в которых отражены эти две составляющие русской культуры, в том числе и культуры языковой:

1) крылатые слова и выражения из русского (resp. славянского) фольклора, мифологии и т.п.: *Делу время, потехе час; кисельные реки, молочные берега; по щучьему велению [по моему хотению]; Хочу – казню, хочу – милую; Кошцей Бессмертный; Илья Муромец* и т.п.

2) крылатые слова и выражения из русской классической, советской и новейшей литературы: *Живи и давай жить другим* (Г.Р. Державин); *Лебедь, Рак и Щука* (И.А. Крылов); *гений чистой красоты* (А.С. Пушкин); *человек в футляре* (А.П. Чехов); *Всё в человеке, всё для человека!* (М. Горький); *Калина красная* (В.М. Шукшин).

3) крылатые слова и выражения из русского классического, советского и новейшего искусства (живопись, театр, кино, песенная культура, эстрада и т.п.): *Последний день Помпеи* (К.П. Брюллов); *Не ждали* (И.Е. Репин); *Любви все возрасты покорны* (П.И. Чайковский); *Хотят ли русские войны?* (Э. Колмановский); *Свой среди чужих, чужой среди своих* (Н.С. Михалков); *Гюльчатай, открой личико!* (кинофильм «Белое солнце пустыни» (реж. В.Мотыль); *Миллион, миллион, миллион алых роз* (Р. Паулс); *В греческом зале* (М. Жванецкий, А. Райкин).

4) крылатые слова и выражения из речи русских исторических деятелей, политиков и т.п.: *Иду на вы* (князь Святослав Игоревич); *Промедление смерти подобно* (Петр I); *Тяжело в учении – легко в бою* (А.В. Суворов); *Процесс пошёл* (М.С. Горбачёв); *Хотели как лучше, а вышло, как всегда* (В.С. Черномырдин); *мочить в сортире* (В.В. Путин).

5) крылатые слова и выражения из современной рекламы: *сладкая парочка; правильное пиво; Не тормози – сникерснись!*

6) крылатые слова и выражения из Библии (как интернациональные, так и собственно русские): *ставить что во главу угла; манна небесная; великие (сильные) мира сего; умывать руки; Не хлебом единым жив человек; Святая Троица.*

7) крылатые слова и выражения из европейского и мирового фольклора, мифологии и т.п.: *Фурия, как Цербер, (быть, находиться) между Сциллой и Харибдой; Танталовы муки, лебединая песня.*

8) крылатые слова и выражения из европейской и мировой античной, классической, и современной литературы: *львиная доля* (Эзон); *Надежда умирает последней* (Цицерон); *Много шума из ничего* (В. Шекспир); *дух времени* (И.-В. Гёте); *Праздник, который всегда с тобой* (Э. Хемингуэй); *На западном фронте без перемен* (Э.М. Ремарк); *Мы в ответе за тех, кого приручили* (А. де Сент-Экзюпери).

9) крылатые слова и выражения из европейского и мирового классического и современного искусства (живопись, театр, кино, песенная культура, эстрада и т.п.): *Возвращение блудного сына* (Х. ван Рейн Рембрандт); *дойная корова* (Ж.-Б. Мольер); *мистер Икс* (И. Кальман); *В джазе только девушки* (американский фильм, реж. Б. Уайлдер).

10) крылатые слова и выражения из речи зарубежных исторических деятелей, политиков и т.п.: *Благо народа – высший закон* (Цицерон); *Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли* (Ш.М. Талейран); *холодная война* (У. Черчилль); *звёздные войны* (Р. Рейган); *бархатная революция* (В. Гавел).

Возможность в предлагаемом словаре более концентрировано представить и культурологические концепты русской речи также определяет главный акцент описания крылатых слов и выражений. Важным дидактическим параметром предлагаемого словаря станет расположение в нём крылатых слов и выражений не по сплошному алфавиту (как это обычно в названных выше словарях), а по фамилиям авторов, внёсших свой вклад в «крылатую» сокровищницу нашего языка.

Корпус предлагаемого словаря формируется на основе отбора наиболее частотных, активно употребительных крылатых слов и выражений. Однако этот критерий дополняется и критерием нормативности в указанном выше смысле, т.е. в словник включаются и такие единицы, употребительность которых не слишком велика, но источник которых носителями языка ощущается неясно, что приводит к их ошибочной идентификации и употреблению.

Использование единого определяющего критерия для отбора единиц словарного описания имеет, как известно, свои плюсы и минусы. Плюсом в нашем случае является, как кажется, сама возможность из множества реально функционирующих крылатых слов и выражений русского языка (а их не менее 10 тысяч) отобрать минимальное количество именно таких, которые чреватые неправильным указанием на источник, истолкованием и употреблением. Минусом такого отбора является определённая разнородность корпуса крылатых слов и выражений, которые необходимо описать в предлагаемом словаре. Они разнородны по следующим характеристикам: частотность функционирования в текстах разного типа, социальным и хронологическим параметрам происхождения, стилистической характеристике и тематическому диапазону. Такая разнородность вытекает из динамического характера всей современной системы крылатых слов и выражений русского языка и словник предлагаемого словаря становится поэтому её объективным отражением. Однако в словаре с минимизированным корпусом крылатых слов и выражений это их свойство требует не только оговорки, но и корректной адекватной лексикографической квалификации. Именно подобная квалификация поможет непротиворечиво решить оппозицию крылатологического «минимума и максимума».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ . Комбинация толкования, стилистических помет и указаний на первоисточник, как кажется, создаёт, с одной стороны, относительно полную картину реального функционирования крылатых слов и выражений в современном русском языке, с другой - представляет их культурологический и коннотативный потенциал. Разумеется, полноценному воссозданию такой картины способствовало бы и приведение контекстных иллюстраций, которыми традиционно богаты некоторые толковые словари русских крылатых слов и выражений (Ashukiny 1966, Berkov, Mokienko, Shulezhkova 2000; Chlebda, Mokienko, Szuleżkova 2003). От этого параметра словарной статьи в данном случае пришлось, к сожалению, отказаться из-за заданной жанром минимизации места.

Таким образом, предлагаемый Читателю словарь ориентирован на такие параметры описания русских крылатых слов и выражений, которые позволяют обратить внимание на случаи неточного и искаженного употребления, предостерегают от потенциальных ошибок и главное – демонстрируют мощный

культурологический потенциал метких и выразительных словечек, которые со времен Гомера быстрокрыло перелетают из уст в уста. И уже поэтому требуют к себе особого дидактического внимания.

LIST OF REFERENCES

- Ashukiny Ashukin, N. S., Ashukina, M. G. (1955). *Krylatye slova. Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura.
- Ashukin, N. S., Ashukina, M. G. (1966). *Krylatye slova. Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya*. 3-e izd. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1966.
- Ashukin, N. S., Ashukina, M. G. (1999). *Krylatye slova*. Moskva: FAIR-PRESS, 1999.
- Berkov, V. P., Mokienko, V. M., Shulezhkova, S. G. *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka*. (2000). Moskva: «Russkie slovari», OOO «Izdatel'stvo Astrel'», OOO «Izdatel'stvo AST».
- Berkov, V. P., Mokienko, V. M., Shulezhkova, S. G. *Bol'shoy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka : ok. 5000 ed. : v 2-h t.* (2008-2009). Pod red. S. G. Shulezhkovoy. – 2-e izd., ispr. i dop. – Magnitogorsk : MaGU; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität.
- Walter, H., Mokienko, V. M. (2005). *Antiposlovicy russkogo naroda*. SPb.: Izdatel'skiy Dom «Neva».
- Dyadechko, L. P. (2001-2003). *Novoe v russkoy i ukrainskoy rechi: Krylatye slova – krilatye slova (materialy dlya slovary)*. Uchebnoe posobie. Kiïv: «Komp'yuterpres».
- Zaymovskiy, S. G. (1930). *Krylatoe slovo. Spravochnik citaty i aforizma*. Moskva-Leningrad, 1930.
- Lomakina O.V., Mokienko V.M. *Krylatika v sovremennom kul'turnom kontekste // Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. T. 10. № 2. S. 256—272.* doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272.
- Maksimov, S. V. (1891, 1955). *Krylatye slova*. SPb; Moskva: GIHL, 1955.
- Mihel'son, M. I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy*. (1903, 1905). SPb. – T. 1, 2.
- Mihel'son, M. I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy. Predislovie i kommentarii V. M. Mokienko*. (1994). Moskva: «Russkie slovari», 1994.
- Mokienko, V. M., Sidorenko, K. P. *Slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina*. (1999). SPb.: izd-vo SPbGU – Folio-Press.
- Norman, B.Yu. *Lingvistika kazhdogo dnya*. (2004). Minsk: izd-vo «Biznes-Yunitek». Ovsyannikov, V.Z. *Literaturnaya rech'. Tolkovyy slovar' sovremennoy obshepotrebitel'noy frazeologii / Sostavil V.Z. Ovsyannikov*. (1933). Moskva.
- Rednikov, I. *Sbornik zamechatel'nykh izrecheniy, citat, pogovorok i t.p. razlichnykh vremen i narodov s istoricheskim i sravnitel'nyim ob'yasneniem*. (1883). Vyatka.
- Serov, V. *Krylatye slova: Enciklopediya*. (2003). Moskva: Lokid-Press.
- Suprun, A.E. *Issledovaniya po lingvistike teksta*. (2001). Minsk. Shulezhkova, S. G. *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ih istochniki i razvitiye*. (2002). Moskva: «Azbukovnik».
- Baláková, Dana. *Biblická frazeológia v po/vedomí slovenskej, ruskej a nemeckej mladej generácie // Die slawische Phraseologie und die Bibel – Славянская фразеология и Библия – Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie. – Redaktion: Harry Walter, Valerij M., Dana Baláková*. (2013). Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald.
- Chlebda, Wojciech, Mokienko, Valerij M., Szuleżkova, Swietłana G. *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. (2003). – Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003.
- Mokienko, V. *Intertexteme und Text in slavischen Sprachen // Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana. Hrsg. Tilman Berger, Karl Gutschmidt*. (2003). München: Verlag Otto Sagner, 2003. – S. 162-186.

For citation:

Mokienko, V.M. (2019) WINGED WORDS IN SCHOOL: MINIMUM AND MAXIMUM. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 11-16. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-11-16>

Для цитирования:

Мокиенко, В. М. (2019) КРЫЛАТЫЕ СЛОВА В ШКОЛЕ: МИНИМУМ И МАКСИМУМ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 11-16. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-11-16>

Information about the author: Valerij Mokienko - Doctor of Philological Sciences, Professor, Departement of the Slavic Philology, Saint-Petersburg State University, the head of the Phraseological School of the St.-Petersburg University. Professor Dr. h.c. em. Ernst-Moritz-Arndt-University Greifswald (Germany); the Honour Professor of the Olomouc University (Czech Republic) and the President of the Phraseological Commission by the International Committee of Slavists. Chairman of the Scientific Council of International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP), Chairman of the Scientific – Editorial Council of Scientific Journal “WEST-EAST”.

e-mail: mokienko40@mail.ru

Сведения об авторе: В. М. Мокиенко - Доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), Университет им. Эрнеста Морица Арндта (Германия), Оломоуцкий университет (Чешская республика). Президент Международного комитета славистов. Председатель научного совета Международной научно-педагогической организации филологов «Запад - Восток», председатель научно-редакционного совета международного научного журнала “WEST-EAST”.

e-mail: mokienko40@mail.ru

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

SEVEN FREQUENT MODELS IN BIBLICAL PHRASEOLOGY OF MODERN ENGLISH

Tatiana Fedulenkova

Doctor of Philological Sciences, Professor

Vladimir State University named after the Stoletov brothers

(Vladimir, Russia)

[e-mail: fedulenkova@list.ru](mailto:fedulenkova@list.ru)

Zoia Adamia

Doctor of Philology, Professor

Institute of Russian Language and Literature

at Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences

(Tbilisi, Georgia)

[e-mail: a.zoia777@gmail.com](mailto:a.zoia777@gmail.com)

Abstract. As a linguistic sign, any phraseological unit (PU) is a bilateral substance, that is, it has its own form and its own meaning. Now, when there is a general rush to the study of meaning in the linguistic sign—and from time to time irrespective of its form,—it is extremely important to draw the attention of linguists to the necessity of structural studies in the field of phraseology. Bearing in mind A. V. Kunin's statement, we maintain that it is impossible to study the meaning of the phraseological unit without studying its form. And it takes place because the form of the phraseological unit is meaningful in itself, presenting the inner-form of the PU. The form of the phraseological unit contains the so-called prototypical meaning and has the zero level of abstraction.

Consequently, **the paper is targeted** at the structural studies of the chosen phraseological space, namely, at the detailed analysis of componential structure of phraseological units of biblical origin in Modern English, at finding out the number of components in the phraseological unit and at drawing the sequence of components of the phraseological unit. To achieve the aims, a set of modern **methods of research** in the field of phraseology is employed, namely: the method of phraseological identification, the method of componential analysis, the method of phraseological description and the method of phraseological modelling. As **additional methods of the research**, a set of non-paradigmatic methods and techniques of linguistics is employed, including a descriptive method with its procedures.

The research results in differentiation and description a set of most frequent structural-grammatical models embracing Modern English phraseology of biblical origin which is considered to be perspective for further cross-cultural as well as comparative studies of phraseological units and their systems in different languages.

Key Words: Modern English phraseology, phraseological units, biblical origin, structural-grammatical models

СЕМЬ РАСПРОСТРАНЕННЫХ МОДЕЛЕЙ В БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т. Н. Федулénkova

Доктор филологических наук, профессор

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

(Владимир, Россия)

[e-mail: fedulenkova@list.ru](mailto:fedulenkova@list.ru)

Зоя Адамия

Доктор филологии, профессор

Институт русского языка и литературы

Цхум-Абхазская академия наук

(Тбилиси, Грузия)

[e-mail: a.zoia777@gmail.com](mailto:a.zoia777@gmail.com)

Аннотация. Как лингвистический знак, любая фразеологическая единица является двусторонней субстанцией, то есть имеет свою форму и собственный смысл. Сейчас, когда наблюдается общее стремление к изучению смысла в лингвистическом знаке, крайне важно обратить внимание лингвистов на необходимость структурных исследований в области фразеологии. Принимая во внимание заявление А. В. Кунина, мы утверждаем, что невозможно изучить значение фразеологической единицы без изучения её формы. Это происходит потому, что форма фразеологической единицы сама по себе значима, представляя внутреннюю форму ФЕ, которая содержит так называемое прототипное значение и имеет нулевой уровень абстракции. Статья нацелена на структурные исследования избранного фразеологического пространства – на детальный анализ компонентной структуры фразеологических единиц библейского происхождения в современном английском языке, на выяснение количества компонентов в фразеологической единице и на выстраивание частных последовательностей компонентов фразеологической единицы. Для достижения поставленных целей используется комплекс современных методов исследования в области фразеологии: метод фразеологической идентификации, метод компонентного анализа, метод фразеологического описания и метод фразеологического моделирования. В качестве дополнительных методов

исследования используется ряд непарадигмальных методов и технологий лингвистики, включая описательный метод с его процедурами.

Результатом исследования является дифференциация и описание набора наиболее часто встречающихся структурно-грамматических моделей, охватывающих современную английскую фразеологию библейского происхождения, что считается перспективным для дальнейших межкультурных, а также сравнительных исследований фразеологических единиц и их систем в разных языках.

Ключевые слова: современная английская фразеология, фразеологические единицы, библейское происхождение, структурно-грамматические модели

INTRODUCTION. The relevance of linguistic and cultural researches in the field of phraseology of biblical origin is maintained by the attention of modern linguists to the problems in the studies of the structure and meaning of biblical phraseological units (Adamia 2019: 25-26).

In the introduction to the monograph *Idioms and Idiomaticity* Chitra Fernando (Fernando 1996: 1) suggests a working definition of the idiom, which reads as follows: "Idioms, or conventional multiword expressions, often but not always non-literal, are hardly marginal in English, though they have been relatively neglected in lexical studies of the language." The paper presented is targeted to oppose that neglect and to draw the readers' and learners' attention to the abundance of nominative-communicative biblical phraseological units that function in Modern English and to the variety of their componential structure.

METHODS OF RESEARCH. The theoretical foundation of the paper is the conception of the phraseological unit and the method of phraseological identification with its general rules of the procedure, initiated by professor Aleksander V. Kunin (Kunin 1970: 37-48). To define the semantic role of the leading component in the formation of the meaning of the phraseological unit as a whole, the method of componential analysis, based on dictionary definitions, is used. To single out different classes of phraseological units and different types of dependence of their components, to analyze their morphological, lexical and syntactical peculiarities, the methods of phraseological analysis and description are used (Kunin 1996: 43). To analyze and distinguish structural models in verbal biblical phraseology, the method of phraseological modeling suggested by some paternal linguists is used (Mokienko 1976: 5; Fedulenkova 2006: 36). As additional methods of the research, a set of non-paradigmatic methods and techniques of linguistics is employed, including a descriptive method with its procedures (Komarova 2013: 564).

DATA AND ANALYSIS. The data base for structural analysis embraces about 500 English phraseological units of biblical origin extracted from *The Holy Bible* (1991), monolingual and bilingual dictionaries and taken from real-life communication such as letters, advertisements, messages, notices, etc.

Having studied and analyzed the given bulk of phraseological units, we may state that the most widely spread nominal-communicative biblical idioms are those having two, three and four notional components. Their structural-grammatical models are as follows:

Model 1. V + (d) + N

It is a two-component non-prepositional structural-grammatical model with the constant/-variant/ dependence of components (Kunin 1970: 62): to take thought [Matthew VI, 31], to darken council [Job XXXVIII, 2], to cumber the ground [Luke XIII, 7], to spoil the Egyptians [Exodus XII, 36], to remove mountains [Corinthians XIII, 7], etc. The relevance of phraseological units having the constant dependence of components and embraced by this structural-grammatical model is confirmed by their modern contextual use, e.g.:

<...> *image of fire and light clarifying the sight/understanding and consuming the whole being is left behind in a series of more abstract metaphors which relate to its dynamic quality drawing men to its source. The style is emotive but the intellectual understanding informing it has an astringent clarity which is very moving. It points to truth which has become wisdom born of experience: This is Rolle's version of 1 Corinthians 13:2: And if I should have prophecy and should know all mysteries, and all knowledge, and if I should have all faith, so that I could **remove mountains**, and have not charity, I am nothing. But he is more immediate in his evocation of the reality of a power that activates the potential efficacy in all areas of human endeavour and experience and runs counter to death. He creates a sense of a primal energy suffusing man as the sun does the air and fire a coal (10.110.56-72) and in his writing he tries to bridge the gap between intellectual acknowledgement of such a truth and experience of its reality. In only one manuscript is the <...>. (BNC // English medieval mystics: games of faith. Glasscoe, Marion. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1993, pp. 1-159. 1239 s-units.).*

The given structural-grammatical model often allows variability of the verbal component: to bear/ carry the cross [Matthew X, 38; XVI, 24], to act/ play the fool [1 Samuel XXVI, 21]. It has also a tendency to appear in discourse as a result of the reduction of the number of components in the phraseological unit, thus giving birth to a quantitative, or reduced, phraseological variant (Fedulenkova 2003: 14): to touch the ark (of the covenant) [2 Samuel VI, 6], to curse the day (one was born) [Job III, 1-3], etc. Numerous confirmations of the cut variant may be found in modern fiction:

<...> *last visiting galley off the shore. 'Duart!' he said steadily. 'I have to thank you. Without your support I'd never have been accepted.' Eachuinn Odhar did not look up at his tall son. 'Never thank me,' he husked, for the three days had been hard on his injured throat. 'If there had been another – any other – I would have backed him, not you. 'Now he looked up, and Lachlan was hard put to it to meet the bitter glare. 'I **curse the day** I got you. I curse myself for not strangling you in your cradle. And I set my curse on you if ever again you betray the clan. May God's punishment be a thousand times worse on you than the harm that you have done to Hector.' Lachlan's hand fell from his father's arm. Fury at the rejection welled up in him, but he forced it down. The old man was upset, but he'd soon change when*

he saw how well <...>. (BNC // Quest for a babe. Hendry, Frances Mary. Edinburgh: Canongate Pub. Ltd, 1990, pp. 43-141. 3543 s-units.).

Model 2. V + Prep + (d) + N

It is a two-component prepositional structural-grammatical model with the constant/-variant/ dependence of components (Kunin 1970: 62): to walk in darkness [John XII, 35], to kick against the pricks [Acts IX, 5; XXVI, 14], to fall by the wayside [Luke VIII, 5; Matthew XIII, 4], to wrestle with an angel [Genesis XXXII, 24-25], to appeal to Caesar [Acts XXV, 11], etc. The relevance of phraseological units embraced by this structural-grammatical model is confirmed by their modern contextual use, e.g.:

*<...> It was also alleged that he amassed wealth by exploiting his high credit with the Palmyra court, accepting *douceurs* from citizens wanting favours. Paul's opponents found it easier to agree in synod on his unworthiness for office than to eject him from the episcopal residence. The Palmyra authorities gave them no assistance. But the fall of Palmyra to the Emperor Aurelian (271) re-established Roman power in Syria. If St Paul could **appeal to Caesar**, so could the bishops opposed to Paul of Samosata. Aurelian ruled that the latter's continued occupation of the bishop's residence was a matter to be decided by the bishop of Rome and his Italian synod. # Diocletian and the Rise of Constantine # In the middle decades of the third century, political crises, a drastic trade recession, inflation, civil war, and barbarian invasions almost produced the collapse of the Roman empire. In 257 the Emperor Valerian ordered the harassment of the church. (BNC // The Oxford illustrated history of Christianity. McManners, John (ed.). Oxford: OUP, 1990, pp. ??, 1427 s-units.).*

This structural-grammatical model serves as a base for phraseological units with the same structure but with new lexical components, thus allowing numerous lexical variants of the given phraseological units. The lexical variability is primarily characteristic of verbal components of the biblical PUs under study: to trample under foot / to tread under foot [Isaiah XXV, 14], to cry/ declare/ proclaim/ shout from the house-tops [Luke XII, 3], prepositional variability is also inclusive: to proclaim upon the house-tops. The lexical variability of substantive components within the frame of the model is high as well: to rise from the dead / to rise from the grave [John II, XXII; Luke XVI, 31], to go to kingdom-come / to go beyond the veil/ to go to glory / to go to heaven [Ecclesiastes XII, 5]. Compare the contexts:

(a) *A strapping lad like Cliffy Benton to be smashed up and put out of his life and all the parsons can do about it is stuff religion down your throat and try to make your believe Cliffy's **gone to glory**: 'God knows best.'* (K.S. Prichard. Golden Miles).

(b) *Whether or not one feels that, by modern standards, Mrs Sherwood's attitude was a healthy one, the fact remains that, despite the loss of a second child in India, she and her husband were able to return to England with their faith unimpaired, and settled down to live useful and active lives. One of the hazards of the sudden death of infants was that they might be carried off before they had been baptised. The doctrine of original sin and baptismal regeneration meant that an unbaptised infant could not **go to heaven**. Devout parents thus lost their greatest consolation, that of being eventually reunited with their dead child. In the tightly-knit Victorian family, this prospect of permanent separation was more terrible than death itself. At one time, the so-called baptismal syringe was actually inserted into the womb in cases in which prolonged and possibly fatal labour was anticipated. Mrs Sherwood records an instance in which her brother, who was a clergyman, was summoned to baptise an infant whose life was in danger. 'My brother, thought <...>'. (BNC // The masks of death. Cecil, Robert. Lewes, East Sussex: The Book Guild Ltd, 1991, pp. ??, 1312 s-units.).*

The (a) and (b) contexts above show the identity of the variants, both being used in the meaning of 'to die'.

Model 3. V + 0's + N

It is a three-component non-prepositional structural-grammatical model with the constant-variant-changeable dependence of components: to search one's heart [Romans VIII, 27], to harden one's heart [Exodus VII, 3], to give one's life [John XV, 13], to pitch one's tent [Genesis XII, 8], etc. The relevance of none-variable phraseological units—those with constant-variant-changeable dependence of components—embraced by this structural-grammatical model is confirmed by their modern contextual use, e.g.:

*I will write to you from wherever we **pitch our tent**, and, of course, I shall write to Cecily. (J. Galsworthy. The Dark Flower.).*

The given PU model may appear as a result of a quantitative change in the component structure of the phraseological unit: to sell one's birthright for a mess of pottage [Genesis XXV, 29-34] > to sell one's birthright, etc.

This type of model easily produces verbal as well as structural variants: to bear/ carry one's cross [Matthew X, 38], to eat/ swallow/ take back one's words [Jeremiah XV, 16], to strengthen somebody's hands / strengthen the hand of somebody [Samuel XXIII, 16], etc.

(a) *My **hand would be immeasurably strengthened** if we could get Henderson back here. He's really our only impartial witness, you know. (F. Knebel and Ch. Bailey. Seven Days in May. Friday Morning.).*

(b) *Badoglio, wanted by Ethiopia for ordering the use of poison gas and the bombing of Red Cross hospitals after Italy invaded the country in 1936. The FO noted that he had provided 'valuable assistance' to the allied cause as Prime Minister after Italy's surrender in 1943, and that it would be 'inopportune' to hand him over to the Ethiopians. Most of the 800 named by the commission were wanted by Yugoslavia, and the FO secretly acknowledged that it had an excellent case. Churchill, in particular, was concerned not to weaken the Italian Government and **strengthen the hand of Communists** who had dominated the wartime resistance movement. 'The longer we can procrastinate, the better for all concerned,' wrote an FO official in 1946. In 1947 Britain and the US said the matter should be left to the Italian*

courts. One of those most wanted by Yugoslavia but allowed to go unpunished was General Mario Roatta. (BNC // [Guardian, elect. edn. of 19891108]. Home material, pp. ??, 1197 s-units.)

Both the contexts above, illustrating the PU variants—strengthen somebody’s hands / strengthen the hand of somebody—demonstrate their identical meaning ‘give more power to do something or act against somebody/ something’.

Model 4. V + Prep + 0’s + N

It is a three-component prepositional structural-grammatical model with the constant/-variant/-changeable dependence of components: to stink in somebody’s nostrils [Amos IV, 10], to spring from somebody’s loins [Genesis XXXV, 2], to lie at somebody’s door [Genesis IV, 10], etc. The biblical idioms obtaining this structural-grammatical model have a tendency to acquire morphological-syntactical variants (Kunin 1972: 184-185), e.g. correspondingly: to stink in the nostrils of somebody, to spring from the loins of somebody, to lie at the door of somebody. Let us compare the contextual illustrations:

(a) <...> *if they will murder me... let my sins as well as my blood **lie at their door**.* (W. Scott. The Heart of Mid-Lothian.)

(b) *Admittedly the vicious cycle of police militarization and public alienation is seen to be kicked into play by the economic crumbling of the inner city, but thereafter the weight of the explanation is placed on inadequate (or over-heavy) policing. As will be indicated below, I do not feel that much (if any) of the explanation can **lie at the door of the police station**. More plausible is the analysis developed in Dahrendorf’s Hamlyn Lectures on ‘law and order’ (Dahrendorf, 1985, 1987). In this the main structural precondition of growing crime is seen as the growth of an underclass. The social prerequisite of the long trend in the late nineteenth and early twentieth centuries towards lower crime and disorder, and greater police acceptance, was the historical process of working-class incorporation.* (Pimlott, Ben and MacGregor, Susanne. Oxford: OUP, 1991, pp. 1-92. 1150 s-units.)

If you compare the contexts, you will see that the meanings of the analyzed PU morphological-syntactical variants are identical and both may be defined as ‘to indicate to somebody’s responsibility for his/ her doing wrong’.

Model 5. V + (d) + N + Prep + (d) + N

It is a three-component prepositional structural-grammatical model with the constant/-variant/ dependence of components: to cast pearls before swine [Matthew VII, 6], to eat the bread of idleness [Proverbs XXXI, 27], to grind the face of the poor [Isaiah III, 15], to beat swords into ploughshares [Isaiah II, 4], to make bricks without straw [Exodus V], e.g.:

*He quotes them extensively nevertheless, together with other equally suspect evidence, because otherwise he would have no **straw with which to make his bricks**.* (A. P. Cowie, et al. 2000).

Though substantive components may undergo variability here: to eat the bread of affliction [Deuteronomy XVI, 3] / to eat the bread of sorrows / to eat the bread of humiliation [Psalms CXXVII, 2], lexical variants are still more characteristic of the verbal component of the idiom: to divide the sheep from the goats / to separate the sheep from the goats [Matthew XXV, 32-33], to separate the wheat from the chaff / to sort out the wheat from the chaff [Matthew III, 12]. See the illustrating contexts:

(a) <... > *the applicant has to obtain the court’s leave at the outset. This gives the courts a useful power **to separate the wheat from the chaff** among the pending cases. So long as there is a full right of appeal against a refusal of leave—a right which the present Government sought, at one stage, to abolish—this handicap is acceptable, even though it places public authorities in a more privileged position than the ordinary litigant. A less acceptable handicap is the special rule that the application for judicial review must normally be made within only three months from the decision complained of. It is in the public interest for challenges to the <...>.* (BNC // [Independent, elect. edn. of 19891006]. Law material, pp. ??, 150 s-units.)

(b) <...> *a pinball freak’s dream come true. As with video cabinets, it’s my belief that Williams are the technical masters of the steel ball. There are thrills, spills and points aplenty in hurricane. Are you a pinball wizard? # ZZAP! 64 #’ LOVE IS THE SLUG’ # FlashBack! # Money for old rope, or bundles of brilliant bargains? # The mail bag has been bulging with budget priced rereleases of old C64 games again this month and, as ever you can rely on us **to sort out the wheat from the chaff**, the men from the boys and totally t’riffic from the turkeys! # SKATE WARS # The Hit Squad, 3.99 Ice skating, what a load of old tosh, eh? I mean, you slide around half the time on your bottom (just like Joanne Conway!). I can hardly stand up at the best of times – which isn’t surprising when the only ice I’m interested in is in my Scotch on the rocks! And I couldn’t tell a triple Axel from a <...>.* (BNC // Zzap 64! Ludlow, Shropshire: Newspaper Pub, 1992, pp. 4-68. 2399 s-units.)

The analysis of the contextual usage makes the meanings of the verbal variants—to separate the wheat from the chaff / to sort out the wheat from the chaff—explicit: in fact they are identical and both serve to denote ‘to separate what is valuable from what is worthless’.

Quantitative-reduced variants (Fedulenkova 2016: 57) are also observed within the frames of the model: to touch the ark of the covenant > to touch the ark [Samuel VI, 6], etc.

Model 6. V + (d) + N + Prep + 0

It is a three-component prepositional structural-grammatical model with the constant/-variant/-changeable dependence of components: to dig a pit for somebody [Ecclesiastes X, 8], to break bread with somebody [Acts XX, 7]. The relevance of the phraseological units embraced by this structural-grammatical model is confirmed by their modern contextual use, e.g.:

<...> give as good as he got. He waited for the laughter to die down and then, ignoring Mickey Aronson, he leaned his head out of the window, gave his gravelly laugh and confided to the other men: 'A bigger ignoramus I never met; he doesn't even know that ships and cars are always female.' The exchange put him in excellent mood for his breakfast. Rabbi Moishe, too, was looking forward to his Sunday breakfast. For him it held a special appeal; the one day of the week he could **break bread with** his family and not have to feel that they were only loaned to him for the while – his son Joshua had no business to go to, his grandson Jacob no college lectures. The Sabbath meals, of course, were family occasions also, but they were invested with the day's solemnity and holiness. If the Sabbath was a day of rest from labour, Sunday, Rabbi Moishe sometimes thought – but it was not a thought he voiced for fear of being misunderstood – was a day <...>. (BNC // A land not theirs. Marcus, David. Poolbeg P, 1993, pp. 7-112. 2231 s-units.)

Within the model the lexical variability is characteristic of substantive, prepositional and changeable components, the latter are symbolized by the Greek letter θ : to open the door/ doors to something [Corinthians XV, 9], to be a law into/ unto oneself [Romans II, 14], to make light of somebody/ something [Matthew XXII, 5], etc.

Model 7. V + θ + Prep + (d) + N

It is a three-component prepositional structural-grammatical model with the constant/-variant/-changeable dependence of components: to build something on a rock [Matthew VII, 24], to build something on the sand [Matthew VII, 26], to pluck/ take something by the beard [I Samuel XVII, 35], to take/ lay something to heart [Ecclesiastes VII, 2], etc.

The relevance of the phraseological units embraced by this structural-grammatical model is confirmed by their modern contextual use, e.g.:

<...> but defaulting Abbey Lairds no longer occupied the area where Thomas de Quincey knew he was safe from his creditors and Walter Scott seriously thought of doing the same thing. One way of never having to become a hostage to the tolerance of a credit-giving retailer, the patience of a money-lender, the goodwill of a pawnbroker, to surrender to the sorrow of exile or the safety of sanctuary, was to emulate Thomas Creevey of whom Charles Greville wrote in his journal in 1829: Few could be expected to assume that eccentricity. More would be likely **to take to heart** Samuel Smiles's advice to look their affairs in the face. It was their bounden duty, he said, to keep an account of their incomings and outgoings in money matters. Half a century later the top-hatted, side-whiskered Stingy Uncle in Punch was giving the same advice. 'Pay as you go, my boy! Pay as you go!' he told his nephew. No money to pay with? Then don't go. There had always been that choice, and it was as difficult <...>. (BNC // The worst poverty: a history of debt and debtors. Barty-King, Hugh. Gloucester: Alan Sutton Pub. Ltd, 1991, pp. 85-203. 1451 s-units.)

This structural model proves to cause developing of the verbal variability in the phraseological units: to pull/ snatch somebody/ something out of the fire [Jude I, 23], to hide/ keep/ lay/ wrap up something in a napkin [Luke XX, 7], to bring/ call/ put something in/into question [Acts XIX, 40], etc. Compare the contextual use of the given phraseological variants:

(a) <...> then why should Muslims not elevate the obligation to defend Muhammad's honour above the liberal desire to prostitute his reputation? Is Mr Torode's liberalism any less an absolute ideological position than the Islamic fundamentalism of his opponents? Such attitudes create a deadlock. The opponents, then, regrettably, tend to move into the sphere of physical power. Muslims soberly recognise that, in a world addicted to the logic of coercion, it is, sadly, sometimes necessary to be militant in the defence of one's persuasion. In the end, John Torode's attitudes **bring into question** the very purpose of law. Most liberals have thought that we, unfortunately, needed the firm yoke of the law to ensure that the interests of weaker individuals and groups were not substantially harmed by the irresponsible attitudes and actions of the more powerful. If the new liberals have their way, the law can not be credited even with such a modest achievement. The final irony is that the kind of liberalism John Torode wants is itself illiberal. There can be nothing but hubris in a position <...>. (BNC // [Independent, elect. edn. of 19891010]. Editorial material, pp. ??, 371 s-units.)

(b) The CEGB disclosed the escalation in nuclear costs as it announced that operating profits are 603 million lower than expected at 355 million. The return on assets works out at 1.8 per cent compared with a 3.75 per cent target set by the Government. Most of the nuclear increases result from cost increases by British Nuclear Fuels, the reprocessing body which supplies both the civil and military atomic programme. After revising its own nuclear liability, BNFL has passed these on to the electricity industry in the form of new fixed price contracts. The findings again **call into question** the Government's attempt to privatise nuclear power despite constant warnings over the costs. The shadow Energy Secretary, Mr Frank Dobson, claimed yesterday that the CEGB's accounts had been 'massaged and adjusted to suit the Government's privatisation policies'. They owed a lot more to artistic interpretation than to technical merit, he said. Analysts at Smith New Court, the City stockbroking firm, said yesterday: 'The costs are much higher than we thought. They are a result of the auditors saying <...>. (BNC // [Guardian, elect. edn. of 19891222]. Home material, pp. ??, 1021 s-units.)

(c) the consequence of heterosexual ardour. To shift, as I have done in this consideration of Love's Cure, from the transvestite to certain wider issues of desire, the 'nature' of masculinity, sexual jealousy, and the homoerotic, is only to follow one trajectory of transvestism itself in this period: in appropriating, inverting, and substituting for masculinity, the female transvestite inevitably put masculinity itself—and sexual difference more generally—under scrutiny. Further, in the attempted containment of transvestism (Love's Cure) masculinity and sexual difference are **put in question** in a very specific way: in the containment of one hostile knowledge another is inadvertently produced; suppression of an (in) subordinate deviance discloses other, equally disturbing deviations at the heart of the dominant; erotic deviations whose repression is a condition of domination in one of its most important forms: homosocial male bonding. Finally,

the transvestite challenge to masculinity and sexual difference works in terms of transgressive inversion and reinscription, not of transcendence, or the recovery of authentic selfhood. (BNC // Sexual dissidence. Dollimore, Jonathan. Oxford: Clarendon Press, 1991, pp. ??, 1770 s-units.).

The contextual use of the PU variants testifies to the fact that this type of variability does not destruct the identity of the phraseological unit, i.e. the phrase retains its basic meaning which runs as follows ‘to cause something to be evaluated’.

As to substantive variants in the phraseological units of Model 7, they are a rare occasion within the model: to chastise somebody with scorpions/ chastise somebody with whips [I Kings XII, 11].

RESULTS AND CONCLUSION. To sum it up, we come to the conclusion that verbal phraseological units of biblical origin are widely spread in Modern English. This fact can be explained by the simplicity and naturalness of their grammatical structure and by the fact that they are intensively used in everyday speech of native speakers. The presence of prepositional components in the phraseological units of the analyzed models demonstrates analytical character and flexibility of the phraseological units under study. The availability of alternative components and the abundance of different types of variants testifies to the fact that English phraseological units of biblical origin present a certain subclass of phraseology, and being units with either full or partial semantic transference of components, their meaning is often motivated. Structural variability does not destruct the meaning of the phraseological units under study.

REFERENCES

- Adamia, Zoia (2019) Comparative analysis of biblical phraseological units (in the Russian, English and Georgian languages). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 1 N1. (March), pp. 20-26. DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-20-26>.
- Cowie, A.P., Mackin R. and I.R. McCaig. (2000) *Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2: Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford: Oxford University Press.
- Fedulenkova, T. (2003) A new approach to the clipping of communicative phraseological units // *Ranam: recherches anglaises et nord-américaines: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002* / Ed. P. Frath & M. Rissanen. Strasbourg: Université Marc Bloch. Vol. 36, 11-22.
- Fedulenkova, T.N. (2006) *Odnomernye i dvumernye modeli v angliyskoy, nemetskoy i shvedskoy frazeologii: monografija* [One-dimensional and two-dimensional models in the English, German and Swedish phraseology: monograph]. Arkhangel'sk: Pmorskiy universitet.
- Fedulenkova, T.N. (2016) *Leksii po angliyskoy frazeologii bibleyskogo proishozhdenia* [Lectures on English Phraseology of Biblical Origin]. Moscow: Izdat. Dom Akademii Estestvoznania.
- Fernando, Ch. (1996) *Idioms and Idiomaticity*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Komarova, Z.I. (2013) *Metodologiya, metod, metodika i tehnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics], Moscow: FLINTA, Nauka.
- Kunin, A.V. (1970) *Anglijskaya frazeologiya. Teoreticheskiy kurs* [English phraseology. Theoretical course]. Moscow: Vysšaja Škola.
- Kunin A.V. (1972) *Frazeologiya sovremennogo anglijskogo jazyka : opyt sistematizirovannogo opisania* [Phraseology of modern English: experience of the systematized description]. Moscow: Vyssh. shk. [Online]. Available from: <http://search.rsl.ru/ru/record/01004149688> [Accessed: 28.07.2019].
- Kunin A.V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka* [A course on phraseology of the Modern English language]. Moscow: Vysšaja Škola; Dubna: Feniks.
- Mokienko V.M. (1976) *Protivorechiya frazeologii i ee dinamika: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Contradictions of phraseology and its dynamics: Thesis of Habilitation Doctoral Dissertation]. Leningrad.
- The Holy Bible (2001): The old and New Testament: Authorized King James Version. Iowa: World Bible Publishers.

For citation:

Fedulenkova, T. & Adamia, Z. (2019) SEVEN FREQUENT MODELS IN BIBLICAL PHRASEOLOGY OF MODERN ENGLISH. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). p.p. 17-23. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-17-23>

Для цитирования:

Федуленкова, Т.Н., Адамия, З.К. (2019) СЕМЬ РАСПРОСТРАНЕННЫХ МОДЕЛЕЙ В БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 17-23. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-17-23>

Information about the author: Tatiana Fedulenkova – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Foreign Languages of Professional Communication of the Institute for the Humanities, Vladimir State university named after the Stoletov Brothers. Member of Professorial Assembly of Russian Federation. Member of the Scientific Council on philological sciences of RPB, Correspondent member of RANH (Russia)
e-mail: fedulenkova@list.ru

Сведения об авторе: Татьяна Николаевна Федуленкова - доктор филологических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых. Член профессорского собрания Российской Федерации, член Научного Совета по филологическим наукам РПС, член-корреспондент РАН (Россия)
e-mail: fedulenkova@list.ru

Information about the author: Zoia Adamia – PhD, prof., Research worker of Institute of Russian Language and Literature at Tskum-Abkhazian Academy of Sciences. Editor-in-Chief of Scientific Journal "WEST-EAST", Deputy Director of the International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (Georgia).

e-mail: a.zoia777@gmail.com

Сведения об авторе: Зоя Адамия – Доктор филологии, проф., Институт русского языка и литературы Цхум-Абхазской академии наук. Главный редактор научного журнала «WEST-EAST». Заместитель директора международной научно-педагогической организации филологов «Запад-Восток» (Грузия).

e-mail: a.zoia777@gmail.com

Manuscript received: 05/15/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-23-27>

ZOONYM WOLF IN PHRASEOLOGY AND PARAMIOLOGY: CULTURAL CONNOTATIONS (IN RUSSIAN, UKRAINIAN, CHECHEN AND ENGLISH)

Luiza N. Gishkaeva

PhD in Philology, Associate professor

RUDN University

(Moscow, Russia)

e-mail: adv88-02@mail.ru

Olga V. Lomakina

Doctor of Philological Sciences,

Professor, St. Tikhon's Orthodox University,

Peoples' Friendship University of Russia

(Moscow, Russia)

e-mail: rusoturisto07@mail.ru

The publication has been prepared with the support of the RUDN University Program 5-100

Abstract. The article is devoted to the description of connotations of a zoonym wolf in unrelated and related languages – in Russian, Ukrainian, Chechen and English. We study a zoonym (animalism) as a culture-specific component of phraseology and paramiology, which presents the universal and the national in the language and adds to the knowledge of a national world view of a specific nation. The article gives semantic peculiarities of phraseological units and paroemias, which include an animalism *wolf*: describing the ways of wolf and the features of the animal, its appearance and the description of the parts of its body, its habitat. It is proved in the article that even in different unrelated languages the lexical unit wolf has negative connotations. There are only few paroemias containing positive connotations of a zoonym wolf.

Key words: zonyms, phraseological units, paroemia, value, zoonym *wolf*

ЗООНИМ ВОЛК ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ: КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО, ЧЕЧЕНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Луиза Нахидовна Гишкаева

Кандидат филологических наук, доцент

Российский университет дружбы народов

(Москва, Россия)

e-mail: adv88-02@mail.ru

Ольга Валентиновна Ломакина

Доктор филологических наук, профессор

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,

Российский университет дружбы народов

(Москва, Россия)

e-mail: rusoturisto07@mail.ru

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН "5-100".

Аннотация. Статья посвящена описанию коннотаций зоонима волк в неродственных и родственных языках – русском, украинском, чеченском и английском. Зооним (анимализм) рассматривается нами как культурно маркированный компонент фразеологии и паремииологии, представляющий собой универсальное и национальное в языке, дополняющий сведения о

национальной картине мира конкретного народа. В статье показаны семантические особенности фразеологических единиц и паремий, включающих анимализм *волк*: представлены повадки животного и свойственные ему признаки, внешний вид волка и его частей тела, среда обитания. В статье доказано, что в разных, даже неродственных языках, фразеологема *волк* имеет отрицательные коннотации. Единичны русские паремии, включающие положительные коннотации зоонима *волк*.

Ключевые слова: зоонимы, фразеологическая единица, паремия, оценка, зооним *волк / wolf / борз / вовк*

ВВЕДЕНИЕ Как известно, межъязыковое сопоставление фразеологических единиц (ФЕ) и паремий позволяет выявить познавательный потенциал, представить богатство культурных коннотаций. «При этом важно учитывать, что разные группы фразеологии и паремиологии имеют различные качественные и количественные квоты познавательного потенциала» (Lomakina 2018: 103). Сравнение человека с представителями животного носит универсальный характер, «поскольку человек, наблюдая за окружающей его действительностью, устанавливает сходства и различия между собой и другими представителями животного мира» (Гишкаева 2017: 152), однако перечень анимализмов, участвующих в создании ФЕ и паремий, зависит от климатических и природных факторов, условий внешней среды. Кроме того, каждый народ имеет «свои специфические коннотации, вызванные животным или птицей» (Нагурлилина 1996: 78). Изучение зоонимов (анимализмов) как культурно маркированных компонентов фразеологии и паремиологии представляет универсальное и национальное, дополняет сведения о национальной картине мира конкретного народа. Цель данной статьи – представить коннотативные характеристики зоонима *волк* в паремиологии и фразеологии родственных неродственных языков – русского, украинского, чеченского и английского.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Зоонимы, наряду с соматизмами, фитонимами, колоронимами, являются частотным и культурно маркированным компонентом ФЕ и паремий в разноструктурных языках (см., например: Gishkaeva 2012, 2017; Egorov 2011; Zol'nikova 2009; Isaev 2015; Lomakina, Mokienko 2018; Ruseckaya 2010, 2012). Изучению фразеологического компонента *волк* в сравнительно-сопоставительном аспекте посвящены работы В.М. Каменской (2007), С.В. Миронова (2013), Е.М. Черниковой, Н.В. Шатрович (2010), Л. Н. Гишкаевой, Ю. Н. Эбзеевой, В. В. Барабаша, А. Н. Широбокова (2017). Авторы планомерно доказывают, что фразеологема *волк* является культурным феноменом в анализируемых языках, поскольку служит основой для образования фразеологических гнёзд, активно используется в различных текстах в роли прецедентной единицы. Изучение ФЕ и паремий определённой семантической группы позволяет выявить национальное и интернациональное в сопоставляемых языках и способствует эффективной межкультурной коммуникации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Выбор методов исследования обусловлен задачами работы и спецификой анализируемого материала: сравнительно-сопоставительный, лингвокультурологический, аналитический, компонентного анализа. Материал исследования (более 500 единиц) был извлечён приёмом сплошной выборки из актуальных лексикографических источников (Кунин А.В. «Большой англо-русский фразеологический словарь», 2005; Глуховцева И. Я. «Словник модифікованих стійких сполучень слів в узусі кінця ХХ – початку ХХІ століття», 2013; Козлова Т.В. «Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных», 2001; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. «Большой словарь русских пословиц», 2010; Байсултанов Д.Б. «Чеченско-русский фразеологический словарь» в 3-х томах, 2016; «Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты», 2018).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Волк, лиса, медведь и заяц относятся к диким животным, обитателям лесов. Согласно наблюдениям В.М. Каменской, «фразеопродуктивность названий диких животных в среднем в несколько раз ниже, чем у домашних животных. В русской стержневой системе эта группа составляет 17 %, в испанской — 12,4 %. <...> В результате того, что стержневая система у названий диких животных невелика по объёму, базовый стержневой компонент несёт основную стержневую нагрузку и обладает высокой продуктивностью» (Kamenskaya 2007: 91).

С целью изучения инвариантного образа животного мира традиционно выделяют его координаты. Так, для царства животных важными являются следующие: а) животное и его части тела; б) животное и его потомство; в) животное и его повадки; г) животное и среда его обитания или содержания; д) животное и свойственные ему признаки; е) животное и приписываемые ему признаки (Kirillova 2017: 172).

Зооним *волк* обладает широчайшим спектром самых разных коннотаций, подчас не совпадающих в различных языках. Перед тем как рассмотреть ФЕ и паремии с обозначенным анимализмом, представим общую информацию об этом животном.

Согласно А. Брэмму, волк «похож на большую, длинноногую, худощавую собаку с хвостом, опущенным вниз, а не загнутым кверху. Отличительными признаками волка оказываются следующие: худощавое туловище, брюхо подтянуто, ноги тонкие, хвост покрыт длинной шерстью и висит до пяток. Морда кажется вытянутой и заострённой; широкий лоб спускается круто вниз, глаза расположены косо, уши всегда стоячие» (Brem 2004: 116).

Перечислим паремии, в которых отмечается внешний вид волка, его физические характеристики. Чеченская паремия отражает внешнее сходство собаки и волка: *Къанъеллачу барзах пху хилла* (Постаревший волк превратился в кобеля), употребляется, когда речь идёт о возрастных изменениях. В ряде русских пословиц, в том числе диалектных, подчёркивается антагонизм волка и собаки: *Не боится волк собаки, да не любит её вяки, Не боится волк собаки, да не любит звяги* (смоленская), рус. *Не бойся, волк. Собаки, а бойся звяги*

(новгородская), звяги – собачий лай. Аналогичная пословица существует в чеченском языке: Чеченская пословица *Барзах жлаьла ца хила, амма борз зиаеи жлаьла хуьлу* (Волк не стал псом, но пёс может стать волкодавом) имеет русский аналог *Волк кормлённый, конь лечёный, жид крещёный да недруг замирённый равно надёжны*, говорит о том, что волку нельзя доверять, надо всегда быть готовым к неожиданностям. В русской пословице *Волка ноги кормят* и украинской пословице *Вовка ноги годують* закреплена мысль о том, что получить результат может только тот, кто работает, а не сидит, что связано с необходимостью волка добывать пищу, чтобы прокормиться. Английская пословица *The wolf may lose his teeth, but never his nature* и её русский аналог *Волк каждый год линяет, да обычай не меняет* (*Волк и всякий год линяет, а нрав перемменяет*) обращает внимание на регулярную смену шерсти у млекопитающих, что отражает семантику регулярности, повторяемости.

Паремиологический фонд запечатлевает не только внешний вид животного, но и его повадки, поведение. Эти сведения переосмысливаются и становятся характеристикой человека. Волк – хищное животное (рус. *Волк, так волчью хватку и знает*; рус. *Ловит волк, поколе волка не поймают*; рус. *Волк глядит на хозяйскую заботу, а тащит овец и из счёта, и без счёту*; рус. *Волк хищник по природе, а человек по зависти*; чечен. *Барзо баьхьна уьстаг1, ц1а ца беьна* – Овца, похищенная волком, домой не вернулась; англ. *You have set the wolf to keep the sheep* – Вы поставили волка следить за овцами), кровожаден (рус. *Отведал волк конинки с хвоста*, чечен. *Барзой, вирои доттаг1алла лелийна, барзо вир диьна* – Дружили волк и осёл, волк и съел осла; рус. *Пожалел волк кобылу – оставил хвост да гриву*). Волк жестоко расправляется не только с домашними животными, но и с дикими зверями: чечен. *Барзаца кьовсаделлачу цьхогало ворта кагйина* (Потягавшаяся с волком лисица шею себе свернула). Однако бывают звери и страшнее волка: чечен. *Барзах ведда дитта т1е ваьлла, ткьа дитта т1ехь 1аиш ча хила* (Испугался волка и забрался на дерево, а там медведь сидит); рус. *Бежал от волка, да попался медведю*.

Паремиологический и фразеологический фонд запечатлевает и другие качества волка: недружелюбность (чечен. *Бартболчу ццигаша бартбоцу берзалой эшийна* – Дружные кошки недружных волков победили), скрытность (рус. *скрытный как волк*), изменить его могут лишь непримиримые обстоятельства (рус. *Смирн волк в капкане*).

Мифологическая традиция разных народов связывает волка с тёмными силами и с миром мёртвых, что находит отражение в следующих паремиях: рус. *Видел волк зиму, а чёрт схиму*; *Помянули волка, а он тут*; *Про волка речь, а он навстречь*. Этим фактом можно объяснить трансформацию в украинском языке: *Не такий страшний чорт, як його малюють – не такий страшний вовк, як озвірілий браконьєр*, где вместо компонента *чёрт* в качестве субститута употребляется зооним *вовк*.

В языковом сознании многих народов образ волка ассоциируется с голодом, что находит отражение в русской фразеологии: *волчий аппетит*; *волком смотреть на еду*; *голодный, как волк*; *прожорливый как волк*, английской паремииологии: *Hunger drives the wolf out of the woods* (Чувство голода гонит волка из леса). Сравнение голодного человека с волком можно объяснить с биологической точки зрения: подобно тому, как меняется поведение у голодного волка (волк «забывает всякую осторожность и становится не только смелым, но и нахальным. Для голодного волка не существует опасности; он ничего не боится, и его ничем нельзя испугать» (Врем 2004: 118)), так меняется и поведение человека. Таков характер прототипической ситуации в русских пословице *Сытый волк смирнее завистливого человека* и *Сытый волк смирнее ненасытного телёнка*.

Средой обитания волка является лес, что содержится в следующих единицах: рус. *Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит* и аналога англ. *No matter how well you feed a wolf he is constantly looking towards the wood*, укр. *Скільки вовка не годуй, а він [у]се в ліс дивиться*. Семантика приведённых пословиц отражает поведение волка как дикого зверя, не поддающегося дрессировке. В пословицах рус. *Волков бояться – в лес не ходить* и укр. *Вовків боятися – у ліс не ходити* волк предстаёт зверем, образ которого гораздо страшнее, чем на самом деле, поэтому значение пословицы «если бояться трудностей или опасных последствий, не следует начинать какое-либо дело; чтобы добиться какого-либо результата, надо рисковать». Подобную семантику имеет и чеченская пословица *Барзах кхийринчу 1уьнан жа ца дебна* (У пастуха, боявшегося волка, стадо не размножилось). Указание на лес содержится в русских пословицах, содержащих компоненты семантического поля «лес»: *Бояться волка – бегать и от белки*; *Бояться волков – быть без грибов*.

В фонде сопоставляемых языков почти нет ФЕ и пословиц, содержащих положительные коннотации рассматриваемого анимализма. Русские пословицы *На волка поклёп, а зайцы кобылу съели*; *Не для волка растут красные яблоки* отражают сочувственное отношение к волку, в них экстраполируется семантика, выраженная ФЕ *вали на серого*. Это перекликается с позицией св. Франциска Ассизского, воспринимавшего всех зверей как братьев: «Святой Франциск из Ассизи <...> радовался буквально всему на свете. Даже к диким зверям он обращался “брат заяц” или “брат волк”» (Billevich 2006: 277).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведённое исследование показало, что зооним *волк* является распространённой фразеолеммой в русском, украинском, чеченском и английском языках. Анализ корпуса ФЕ и паремий с данным анимализмом показал, что в них представлены повадки животного и свойственные ему признаки, внешний вид волка и его частей тела, среда обитания. Семантика почти всех рассматриваемых единиц в родственных и неродственных языках содержит отрицательные характеристики волка, представленные в виде

отрицательных культурно маркированных коннотаций. Единичны русские пословицы, включающие положительные коннотации зоонима *волк*.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- Gluhovceva I. Ya. Slovník modifikovaných stýkch spoluchen' sliv v uzuzi kincya HH – pochátku HHI stolittya / vidpov. red. P. Yu. Grichenko; Derzh. zakl. «Lugan. nac. un-t imeni Tarasa Shevchenka». – Lugansk: Vid-vo DZ «LNU imeni Tarasa Shevchenka», 2013. – 328 s.
- Kozlova T.V. Ideograficheskiy slovar' russkikh frazeologizmov s nazvaniyami zhyvotnyh. – Moskva: Izdatel'stvo «Delo i servis», 2001. – 208 s.
- Kunin A.V. Bol'shoy anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'. Moskva: Drofa. 2005. 1214 s.
- Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoy slovar' russkikh poslovi. Moskva: ZAO «OLMA Media Grupp», 2010. – 1024 s.
- Tezaurus russkikh idiom: semanticheskie gruppy i konteksty / Baranov A.N., Voznesenskaya M.M., Dobrovolskiy D.O. Kiseleva K.L., Kozerenko A.D. / pod red. A.N. Baranova i D.O. Dobrovolskogo. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: OOO «LEKSRUS», 2018. 888 s.
- Chechensko-russkiy frazeologicheskiy slovar': okolo 12 tys. frazeologicheskikh edinic chechenskogo yazyka: v treh tomah / Baysultanov D. B. - Izd. 2-e, dop., pererab. - Groznyy: Groznenskiy rabochiy, 2016. T. 1: A - D. - 2016. - 732 s.; T. 2: E - S. - 2016. - 590 s.; T. 3: T - I. - 2016. - 509 s.

LIST OF REFERENCES

- Billevich, V. (2006). *Shkola ostroumiya ili kak nauchit'sya shutit'* [The school of smartness or how to learn to joke?]. Moskva-Sankt-Peterburg, Kiev: Izdatel'skii dom «Vil'yamS», 336.
- Brehm, A. (2004). *Zhizn' zhyvotnykh* [Animals' life]. Moskva: EHKSMO, 960.
- Gishkaeva, L.N. (2012). *Frazeologizmy s komponentom-zoonimom i fitonimom v sovremennom pireneiskom i meksikanskom natsional'nykh variantakh ispanского yazyka* [Phraseological units with a component zoonym and a phytonym in modern Iberian and Mexican national variants of Spanish] Avtoref. diss...kand.filol.nauk. Moskva, 18.
- Gishkaeva, L.N., Ebzeeva, Yu.N., Dubinina N.V., Barabash V.V., Shirobokov A.N. (2017). *Kul'turnye konnotatsii russkogo zoonima «volk» i ego ekvivalentov v angliiskom, ispanском i chechenskom yazykakh* [Cultural connotations of a Russian zoonym «wolf» and its equivalents in English, Spanish and Chechen] // Sibirskii filologicheskii zhurnal. № 3., 151-160. DOI: 10.17223/18137083/60/13
- Egorov, A.V. (2011). *Udmurtskaya somaticheskaya frazeologiya (v sopostavlenii s vengerskoi)* [Udmurt somatic phraseology (in comparison with the Hungarian)]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk.
- Zol'nikova, Yu. V. (2009). *Tsvetooboznacheniya vo frazeologicheskoi kartine mira nemetskogo i russkogo yazykov* [colour naming in phraseological world view of German and Russian]// Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 30 (168). Filologiya. IskustvovedeniE. VyP. 35, 88–93.
- Isaev, Yu.N. (2015). *Fitonimicheskaya kartina mira v raznostrukturnykh yazykakh: Avtoreferat diss.....doktorafilol.nauk* [Phytonymical world view in multistructural languages]. CheboksarY, 43.
- Kamenskaya, V. M. (2007). *Osobennosti sterzhnevnykh komponentov zoomorfnykh frazeologizmov v ispanском i russkom yazykakh* [The peculiarities of a core component of zoomorphic phraseological units in Spanish and Russian] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. № 2(2), 89-92.
- Lomakina, O.V., Mokienko, V.M. (2018). *Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskoy fone* [Karpatorusinskie somatic paroemias related to Slavic] // Slavyanskaya mikrofilologiya / pod redaktsiei Aleksandra D. Dulichenko, Motoki Nomati. Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, (Slavic Eurasian studies ; no. 34), 103-128.
- Mironova, S. V. (2013). *Stereotipnyi obraz volka v russkom i tatarskom yazykovom soznanii* [Stereotyped image of a wolf in Russian and Tatar linguistic consciousness] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, № 4 (295), 70–78.
- Rusetskaya, I.Ya. (2010). *Frazeologicheskie somatizmy russkogo i litovskogo yazykov* [Phraseological somatizms in Russian and Lithuanian]. // Mir russkogo slova, № 3, 27–30.
- Rusetskaya, I.Ya. (2012). *Kontseptualizatsiya kul'turnykh stereotipov dusha i telo v russkoi somaticheskoi frazeologii (s privilecheniem litovskikh paralelei)* [Conceptualisation of cultural stereotypes soul and body in Russian somatic phraseology]. Avtoreferat kand. diss. ... filol. nauk. Moskva, 24.
- Khairullina, R.Kh. (1996). *Kartina mira v russkoi frazeologii* [World view in Russian phraseology]. Moskva: Prometei, 147.
- Chernikova, E.M., Shatrovich N.V. (2010). *Zoonimy i ornitonimy v sostave frazeologizmov kak sposob otrazheniya lingvokul'turnoi informatsii (na materiale frantsuzskogo i ital'yanskogo gazetnogo teksta)* [Zoomyms and ornithonyms in phraseological units as a way of reflecting linguistic and cultural information (in French and Italian newspapers)]. // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. № 21, 46-50.
- Ehtes, Pinkola K. (2007). *Begushchaya s volkami. Zhenskii arkhetyp v mifakh i skazaniyakh. Perevod s angl.* [Running with the wolves. Woman's archetype in myths and legends]. Moskva: OOO Izd-vo «Sofiya», 496.

For citation:

Gishkaeva, L.N. & Lomakina, O.V. (2019) ZOONYM WOLF IN PHRASEOLOGY AND PARAMIOLOGY: CULTURAL CONNOTATIONS (IN RUSSIAN, UKRAINIAN, CHECHEN AND ENGLISH) International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). p.p. 23-27. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-23-27>

Для цитирования:

Гишкаева, Л.Н., Ломакина, О.В. (2019) ЗООНИМ ВОЛК ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ: КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО, ЧЕЧЕНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ). // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 23-27. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-23-27>

Information about the author: Luiza N. Gishkaeva – PhD, Associate Professor of Department of Foreign Languages of the Philological Faculty of RUDN University;

Research interests: semantics, phraseology, cultural linguistics, intercultural communication, textology

e-mail: adv88-02@mail.ru

Сведения об авторе: Гишкаева Луиза Нахидовна – кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

e-mail: adv88-02@mail.ru

Information about the author: Olga V. Lomakina - Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Department of Modern Russian Language at St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University (Russia). e-mail: rusoturisto07@mail.ru

Сведения об авторе: Ольга Валентиновна Ломакина - доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Россия) e-mail: rusoturisto07@mail.ru

Manuscript received: 06/02/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-27-33>

COMPARATIVE RESEARCH OF TURKISH LANGUAGES (KAZAKH, TURKISH AND UZBEK) IN THE HISTORICAL ASPECT

Aigul Baituova

Ph.D, Associate Professor

Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish Univesity, Turkestan, Kazakhstan

(Turkestan, Kazakhstan)

e-mail: baituaigul@mail.ru

Abstract. A detailed study of the complex issue of differentiation and integration of Turkic languages, both in general Turkic and regional plans, is of great interest for Turkic studies. Naturally, when studying the structure of a language, each researcher had his own approach to their study and interpretation. This sometimes makes it difficult to compare studies of different authors, sometimes studies are contradictory. In Turkology, there are still no developed scientific methods for comparative study of large representatives of different genetically independent groups in this case - Kypchak, Oguz and Karluk - which are Kazakh, Turkish and Uzbek languages. In a number of comparative studies existing in Turkology, including in the studies of the phonetic structure of groups of closely related Turkic languages, a scientifically developed unified methodological approach is not always present. Information previously obtained by different authors of research results for different purposes can be characterized as general, inconsistent, fragmentary, which do not represent especially composed essays, built according to a specific plan. The purpose of this characteristic with a brief insight into the processes of the studied languages formation is an attempt to link the current state of the language with their historical process of formation and ongoing development. Historical, ethnic, social, demographic, cultural, administrative, territorial-geographical and other objective factors are undoubtedly decisive, leaving their definite imprints in the language development of the ethnic group. At the same time, deviations in the structure of the studied languages from the Pra-Turkic state find a well-known explanation also in extraordinary situations of history.

Keywords: research, comparative, Turkology, formation

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (КАЗАХСКОГО, ТУРЕЦКОГО И УЗБЕКСКОГО) В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Айгуль Байтуова

к.ф.н., доцент

Международный казахско-турецкий университет им. Х.А Ясави,

(Туркестан, Казахстан)

e-mail: baituaigul@mail.ru

Аннотация. Для тюркологии представляет большой интерес детальное исследование сложного вопроса дифференциации и интеграции тюркских языков как в общетюркском, так и в региональном планах. Естественно, каждый исследователь при

изучении структуры того или иного языка имел свой собственный подход к их изучению и интерпретации. Это порой затрудняет сравнение исследований разных авторов, иногда исследования оказываются противоречивыми. Выработанных научных методов сравнительного изучения крупных представителей разных генетически самостоятельных групп в данном случае – кыпчакской, огузской и карлукской, какими являются казахский, турецкий и узбекский языки, в тюркологии пока еще нет. В ряде существующих в тюркологии сравнительных исследований, в том числе в исследованиях фонетической структуры групп близкородственных тюркских языков, не всегда присутствует единый, научно разработанный методический подход. Сведения, ранее полученные разными авторами результатов исследований для разных целей, можно характеризовать как общие, непоследовательные, фрагментарные. Целью подобной характеристики с кратким экскурсом в процессы становления и формирования изучаемых языков является попытка увязать современное состояние языка с их историческим процессом становления и поступательного развития. Исторические, этнические, социальные, демографические, культурные, административные, территориально-географические и другие объективные факторы являются, несомненно, решающими, оставляющими в языковом развитии этноса определенные отпечатки. Вместе с тем отклонения в структуре изучаемых языков от пратюркского состояния находят известное объяснение также в экстраординарных ситуациях истории.

Ключевые слова: исследования, сравнительный, тюркология, формирование

ВВЕДЕНИЕ. Исследование тюркских языков и диалектов в тюркологии имеет относительно небольшую историю по сравнению с индоевропеистикой. Здесь в первую очередь следует упомянуть работу “Фонетика северных тюркских языков” и другие фундаментальные труды выдающегося языковеда академика В.В. Радлова (1882), являющегося основателем российской тюркологии и представлявшего в ней научное направление, которое отличалось от миссионерского направления, представленного в известной работе “Алтайская грамматика”. Известно, что каждый из современных тюркских языков формировался в результате длительного процесса структурного развития, отработки и постоянного совершенствования литературных (письменно-орфографических, речевых и др.) норм. В этом процессе, пожалуй, одним из главных факторов становления языка, его собственных норм и строевых элементов становится избранная и выработанная им же фонетическая система.

В этой связи представляет несомненный интерес не только объединяющие и сближающие черты этих языков, но и их отличительные свойства, что выработалось в результате самостоятельного развития этих языков в различных социально-экономических, исторических, административно-государственных и естественно-географических условиях.

Если же в указанных выше регионах ранее представители трех языков в виде близкородственных родоплеменных объединений или союзов долгие годы жили в тесном контакте (например, будущие представители казахского и узбекского народов до образования самостоятельных государств составляли единую этническую массу, а представители огузской группы – турки находились с казахским в одном огузо-кыпчакском родоплеменном союзе), то после их преобразования в самостоятельные народы произошли серьезные сдвиги в структуре их языков. «История знает периоды, когда племена и роды, образовавшие казахский и узбекский народы, общались на одном общем языке, а письменно литературный язык кыпчакско-огузских племенных объединений (VIII-IX вв.) в Средней Азии в раннем средневековье был общим для представителей этих этнических групп, о чем свидетельствуют письменные памятники этого периода» (1989).

В этой связи несомненный интерес представляет история образования каждого из рассматриваемых языков как в плане выяснения объективных (историко-этнических, административно-территориальных, демографических и др.) факторов, так и конкретных этнолингвистических и других ситуаций.

Генетическое родство и современная близость языков одной системы не одно и то же. Общность, гомогенность происхождения языков не всегда гарантирует их структурную идентичность, однообразие, адекватность. Многовековая история развития тюркских языков благоприятствовала их консолидации, приобретению ими групповой общности, вместе с тем история способствовала их дифференциации, размежеванию, разобщению, приобретению множества различительных признаков. Это общая закономерность развития родственных языков.

Для тюркологии представляет большой интерес детальное исследование сложного вопроса дифференциации и интеграции тюркских языков как в общетюркском, так и в региональном планах. Известно, что в истории становления и развития указанных языков на самом раннем этапе было множество объективных факторов, благоприятствовавших их сближению и выработке общих литературных черт и фонетико-орфографических норм, которые, например, имеют ныне турецкий и азербайджанский языки, казахский, каракалпакский и ногайский языки, узбекский и уйгурский языки.

ОБЗОР ИСТОРИИ И ДИСКУССИЯ. Современный казахский язык (Қазақ тілі), на котором в мире говорят около 18 миллионов человек, является государственным языком Республики Казахстан и обслуживает население республики, говорящее на казахском языке, а также одну треть общего числа казахов, проживающих за пределами Казахстана (Tatimov 1992).

В периодизации истории казахского этноса и его языка ученые выделяют несколько периодов. Древний период истории казахского этноса “охватывает время с II в. до н.э. по V в.н.э. Родо-племенные объединения усуней и канглы явились преемниками сакского этнокультурного наследия, имели свою государственность (канлы и уйсун) и находились в тесных политических контактах и этнических связях с хуннами (гуннами),

юечжани, аланами, древними китайцами и с другими сопредельными и отдаленными этносами. Состояние праказахского языка на этом этапе истории почти не изучена, вследствие крайней ограниченности фактического материала, равно как и недостаточного совершенства методики исследования“ (там же).

Если о первом этапе истории казахского языка из-за отсутствия засвидетельствованных письменных источников можно говорить лишь априори, то о втором периоде истории казахского языка можно говорить уже более конкретно, сопоставляя его данные с фактами дошедших до нас и хорошо изученных опубликованных памятников древнетюркской письменности.

“Второй этап истории становления языка казахского этноса падает на раннесредневековый период (с VI – по IX вв.) и связан с эпохой образования и расцвета Тюркского каганата и создания орхонских, енисейских и таласских рунических памятников” (1946).

Говоря о раннесредневековом периоде истории казахского языка, ученые отмечают, что языки известных племен и племенных объединений, вошедших затем в этническую структуру казахского народа, имели немало схожих черт с тюркским литературным языком VI-IX вв. Древнетюркское койне представляло собой синтез живых языков и диалектов множества тюркских племен, в том числе кыпчакских, огузских и карлукских, живших в тот период на огромных просторах Центральной Евразии, в том числе и Казахстана. Это был живой и богатый язык, многие его образцы в виде устно-поэтического творчества народа преемственно связаны с традициями древнетюркских памятников.

С падением Тюркского каганата и расширением сферы политического и культурного влияния мусульманского мира в Средней Азии и Казахстане происходят значительные перемены, которые оказали заметное влияние на языковую ситуацию в этих регионах.

Среди множества родо-племенных языков и наречий, генетически восходящих к общему истоку, кыпчакский компонент к XIV-XV вв. стал подавляющим, и кыпчакская группа языков в средние века широко функционировала как в Средней Азии и Казахстане, так и в Поволжье и Закавказье, а также в Венгрии, Мамлюкском Египте и Сирии. Уже тогда можно было говорить о языке тюрков Дешт-и Кыпчака, что в скором времени привело к образованию ряда самостоятельных языков: казахского, ногайского, татарского и др. Таким образом, кыпчакская общность (X-XV вв.) играла роль аккумулирующей и интегрирующей среды, смогла объединить и сформировать типологически компактную, структурно цельную, лексически богатую и самобытную кыпчакскую группу тюркских языков. С этим процессом тесно связано и сложение казахского народа, его языка, этническое самосознание казахов и образование государственности на казахской земле.

«В обширном владении Золотой Орды, простиравшемся от Дешт-и Кыпчака до пределов Мамлюкского Египта и Сирии в XIII-XIV вв. функционировал общий кыпчакский литературный язык, имевший в разных регионах свои локальные разновидности, отличавшиеся диалектным разнообразием. Основным ядром формирования этого общекипчакского литературного языка в географическом представлении был Дешт-и Кыпчак, а в языковом отношении собственно кыпчакско-куманский диалект, который выступал в тот момент как доминирующий компонент всей кыпчакской группы тюркских языков» (Курышжанов 1973).

Что же касается казахского языка, то он с этим компонентом имел прямую этногенетическую и этноязыковую связь.

Перечень письменных памятников средневековья дает полное представление о том, в каких сложных ситуациях складывался казахский язык, сохранив при этом присущий только ему собственный облик, как утверждают ученые. В этом важную роль сыграли три фактора: а) собственная природа родо-племенных языков, составивших его структурную основу; б) фактор преемственности его развития с древнейшими языками; в) фактор влияния на него окружающей языковой и этнокультурной среды, в том числе и влияние огузского и карлукского компонентов.

Заслуживает внимания подробное рассмотрение результатов каждого из этих факторов в отдельности. Отметим некоторые основные моменты указанных факторов.

Во-первых, казахский язык сложился на основе этнически близких, но далеко не гомогенных этнических элементов, чем и объясняется его быстрое сложение и структурная монолитность. Этими же особенностями объясняется значительное (фонетическое, лексико-грамматическое) сходство языков кыпчакской группы.

Во-вторых, структурная близость казахского языка с древними языками, как считают ученые, продиктована мобильностью образа жизни казахского кочевого общества, духовной, религиозной, этнокультурной преемственностью, а также общностью их устно-поэтических традиций и другими факторами.

В-третьих, в жизни казахских племен происходили различные события, имевшие свое влияние на формирование и развитие казахского языка. Но самыми ощутимыми факторами, повлиявшими на его становление и развитие, были факторы языкового окружения и длительные контакты с другими языками. В этом плане можно было бы назвать, например, влияние не только близкородственных тюркских языков и племен, но и влияние арабского, иранского, славянского, монгольского, китайского и др. соседних языков. Все эти факторы иной языковой среды, естественно, определенным образом имели свое воздействие на формирование особенно фонетической структуры и функционирование фонетических закономерностей казахского языка. При этом контакты родственных внутри кыпчакской группы языков, как правило, приводили к взаимопроникновению их структурных элементов и выработке общих типологических черт, тогда как контакты казахского языка не с кыпчакскими (огузскими, сельджукскими, карлукскими и др.) языками – к привнесению в него собственных элементов. Следует отметить, что подобные контакты древних казахских племен с гуннами, саками существовали еще в древности.

В историческом процессе формирования казахского языка определенную роль сыграли и славянские языки, так же, как и тюркские, – в славянских языках. Это происходило благодаря соседству России и Дешт-и-Кыпчака, а в последующие периоды – с Золотой Ордой, затем – с вновь образованными ханствами, в том числе с Казахским ханством (1466 г.). Казахско-русские языковые контакты продолжались и усилились после присоединения Казахстана в состав России (1731 г.) в результате проведения царизмом колониальной политики, открыто преследовавшей цель ассимиляции казахского языка. Такая же политика, но несколько в иной форме продолжалась и в условиях СССР (с 1917 г. по 1991 г.).

Состояние родо-племенных языков и диалектов характеризуется, прежде всего, их самостоятельным функционированием в течение многих столетий. В силу природно-географических условий, геополитических факторов в дальнейшем происходит их постепенное сближение (а не расхождение) в рамках кыпчакской языковой общности. Этот процесс продолжался до тех пор, пока на рубеже XV-XVI вв. окончательно не сложился казахский общенародный язык во всех своих структурных звеньях. И это произошло постепенно путем консолидации вокруг себя всех родо-племенных языков и диалектов и в результате нивелировки их различий и выработке общих грамматических, произносительных, лексических и др. норм. В этом историческом процессе внутреннего саморазвития «казахский язык уже в первой половине XIX в. достигает относительно идеального состояния – своего единства и общности в функционировании, структурной целостности и монолитности, национальной самобытности» (Isaev 1996). Это говорит о том, что «литературный язык казахов созрел в недрах общенародного языка и окончательно сформировался во II половине XIX в» (Abilhasimov 1983).

По поводу устной и письменной форм литературного языка казахов существует разное мнение. Одни ученые считают, что казахский литературный язык сформировался сначала в устной форме и созрел в недрах общенародного языка и развивался благодаря творческой деятельности выдающихся казахских певцов-жырауов, акынов-импровизаторов, устному народному творчеству, опережая тем самым его письменные формы. Этот язык звучал еще в XIV-XVI вв. в ханских дворцах и на народных собраниях.

Таким образом, современный казахский письменный-литературный язык, развивающийся в статусе государственного, учеными признан как один из развитых, богатых исконно-историческими традициями относительно чистых и является цельным и монолитным для всего казахского общества тюркских языков кыпчакской группы.

Современный турецкий язык (Türk dili, Türkçe), на котором говорит (по данным 1999 г.) около 80 миллионов человек, является государственным языком Турецкой Республики (Esnazarov, Temirbekov 1999). По мнению многих исследователей, он сложился в результате многовекового процесса развития языков огузосельджукидских племен, проникших в X-XI вв. из Средней Азии на Анатолийский полуостров и сформировавших там в XII в. государство Сельджукидов, а позже, в XIV в., – Османское государство, ставшее затем Османской империей. Именно в этот период началось становление турецкой народности и турецкого языка. До прихода к власти Мустафы Кемалья Ататюрка турецкий язык назывался османским.

«Среди языков тюркской семьи турецкий язык признан одним из наиболее изученных» не только со стороны самих турецких ученых, но и ученых России и ряда зарубежных стран (Кононов 1976). Он «обладает множеством исследованных и документированных памятников письменности, самые ранние из которых относятся к XIV в» (Kamalov 1955).

По ряду фонетико-морфологических и лексических признаков турецкий язык сравнивается с азербайджанским, туркменским и гагаузским языками и вместе с ними образует особую группу, которая согласно классификации обозначается как «юго-западная» группа тюркских языков, или – по названию племен «огузов» – «огузская группа языков». Эта группа языков, по мнению исследователей, сыграла большую роль в формировании не только турецкого, но и азербайджанского, туркменского и гагаузского языков и общее количество носителей этих языков составляет около 100 миллионов человек. Таким образом, огузская группа среди других групп тюркских языков занимает доминирующее положение по числу говорящих на этих языках людей.

По сведениям исследователей, в тюркологии установлено три основных этапа развития османского языка: 1) период «староосманского языка» (Eski Osmanlica) – XIII-XV вв., 2) период «среднеосманского языка» (Orta Osmanlica) – XV-XIX вв. 3) эпоха «новоосманского языка» (Yeni Osmanlica) – XIX-XXI вв.

Эпоха «староосманского языка» связана с формированием турецкого языка из смешанных, типологически разнородных фонетических, лексических, морфологических и синтаксических элементов собственно турецкого языка с элементами арабского и персидского языков.

Эпоха «среднеосманского языка» характеризуется развитием «высокого» литературного стиля, который господствовал во всех сферах государственной деятельности, а также в литературе, науке, искусстве. В эту эпоху усилились роль и значение арабского языка, являвшегося языком ислама – государственной религии Османской империи. На арабском языке велось преподавание в религиозных школах – медресе. В среднеосманский период окончательно сложился основной пласт арабско-персидской лексики, занявшей в художественных произведениях «высокого» стиля до 90% общего лексического фонда. Без серьезного изучения арабского и персидского языков в тот период было невозможно читать и писать «по-османски».

Эпоха «новоосманского языка» связана с периодом османского реформизма – Танзимата (Tanzimat, 1839-1878 гг.) – и с эпохой младотурецкой революции (1908 г.). Передовые деятели османской культуры этого периода, такие как Намык Кемаль, Ахмет Митхат, Шемседдин Сами, Ибрагим Шинаси, позже Омер

Сейфеддин, Зия Гёкалп и многие другие, искали пути преодоления разрыва между литературными и разговорными нормами османского языка. Они предлагали избегать употребления заимствованной арабской и персидской лексики при наличии в языке исконно турецких эквивалентов, выявить лексический фонд турецкого языка, реформировать его графику и орфографию, установить основы национального турецкого языка. Все эти реформы могли способствовать приобщению широких народных масс к образованию, устранению языкового барьера между “высоким” стилем и простым народным турецким языком.

Только после распада Османской империи и провозглашения Турецкой Республики (1923 г.) в Турции были созданы реальные условия для проведения реформ в области языка, получивших в турецкой лингвистике название “Dil Devrimi” (“Языковая революция”). Основными задачами языковой революции явились очищение лексики турецкого языка от иноязычной, в первую очередь от арабских и персидских заимствований, создание новой лексики на базе тюркских основ, перевод турецкого алфавита с арабской графики на преобразованную латинскую графику, нормализация и кодификация грамматических, стилистических и орфографических норм и правил. Новые социальные отношения в Турции требовали ликвидации элитарности литературного языка, демократизации письменных норм и сближения их с разговорным народным турецким языком.

Организатором движения за коренное реформирование турецкого языка выступил «основатель Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк. В первую очередь термин “Osmanlıca” (“османский язык”) был заменен термином “Türkçe” (“турецкий язык”). Затем в 1928 г. последовала реформа турецкого алфавита, перевод его с арабской графики на латинскую. В 1929 году было отменено преподавание во всех турецких школах арабского и персидского языков» (Melikov 1998).

Очищение турецкой лексики от арабских и персидских заимствований, известное под названием “ozleşme” - “очищение от чуждых элементов”, осуществлялось путем отбора генетически тюркской лексики из письменных литературных памятников с XIII в. (Tagama); отбора лексики из диалектов турецкого языка (Derleme); создание новых слов (Türetme). Следует отметить, что неологизмы, созданные посредством словообразовательных средств турецкого языка, со временем вытеснили иноязычные заимствования и значительно обновили современный турецкий литературный язык. Многие из них прочно вошли и в разговорную речь.

В становлении и развитии нового турецкого литературного языка особая роль принадлежит Назиму Хикмету – основоположнику новой турецкой поэзии, который в произведениях, созданных еще в 20-е годы XX века, отказался от высокого, изысканного стиля, внедрил в поэзию язык улиц и городское просторечие.

Следует отметить, что в процессе сложной истории формирования и развития турецкого языка и его литературной формы известные изменения претерпела и его фонетическая структура. В ней произошли определенные сдвиги в ту или иную сторону, установились собственные нормы фонем в вокальной и консонантной системе, определилась устойчивость тех или иных фонетических закономерностей. Это создает необходимую базу для сравнительно-исторической характеристики фонемного состава и фонологических закономерностей турецкого языка с казахским и узбекским языками.

Современный узбекский язык (Ўзбек тили), на котором говорит около 38 миллионов человек, является государственным языком Республики Узбекистан. Узбекский язык относится к юго-восточной ветви, т.е. к карлукской группе тюркских языков. Основная часть узбекского народа живет в Узбекистане. Помимо Республики Узбекистан, довольно большие группы узбеков проживают в Таджикистане, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане и других государствах – бывших республиках СССР. Кроме того, узбеки живут в Афганистане (около 1200 тыс.чел.) и Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР (бывший Восточный Туркестан – около 15 тыс.чел.)

Узбекский язык, как и многие тюркские языки, сформировался в XIV-XVI вв., а его современная литературная форма – после Октябрьской революции (1917 г.).

«Узбекский язык, функционирующий как государственный язык Республики Узбекистан, имеет в целом или в разных регионах узбекско-русское двуязычие. Среди узбеков широко распространено также узбекско-таджикское двуязычие, которое в последние годы СССР приобрело форму трехязычия, где третьим компонентом выступал русский язык» (Hodzhiev 1997). Надо отметить и то, что узбекская диаспора, живущая за пределами Узбекистана, пользуется узбекско-казахским, узбекско-киргизским, узбекско-уйгурским и др. видами двуязычия.

Узбекский язык имеет многовековую письменную традицию, которая была тесно связана с периодом развития чагатайского литературного языка в XV-XVI вв., именовавшегося также “среднеазиатско-турецким”, “средневековым среднеазиатским тюркским литературным языком”, “староузбекским языком XV-XVI вв.”. В эти периоды развития узбекский язык, как и многие тюркские языки Средней Азии и Казахстана, пользовался арабским письмом, затем - латинизированным алфавитом, а с 1939 года была введена в языковую практику письменность, основанная на кириллице. О периодизации истории узбекского языка существуют различные мнения. Самой приемлемой, как считают узбекские ученые, «представляется следующая периодизация:

- 1) староузбекский (XII-XIV вв.);
- 2) среднеузбекский (XIV-XVI вв., язык произведений Алишера Навои);
- 3) новоузбекский (XIX в. – начало XX в.);
- 4) современный узбекский литературный язык» (Hodzhiev 1997).

Каждый из этих периодов развития узбекского языка характеризуется своими особенностями, как внутриязыковыми, так и результатами воздействия внешних факторов. Ученые отмечают, что узбекский язык

претерпевал определенное влияние в результате длительных контактов с иранскими языками и диалектами, арабским и русским языками, не говоря уже об интенсивном процессе смешения со многими тюркскими племенами Средней Азии и Казахстана.

Естественно, в результате этих процессов в узбекский язык больше всего вошли не только лексические, но и грамматические элементы иранских языков. Начиная с XIX в., в узбекский язык интенсивно начинают проникать заимствования через русский язык.

Принято считать, что в истории формирования узбекского языка сыграли важную роль этническая конгломерантность и гетерогенность его носителей. Ученые отмечают, что в образовании общенародного узбекского языка на всем протяжении истории его становления и развития принимали участие три крупных наречия, которые объединяют ряд диалектов и групп говоров: 1) карлукское наречие, 2) кыпчакское наречие; 3) огузское наречие.

Узбекский ученый Ф.К.Камалов, используя данные истории, археологии и этнографии, в своей работе пишет что «узбеки являются одной из древнейших народностей Средней Азии, которые жили на территории современного Узбекистана» (Kamalov 1955). Ссылаясь на историю Узбекистана, он отмечает, что «узбекский народ формировался как тюркоязычный народ на территории Узбекистана за много веков до появления в оседлых районах Средней Азии кочевников-узбеков, хотя и не носил их имена» (Kamalov 1955). «Следовательно, узбекский язык, выработанный еще задолго до появления узбеков-кочевников, с течением времени постепенно расширяется и развивается. Кочевники – узбеки в процессе перехода на оседлый быт воспринимают культурное наследие, а также языковые особенности основного местного населения» (Kamalov 1955). Об этом же свидетельствуют следующие высказывания Ф.К.Камалова: «о том, что, несмотря на самостоятельное и историческое образование, узбекский народ имеет языковое родство с казахами, киргизами, каракалпаками, туркменами, а также с другими тюркоязычными народностями. Когда речь идет о языковом родстве тюркоязычных народностей, следует особо выделить среди них те, которые переплетены в территориальном, экономическом, политическом и культурном отношениях, каждый из языков являет собой сложное своеобразное историческое образование, и они отличаются друг от друга по своему словарному составу и грамматическому строю» (Kamalov 1955).

Хотя у узбеков с тюркоязычными народностями имеется общая принадлежность к одной языковой системе, однако, согласно другим данным, узбеки стоят ближе к таджикам. «Таджики и узбеки – наиболее древние из культурных народов Средней Азии, их история связана с Согдом, Хорезмом, Бактрией, Ферганой, Шашем, на территории которых находились очаги богатой в древности цивилизации» (ИНУ 1950).

«История сложения таджикского и узбекского народов охватывает десятки веков и охватывает целый ряд племен и народностей. Своеобразный процесс сложения таджикского и узбекского народов нашел отражение в их языковом строительстве. Узбекский язык испытал влияние таджикского языка, а таджикский – узбекского языка» – заключает автор (там же).

Сказанное выше подтверждает существующее в тюркологии мнение о том, что узбекский язык сформировался на основе двух этнолингвистических источников – собственно тюркского и иранского (таджикского), что, естественно, повлияло на исторический процесс становления структурных единиц узбекского литературного языка.

На формирование узбекского общенародного и литературного языка большое влияние оказывали не только ираноязычные и арабоязычные племена, но и племена тюркского происхождения, периодически прибывавшие на земли, заселенные узбеками, в разные исторические периоды.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Общие сведения, относящиеся к истории становления и развития казахского, турецкого и узбекского – трех сравниваемых языков, относящихся к трем разным – кыпчакской, огузской и карлукской – группам тюркских языков, дают основание сделать следующие выводы.

1. Все три языка по своей генетической природе являются исконно тюркскими, хотя в их образовании и развитии частичное участие принимали элементы негомогенного характера. Это относится в первую очередь к иранским элементам в узбекском языке.

2. Период становления и формирования литературных норм сравниваемых языков относится примерно к одной и той же исторической эпохе – к средневековью (XIV-XVI вв.).

3. Этнолингвистическую основу каждой из сравниваемых языков составляет определенная группа родов и племен, консолидировавшихся в одно этническое общество благодаря их административно-территориальной, природно-географической, культурно-традиционной и языковой общности.

4. Указанные группы языков в своем историческом развитии довольно тесно контактировали между собою территориально, географически и, перемешиваясь, часто перекрещивались в своем структурном развитии, что привело к взаимопроникновению их языковых элементов.

5. Хорошо прослеживаются контакты между всеми тремя языками, однако более интенсивным взаимным контактам подверглись по ряду причин казахский и узбекский языки. Тесный исторический контакт между турецким и двумя среднеазиатскими – казахским и узбекским – языками в силу определенных объективных причин значительно ослаб.

LIST OF REFERENCES

- Abilhasimov B. Kazahskiy literaturnyy yazyk vtoroy poloviny XIX v. (na materiale kazahskoy pechati): avtoref.... dokt. filol. nauk. - Alma – Ata. 1983 – 6 s.
- Bartol'd V.V. Istoriya turecko – mongol'skih narodov. – Tashkent, 1928. – S. 6, 29.
- Bernshtam A.N. Social'no – ekonomicheskiy stroy orhono – eniseyskiy tyurok VI – VIII vv. Vostochnoturkskiy kaganat i kirgizy. - M., L., 1946. – 82 s.
- Esnazarova Y.A., Temirbekov A.T. Tyrki tildes elder geografiyasy. Ahmet Isaui Universitetiniñ Zhørdem Qory Baspasy. – Ankara, 1999. –S. 69, 107 s
- Isaev S. Қазақ әдеби тілінің тарихы. - Alma – Ata, 1996. - 81s. INU-Istoriya narodov Uzbekistana. - Tashkent, 1950. t. I, 8 – S.11, 29, 43.
- Kaydarov A.T. Kazahskiy yazyk // Yazyki mira. Tyurkskie yazyki. – Bishkek, 1997. - 242 s.
- Kamalov F.K. Istoriya stanovleniya i razvitiya uzbekskogo nacional'nogo yazyka. – Tashkent, 1955. –S. 44
- Kononov A.N. Ocherk istorii izucheniya tureckogo yazyka. – L., 1976. – 115 c.
- Kuryshzhanov A.K. Yazyk starokypchakskikh pis'mennyh pamyatnikov. Avtoref. na sois. uch. st. dok. filol. nauk. – Alma – Ata, 1973. - S.51-52.
- Melikov T. Literatura Turcii. Korn i korona. - M., 1998. - 138 s.
- Nadzhip E.N. Issledovaniya po istorii tyurkskiy yazykov XI – XIV vv. – M., 1989. - 32 s.
- Radlov V.V. Fonetika severnyh tyurkskiy yazykov. - Leypcig, (na nemeц. yaz.), 1882. Sevortyan E.V. Fonetika tureckogo literaturnogo yazyka. – M., 1955. – 134 s.
- Tatimov M. Halyқ – nama nemese San men Sana. – Almaty: Zhazushy, 1992.- 17 s.
- Hodzhev A.P. Uzbekskiy yazyk. Yazyki mira. Tyurkskie yazyki. – M., 1997. – S. 426 – 427.

For citation:

Baituova, A. (2019) COMPARATIVE RESEARCH OF TURKISH LANGUAGES (KAZAKH, TURKISH AND UZBEK) IN THE HISTORICAL ASPECT. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 27-33. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-27-33>

Для цитирования:

Байтуова, А. (2019) СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (КАЗАХСКОГО, ТУРЕЦКОГО И УЗБЕКСКОГО) В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 27-33. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-27-33>

Information about the author: Aigul Baituova - Ph.D, Associate Professor, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish Univesity, Turkestan, Kazakhstan
e-mail: baituaigul@mail.ru

Сведения об авторе: Айгуль Байтуова - к.ф.н., доцент, Международный казахско-турецкий университет им. Х.А Ясави, Туркестан, Казахстан
e-mail: baituaigul@mail.ru

Manuscript received: 07/04/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-33-37>

ABOUT FIXING OF THE LATEST PHRASEOLOGICAL UNITS IN DICTIONARIES OF RUSSIAN OF DIFFERENT TYPE

Elena Generalova
Doctor of Philology, Assistant Professor
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
e-mail: elena-generalova@yandex.ru

Abstract. The purpose of the present article is a research of lexicographic representation of phraseological innovations in Russian. The methods and types of lexicographic interpretation of new phraseological units in dictionaries of modern Russian of different type (explanatory, neological, phraseological, dictionaries of slang and colloquial speech) are compared. The material of the research is presented by the latest phraseological units which appeared in Russian recently (in the end of the 20th-beginning of the 21st century), among which the latest idiomatics with many loans, jargon units, periphrases, steady comparisons and new paremias. The concept of a phraseological neologism and ways of fixing of the latest phraseological units in the dictionaries of different type are discussed. As a result of the research it was found out that lexicographic interpretation of phraseological innovations is directly connected with their lexical and grammatical status and tasks of the dictionary. In the Russian lexicography there is no such type of the dictionary as the dictionary of phraseological neologisms, and in article attention is paid to the concept of this type of the dictionary.

Keywords: phraseological unit, neologism, lexicography, modern Russian, lexicology

О ФИКСАЦИИ НОВЕЙШИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА РАЗНОГО ТИПА

Елена Генералова

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: elena-generalova@yandex.ru

Аннотация: Цель статьи - исследование словарного представления фразеологических новаций русского языка. Объектом исследования являются лексикографическая интерпретация фразеологизмов-неологизмов в словарях современного русского языка разного типа (толковых, неологических, фразеологических, словарях жаргона и разговорной речи), а материалом служат недавно (конец XX-начало XXI в.) появившиеся в русском языке устойчивые выражения, при этом описывается и новейшая идиоматика (*на голубом глазу*), среди которой много заимствований (*в одном флаконе*), и жаргонизмы (*сто-пятьсот*), и перифразы (*архитектор перестройки*), и устойчивые сравнения (*как с дуба рухнул*), и новые паремии (*Бесплатный сыр бывает только в мышеловке*). Обсуждается понятие фразеологического неологизма, объем и способы фиксации новейших фразеологизмов в словарях разного типа. В результате исследования было выяснено, что лексикографическая интерпретация фразеологических новаций напрямую связана с их лексико-грамматическим статусом и задачами словаря. В русской лексикографии практически отсутствует тип словаря фразеологизмов-неологизмов, и в статье уделено внимание обоснованию концепции этого типа словаря.

Ключевые слова: фразеологическая единица, неологизм, лексикография, современный русский язык, лексикология

ВВЕДЕНИЕ. Фразеология исторична по самой своей природе, устойчивый облик фразеологизма складывается в течение длительного времени, это всегда продукт многолетнего развития, поскольку исторический принцип, в формулировке Б.А. Ларина, и заключается в «постепенном накоплении идиоматичности в развитии от текучих словосочетаний к неразложимым» (Ларин 1977, с. 147). При этом каждое время рождает свои лексические единицы, и ряд устойчивых сочетаний – очень яркое свидетельство эпох, в которые они появились: см. *сирота казанская, смутное время, жена декабриста, хождение в народ, дорога жизни, афганский синдром, лихие девяностые*. Фразеологическая система, как и весь словарный состав языка, – динамически развивающийся фонд, часть единиц которого устаревает, другие могут менять свое значение, стилистическую окраску, область употребления и т.д., третьи только появляются в языке. Значительное количество фразеологических единиц появляется и в наше время (конец XX-начало XXI вв.), вызванные к жизни изменениями в жизни общества (см. *ближнее зарубежье, дети Арбата, телефонный террорист*). Попадают ли эти единицы в лексикографические издания? В каких словарях можно найти лингвистическое описание этих фразеологизмов?

Цель настоящей статьи – исследование словарного представления фразеологизмов-неологизмов. Объектом исследования является лексикографическая интерпретация фразеологических новаций в словарях современного русского языка разного типа, а материалом выступают фразеологизмы-неологизмы русского языка.

ПОНЯТИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА-НЕОЛОГИЗМА. Понятие фразеологизма-неологизма неоднозначно и нуждается в ряде оговорок в связи с дискуссионностью и понятия фразеологизма, и понятия неологизма.

В зависимости от широкого (или узкого) понимания фразеологии к фразеологизмам-неологизмам могут быть отнесены (или, напротив, исключены из их состава) перифразы (*архитектор перестройки, голубые каски, культурная столица*), составные термины (*демографический взрыв, материнская плата*), предложно-падежные сочетания наречного характера (*в ажуре, под балдой*), жаргонизмы (*в лом, полный абзац, крышу снесло*), паремии и крылатые слова (*Бесплатный сыр бывает только в мышеловке; Вдруг завтра бой, а я уставший*), трансформации существовавших ранее фразеологизмов (*видать в гробу в белых адидасах, рюмка мира*), новые сравнения (*как айсберг в океане*).

Требуется комментарий и понятие неологизма. Традиционно под неологизмом понимаются новые слова и выражения, появившиеся в языке в определенный исторический период (или один раз в определенном тексте) и не входящие в этот период в ядро литературного языка. Для неологии «актуален фактор времени – те слова, которые для одного синхронного среза являются новыми, на другом синхронном срезе могут оказаться нейтрально-актуальными, а другие слова того же периода – уже устаревшими и ушедшими из языка» (Вурыкин 2016: 13). В этой связи при использовании понятия «неологизм» очень важно определение исторического периода, по отношению к которому языковая единица (в данном случае фразеологизм) выделяется как новация, кроме того, актуальным является понятие «языковое/окказиональное».

В русской академической неологической лексикографии, организованной на основе концепции Ю.С. Сорокина, Н.З. Котеловой и Т.Н. Буцевой, принят отчасти формальный, однако четкий и однозначный, основанный на факте лексикографической фиксации критерий выделения неологизмов в языке: новым считается слово или фразеологическая единица (ФЕ), не зарегистрированные в словарях предыдущего периода (особенно толковых) (Kotelova 1988). Именно такое понимание неологизмов как особой категории

лексики и фразеологии, маркированных конкретным хронологическим периодом, является основой отбора и словника словарей серии «Новые слова и значения» создаваемых в секторе неологии ИЛИ РАН (СПбГУ).

Этот подход был положен в основу и используемого в настоящей статье определения фразеологизма-неологизма, разработанного фразеологическим семинаром под руководством В.М. Мокиенко (филологический факультет СПбГУ): фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также новые устойчивые сочетания, заимствованные из других языков. Таким образом, исследуются ФЕ, новые для рассматриваемого периода развития литературного языка относительно предшествующего, условно взятого за точку отсчета периода (в данной работе это 80-90-е гг. XX в.). В поле зрения попадают иполные новации (фразеологизмы, новые по форме и значению одновременно: например, *на голубом глазу, в одном флаконе*), и фразеологизмы, новые по форме (например, выражение *авансы поют романсы* появилось как трансформация выражения *финансы поют романсы* с тем же значением ‘о полном отсутствии денег’), и фразеологизмы с новой семантикой (например, у фразеологизма *по барабану*, помимо значения ‘под звук этого инструмента’ (*ходить, маршировать*), развилось сленговое значение ‘совершенно все равно’).

ФИКСАЦИЯ НОВЕЙШЕЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА. Новые слова, новые значения и новые фразеологические единицы традиционно фиксировались толковыми словарями, но это представление не является системным и полным (и не претендует на таковое). В многотомном продолжающемся академическом «Словаре русского языка» под ред. К.С. Горбачевича, А.С. Герда (БАС-3) зафиксированы, например, такие обороты, как *в полном ажуре, быть на нуле* (не отмеченные толковыми словарями русского языка предыдущего периода), но отсутствуют такие уже известные в современном языке фразеологические единицы, как *запасной аэродром, чудеса арифметики, броситься на амбразуру, пролететь мимо кассы*, среди них явные жаргонизмы (*по барабану* в значении ‘совершенно все равно’, *под кайфом*), паремии (*Если ты такой умный, то почему такой бедный?*). В планирующемся к изданию «Современном толковом словаре живого русского языка XXI в.» под редакцией Г.Н. Складневской, ориентированном на максимально полный охват актуальной лексики, новации (в том числе фразеологические) присутствуют в большей степени, причем различаются фразеологизмы (*сказал а, говори и б, пинать балду, ночная бабочка*) и устойчивые сочетания (*банановая республика, крутить баранку*), широко включаются терминологические сочетания (*база данных, вестибулярный аппарат*) и коллокации (*континентальный завтрак, бактериологическое оружие*). Цель полной фиксации фразеологизмов-неологизмов и не ставится словарем (см. отсутствуют, например, устойчивые сочетания *испанский стыд, черт-те что и сбоку бантики* др.).

Как правило, основные сложности при включении новейшей фразеологии в словник толкового словаря вызывает включение составных терминов, жаргонизмов и паремий.

Одной из важных проблем «технического» лексикографического характера является показ предложно-падежных сочетаний, застывших в какой-либо форме и имеющих единую семантику (*до лампочки, без дураков, с лету, в кайф* и т.д.). В академических толковых словарях эти единицы не рассматриваются как отдельные вокабулы; в БАС-3 сочетания обстоятельственного значения, как правило, помещаются на соответствующее существительное и описываются как фразеологизмы. В «Современном толковом словаре живого русского языка XXI в.» под ред. Г.Н. Складневской, как и в «Большом универсальном словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина, обнаруживаем совершенно другую, «революционную» лексикографическую подачу таких сочетаний: все такие слова подается как отдельные вокабулы, т.е. в этих словарях находим такие вокабулы, как *без просыпа, без промедления, под балдой*, и многие другие.

Другая существенная проблем – это дифференциация слов и устойчивых словосочетаний. В ряде случаев единицы, интерпретируемые во фразеологических словарях как фразеологизмы, в толковых словарях не рассматриваются как устойчивые сочетания: см., например, в ряде жаргонных словарей выделяется фразеологизм *развести/разводить баланду* ‘болтать/сболтнуть пустое, намеренно долгими разговорами отвлекать чьё-л. внимание’, а в «Современном толковом словаре живого русского языка XXI в.» под ред. Г.Н. Складневской такой фразеологизм не фиксируется, но для слова *баланда* приводится переносное значение ‘разговор, болтовня, не заслуживающие внимания, вздор, чепуха’.

ФИКСАЦИЯ НОВЕЙШЕЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СЛОВАРЯХ НЕОЛОГИЗМОВ. Первая попытка создания специального словаря новых слов относится к петровской эпохе, хотя неология как наука о новых лексических явлениях складывается существенно позже - в 60 е гг. XX в. в Институте лингвистических учений Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Под руководством Н.З. Котеловой была разработана системная концепция словарей неологизмов, которые различаются в зависимости от охватываемого периода (ежегодники, десятилетники, тридцатилетники). Наравне с новой лексикой, эти словари широко включают и новую фразеологию. Например, в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг.» фиксируются такие фразеологические инновации, как *нет вопросов, играть в чьи-л. ворота, не брать в голову* (НСЗ-80, 1997); в монументальном академическом трёхтомнике «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг.» фиксируются фразеологизмы *война суверенитетов, зеленая карта, получить жёлтую карточку, выход в астрал, выйти в ноль* др. (НСЗ-90, 2009).

Новейшая фразеология рассматривается в неологических словарях наряду с новой лексикой; при этом основная задача неологических словарей – это фиксация нового материала; сложно сказать, какие неологизмы войдут в язык, а какие будут функционировать недолгое время. Например, отмеченные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг.» фразеологические новации *во всем азимутам* ‘всесторонне, в разных направлениях’, *блэк-аут* ‘намеренное умалчивание о чем-л.’, *английская болезнь* ‘о хулиганском поведении футбольных болельщиков’ воспринимаются в наше время как уже устаревшие и непонятные.

Задачи словаря фразеологизмов-неологизмов близки задачам общего неологического словаря, но имеют свою специфику. Х. Вальтер, детально исследуя специфику лексической и фразеологической неологии, подчеркивает, что при общности функции, «семантическая неологичность лексики прямо зависима от концептуальной новизны обозначаемых объектов действительности», а фразеология «компенсирует эффект неологичности за счет новых ресурсов экспрессивности, перезарядкой коннотатов, расширением стилистической нюансировки» (Walter 2011: 19).

ФИКСАЦИЯ НОВЕЙШЕЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ И СЛОВАРЯХ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ. Фразеологические неологизмы регулярно фиксируются переиздающимися и создающимися впервые фразеологическими словарями (в том числе словарями крылатых слов, перифраз, паремий, устойчивых сравнений и т.п.), некоторые такие словари включают фразеологию конкретной области (например, рекламы (Dyadechko 2017)), кинематографа и даже отдельно мультфильмов (Shulezhkova 2018), песен и т.д.). Фразеологические словари стремятся к полной фиксации материала, однако фразеологизмы-неологизмы обычно не имеют специальных помет и включаются во фразеологические словари наряду с традиционным языковым материалом.

Многие фразеологизмы-неологизмы могут быть обнаружены в словарях жаргонной и разговорной лексики, тем более что жаргон – очень мощная струя пополнения словарного состава современного языка (достаточно скромно включаемая в толковые академические словари). Здесь, однако, возможны те же расхождения в интерпретации статуса толкуемой единицы, как и во фразеологических и толковых словарях: например, в «Толковом словаре русской разговорной речи» под ред. Л.П. Крысина фиксируются не устойчивые сочетания *полный абзац*, *в полном ажуре* (как в ряде фразеологических словарей), а приводятся значения соответствующих стержневых существительных: см. *абзац* ‘провал, неудача’ и т.п. (Krysin 2014: 34).

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-НЕОЛОГИЗМОВ. Новая русская фразеология стала ярким зеркалом социально-политических, культурных, бытовых изменений в стране, и необходима лексикографическая фиксация этого ценнейшего лингвистического материала. Очевидна назревшая необходимость создания словаря фразеологических неологизмов. При достаточно большом количестве европейских словарей неологизмов и фундаментальных русских академических словарей неологии специализированный словарь фразеологических неологизмов до сих пор отсутствует. Единственный словарь такого рода был составлен В.М. Мокиенко в 2003 году и издан в Польше: Мокиенко В.М. Новая русская фразеология (Opole; Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej, 2003. – 168 с.) (Mokienko 2003). Этот словарь был экспериментальным, в связи с чем имеет небольшой словник, словарная статья не содержит контекстных иллюстраций, словарь был издан малым тиражом. Несомненно, тема детальной лексикографической фиксации фразеологизмов-неологизмов нуждается в дальнейшей разработке. В связи с этим в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б.А. Ларина (Санкт-Петербургский государственный университет) под руководством проф. В.М. Мокиенко была выдвинута идея создания «Словаря фразеологизмов-неологизмов». Словник этого словаря будет обновлен и увеличен по сравнению с экспериментальным словарем В.М. Мокиенко (2003 г.) по крайней мере вдвое (не менее, чем до 7000 единиц), словарь будет включать устойчивые выражения экспрессивного характера, зафиксированные в русском языке, начиная с 1980-х гг. по настоящее время (один из важнейших критериев отбора неологизмов – отсутствие лексикографической фиксации до 1990-х гг.). Словарь составляется на основе собственной картотеки авторов, а также сводных материалов из толковых, неологических, жаргонных и др. словарей. В словаре, помимо собственно идиоматики, будут описываться и публицистические клише-перифразы (*четвертая власть*, *голубые береты*), и разговорные, просторечные и жаргонные обороты, которые по разным причинам не попали в предыдущие словари (*раскрыть варежку*, *рвать когти*, *мохнатая лапа*), и иноязычные фразеологические кальки (*класть все яйца в одну корзину*, *мы все в одной лодке* («знаковое для эпохи перестройки выражение... которое в 1980-е гг. было лансировано наш публицистический дискурс именно «архитектором перестройки», имеет длительную предысторию в европейских языках (Mokienko 1997))). Весь материал получит подробную семантическую и стилистическую интерпретацию. Словарь будет широко включать иллюстрации из новейшей русской литературы и публицистики (по материалам НКРЯ и других интернет-источников). Многие словарные статьи будут сопровождаться историко-этимологическим и культурологическим комментарием к описываемым фразеологизмам.

Составление сводного «Словаря русских фразеологических неологизмов» даст возможность увидеть реальное место фразеологизмов-неологизмов 1990-2010-х гг. в функционировании в современном русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Понятие фразеологизма-неологизма неоднозначно и нуждается в ряде оговорок в связи дискуссионностью и понятия фразеологизма, и понятия неологизма. В настоящей работе принято основанное на факте лексикографической фиксации определение фразеологизма-неологизма, разработанное фразеологическим

семинаром под руководством В.М. Мокиенко: фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях.

Такие языковые единицы получают фиксацию в современных толковых словарях (однако в академические толковые словари в меньшей степени попадают жаргонизмы и паремии), неологических словарях, фразеологических словарях, словарях жаргонной и разговорной речи. В результате исследования было выяснено, что лексикографическая интерпретация фразеологических новаций напрямую связана с их лексико-грамматическим статусом и задачами словаря, однако ни один из выше перечисленных типов словарей не претендует на полную фиксацию и подробное описание фразеологических неологизмов.

На настоящий момент в отечественной лексикографии отсутствует как тип словарь фразеологических неологизмов при его несомненной востребованности как лингвистами, так и рядовыми носителями языка. Составление сводного «Словаря русских фразеологических неологизмов» продемонстрирует функционирование фразеологизмов-неологизмов 1990-2010-х гг. в современном русском языке и предоставит материал для уточнения понятия фразеологизма-неологизма.

LIST OF REFERENCES

- Gorbachevich K.S., Gerd A.S. (2004-2019) *Bol'shóy akademicheskij slovar' russkogo jazyka* (BAS- 3) [Big Academic Dictionary of Russian]. Saint-Petersburg: Izdat.Nauka.
- Buceva T.N., Denisenko Ju.F., Levashov E.A. (1997) *Novyeslovaiznachenija. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-h gg.* [New words and meanings. The dictionary-reference book on materials of the press and literature of the 80th.]. Saint-Petersburg: Izdat.Dmitrij Bulanin.
- Buceva T.N., Denisenko Ju.F., Levashov E.A. (2009) *Novyeslovaiznachenija. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h gg.* [New words and meanings. The dictionary-reference book on materials of the press and literature of the 90th.]. Saint-Petersburg: Izdat.Dmitrij Bulanin.
- Burykin A.A. (2016) *Leksicheskiy material slovar' "Novyeslovaiznachenija" v kontekstenovykh leksikograficheskikh istochnikov* [Lexical material of dictionaries "New words and values" in the context of new lexicographic sources], in *Neologij i neologifija: sovremennoe sostojanie i perspektivy: K 50-letiju nauchnogo napravlenija* [Neologiya and a neografiya: current state and prospects: To the 50 anniversary of the scientific direction]. Saint-Petersburg: Izdat.Nestor-Istorija., (p. 13-15).
- Walter H. (2011) *Leksicheskie i frazeologicheskie neologizmy: obshcheirazlichnoe* [Lexical and phraseological neologisms: the general and various], in *Mir russkogo slova*, № 2, 2011. (p. 14-19).
- Djadechko L. P. (2007) *Vokrug da okolo reklamy: frazeobrazovatel'nyj slovar'* [Around and near advertising: phraseographic dictionary.]. Kiev: Izdat. Dom «Avanpost-prim».
- Kotelova N.Z. (1988) *Teoreticheskie aspekty leksikograficheskogo opisanija neologizmov* [Theoretical aspects of the lexicographic description of neologisms], in *Sovetskaja leksikografija* [Soviet lexicography] Moscow.
- Krysin L.P. (2014) *Tolkovyj slovar' russkoj razgovornoj rechi. Vyp. 1: a-i*. [Explanatory dictionary of the Russian informal conversation. Issue 1: A-i]. Moscow: Izdat. Jazykislavjanskij kul'tury.
- Larin B.A. (1977) *Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie* [History of Russian and general linguistics]. Moscow: Izdat. "Prosvetshenie".
- Morkovkin V.V., Bogachjova G.F., Luckaja N.M. (2016) *Bol'shóy universal'nyj slovar' russkogo jazyka*. [Big universal dictionary of Russian] Moscow: Izdat. «Slovari XXI veka» AST-Press Shkola.
- Mokienko V.M. (1997) Die Russische Geschichte des Amerikanismus, "Wir sitzen alle in einem Boot", in *Proverbium* 1997 (14). (S/ 231-245).
- Mokienko V.M. (2003) *Novaja russkaja frazeologija* (New Russian phraseology). Opole; Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej.
- Shulezhkova S.G. (2018) *Ne smeshite moipodkovy!: Slovar' krylatykh vyrazhenij iz mul'fil'mov*. [Do not make laugh my horseshoes!: The dictionary of popular expressions from animated films.] Magnitogorsk: Izdat. Magnitogorskog gos. teh. un-ta im. G.I. Nosova.

For citation:

Generalova, E. (2019) ABOUT FIXING OF THE LATEST PHRASEOLOGICAL UNITS IN DICTIONARIES OF RUSSIAN OF DIFFERENT TYPE. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 33-37. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-33-37>

Для цитирования:

Генералова, Е. (2019) О ФИКСАЦИИ НОВЕЙШИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА РАЗНОГО ТИПА // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 33-37. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-33-37>

Information about the author: Elena Generalova - Doctor of Philology, Assistant Professor Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.
e-mail: elena-generalova@yandex.ru

Сведения об авторе: Елена Генералова - кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: elena-generalova@yandex.ru

INTERLANGUAGE PHRASEOLOGICAL HOMONYMS ON THE DIALECTAL BACKGROUND

Natalia Ignatieva

PhD

The Herzen State Pedagogical University of Russia

(St. Petersburg, Russia)

e-mail: nataliagasheva@yandex.ru

Abstract. The article deals with the peculiarities of interlingual homonymy in phraseology in closely related languages, highlights the phenomenon of interlingual enantiosemy on the example of Russian and Czech, identifies the main causes of its occurrence. An attempt is made to illustrate the analyzed phenomenon with the help of regional dialects, which make it possible to trace the evolution of the studied lexical units in the diachronic and synchronic aspects. The material of the study allows us to conclude that the functioning in dialects of a particular meaning of the word, which is not already found in the modern literary language, indicates the possibility of folk phraseology to reconstruct the long-lost part of the language and thus make a valuable contribution to the disclosure of the history and culture of the nation.

Keywords: cross-language homonyms, interlingual enantiosemy, dialect phraseology, Russian language, Czech language

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ НА ДИАЛЕКТНОМ ФОНЕ¹

Наталья Игнатьева

Кандидат филологических наук

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: nataliagasheva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности межъязыковой омонимии во фразеологии близкородственных языков, выделяется явление межъязыковой энантиосемии на примере русского и чешского языков, указываются основные причины ее возникновения. Предпринимается попытка иллюстрации анализируемого явления с помощью региональных диалектов, дающих возможность проследить эволюцию исследуемых лексических единиц в диахроническом и в синхроническом аспектах. Материал исследования позволяет заключить, что функционирование в диалектах того или иного значения слова, не встречающегося уже в современном литературном языке, свидетельствует о возможности народной фразеологии реконструировать давно утраченную часть языка и тем самым внести ценный вклад в раскрытие истории и культуры народа.

Ключевые слова: межъязыковые омонимы, межъязыковые энантиосемы, диалектная фразеология, русский язык, чешский язык

ВВЕДЕНИЕ. Понятие межъязыковой омонимии является достаточно спорным и неоднозначным. Данное явление (в широком понимании) охватывает все то, что в рамках однопорядковых языковых уровней формально идентично, а семантически различно в контактирующих языках. Если возможность относительного формального тождества межъязыковых омонимов признается большинством ученых, то степень семантического расхождения определяется весьма по-разному (Ignat'eva 2016).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Многие ученые обращали внимание на явление межъязыковой омонимии и работали над его научным осмыслением (Suprun 1958: 36-38; Budagov 1974: 141-146; Selivanov 1976: 118; Ryl'skiy 1959: 163-164 и ряд других). Р.А. Будагов выделил категорию межъязыковых омонимов в близкородственных языках и, отмечая ее специфичность, писал: «Одно дело, когда речь идет о несовпадении между неродственными языками (имеются в виду несовпадения в плане содержания – Н.И.), другое – между языками родственными, в свою очередь, в близкородственных языках создается иная ситуация, чем с родством более отдаленным» (Budagov 1974: 142). Отличие связано с тем, что большинство межъязыковых омонимов и паронимов в близкородственных языках вызвано распадом полисемии либо следствием расширения/сужения значений слов, восходящих к одному этиму. Это явление порождает *межъязыковые энантиосемы*, фонетически сходные, но с прямо противоположными значениями и имеющие общее происхождение (Fedorov 2013: 20).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Мы рассматриваем межъязыковую энантиосемию на примере русского и чешского языков. В качестве материала используются данные «Полного словаря фразеологии народных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете)

говоров» (далее ПСФРНГ), масштабного проекта фразеологического семинара профессора В.М. Мокиенко (Mokienko, Nikitina 2018). Реализуемый в словаре принцип лексикографической полноты (Mokienko 2012) дает возможность значительно расширить охват материала: в состав словника войдут не только областные, но и общенародные фразеологизмы, что позволит представить фразеологию народных говоров на широком лингвокультурологическом фоне. Ценность и уникальность диалектного материала для нашего исследования представляется в его неиссякаемом источнике фразеологизмов, чьи компоненты сохранили свои исконные значения, тогда как в современном языке эти значения в большинстве случаев уже устарели или и вовсе были утрачены и уступили свое место новым.

Данные словаря предлагают богатый выбор примеров, однако по причине ограничения объема статьи мы сосредоточились на относительно редких, не самых часто встречающихся единицах, но при этом не менее показательных для наглядного представления рассматриваемого нами явления энантиосемии.

Методы данного исследования следующие: описательно-аналитический, сравнительно-исторический, приём сплошной выборки. Избранные методологические основы позволяют проанализировать специфику межъязыковой энантиосемии в близкородственных языках.

Материал ПСФРНГ дает возможность проследить в народных говорах эволюцию той или иной лексемы как в диахроническом аспекте (есть примеры, датируемые XVIII, XIX веками), так и в синхроническом. И сохранение у некоторых слов в народной фразеологии их первоначальных значений еще раз подтверждает огромную роль диалектологических материалов в раскрытии истории и культуры народа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. По утверждению К.В.Федоровой, «первопричиной семантических расхождений (в словах близкородственных славянских языков – Н.И.) явился синкретизм общеславянской основы. В ходе эволюции языка и мышления эта синкретичность, многозначность разрушалась, и значения дифференцировались. Из общей сферы понятия постепенно выделялись конкретные семантические оттенки, которые порой оказывались антонимичными друг другу» (Fedorova 2013: 72).

Современное русское *бранить* в значении «ругать» соответствует чешскому *branit* – защищать. Первоначальная семантика общеславянского *bortī* была обобщена и совмещала значения «оборонять, охранять, воевать, сражаться» и «ругать». Со временем из этой единицы выделились древнерусские *брань* со значением «защита» и *боронь* – «нападение». В отличие от чешского языка, в русском семантика атаки, нападения победила и за лексемой *бранить* закрепилось значение «ругать». Существование семантики «оборонять, охранять, воевать, сражаться» в русском языке подтверждает материал словаря (ПСФРНГ), в котором мы находим иллюстрацию к этому значению, датируемую XV веком:

Соступиться на брань. Пск. (1433). Начать битву, сражение (ПОС 2: 144).

Все остальные примеры словарной статьи включают уже современные случаи употребления и содержат только значение «ругать».

Рассмотрим еще один пример расхождения значений у общеславянского корня *-*trav*, которому была свойственна сема «пища, продукты», что подтверждается значением древнерусского *trava* – «то, что употреблял в пищу скот» от *traviti* – «потреблять даваемую пищу». Дальнейшее развитие значения до современного – «растение» связано с метонимическим переносом: «пища для скота – пища, состоявшая из разного вида растений – собственно растения» (Fedorova 2013: 74). Первичная семантика этого корня сохранилась в чешском: *strava, potrava* – «пища», *potraviny* – «продукты», *trávit* – «переваривать», *trávení* – «пищеварение». Противоположная семантика реализуется в русском языке: *traviti, otraviti, otrava* – «яд, отравленная еда». Обратившись к словарю, мы находим примеры до сих пор сохранившегося в некоторых говорах значения «пища для скота»:

Заходить/ зйтц (пойц, попадть/ понасть) в (на) потраву. Селигер. Начать пастись, кормиться на засеянном поле (о скоте) (Seliger 2013: 5, 76).

Наводитц/ навестц потраву. Пск. Портить посеы (о домашних животных) (ПОС 19: 278).

Попадатц/ понасть в потраву. Том. Зайти в посеы, истоптав их (о животных) (ПСДЯЛ 3: 141).

Мы видим, что в говорах присутствует нейтральная оценка. ПСФРНГ также дает примеры из говоров с уже негативной окрашенностью, но с сохранением значения компонента как «пища для скота»:

Ху, истравь тебя (его, вас и т.д.)! Алт. Бран. Недоброе пожелание, проклятье (СРГА 2-1: 194). < **Истравить** – съесть корм, не предназначенный для скормливания в данное время.

Истравь тебя (его, вас и т.д.) в шары! Алт. Бран. Недоброе пожелание, проклятье (СРГА 2-1: 194).

Еще одной причиной возникновения и развития энантиосемии, как отмечает К.В. Федорова, служит различная степень интенсивности действия, заложенная в производящей основе. Иллюстрацией может послужить противопоставление лексем *рушитъ* (русс.) – «уничтожать с применением грубой силы, резко» и *rušit* (чешск.) – «беспокоить, мешать». Значение древнерусского *рушитъ* первоначально было «копать», а позднее появилось «уничтожать, ломать». Согласно словарю М. Фасмера (2004), производящая основа *рух* обозначает «суматоху, волнение, тревогу». В словаре Н.М. Шанского (1994) находим, что исходное значение *рушитъ* – «заставлять двигаться», а также указано, что рассматриваемый нами глагол того же корня, что и *рвать*. По предположению К.В. Федоровой, «возникновение антитезных значений <...> связано с разными ассоциациями носителей того или иного языка по поводу характера и силы воздействия на объект» (Федорова 2013: 79). Принимая во внимание вышесказанное, становится более ясным происхождение выражения *рушитъ горьки слёзушки*.

Это единственный пример, который мы находим в словаре (ПСФРНГ), употребления глагола *рушитъ* не в привычном значении «уничтожать, ломать», а «ронять, рассыпать».

Рушить горьки слёзушки. Север. Фольк. Пропливать слезы (СРНГ 35, 290). < **Рушить** – ронять, рассыпать что-л. Выражение употребляется в причитаниях.

Из примера видно, что глагол *рушить* представляет в данном говоре действие по степени интенсивности гораздо более слабое, чем в современном русском языке.

Следующей причиной энантиосемии К.В. Федорова выделяет «неисконное семантическое расхождение лексем, связанное с языковой эволюцией» (Fedorova 2013: 79). С данным процессом соотносится явление аналогии в парадигматическом плане, когда развитие нового значения в сторону полного расхождения с общеславянским частично основывалось на сосуществовании родственных новообразований с той же семантикой.

Обратимся к глаголу *заказать*, образованному префиксальным способом от праславянского * *kazati*. Если в древнерусском языке лексема *казати* характеризуется двумя противоположными значениями: «приказать кому-нибудь изготовить, сделать что-нибудь» и «запретить», то на современном этапе слово сохранило только семантику приказа, наказа, утратив значение запрета. В русском языке уже в XVIII в. значение «запретить» сопровождалось пометами «выходящее из употребления», тогда как в чешском языке это значение входит в активный запас лексики до сих пор. С одной стороны, недифференцированный характер этимона здесь также стал толчком развития антонимичных значений. Кроме того, еще был задействован и словообразовательный фактор. «В случае лексем *заказать* (русск.) – *zakázat* (чешск.) в значении «запретить», а также *запомнить* (русск.) – *zapomenout* (чешск.) в значении «забыть» не последнюю роль в развитии противоположных значений сыграла древняя общеславянская поливалентная приставка «за-»» (Fedorova 2013:81).

Хотя уже в XVIII в. значение «запретить» выходило из употребления, в диалектной фразеологии, а точнее – в алтайских говорах, мы до сих пор встречаем эту семантику:

Родству заказать что. Алт. Закаяться, заречься, дать себе слово и совет близким не делать чего-л. (СРГА 2-1: 120).

С явлением энантиосемии связан процесс приобретения лексемой дополнительного эмоционально-оценочного значения. Рассмотрим пример, когда лексема получила эмоционально-оценочный компонент в результате ее семантической эволюции, а не в процессе номинации.

Представляет интерес слово *позор* – «бесчестье» и энантиосемичное чешское *pozor* – «внимание».

Лексема восходит к той же основе, что и глагол *позърѣти* – «посмотреть», и еще в XIX в. значение этого слова было «то, что выставлено на обозрение» (Krylov 2005).

Находим этому подтверждение и в ПСФРНГ, однако все примеры уже отмечены пометой устаревшее:

Выставлять/ выставить на позор кого, что. 1. Устар. Ставить на всеобщее обозрение, напоказ (СлРЯ XVIII в.: 21, 102). 2. Разг. Обличать кого-л. (как правило – ставя в униженное положение). (БМС 1998: 456); (ШЗФ 2001: 52).

Произвести на позор света что. Устар. Опубликовать что-л. (СлРЯ XVIII в.: 21, 102).

А также примеры с производным *позорище*:

Вступить (явиться) на позорище мира. Устар. Выйти в свет, начать общаться (СлРЯ XVIII в.: 21, 103).

Вывести на позорище кого. Устар. Сделать кого-л. предметом насмешек; осмеять (на сцене, в комедии) (СлРЯ XVIII в.: 21, 103). < **Позорище** – то, что представляется взору, что можно видеть.

Вывести (предложить) на позорище света что. Устар. Выставить на всеобщее обозрение (СлРЯ XVIII в.: 21, 102).

Современное значение в русском языке «постыдное зрелище, срам» слово приобрело от обычая выставлять на позор преступников.

Пригвоздить (поставить) к позорному столбу кого. Разг. Передать кого-л. позору, заклеить позором (БТС, 891, 1272); (Ф 2, 89); (ФМ 2002, 475).

Позорный столб – столб, к которому в средние века приковывали преступников на всеобщее обозрение. БМС 1998, 551 (Мокиенко, Никитина, 2007).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, мы попытались рассмотреть одни из основных причин, повлиявших на появление энантиосемии в межславянском языковом пространстве и проиллюстрировать это явление примерами из ПСФРНГ. Разбор даже такого небольшого количества выражений позволяет говорить как о фразеологической, так и о социокультурологической значимости нового словарного проекта профессора В.М. Мокиенко, который станет значительным вкладом в научные исследования и лексикографические открытия.

Народная фразеология дает возможность реконструировать язык. Ведь зачастую во фразеологизмах литературного языка то или иное значение слова уже не встречается, а в диалектах до сих пор функционирует и активно используется.

Материал ПСФРНГ позволяет проследить в народных говорах эволюцию той или иной лексемы как в диахроническом аспекте (есть примеры, датируемые XVIII, XIX веками), так и в синхроническом. И сохранение у некоторых слов в народной фразеологии их первоначальных значений еще раз подтверждает огромную роль диалектологических материалов в раскрытии истории и культуры народа.

Сокращения:

БМС – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург, 1998. 704 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26. / Под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2016.

- ПСДЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006-2012. Т. 1-4.
- Селигер – Материалы по русской диалектологии. Словарь / Сост. С.Н. Варина, Н.В. Богданова, З.А. Петрова. Под ред. А.С. Герда. Вып. 1 – 5. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003 –2013.
- СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991.
- СРГА – Словарь русских говоров Алтая / Под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993–1998. Т. 1–4.
- ШЗФ – Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка: значение и происхождение словосочетаний. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2001. 368 с.

LIST OF REFERENCES

- Budagov, R. A. (1974). False friends of the translator // *Man and his language*. – Moskva: Izdatel'stvo Moscovskogo Universiteta, 141-146.
- Ignatieva, N. D. (2016). Modern Russian-Czech interference (lexico-phraseological aspect). *Dissertaciya kandidata philologicheskych nauk*: 10.02.03; Sankt-Peterburg, 168 s.
- Kry'lov, G.A. *E'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka*. - SPb.: OOO «Poligrafuslugi», 2005. — 432 s.
- Mokienko, V. M. (2012). Principles of Larin's lexicography in the three-volume Big dictionary of Proverbs, sayings and similes of the Russian language // *Voprosy leksikografii*, 1, 70 – 84.
- Mokienko, V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkix pogovorok*. — M: Olma Media Grupp. 2007, 785 s.
- Rylsky, M. F. (1956). *Art of translation: articles. Performances. Notes*. Kyev: Rad. Pismennik, 344 s.
- Selivanov, G. F. (1976). Language contacts and the problem of interlanguage homonymy (heteronymy) // *Voprosy russkogo i slavjanskogo jazykoznanija: mezhvuzovskiy sbornik*. Ivanovo: Ivanovo state University, 116-126.
- Suprun, A. E. (1958). Answer to the question: what are the types of lexical homonyms in the system of Slavic languages (common to all Slavic languages, individual) // *Sbornik otvetov na voprosy po jazykoznaniju: k IV mezhdunarodnomu congressu slavistov*, Moskva, 35.
- Fasmer M. (2004) *E'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka: V 4-x t.: Per. s nem. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Perevod i dopolneniya O. N. Trubachyova*. — 4-e izd., stereotip. Moskva, Astrel' – AST, 2004, T. 4., 860 s.
- Fedorova, K. V. (2013). Inter-Slavic interference in connotative and translation aspects. *Dissertaciya kandidata philologicheskych nauk*: 10.02.01, 10.02.30; Kazan, 170.
- Shanskij, N. M. *E'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka / N. M. Shanskij, T. A. Bobrova*. – M. : Prozerpina : Shkola, 1994. – 400 s.
- Mokienko, V. M., Nikitina T. G. (2018). On the concept of a complete dictionary of folk phraseology: problems of macroconstruction. / *Voprosy leksikografii (Tomsk) 4*, 80-106.

For citation:

Ignatieva, N. (2019) INTERLANGUAGE PHRASEOLOGICAL HOMONYMS ON THE DIALECTAL BACKGROUND. *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 38-41. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-38-41>*

Для цитирования:

Игнатъева, Н. (2019) МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ НА ДИАЛЕКТНОМ ФОНЕ // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 38-41. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-38-41>*

Information about the author: Natalia Ignatieva – Ph.D., The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

e-mail: nataliagasheva@yandex.ru

Сведения об авторе: Наталья Игнатъева – к. филол.н., старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: nataliagasheva@yandex.ru

Manuscript received: 06/03/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

THE PECULIARITIES OF THE USE OF STYLISTIC NOTES IN GENERAL BILINGUAL DICTIONARIES

Abdusalom Mamadnazarov
Doctor of Philological Sciences, professor
Tajik National University
(Dushanbe, Tajikistan)
e-mail: abdusalomm@mail.ru

Abstract . The aim of the article is to study and analyze the use of stylistic notes or labels in general bilingual dictionaries in Tajik lexicography. The author uses the comparative method to describe the common features and differences in using stylistic labels. As a result, the peculiarities of bilingual dictionaries – Russian-Tajik, Tajik-Russian, English-Tajik and Tajik-English are found in terms of using the stylistic labels. The comparative analysis of the use of stylistic labels in bilingual dictionaries shows that the stylistic labels are used as an important lexicographic device in order to emphasize the stylistic peculiarities of the units of the dictionary. It is noted that bilingual dictionaries use different ways of shortening stylistic notes, the number and the names of stylistic labels are different in different bilingual dictionaries. There is no a generally excepted system of names and types of stylistic labels used in Tajik bilingual dictionaries.

Keywords: bilingual lexicography, comparative, stylistic notes, monolingual dictionary

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ В ОБЩИХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Абдусалом Мамаднazarов
Профессор кафедры английского языка и сопоставительной типологии
факультета языков Азии и Европы
доктор филологических наук
Таджикский национальный университет
(Душанбе, Таджикистан)
E-mail: abdusalomm@mail.ru; abdusalom.mamadnazarov@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является изучение и анализ использования стилистических помет в общих двуязычных словарях в таджикской лексикографии. Автор использует сравнительный метод для описания общих черт и различий в использовании стилистических помет. В результате обнаруживаются особенности двуязычных словарей – русско-таджикского, таджикско-русского, англо-таджикского и таджикско-английского с точки зрения использования стилистических помет. Сравнительный анализ использования стилистических помет в двуязычных словарях показывает, что стилистические пометы используются в качестве важного лексикографического приёма, чтобы подчеркнуть стилистические особенности единиц словаря. Отмечается, что двуязычные словари используют разные способы сокращения стилистических помет, количество и названия стилистических помет различны в разных двуязычных словарях. В таджикских двуязычных словарях нет общепринятой системы имен и типов стилистических помет.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, сравнительный, стилистические пометы, одноязычный словарь

ВВЕДЕНИЕ. Стилистические пометы имеют важное значение в общих двуязычных словарях. В данной статье мы попытаемся проанализировать использование стилистических помет в двуязычных словарях, изданных в таджикской лексикографии в XX и начале XXI вв. «Стилистические пометы (*англ.* stylistic notes/ marks/ labels; *тадж.* кайд/ ишораи услуби) указывают на сферу употребления того или иного слова (*спец.* – специальное, *поэт.* – поэтическое и т. п.), отражают характер употребления и бытования слова, его принадлежность к письменной и устной речи (*разг.* – разговорное, *прост.* – просторечное и т.п.), указывают на историческую принадлежность (*ист.* – историческое, *арх.* – архаическое), на эмоциональную окрашенность (*ирон.* – ироническое, *бран.* – бранное, *шутл.* – шутливое, и т. п.) Иногда при заимствованных словах используется пометы указывающие на происхождение слова (*араб.* – арабское, *нем.* – немецкое и т. п.)» (Vyalkina 2008: 354).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Использованию стилистических помет в лингвистических словарях английского и русского языков посвящены многочисленные исследования современных ученых – лингвистов: П.Н. Денисов (1977), В.А. Звегинцев (1973), Ю.Н. Караулов (1982), В.М. Солнцев (1979), Ю.С. Степанов (1975), А.А. Уфимцева (1968), Д.Н. Шмелев и др. в том числе и специальные исследования Н.М. Несова (2007). В таджикской современной двуязычной лексикографии данная тема исследуется впервые.

По утверждению О.С. Ахмановой, помета – лексикографический приём, состоящий в использовании определённой (установленной) системы сокращённых обозначений и позволяющий расширить объём и разнообразие сведений о включаемых словах без существенного увеличения объёма издания (Akhmanova, 2010, 339).

Пометы словарные играют существенную роль в описании заголовочных единиц. «Лексикографическая (словарная) помета – эксплицированное в водной части словаря лексикографическое средство (в форме сокращенного слова или словосочетания), с помощью которого читателю сообщается, что соответствующая единица относится к определённой совокупности однородных в каком-либо отношении единиц или явлений» (Morkovkin 1986: 110).

Словарные пометы при заглавном слове в словарях представлены двумя комплексами: пометами грамматическими и стилистическими с учетом типологически значимых аспектов слова.

Грамматический статус слова складывается на основе его частно-грамматических и общекатегориальных значений, а стилистический – с учетом функционально-стилевой и экспрессивно-стилистической характеристики слова (Nesova 2007: 5). В лингвистической литературе нет единой классификации стилистических помет. Большинство лингвистов не разграничивают группы стилистических помет, а лишь указывают на их значения. Часто стилистические пометы подразделяются на: а) социально-стилистические; б) функционально-стилистические; в) функционально-исторические и г) эмоционально-экспрессивные пометы. Имеются и другие классификации.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основными методами исследования являются: сравнения, типологический анализ с целью выявления и сходства и различия использования стилистических помет в двуязычных лингвистических словарях в таджикской лексикографии.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Особое место в современных двуязычных словарях, в том числе в нашем *Англо-таджикском* (Mamadnazarov 2003; 2015), занимают стилистические пометы. Нам кажется, подчеркивает И.Р. Гальперин, ошибочным мнение некоторых лексикографов, что стилистические пометы нужны, главным образом, в словарях толковых и мало что дают для двуязычных словарей, поскольку последние должны в самих переводах отразить стилистические особенности слова (Galperin 1972: 14). И таджикские и английские читатели должны быть информированы о стилистической особенности каждого слова, и чем подробнее эта информация, тем легче пользоваться словарем.

В двуязычной лексикографии исследуемого периода слова впервые стали снабжаться стилистическими пометами в *Таджикско-русском словаре* под ред. Е.Н. Павловского и др. (Pavlovskiy et. al., 1946). Здесь мы встречаем такие стилистические пометы как: *стих.* – стихотворное, *уст.* – устная речь, *разг.* разговорное, *ласк.* – ласкательное, *бран.* – бранное слово, *книжн.* – книжное и др. Например:

бетимсол *книжн.* беспримерный (Pavlovskiy, 1946: 74)

доманбарсар *бран.* бесстыдница (Pavlovskiy, 1946: 171)

барака *разг.* 1. шестой палец на одной руке; 2. шестипалый (Pavlovskiy 1946: 49)

бандибон *уст.* тюремщик (Pavlovskiy 1946: 48)

В следующем *Таджикско-русском словаре*, изданном в 1954 г. под редакцией М. Рахими и Л. Успенской была принята новая методика составления словарной статьи. В связи с тем, что большая часть словаря была составлена по типу Таджикско-русского словаря, т. 1, изданного в 1946 г. потребовалась большая работа по перестройке всей структуры словаря. Согласно новой структуре, слова снабжены грамматическим пометами, а также пометы указывающими на область употребления слова (Rahimi and Uspenskaya 1954: 8). В результате количество помет увеличено до 16. В данном словаре добавлены такие стилистические пометы как: *пренебр.* – пренебрежительно, *простореч.* – просторечие, *фам.* – фамильярное выражение и т.п., например,

кофиябоф *пренебр.* рифмоплёт (Rahimi 1954: 491)

И в последнем *Таджикско-русском словаре* под редакцией Д. Саймиддинова и др. количество стилистических помет (17) почти не изменилось. Данный словарь содержит около 70 тысяч слов и словосочетаний, пословиц и поговорок, фразеологических оборотов таджикского языка с переводом на русский язык и является самым полным когда-либо изданным в таджикской переводной лексикографии. Отличительной чертой данного словаря, с точки зрения использования помет, от словаря Е.Н. Павловского (1946) заключаться в том, что здесь составители решили не указывать на заимствование слов, то есть не были использованы пометы, указывающие на происхождение заимствованных слов, в том числе из арабского, которых в таджикском языке наибольшее число. Все пометы (118 единиц) приведены в разделе «Список условных сокращений» (Saimiddinov, et. al., 2006: 19-21), в том числе стилистические, на русском языке. Например,

авлавият *уст.* 1. первичность; 2. предпочтительность (Saimiddinov 2006: 25)

авон *II кн. I. уст.* авон (начальник дворцовой охраны); 2. особа, дама; замужняя женщина (Saimiddinov 2006: 25)

адонашаванда *разг.* нескончаемый, бесконечный, неиссякаемый (Saimiddinov 2006: 27)

атопеш *пер. см. атопеша* (Saimiddinov 2006, 49)

В русско-таджикских словарях, стилистические пометы впервые можно встретить в словаре А. Дехати и Н. Ершова (Dehati and Ershov 1949), где приведен список более 150 условных сокращений, в том числе 17 стилистических помет. Словарь содержит более 45 тысяч слов и словосочетаний русского языка и их эквиваленты в таджикском языке. Слова широко снабжены стилистическими и грамматическим пометами, а также пометами, указывающими на область применения слов. По сравнению с выше приведенных таджикско-русских словарях в данном словаре список помет в разделе «Условные сокращения» приведен на русском и таджикском языках: *вульг.* – вульгарное выражение – иборай дагал; *ирон.* – ироническое выражение – иборай истехзоомез; *пренебр.* – пренебрежительно – ифодакунандаи тахкир и т.д. Хотя в словарных статьях стилистические пометы приводятся на русском языке, например,

бай-бай *разг.* алла, хоб; **ложись бай-бай** биё, алла кун (Dehati 1949: 27)

барахолка *ж простор.* бозори кукнафуруши, чайковбозор (Dehati 1949: 29)

безоблачной *прям. и перен.* беабр, бегубор, соф, тоза, бегаш, букудрат (Dehati 1949: 29)

болван ... 3. *бран.* ахмак, аблах, кундзехн, беадаб (Dehati 1949: 43)

Количество стилистических помет увеличено до 22 в последнем *Русско-таджикском словаре* под редакцией М. Асимова (Asimov, 1985, 17-18). Русско-таджикский словарь М. Асимова является наиболее полный и содержит свыше 72 тыс. слов современного русского литературного языка, словосочетания, идиоматику, пословицы и поговорки, которые снабжены наибольшим количеством помет – более 218 – грамматических, специальных и стилистических. Также, как и в словаре А. Дехати в данном словаре список помет в разделе «Условные сокращения» (Ихтисораҳои шартӣ) приведен на русском и таджикском языках: *высок.* высокого стиля – услуги мутантан; *ирон.* в ироническом смысле – кинояомез; *уст. поэт.* устарелое поэтическое слово – калимаи шоиронаи кукнашуда. В данном словаре можно встретить такие стилистические пометы как: *разг.* – разговорное слово, *бран.* – бранное слово, *прост.* – просторечное слово, *шутл.* – шутливое слово и др.:

безотцовщина *ж прост. и обл.* 1. бепадари; бепарастори 2. ятим, бепадар (Асимов, 1985, 53)

белоручка *м, ж. разг.* нозпарвард(а) (Асимов, 1985, 55)

бесовка *ж бран.* занакӣ бадхашм, занакӣ чанчоли (шатох) (Асимов, 1985, 57)

благочестивая *ж. разг. шутл.* завча, хамсар (Асимов, 1985, 63)

Следует, подчеркнуть, что стилистические пометы, независимо от направления словаря, как в русско-таджикских, так и в таджикско-русских словарях исследуемые нами, даются на русском языке. По нашему мнению, стилистические пометы, как и другие виды помет в русско-таджикских словарях следует дать на таджикском языке, а в таджикско-русских словарях на русском языке.

Стилистические пометы не были использованы в первых небольших англо-таджикских и таджикско-английских словарях, изданных, в этот период. В таджикско-английском словаре под названием *Standard Tajik-English Dictionary* Р.В. и Р.А. Олсонов (Olson and Olson, 2000, iii) также не встречаются стилистические пометы. Впервые стилистические пометы на таджикском языке были использованы в нашем словаре *English-Tajik University Dictionary* (Mamadnazarov, 2003, 18). Здесь читатель может найти пометы *суфт.* – (разговорный), *мач.* – переносное значение), *хурди аз.* – ласкательное от.

Наибольшее количество помет (130 помет) в таджикско-английских словарях, изданных в исследуемый период можно встретить в словаре Маматова и др. (Mamatov et al., v-vi). Авторы используют отличительные лексикографические термины, которые не встречаются в других словарях: 1) **domain** (область применения, т.е. специальные пометы: – *aero.* aeronautics – аэронавтика); 2) **register** (регистр, т.е. стилистические – *iron.* – иронический); 3) **grammar** (грамматические – *adv. adverb* – наречие), 4) **origin**. (происхождение – *Fr.* – French – французский) и 5) **general** (общие – e.g. – for example – например). Все пометы, в том числе стилистические, даны на английском языке, что является отличительной чертой данного словаря.

В данном словаре использовано 36 стилистических помет, которые выделены в разделе *Labels and Abbreviations* (р. v), в том числе 15 указывающих на заимствования из других языков. Среди наиболее известных и наиболее распространенных стилистических помет такие как: *colloq.* – разговорный, *iron.* – иронический, *lity.* – литературный, *vulg.* – вульгарный. Например,

барало *colloq. adv.* clearly, distinctly, definitely (Mamatov 2005: 54)

барандохтан *vb. lity.* to throw out, to expel (Mamatov 2005: 53)

Составители словаря также использовали такие стилистические пометы как: *abus.* – оскорбительный, *affec.* – нежный стиль, *juv.* – юношеский, *sl.* – сленг, жаргон, *obs.* – устарелый, которые в других таджикско-русских и русско-таджикских словарях не встречаются. Например,

балогадон *adj., obs.* protective, warding off misfortune or trouble (Mamatov 2005: 52)

В *Англо-таджикском словаре* П. Джамшедова и Т. Розы (Jamshedov and Rosie, 2008: 19-20) также слова снабжены стилистическими пометами. Особенно обращается внимание на происхождение заимствованных слов не только из арабского, латинского, греческого, но и других языков. Например, выделяются слова, заимствованные из таких языков как: *хин.* – хинди, *ирл.* – ирландский, *анг-хинд.* – англо-индийского происхождения и т.д.

В *Таджикско-английском словаре* П. Джамшедова (Jamshedov 2008: 32), который описывает более 60 тысяч слов и выражение, слова также снабжены стилистическими пометами, хотя в структуре словаря не наблюдается специального раздела со списком помет или сокращений использованные в словаре. Например,

алас-алас *coll.* to carry out the “alas” ceremony (Jamshedov 2008: 45)

амд *lit.* intention, goal (Jamshedov 2008: 48)

арш *obs.* throne; sky (Jamshedov 2008: 57)

Отличительной чертой данного словаря от таджикско-русских словарей, является то, что пометы приведены на английском языке (*см.* выше приведённые примеры), так как данный таджикско-английский словарь, в основном, предназначен для иностранцев, чей родной язык является английским.

В последнем издании нашего *Англо-таджикского словаря* (Mamadnazarov, 2015, 24-25) слова снабжены наибольшим количеством стилистических помет. Здесь читатель может найти такие стилистические пометы, как: *амер.* – американский, *лот.* – латинский, указывающие на происхождение слов; *адаб.* – литературный, *суфт.* – разговорный), *даг.* – грубый, *жар.* – жаргонный, указывающие на принадлежность к определенной

речи; *шопр.* поэтический, *шух.* – шуточный и т.д. Всего слова данного словаря снабжены более 30 стилистическими пометами, которые дают более подробную стилистическую характеристику слова, тем самым намного облегчают задачи пользователей словаря. Например:

salespeople [эсеʋlзpi:pl] *n pl амер.* фурушандаъ (Mamadnazarov 2015: 707)

saphed [səʋphed] *n шопр.* одами ахмак, нофахм, бешуур. (Mamadnazarov 2015: 709)

seafarer [эси:ʋЕэгэ] *n шопр.* дарёнавард, бахрнавард, маллох (Mamadnazarov 2015: 719)

spook [спу:k] *n шух.* рух, хаёлот, шабах, сиёхи. (Mamadnazarov 2015: 777)

simile [эсʋmʋlʋ] *n адаб.* ташбех, санъати ташбех, истиора (Mamadnazarov, 2015: 745)

Необходимо особенно остановиться на помете *амер.*, указывающей на американский вариант английского языка. Большинство лингвистов сегодняшнего дня придерживаются мнения о равноценности двух вариантов, т.е. американский вариант уже не рассматривается как «побочный» по отношению к британскому.

В таджикской двуязычной лексикографии, в первых небольших словарях американизмы никак не выделялись. Конечно, разграничение британских и американских единиц не могло быть проведено с абсолютной точностью, так как в реальной речевой практике граница между ними подвижна, и в некоторых случаях, весьма условна. Даже словари, изданные в англоязычных странах, иногда сообщают противоречивые друг другу сведения на этот счет. Однако, по мере возможности было сочтено необходимым проводить такое разграничение, ибо смещение единиц из разных вариантов английского языка стало, к сожалению, типичной ошибкой переводчиков и изучающих язык.

Как известно, словарный состав английского языка, равно как и таджикского, представляет собой весьма неоднородную массу, классификация которой всегда является ориентировочной и приближенной. Словарь языка состоит из двух пластов слов: признанный литературный пласт лексики и нелитературный пласт.

Общепризнанный литературный пласт лексики современного английского языка, по мнению многих лингвистов, в том числе И.Р. Гальперина, распадается на три основных слоя: 1) нейтральная лексика, которая включает основную массу слов лексической системы; 2) литературно-книжная лексика общего характера и 3) разговорная лексика общего характера. Нейтральная лексика в языке никакими стилистическими пометами не сопровождается. Остальная лексика имеет соответствующие пометы (Galperin 1972: 15).

В свою очередь, литературно-книжная лексика современного английского языка может быть разделена на два слоя: общая литературно-книжная лексика, о которой речь шла выше, и которая входит составной частью в общепризнанный литературный пласт слов (Standard English), и специальная литературно-книжная лексика.

Эта нелитературная разговорная лексика неустойчива по своей природе. Она мало подвергается письменной фиксации и не всегда доступна исследованию. Тем не менее, эта лексика, во многих случаях является источником пополнения и развития словарного состава языка. Здесь тоже выделяются несколько групп слов, имеющих свое стилистическое лицо: профессионализмы, диалектизмы, просторечия, жаргонизмы, вульгаризмы и др.

Ниже будут рассмотрены некоторые группы и слои лексики, трактовка которых очень противоречива в разных монографиях и словарях.

Задачи стилистических помет не ограничиваются только стилистической характеристикой слова: они дают ещё дополнительную информацию в возможностях словоупотребления и более глубоко раскрывают смысловую структуру слова.

Анализ лексикографических работ исследуемого периода показывает, что стилистические пометы в двуязычной таджикской лексикографии используются как важный лексикографический приём для того, чтобы указывать на стилистические свойства разъясняемой или переводимой словарной единицы. Однако, как и в случае с грамматическими пометами, нет единой системы стилистических помет. Наблюдается разноречивость в использовании стилистических помет. Используются различные сокращения для обозначения одних и тех же помет. Количество и наименование стилистических помет в разных словарях разное. Составители лексикографических справочников предпочитают подчеркивать разные стилистические свойства лексики в своих словарях. Все стилистические пометы, независимо от авторов и направления языков, графически оформлены *курсивным* шрифтом.

Использование стилистических помет является также очень важным лексикографическим приемом, позволяющим расширить объем и разнообразие сведений о включаемых словах в словарях без существенного увеличения объема издания. С другой стороны, на данном этапе развития двуязычной лексикографии, необходимо разработать единую систему стилистических и грамматических помет, как родного, так и изучаемого иностранного языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. По результатам сравнительного анализа использования стилистических помет в переводных словарях в таджикской двуязычной лексикографии можно сделать некоторые выводы:

Выделяя стилистическая окраска слов в общих переводных двуязычных словарях, авторы предпочитают очень экономно пользоваться стилистическими пометами.

Сравнивая данные современных двуязычных словарях, можно легко обнаружить, что стилистические особенности выражаются в эмоциональной окраске слова, обусловленной сферой его употребления, а также имеющейся качественной характеристикой. Стилистические пометы в основном используются для указания на особенности употребления лексических единиц.

Сравнительный анализ использования стилистических помет свидетельствует о том, что стилистические пометы так же, как и грамматические пометы, сокращаются в двуязычных словарях различным образом. Например: – книжное слово – *книжн., кн.*, прямое значение – *прям., пр.*, просторечие – *простор, прост.*, поговорка – *погов., пог.*, указательное местоимение – *указат., указ.*, прошедшее время – *прош., прои. вр.*, глагол *глагол, гл.* и т.д. что свидетельствует о не разработанности или не соблюдения единых принципов сокращения помет. Большинство лексикографов приводят список помет в специальном разделе в водной части словаря.

Необходимо разработать, в таджикской двуязычной лексикографии единые правила сокращения стилистических помет с тем, чтобы все лексикографы могли их использовать как для сокращения объёма словаря, так и для указания на различные особенности лексических единиц.

LIST OF REFERENCES

- Akhmanova O.S. (2010). Slovar' lingvisticheskikh terminov [A Dictionary of Linguistic Terms]. Moskva: Librikom.
- Galperin I.R. (1972). Vvedenie [Introduction]. Bolshoi English-Russian Dictionary. Moskva: Russkiy yazyk, 10-19.
- Jamshedov P. (2008). Tajik-English Dictionary. Dushanbe, Ejad.
- Jamshedov P., Rosie T. (2005) English-Tajik Dictionary. Dushanbe: Ejad.
- Mamadnazarov A. (2015). English-Tajik Dictionary (3rd ed.). Dushanbe: Er-graph.
- Mamadnazarov A. (2003). English-Tajik University Dictionary. Dushanbe: Nodir.
- Mamadnazarov A. (2016). Stanovlenie i razvitiya tadjikskoy perevodnoy leksikographii v XX i nachala XXI vv. [The Formation and Development of Tajik Translation Lexicography in the XX and the Beginning of XXI Centuries].
- Mamatov J., Harrell, S.J., Kehoe, K., Khodjibaev K. (2005). Tajik-English Dictionary. USA: Dunwoody Press.
- Morkovkin V.V. (1986). O bazavom leksikograficheskom znanii // Uchebniki i slovni v sisteme sredstv obucheniya russkomu yazyku kak inostrannogo [About the basic lexicographic knowledge]. Moskva.
- Nesova N.M. (2007). Grammaticheskie i stilisticheskie pomety v tolkovikh slovaryakh russkogo i angliyskogo yazykov [Grammatical and Stylistic Notes in General Russian and English Dictionaries]. Avtoreferat dissertatsii. Moscow.
- Olson, R.A. Olson, R.B. (2000). Standard Tajik-English Dictionary. Bishkek: Star Publications.
- Russian-Tajik Dictionary (1985). Ed. Asimov M.S. Moskva: Russkiy yazyk.
- Russian-Tajik Dictionary (1949). Ed. by A.P. Dehati and N.N. Ershov. Moscow-Stalinabad: Gosudarstvenoe izdatelstvo inostrannikh i natsionalinikh slovarey.
- Tajik-Russian Dictionary (2006). Ed. by D. Saymiddinov, S.D. Kholmatova, S. Karimov. Dushanbe: Donish.
- Tajik-Russian Dictionary. Ed. by Pavlovskiy E.N., Bertels, E.E. J. Ikromi J. and Jalil J. (1946). Vol. 1 (A-O). Stalinabad-Tashkent.
- Tajik-Russian Dictionary. Ed. by Rakhimi M. and Uspenskaya L.V. (1954). Moskva: Gosudarstvenoe izdatelstvo inostrannikh i natsionalinikh slovarey.
- Vyalkina L.V. (2008). Pometa [Label]. Enciklopediya. Russkiy yazyk [Encyclopedia. Russian Language]. Moskva. Bokshaya Rossiyskaya Enciklopediya.

For citation:

Mamadnazarov, A. (2019) THE PECULIARITIES OF THE USE OF STYLISTIC NOTES IN GENERAL BILINGUAL DICTIONARIES. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 42-46. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-42-46>

Для цитирования:

Мамадназаров, А. (2019) ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ В ОБЩИХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 42-46. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-42-46>

Information about the author: **Abdusalom Mamadnazarov** - Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of English Language and Comparative Typology, Faculty of Languages of Asia and Europe, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan e-mail: abdusalomm@mail.ru

Сведения об авторе: **Абдусалом Мамадназаров** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и сопоставительной типологии факультета языков Азии и Европы, Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан
E-mail: abdusalomm@mail.ru; abdusalom.mamadnazarov@gmail.com

Manuscript received: 05/25/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-47-52>

CASE MORPHEMIZATION AS THE BASIS OF ITS VIEWING WITHIN A COGNITIVE TYPOLOGICAL MODEL

Alexey B. Chernyshev

Candidate of Philological Sciences, Senior Teacher

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

(Yaroslavl, Russia)

e-mail: alexeich_78@mail.ru

Abstract. A problem of cases has been widely researched in linguistics. Formal and semantic approaches to the case study have been traditionally distinguished and are reviewed in the article. In this paper Dative is described as a cognitive-and-typological model with its internal meaning projected to the semantic structure of the language units. Actualization of Dative is shown on the material of languages having the different typological structure – English, Russian, Uzbek and Georgian. It is postulated that in the aforementioned languages such corresponding units as *to, npi, ga, ძმ* can be considered Dative markers. The fact that these markers represent different elements of the word structure – preposition, prefix and affix – enables to make a conclusion about possibility of further researches in the field of a stage and system typology, with a word being associated with a «compressed» model of a sentence.

Keywords: typology, Dative, morpheme, model, movement

МОРФЕМИЗАЦИЯ ПАДЕЖА КАК ОСНОВАНИЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ЕГО КОГНИТИВНО- ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Алексей Борисович Чернышев

Кандидат филологических наук, старший преподаватель

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

(Ярославль, Россия)

e-mail: alexeich_78@mail.ru

Аннотация. В данной работе датив описывается как когнитивно-типологическая модель с присущим ей внутренним значением, проецируемым в семантическую структуру конкретных языковых единиц. На материале разноструктурных языков показывается актуализация датива. Признается, что маркерами в соответствующих языках выступают *to, npi, ga, ძმ*. Тот факт, что данными маркерами являются разные элементы структуры слова – предлог, префикс, аффикс – позволяет сделать вывод о возможности дальнейших исследований в области стадийной и системной типологии, ориентируясь на слово как на «сжатую» модель предложения.

Ключевые слова: типология, датив, морфема, модель, движение

Введение. Проблема падежей является одной из самых традиционных и широко изученных в лингвистике. Однако в свете сопоставительных и типологических исследований последних десятилетий с привлечением материала по ряду не изученных прежде – новых или экзотических – языков лингвисты вынуждены вновь обращаться к проблеме падежей, выявляя определенную противоречивость имеющихся данных и предлагая новые концепции, основывающиеся на понимании языкового типа и универсалий. Цель данной работы состоит в семантическом анализе конкретных языковых единиц, морфем, отражающих универсальную смысловую стратегию падежной категории датива, в английском, русском, узбекском и грузинском языках,

Формальный и семантический критерии выделения падежей в истории лингвистики. Среди множества направлений, имевших место в лингвистической теории падежей, представляется возможным выделить два основополагающих критерия к изучению падежей: формальный и семантический. Формальный подход связан с определением форм существительного, как правило, флексий, меняющихся в зависимости от синтаксической роли имени и его отношения к другим существительным и глаголам в структуре предложения. Однако склонение существительных по всевозможным падежам в языковой системе выглядело, очевидно, настолько незакономерным, что уже в 19 веке обозначились попытки семантического обоснования феномена падежа. Чешский и русский лингвист В. И. Шерцль одним из первых дал подробную классификацию значений всех падежей санскрита. Словенский языковед Ф. Миклошич впервые предложил разделение падежа и падежной формы, которое со временем легло в основу известнейшей падежной теории Ч. Филлмора, возникшей в рамках генеративной лингвистики. Как известно, в теории Ч. Филлмора падежная форма стала ассоциироваться с поверхностной структурой, собственно же падеж соотносился с так называемой глубинной структурой. «Глубинные» падежи, будучи искусственными по своему характеру, позволили выделить целый ряд «пространственных» падежей, широко представленных в исследовании Дж. Андерсена.

Несмотря на некоторую очевидность того факта, что формальные (поверхностные, падежные формы) и семантические (глубинные) падежи являются в сущности феноменами разного порядка, с точки зрения

сопоставительно-типологического анализа ни формальный, ни семантический критерии к исследованию данной категории не могут быть признаны до конца удовлетворительными. Недостаток формального критерия к исследованию падежей, которые могли бы быть сопоставимы в разных языках, усматривается в явной непоследовательности их семантического обоснования. Это, во-первых, приводит к отсутствию конкретного основания межъязыкового сопоставления. Например, при сравнении таких языков, как русский и английский, в одном языке парадигма спряжения представлена шестью падежами, во втором – падежные формы применительно к существительному отсутствуют вообще или в крайне упрощенном виде свойственны только местоимениям. В то же время количество падежей в грузинском языке превосходит число падежей в русском языке. Во-вторых, одна и та же флексия существительного может функционировать в грамматическом значении разных падежей. Например, в русском языке флексия *-у* является формальным признаком и родительного, и винительного, и дательного падежей (*из лесу, в лесу, похвала лесу*), и тогда дистинктивной характеристикой падежа становится уже ударение. Флексия *-е* существительных женского рода также может выступать в значении как дательного (*подарок школе*), так и предложного падежей (*Петя в школе*). В-третьих, вполне естественно, что за необходимостью компенсировать отсутствие падежных отношений в языках возникают некоторые неточности их терминологического обозначения. Так, собственного дательного падежа, который представлен в русском языке, не существует ни в узбекском, ни в грузинском. В этих языках семантические функции датива оказываются шире, что находит свое отражение и в их обозначениях: дательно-направительный падеж в узбекском языке и дательно-винительный падеж (сокращенно ДВП) в грузинском языке.

Семантический же критерий к исследованию падежей, изначально призванный придать смысловую наполненность падежной категории, впал в известной степени в другую крайность, доведя количество возможных семантических – глубинных и пространственных – падежей до внушительной цифры, варьирующейся от языка к языку. При таком подходе проблемным моментом становится определение языковых средств актуализации падежа.

В исследованиях, выполненных преимущественно на материале аналитических европейских языков, наметился отказ от использования термина *падеж*. В аналитических языках смысловая функция падежей рассматривается в качестве семантики межобъектных отношений, актуализируемых предлогом. Таким образом, значение условного падежа и значение предлога оказываются равнозначными. Уже в работе Х. Педерсена каждому аффиксу финно-угорских языков соответствовал английский предлог. Так, венгерский *hoz* соотносился с английским *towards* и с категорией аппроксиматива, выражающего идею сближения, а венгерский *nak* ассоциировался с английским предлогом *for* и общей смысловой категорией датива (Pedersen, 1962: 246). В монографии М. Ерслунда французский предлог *à* и вовсе описывается как датив со всевозможными случаями его реализации и классификацией его значений (Herslund, 1988). В исследованиях же, выполненных на материале языков, в которых традиционная падежная форма по-прежнему передается флексией, предпринимаются попытки ассоциировать значение предлогов и сопутствующих им падежей (Durst-Andersen, 2000). Эти и многие другие работы позволяют отметить удивительную тенденцию, связанную с морфемизацией падежей. Падеж выявляется не по казусной форме существительного и не по фиктивной актантной роли субъектно-объектных отношений, а по конкретной морфеме как минимально значимой единице языка. В одних языках падежную роль выполняют предлоги, в других – послелоги, в третьих – префиксы. Вместе с тем эти языковые единицы должны иметь собственное значение, внутреннюю форму.

Учитывая тот факт, что семантика морфемы передает смыслы, в которых заключены универсальные отношения, например, движение от предмета (к предмету), нахождение, принадлежность, попадающие под общую диалектическую категорию взаимодействия части и целого, то вполне очевидно, что морфологический критерий способен установить и некоторый базис для сопоставительно-типологического сопоставления. Сама же падежная категория становится своего рода моделью, или стратегией, имеющей прочный универсальный фундамент, свое внутреннее содержание, и варьирующейся от языка к языку. Представляется возможным определить эту основу в качестве когнитивно-типологической модели. Когнитивной, поскольку данный феномен связан с восприятием отношений, закладываемым определенным схематизированным ментальным образ. Типологической, так как семантика заданных отношений ассоциируется с универсалиями как на внутреннем, ментальном, так и внешнем, языковом, уровнях.

Когнитивно-типологическая основа датива. Как известно, одним из распространенных типов отношений, репрезентируемых условной падежной категорией, являются отношения, связанные с изменением положения субъекта или предмета в результате целенаправленного перемещения, воздействия на него, его передачи, смены его обладателя и т.п. Этот общий вид отношений может быть описан через датив как универсальную стратегию, как когнитивно-типологическую модель.

Приводя примеры из исландского языка, С. Эйнарсон отмечает, что датив употребляется при глаголах, обозначающих «быстрое движение» (цит. по: Svenonius, 2002: 2011). П. Свенониус, конкретизируя данный признак, соотносит значение датива в исландском языке с баллистическим движением, то есть с «движением объекта через пространство под воздействием кинетической энергии» (Svenonius, 2001: 3).

Движение и перемещение тесно взаимосвязаны с таким универсально-константным значением, как направленность. Определяя направленность как категориальное значение английской частицы *to*, относящейся к «числу локальных указателей направленности процесса на объект», И. Г. Кошечкина соотносит данный элемент «грамматического инвентаря» с морфологической и синтаксической направленностью и дативностью как структурой. «Направленность предполагает совершенно определенную конечную точку своего развития,

которая выступает ... замыкающей инстанцией определенного значения дативности ... Дативность предполагает наличие по меньшей мере двух (или более) объектов, спаянных определенной линией пространственного соотнесения, по которой идет целенаправленное перемещение какой-то части одного объекта к другому. Последнее предполагает неперменное количественное тождество начальных и конечных долей, т. е. замкнутую перспективу движения, при которой весь объем отсеченной части первого объекта последовательно перемещается в расположение второго» (Koshevaya 2012: 101 – 102).

По свидетельству Г. А. Климова, термин «дательный падеж» становится обычной практикой применения в австралийских языках для обозначения единицы, также имеющей широкую направительную семантику (Klimov 2009: 50).

Подобные исследования стали небезосновательной причиной рассмотрения движения вместе с перемещением и направленностью как прототипического параметра структуры датива, что связано со способом восприятия пространственных отношений, в результате которых объект, находившийся в некоторой точке пространства, в результате волевого действия оказывается в другой точке пространства.

Пространственная характеристика датива подчеркивается во многих исследованиях в его смысловой связи с местным падежом. В своей работе, посвященной реконструкции индоевропейского синтаксиса, К. Г. Красухин обнаруживает семантическое сходство между местным и направительным падежами, имеющими место в хеттском языке и которые рассматриваются исследователем как синоним дательного (Krasukhin, 2005: 66-67).

При определении движения (направления) крайне важным оказывается понятие перспективы, то есть ракурса оценки действия. Движение может восприниматься как совершающееся от близкого к далекому (прямая перспектива), так и от далекого к близкому (обратная перспектива). По мнению П. А. Дурст-Андерсена, дативу как раз соответствует реверсивное движение, предполагающее так называемую обратную перспективу (Durst-Andersen 2000).

Описывая особенность функционирования падежей и предлогов в ранний период существования английского языка, Б. А. Ильиш отмечает, что первоначально понятие пребывания в каком-либо месте выражалось самим дательным падежом, а предлоги местопребывания только уточняли это понятие (Ilyish 1968: 153). Употребление предлогов охватывает сферу как направленности к месту, так и пребывания в нем. Как следствие, дательный падеж, оказавшийся, очевидно, более конкурентоспособным по отношению к исчезнувшей форме местного падежа, принял на себя и значение местного падежа как часть своей смысловой структуры. Характер же датива оказывается не просто динамическим, а пространственно-динамическим в том смысле, что понятие пространства ассоциируется с местом. Этот детерминантный признак, находящийся на стыке конкурирующих падежей, задавая и конкретный языковой тип и составляя основу когнитивно-типологической модели, определяется как динамическое пространство.

Данный языковой факт находит свое отражение и в мировосприятии древнего человека, когда мир и все предметы в нем, как свидетельствуют многие мифологические источники, казались едиными. Впоследствии, когда предметы приобрели функциональную самостоятельность в сознании носителей языка, место единства, место совмещения предметов, вероятно, стало ассоциироваться с целью, а сам факт совмещения – с движением (перемещением с определенной целью). В связи с этим дательный падеж приобретает дополнительный оттенок движения к определенной цели, а падежом конкретного местопребывания становится предложный.

Используя семантические примитивы (Wierzbicka 1996: 35), употребляющиеся в ряде работ по описанию пространственной грамматики, представляется возможным определить формулу датива следующим образом: КТО-ТО (Y1) имеет ЧТО-ТО (X) и делает ТО (V), в результате чего ЧТО-ТО (X) есть часть КОГО-ТО (Y2) и больше не есть часть КОГО-ТО (Y1) или ЧЕГО-ТО (Y1). В данной формуле V обозначает глагол, X представляет локализуемый объект, а Y – ориентир (релятум). В другом варианте расшифровки формулы Y соотносится с фоном, а X – с фигурой. В плане смысла Y актуализирует либо одушевленный предмет, либо предмет неодушевленный, но воспринимаемый как активный с точки зрения концептуализации пространственно-временных и функциональных отношений, либо местоположение, либо в более узком понимании – локальную точку. Данное местоположение символизирует функциональное единство предметов (ср.: Dobrushina 2001: 48) – ориентира и совмещаемого предмета.

С одной стороны, представляемое в настоящей работе понимание датива не связано с традиционным формальным падежом, свойственным целому ряду языков. С другой стороны, обозначение модели в рамках падежной терминологии не противоречит тому общему ментально-схематизированному представлению о дативе как категории, так или иначе имеющей место в большинстве языков. Таким образом, датив рассматривается как языковая универсалия. При этом обязательным условием становится идея его вербализации через конкретную морфему, а понимание датива как языковой универсалии оказывается связанным с феноменом морфологического датива.

3. Актуализация датива как модели в разноструктурных языках

3.1. Универсальный датив в английском и русском языках. Рассмотрим представленные выше теоретические обоснования на материале разноструктурных языков.

Что касается английского языка, то морфологическая единица, с которой может ассоциироваться датив, вполне очевидна. Морфемой-индикатором датива аналитического английского языка выступает предлог *to*. Здесь нельзя не упомянуть мнение М. Дейчбена об актуализации некоторого смыслового целого, обозначаемого дативом в предложениях типа: *He came to London, This happened to him, complain to the magistrate, adhere to someone, The ancient Trojans were fools to your father, He behaved respectfully to her, You are like daughters to me,*

Bring me the book to me, I have bought a villa for my son, What's Hecuba to him, It is not easy for a foreigner to apprehend (Deuchbein, 1926). Приведем некоторые примеры из современного английского языка.

Классический случай актуализации датива представлен в примере (1): (1) *Give this to the taxi dispatcher, Pasty, and he'll send you home* (Hailey).

Диспетчер такси является бенефициантом. Сценарий описывается через глагол *to give* 'дать' и дативный предлог *to*: (2) *Maggie stuck to Scotch* (Susann). В примере (2) предлог *to* используется в соответствии со своим назначением как предлог диалектического единства – единства Мэгги и скотча.

Сценарии, связанные с перемещением как достижением конечного пункта или объекта, актуализируются в следующих предложениях: (3) *A waitress came to their table* (Hailey); (4) *Mel used the private elevator <...> to descend from the tower to administrative magazine* (Hailey).

Значение направленности в общем смысле может быть репрезентировано в следующих предложениях, которые повествуют об обращении капитана к пассажирам через использование многозначного глагола *to put* с предлогом *to* (5) и о направлении людей к границе аэродрома посредством употребления глагола направленности *to direct* с тем же предлогом *to* (6). (5) *I hear the captain put it to the passengers* (Hailey); (6) *<...> pulling plows and men from the terminal area and directing them to the perimeter road* (Hailey).

(7) *Will you speak to Libby now?* (Hailey)

В примере (7) актуализируется значение коммуникативной направленности, где роли объекта и адресата неразделимы.

(8) *He recognized the speakerphone voice as belonging to a senior foreman <...>* (Hailey).

В примере (8) описывается сценарий принадлежности. Голос принадлежит старшему бригадиру. Отношение голоса и бригадира представлено как отношение части к целому в их единстве.

Восприятие конечного объекта как эталона, как образа подражания (неподражания) находит отражение в семантической структуре предлога *to* как маркера датива: (9) *He could peremptorily order an airline to remove a door sign which was misleading or faded to conform to terminal standards* (Hailey). Предложение (9) демонстрирует условия соответствия стандартам терминала.

Экспериментальное значение датива, передающее идею неизбежности перед обстоятельствами (ср., например, в русском языке *мне приходится*), являющееся неотъемлемой частью его семантической структуры, подчеркивает ключевую активную роль конечного объекта, участвующего в мнимом совмещении: (10) *It occurred to him that he could use a map of February himself* (Hailey).

Следующее предложение демонстрирует идею трансформации. (11) *She had converted him to the English habit of tea at all times of the day <...>* (Hailey). Прежний образ жизни без чайной паузы не пропадает как таковой, а трансформируется в привычку пить чай.

В русском языке классическому формальному дативу противопоставляется по морфологическому критерию глагольный префикс *при-*, отождествляемый с общей смысловой идеей функционального единства предметов.

В примере (12) представлена идея отношения предметов как части к целому – идея принадлежности, актуализируемая соответствующим глаголом с префиксом *при-*: (12) *<...> no tak kak vospomnaniya o Nats'alye Savishne <...> pri-nadlezhat k pervoy epokhe, skazu eshe neskolko slov o nej <...>* (Толстой)

Следует отметить, что помимо морфологической структуры слова, включающего в себя основу и префикс *при-*, естественным оказывается употребление и относящегося к глаголу существительного в форму классического датива с сопровождающим его предлогом *к*.

Отношения совмещения, свойственные универсальному дативу, имеют широкий спектр реализации в русском языке посредством функционирования префикса *при-* с глагольной основой.

(13) *Я смотрел и чувствовал, что какая-то непонятная, непреодолимая сила притягивает мои глаза к этому безжизненному лицу* (Толстой); (14) *Мими стояла, прислонившись к стене, и, казалось, едва держалась на ногах <...>* (Толстой); (15) *Эта простая мысль отрадно поразила меня, и я ближе придвинулся к Наталье Савишне* (Толстой).

В представленных выше примерах (13 – 15) обращает на себя внимание тот факт, что мнимая точка совмещения задается относительно того объекта, который описывает существительное, логически относящееся к *при-* глаголу. Этими объектами соответственно выступают лицо (13), стена (14), Наталья Савишна (15). В этих примерах также, однако, глагольный префикс *при-* коррелирует с предлогом *к* и управляемым им существительным в традиционном дательном падеже.

Отношения, связанные с перемещением объекта в другую точку пространства, представлены следующими примерами.

(16) *Наконец Мими пришла мне на помощь и почти насильно уложила в постель* (Толстой); (17) *На другой день у меня был жар довольно сильный и приехал наш добрый, старый Иван Васильевич <...>* (Толстой); (18) *<...> персики во всем цвету, кой-где только остался снег, ласточки прилетели <...>* (Толстой); (19) *Бывало, прибежит ко мне, обхватит ручонками и начнет целовать и приговаривать* (Толстой).

Основной особенностью данного типа отношений является то, что скорость, способ и средства перемещения не являются ключевым фактором при описании создаваемого в результате действия единства. Префикс *при-* актуализирует датив как модель, а глагольная основа детализирует характер перемещения. При этом для данного сценария характерен признак обратной перспективы восприятия перемещения, которое происходит издалека к наблюдателю. Исчезает и строгая привязка значения совмещения к формальному

показательно дательного падежа в виде флексии. Представляется, что предлоги *в* и *к* лишь конкретизируют параметры предметов, участвующих в совмещении с точки зрения их пространственного объема и возможности или невозможности быть помещенным один в другой.

3.2. Универсальный датив в агглютинативных языках. В узбекском языке, являющемся, как известно, языком агглютинативного типа, морфемой, репрезентирующей датив, выступает аффикс *-ga*, который соответствует маркеру традиционного дательного-направительного падежа. Учитывая тот факт, что образно-ментальная схема датива подразумевает идею направления с последующим совмещением объектов в одной точке пространства, в целях типологического исследования термин «направительный» кажется избыточным. Выведенная универсальная когнитивно-типологическая модель датива последовательно реализуется в узбекском языке через морфему-аффикс.

(20) <...> *bir avliyo odam senga pichoq beribdi* (Ахроров).

Пример (20) представляет собой самый общий и типичный для датива случай отношений, связанный с передачей предмета какому-либо лицу. Передача ножа определяет участника, выраженного местоимением «ты» («тебя» – *senga*) в роли извлекающего от действия пользу бенефицианта. Сценарий актуализируется глаголом *bermoq* ‘дать’ и морфемой-аффиксом *-ga*.

(21) *Saparboy ozgina kechiksa Dilara mangulik olamiga o'tib ketadi* (Ахроров); (22) <...> *ba'zilari notanish kishilar orasidan o'tib kelgan Dilara asov ot arqonidan tutib turgan odamga dedi* (Ахроров); (23) <...> *yolg'iz Yaratganga ayon bo'lgan sirli* <...> (Ахроров)

Различные виды направленности реализуются в представленных выше предложениях. Физическая направленность, выражающая такие значения как ‘идти’, ‘ехать’, ‘приходить’ и т. п. (21), коммуникативная направленность, подчеркивающая, как и английский предлог *to*, передачу мыслей, чувств, желаний (22), сентиментальная направленность, описывающая смысловые оттенки предрасположенности и антипатии, терпимости и нетерпимости, любви и ненависти в отношении того или иного объекта (23).

Что касается грузинского языка, то он также является агглютинативным языком, несмотря на довольно развитую систему конечных элементов структуры слова, позволяющих говорить о существительном как имеющем форму того или иного падежа. Классический маркер *მ* не определяет особенностей датива как потенциального падежа с сугубо собственным значением, так как в формальном дательном падеже грузинского языка оказывается возможным участие как косвенного объекта, так и прямого объекта действия. С другой стороны, достаточное языковое разнообразие получают оттенки движения, так, очевидно, и не получившие специального семантического ярлыка. Если принять во внимание семантическую проекцию датива, то его значение связано с обратной перспективой, то есть с движением от далекого к близкому, к наблюдателю. Как известно, в грузинском языке имеется специальный языковой элемент, обозначающий данный тип отношения. Этим элементом является послелог *მ*. Именно с этим послелогом в системе грузинского языка может, на наш взгляд, ассоциироваться универсальная модель датива. Типовые примеры на употребление грузинского послелога *მ* связаны с приближением субъекта к указанному месту:

(24) - *აირხია დიდრომ, მერე ჩემთან მოვიდა, მხარზე ხელი დამკრა და მითხრა* (დუმბაძე); (25) *ერთი გირი შემოუტანეს, მეორე, მესამე, მეოთხე, ვერაფერმა რომ ვეღარ გადაწონა, ქვა დაუდეს გვერდით - ათ კილოს უდრისო* (დუმბაძე); (26) - *რამდენი დღით ჩამოდი?* (დუმბაძე); (27) *მე შენ გეტყვი, არ გაგიჩერებოდა, ბარგს ჩამოდგამდა, ჩამოგდებოდა, დაისვენებდა და ისე გამოგელაპარაკებოდა* (დუმბაძე).

Ситуации, описывающие совмещение двух объектов в определенной точке пространства, определенно сближают в семантическом плане грузинский послелог *მ* и русский префикс *при-*: приходить (24 – 25), приезжать (26), прибывать (27) и т.д.

Совмещение пассивного объекта с заданной точкой пространства, ассоциируемой с новым обладателем этого объекта, представлено в следующем примере: (28) *სხვამ რომ ჩინ-მედლები ჩამოიტანა რუსეთ-აპონის ომიდან* <...> (დუმბაძე)

Глагольная форма с элементом *მ* переводится как ‘принесли’. Элементы же *მ* и *при* также оказываются функционально и семантически сопоставимы друг с другом.

В глагольных формах грузинского языка, передающих общее значение движения от объекта, но содержащих элемент *მ*, подчеркивается идея осуществления действия с ракурса наблюдателя.

(29) *დიდრომ თვლები გადმოქაჩა, უზარმაზარი ენა გადმოაგდო ცოვანი ძაღლივით და სწორედ მაშინ დაუსვა ექვთიმე ყვავუტამ იმ ერთ მტკაველზე გადმოგდებულ ენაზე გაქაფული ფუნჯი* (დუმბაძე).

Выход, отправление человека, а также выброс предмета, вероятно, символизирует удаленность именно исходного пункта с достижением объектом локальной точки, в которой находится наблюдатель, описывающий событие.

Заключение и выводы. Эволюция научных представлений о падеже прошла этапы формального и семантического подходов, достигнув, наконец, и еще более конкретного морфосемантического подхода. Это свидетельствует об осязаемой тенденции к так называемой морфемизации падежных категорий.

Сопоставительно-типологическое исследование событийного фрагмента, ассоциируемого с дативом как моделью, было проведено на материале четырех разноструктурных языков – английского, русского, узбекского и грузинского. Датив как модель актуализируется не стандартными синтаксическими средствами в виде

флексий, а конкретной морфемой, имеющей внутреннее смысловое содержание при передаче концепта отношений между предметами. Семантическая сеть морфемы каждого языка ассоциируется с дативом как универсальным падежом, в основе которого лежит представление о его когнитивно-типологической модели, включающей конкретные признаки, такие как функциональное единство предметов, направленность, реверсивная перспектива движения и т.д. В английском языке датив как модель репрезентирован предлогом *to*, в русском языке датив актуализирует маркер *при*, в основном функционирующий в роли глагольного префикса. В агглютинативных языках – узбекском и грузинском – датив ассоциируется с аффиксами *ga* и *de* соответственно. Значение морфемы конкретизирует когнитивно-типологическую модель датива применительно к каждому языку, выявляя и сохраняя вместе с тем его общий смысловой базис.

Исследование, в результате которого было выявлено, что функциями стратегического датива выступают функционально разные языковые элементы слова – предлоги, приставки и аффиксы – способствует более глубокому изучению типологической структуры языков, дальнейшей разработке теории стадийной и системной типологии и языковых типов. При этом в процессе анализа языковых типов за основу может быть взято не только на предложение как принципиальный маркер, определяющий тип языка, но и слово как «сжатая» модель высказывания.

LIST OF REFERENCES

- Deuchbein, M. (1926). System der neuenglischen Syntax. Leipzig: Verl. von Teubner.
- Dobrushina, Ye.R. (2001). Russkie pristavki: mnogoznachnost i semanticheskoe edinstvo [Russian prefixes: polysemy and semantic unity]. Moskva: Russkie slovari.
- Durst-Andersen, P. V. (2000). Predložno-padezhnaya sistema russkogo yazyka. Ponyatie “contact vs. nekontakt” [Prepositional-and-case system of the Russian language. Concept “contact vs. no contact”]. Yazyki prostranstv. Logicheskiy analiz yazyka [Languages of space. Logical analysis of language]. Moskva: Yazyki russkoy kultury, 135-151.
- Fillmore, Ch. (1968). The Case for Case. Universals in Linguistic Theory, 1-88.
- Herslund, M. (1988). Le datif en français. Louvan-Paris: Editions Peeters.
- Iyish, B.A. (1968). Istoriya angliyskogo yazyka [A history of English]. Moskva: Vysshaya shkola.
- Klimov, G.A. (2009). Printsipy kontensivnoy tipologii [Principles of contentive typology]. (2nd ed.). Moskva: Knizhniy dom «LIBROKOM».
- Koshevaya, I. G. (2012). Problemy yazykoznaniya i teorii angliyskogo yazyka: Chasti rechi i kategorii. Teoreticheskiy kurs [Problems of linguistics and theory of the English language: Parts of speech and categories. Theoretical course]. (2nd ed.). Moskva: Knizhniy dom «LIBROKOM».
- Krasukhin, K.G. (2005). Ocherki po rekonstruktsii indoevropskogo sintaksisa [Essay on Indo-European syntax reconstruction]. Moskva: Nauka.
- Pedersen, H. (1962). The discovery of language. (translated by J. W. Spargo). Bloomington: Indiana University Press.
- Svenonius, P. (2001). Case and Event Structure. ZAS Working Papers, 26, 1-21.
- Svenonius, P. (2002). Icelandic Case and the Structure of Events. Journal of Comparative Germanic Linguistics, 5, 197-225.
- Wierzbicka A. (1996). Semantics. Primes and Universals. Oxford – New York: Oxford University Press.

Исследование выполнено при поддержке Городского общественного научно-экспериментального фонда «Языковая среда» (г. Рыбинск)

For citation:

Chernyshev, A.B. (2019) CASE MORPHEMIZATION AS THE BASIS OF ITS VIEWING WITHIN A COGNITIVE TYPOLOGICAL MODEL. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp.47-52. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-47-52>

Для цитирования:

Чернышев, А. Б. (2019) МОРФЕМИЗАЦИЯ ПАДЕЖА КАК ОСНОВАНИЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ЕГО КОГНИТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 47-52. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-47-52>

Information about the author: Alexey B. Chernyshev – Candidate of Philological Sciences

Closed joint-stock company “VolgAero” (Rybinsk), Senior Interpreter;
Yaroslavl State Pedagogical University, Institute of Philology, Faculty of the Russian Language and Culture, Chair of Cultural Studies (Yaroslavl), Senior teacher;
Municipal Public Scientific and Experimental Foundation “Yazykovaya sreda” (Rybinsk), Chairman of Trustee Board
e-mail: alexeich_78@mail.ru

Сведения об авторе: Алексей Борисович Чернышев – Кандидат филологических наук, Закрытое акционерное общество «ВолгАэро» (Рыбинск), старший переводчик;
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Институт филологии и культуры, факультет русской филологии и культуры, кафедра культурологии (Ярославль);
Городской общественный научно-экспериментальный фонд «Языковая среда» (Рыбинск), Председатель Попечительского Совета
e-mail: alexeich_78@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-53-58>

LEXICO-SEMANTIC ASPECT OF LINGUOCULTUROLOGICAL CONCEPTS “BREAD” AND “WINE” IN THE GEORGIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

Manana Shelia
 Associate Professor, Doctor of Education
 Sokhumi State University
 (Tbilisi, Georgia)
 e- mail: manan-7@mail.ru

Abstract. Language is used in the most various spheres of public life. The study of language is provided within many different disciplinary areas and from different theoretical angles, all of which inform modern approaches to linguistics. Bread and wine are harmonious result of human work. Throughout many centuries the winemaking was not only a basis of economic and richness of Georgia, but also part of its spiritual culture. In the people’s consciousness the concept “bread” has been strongly communicated with the ideas of food and life since ancient times.

The paper aims at analyzing of lexico-semantic and linguo-culturological concepts “bread” and “wine” in the Georgian and English phraseological units. In the phraseological fund of languages there are specific elements of a national character that characterize the peculiarities of culture and life of different peoples.

Keywords: the Bible, concept, bread, wine, phraseological units, linguo-culturological

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПОНЯТИЙ «ХЛЕБ» И «ВИНО» В ГРУЗИНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Манана Шелия
 Ассоциированный профессор, доктор педагогических наук
 Сухумский государственный университет
 (Тбилиси, Грузия)
 e-mail: manan-7@mail.ru

Аннотация. Язык используется в самых разных сферах общественной жизни. Изучение языка проводится во многих дисциплинарных областях и с разных теоретических точек зрения, и все они определяют современные подходы к лингвистике. Хлеб и вино гармоничный результат человеческого труда и умений в области сельского хозяйства. На протяжении многих веков виноделие было не только основой экономики и богатства Грузии, но и частью ее духовной культуры. В сознании людей понятие «хлеб» было тесно связано с идеями пищи и жизни с древних времен. Целью статьи является анализ лексико-семантических и лингвокультурологических понятий «хлеб» и «вино» в грузинских и английских фразеологических единицах. Во фразеологическом фонде языков существуют специфические элементы национального характера, характеризующие особенности культуры и быта разных народов.

Ключевые слова: Библия, концепт, хлеб, вино, фразеологизмы, лингвокультурологический

Introduction. Language reflects our reality and interprets it, creating the reality in which we live. It expresses mentality of the nation. Echoes of previous years remain today in proverbs, sayings, phraseological units, metaphors, culture symbols, etc.

According to Arnold Chikobava, language is an important part of culture that is closely related to the history, culture, and traditions of a country. The language serves the society as a weapon of communication, exchange of ideas and understanding. (Chikobava 2008: 10)

As an object of linguistic study, "language" has two primary meanings: an abstract concept, and a specific linguistic system. The study of language is provided within many different disciplinary areas and from different theoretical angles, all of which inform modern approaches to linguistics.

The present paper proposes descriptive analysis of the concepts “bread” and “wine” used in Georgian and English phraseological units, as well as interpretation of similarities and differences in both languages. In the phraseological fund of languages there are specific elements of a national character that characterize the peculiarities of culture and life of different peoples.

1.2 Concept of bread in linguo-culturology. The research of concept in linguo-culturology is actual as it extends the image of the language and a so-called "the language picture of the world". It is considered as the system of cognitive models, the interpretations and views based on linguistic and extralinguistic human experience – individual and collective.

Manna sometimes or archaically spelled **mana** is the supernatural food God gave to the Israelites during their 40-year wandering in the desert. It is an edible substance white like coriander seed and tasted like wafers made with honey which, according to the Bible, God provided for the Israelites during their travels in the desert during the forty-

year period. In Hebrew, manna is pronounced as “Man-gha?” - What is it? - The name of "Heavenly Bread" “When the dew was gone, thin flakes like frost on the ground appeared on the desert floor. When the Israelites saw it, they said to each other, “What is it?” For they did not know what it was’. (Exodus 16:14-36)

The Lord often commanded: I am the bread of life. Heavenly Mana was the preperson of the Lord turned into a man, the true blood and flesh that spiritually feeds the people.

In the people’s consciousness the concept “**bread**” has been strongly communicated with the ideas of food and life since ancient times.

In Hebrew "**Bethlehem**" means 'house of bread. In the Old Testament the Eternal sends manna to the Hebrews when they are crossing the desert (Exodus). Manna symbolizes bread and prefigures the Christian Eucharist. It is a sign of the generosity of God toward humankind. Jewish matzoh is unleavened bread that is eaten to commemorate this event. As it is known the Orthodox Church uses leavened bread.

<https://www.encyclopedia.com/food/encyclopedias-almanacs...and.../bread-symbolism>

According to **history**, the earliest **bread** was made in or around 8000 BC in the Middle East, specifically Egypt. In fact, recent scholarship suggests **humans** started **baking bread** at least 30,000 years ago.

According to Online Etymology Dictionary **bread (n.)** is "kind of food made from flour or the meal of some grain, kneaded into a dough, fermented, and baked," This word is originated from Old English *bread* "bit, crumb, morsel; bread," cognate with Old Norse *brauð*, Danish *brød*, Old Frisian *brot*, Dutch *brood*, Goth. *broe*, German *Brot*. According to one theory [Watkins, etc.] from Proto-Germanic **brautham*, from PIE root ***bhreu-** Engl. (to) brew "to boil, bubble, effervesce, burn," in reference to the leavening.

It should be noted that in all cultures bread is considered as important food for the person and his activity: bread is a source of satisfying hunger; wealth symbol; symbol of life, growth and development; the symbol of faith and justice, bread symbolizes practically any value - both spiritual, and material.

Bread and wine are one of the Georgian heritages and have always been playing an important role in various celebrations and sad rituals. Since ancient times Georgians met the newborn by bread and wine and buried the dead by the same two products being sacramental.

The gospel says: when the Lord breaks bread and gives it to his disciples, he gives his flesh and says, "Take and eat, for this is the meat broken for you for the forgiveness of sins." Thus, the essence of the bread means all things necessary for the soul and the body. "

In Lord’s Prayer we read: 'Our **Father** in heaven, hallowed be your name. Your kingdom come, your will be done, on earth as it is in heaven. Give us this day our daily bread and forgive us our debts, as we also have forgiven our debtors. And lead us not into temptation, but deliver us from evil.'"

In this prayer we ask for bread, it is the request of the Heavenly Bread - Christ's flesh, which believers get sacrament. this is the usual bread that is also given to us from God. From this point of view, the bread of the substance is meant to be good enough, but its predominant importance is the flesh of the Lord. When the Lord breaks bread and gives it to his disciples, he gives his flesh and says, "Take and eat, this is the meat that I have broken for you for the forgiveness of sins" (Luke 11:2-4).

In the Old Testament wheat and bread are symbols of the fecundity of the earth. The New Testament associates the fruits of the earth—a gift of God to humankind—with the symbolism of wheat and associates the gifts of God with the hearts of humans (grace), especially in the parable of the good seed and the bad seed. Bread becomes the symbol of the supreme gift from God to humankind—eternal life, the body of Christ in the Eucharist: "Take this and eat, for this is my body." <https://www.encyclopedia.com/food/encyclopedias-almanacs...and.../bread-symbolism>

Archeological materials dating back to seven millennia, proves that bread baking was at high levels in Mesopotamia. For Sumerians bread is a life source. The Sumerians were proud of bread - with civilized labor product.

In Europe, wheat has penetrated from Asia, and therefore the Indo-Europeans have learned bread baking from the local population. The word "bread" means pure, purified, clear, unblended, non-sacrilegious and transparent.

The ancient Greeks got acquainted with wheat from Pelasgians (relating to or denoting an ancient people inhabiting the coasts and islands of the Aegean Sea and eastern Mediterranean before the arrival of Greek-speaking peoples in the Bronze Age (12th century BC).), and the art of bread baking acquired from the Egyptians (Perhaps the least unlikely theory connects at least some of the Pelasgians with the Iberian-Caucasian cultures of the prehistoric Caucasus, known to the Greeks as Colchis. Numerous Georgian scholars - including M.G. Tseretheli, R.V. Gordeziani, M. Abdushelishvili, and Dr. Zviad Gamsakhurdia - claim both linguistic and anthropological similarities between the Pelasgians and the early inhabitants of the Caucasus -- as well as with almost every known non-Indo-European language in Europe).

The origin of the Georgian word bread - პური dates back to ancient times. The semantics of the stem "პურ" - "pur" in Indo-European reveals the similarity-identity with the Georgian name of this product. It should be noted an interesting fact about the similarity in culinary terminology, for example Hindi word for bread is puri. (Goldstein, 2013 : 36)

The Georgian term Khorbali (in Laz dialect – Kovali/Kuvali/Kuali/Qvali; in Megrelian – Kobali; in Svan – Kvetsen) initially denoted all kinds of cereal crops and later on, the whole-wheat species. Later on, the term Khorbali changed its meaning and was complemented by the term Puri, differentiating between wheat as a crop and as baked bread, respectively. (Pruidze and others 2004) A prosphoron (plural - prosphora, Georg. სეფოსპური) is a small loaf of

leavened bread used in Orthodox Christian and Greek Catholic liturgies for sacrament. The term originally meant any offering made to a temple, but in Orthodox Christianity it has come to mean specifically the bread offered at the Divine Liturgy.

1.3 The origin of the concept “wine” and its use in various languages. Wine is a valuable part of the agriculture. Georgia is one of the *oldest wine* regions in the world and is recognized as the most ancient center of wine culture. Throughout many centuries the winemaking was not only a basis economic and richness of Georgia, but also part of its spiritual culture. As the myth of Jason and the Argonauts suggests, the source of the Greek knowledge might lie in the Caucasian region, Georgia could actually be the cradle of winemaking. Tools, grape pits and amphorae (Qvevris) have been excavated in the valley of Alazani (Kakheti), which date back more than 4000 years. Close to the city of Vani, grape pips were found, which derive from the variety of Rkatsiteli, which is still largely cultivated today. All of this shows Georgia to be the country with the earliest proof of cultivation of *Vitis Vinifera*, the common grape vine. About 500 varieties of grapes are still encountered on the territory of Georgia.

The earliest confirmations of cultivation of a grapevine and production of wine, allows us to speak about the earliest name of this product in the Georgian language. The word "wine" - comes from the Indo-European root and there are reasons that origin of this word quite old. Really, the Georgian word **g'vino** - ღვინო, was used much earlier, before the origin of modern languages.

As is known the word “wine” is encountered in many various languages: English **wine**, French **vin**, Latin. **vinum**, and Spanish. **vin**, German. **Wein**, Old Greek **oivos**, Italian. **vin**, Armenian **gini**, Welsh **gwîn**, Arabic. **wainun**, Hebrew, **vayin**, Assirian. **înu**. Hittite **wiyan(a)**, Luvian. **wa/i-ya-na**, and other

Almost all languages have an identical root of the word designating wine. In Kartvelian languages it is pronounced so: **ghvino** (Georg.) - ღვინო (ქართ.) **ghvini**- (Zan.) - ღვინი (ზან.) **ghvinal**- (Svan.) - ღვინალ (სვან.).

It is obvious that these words come from one common root, they have one origin and possibly entered in all other languages from the country which is considered as the wine homeland. As it has been noted above a culture of grapes was known from the most ancient, early Bronze Age in the territory of Georgia. Some scientists note similarity between wine names in Kartvelian languages (for example, Georgian **ghvino**-, ღვინო"), Indo-European languages (for example, Russian «**вино**») and Semitic (***Wayn**), pointing to possibility of the common origin from the word designating "wine" in these language families. [6.] Some scientists approve about the Georgian origin of this word and that it was borrowed by Indo-European languages through Semitic group. Supporters of this viewpoint state that in Kartvelian languages the semantic relation of the word "wine" (ღვინო - **ghvino**, ღვინი - **ghvini**, ღვინალ - **ghvinal**) goes back to "**ghvivili**" verb (ღვავილი to blossom, bring to boiling) and the root "**GHV**"(ღვ) which is considered as common root of a lot of Kartvelian words (for example, **გაღვიძება** - (**gaghvidzeba**) - **to awaken**; **მღვდელი** - (**mghvdeli**) - a priest; - **ღვავილი** - **gvivli** - - to ferment; **მღვიმე** - **mghvime**, - a cave; **ღვთაება** - **ghvtaeba** - god; **ღვაწლი** - **ghvatsli** - a contribution; **ღვიძლი** - **ghvidzli** - liver and so on). The earliest confirmations of cultivation of a grapevine and production of wine, allows us to speak about the earliest name of this product in the Georgian language.

The traditional hospitality is associated with bread and wine that is specific for Georgian as well as British culture. In all the languages there are numerous expressions with the concepts **bread** and **wine** which can be seen in Georgian and English phraseological units: proverbs and sayings and idioms.

There are different interpretations related to phraseological units. Phraseology is one of the sources that enriches vocabulary and a valuable linguistic heritage in which the vision of the world, national culture, customs and beliefs, imagination and history are reflected.

2.1 Phraseological units as a phenomenon of culture. A set of stable word combination is called phraseology. Components of phrasemes (phrasemes, lexicalized or phraseologisms, phraseological units) are called stable word combinations. (Gamkrelidze 2008: 374)

Phraseological units as "mirror of national culture, psychology and philosophy" take a significant place in the course of the linguoculturological analysis (Tolstoi 1991 : 125-133). According to A. Kunin phraseological units are stable word-groups with partially or fully figurative meaning (Kunin 1970:78).

R. S. Ginzburg defines them as habitually non-motivated word-groups that cannot be freely made up in speech but are reproduced as ready-made units (Ginzburg 1979 : 74). V. N. Teliapoints out that the typical feature of phraseological units is their image-based motivation, which is directly connected with the nation world outlook (Telia 1996).

V.A.Maslova stresses the close connection of PUs with the cultural-historical traditions of people speaking the language (Maslova 2001). The meaning of the word is not only represented by the dictionary definition, but the word itself is related to the concept. Concept does not directly arise from the word. It is the result of a collision of the vocabulary word meaning with the personal and national experience. It seems that concept extends the meaning of the word.

Proverbial expressions are still very much alive in everyday languages. Biblical proverbs and sayings are the wisdom of thought.

The Biblical expressions inspire and give wise advice to everybody. ‘Language of the Bible has huge impact on formation of the literary languages of many peoples since ancient times acquainted with Christian culture. The translations of the Holy Writ into national languages became a basis of book languages of Europe, including Slavic. Thus that commenting of the text of the Bible is one of the most ancient and most traditional occupations of the

philologists, many aspects of this difficult perspective should be referred to the little developed. Questions of specifics of assimilation by concrete languages of those elements which go back to the Bible text, about nature of their further development in each of these languages, etc. are that, in particular” (Mokienko 2003 :144).

“Phraseological units are unique richness of lexicon of any language. They are not simply graceful expressions, emotions of thought, the history and events remaining in memory of people that are reflected in languages” (Adamia 2019: 21)

2.2 Linguoculturological concepts “bread” and “wine” in English and Georgian and phraseological units. Many references to bread can be found in the Bible. In the Christianity bread is the daily essentials in the life of people. We have gathered some examples related to bread from the Bible:

Jesus said to them: "I am the bread of life; he who comes to Me will not hunger, and he who believes in Me will never thirst" (John 6:35).

„ჰრქუა მათ იესუ: მე ვარ პური ცხორებისად ; რომელი მოვიდეს ჩემდა, არა შიოდის, და რომელსა ჰრქმენ ეს ჩემი, არასა და სწყუროდის”. (იოანეს სახარება 6: 35)

"I am the living bread that came down out of heaven; if anyone eats of this bread, he will live forever; and the bread also which I will give for the life of the world is My flesh." (John 6:51)

„მე ვარ პური ცხოველი, რომელი ზეცით გარდამოვკვედ. უკუე თუ ვინმე ჭამდეს ამის პურისაგან, არა მოკუდეს, არამედ ცხოვნდეს უკუნისამდე. და პური, რომელი მე მივსცე, ჯორცი ჩემი არს, რომელსა მე მივსცემ ცხორებისათვის სოფლისა. (იოანეს სახარება.” 6: 51)

The expression "breaking of bread" means having everything in common, a shared meal, bread must not be broken alone. A person must share bread, break it in pieces together with other persons that everyone can have some.

“While they were eating, Jesus took some bread, and after a blessing, He broke it and gave it to the disciples, and said, "Take, eat; this is My body." (Matthew 26:26)

„დავით არცა ჭამდეს იგინი, მოიღო იესუ პური და ჰმადლობდა და განტეხა და მისცა მოწაფეთათვისთა და ჰრქუა მათ: მიიღეთ და ჭამეთ: ესე არს ჯორცი ჩემი”. (მათეს სახარება 26:26)

The word "wine" used in the Bible designates both alcoholic and nonalcoholic beverages and approving moderate drinking of alcohol. Many well-meaning Christians find the fundamental justification for their moderate drinking of alcoholic beverages in the teachings and example of Jesus.

The first mention of wine in the Bible is planting of a vineyard and drink of wine from it: "Noah, a man of the soil, was the first to plant a vineyard. He drank some of the **wine** and became drunk, and he lay uncovered in his tent" (Genesis 9:21-22) „დაიწყო ნოემ, მიწაზე შრომა და პირველი იყო, რომელმაც ვენახი გააშენა. და შესვა ღვინო, დათვრა და გაშიშვლდა თავის კარავში”. (დაბადება 9: 20 - 21)

The **bread and wine** were symbolic that would have been eaten during a Passover meal.

Go then, eat your bread in happiness and drink your wine with a cheerful heart; for God has already approved your works. (Ecclesiastes 9:7)

წადი, მხიარულად ჭამე შენი პური და გულის სიხარულით სვი შენი ღვინო, რაკი ღმერთმა მოგიწონა ნამოქმედარი. (ეკლესიასტე 9:7)

Christian views on alcohol are varied positive reference to "wine" belongs to nonalcoholic grape juice. Because of its natural and nutritious properties, grape juice fully represents divine blessings of material welfare: “Therefore God give thee of the dew of heaven, and the fatness of the earth, and plenty of corn and **wine**” (Genesis 27:28), „და მოგცეს ღმერთმა ცვარიცისა, სინოციერემიწისა, დაუზვად პური და ღვინო! (დაბადება 27:28), Psalm 104:14-15 states that God gives wine “that makes glad the heart of men.” The expression marks that drinking wine from your own vineyard is considered as a sign of God’s blessing. “and I will bring my people Israel back from exile. They will rebuild the ruined cities and live in them. They will plant vineyards and drink their wine; they will make gardens and eat their fruit. (Amos 9:14) „და მოვაქციო ტყუეობა ერისა ჩემისაის რაჭლისადა. და აღაშენენ ქალაქნი უჩინო ქმნილნი და და იმკვდრენ და დაჰნერგენ ვენაჰნიდა სუმიდეს ღვინოსა მათსა და შექმნენ მტილნი და ჭამდენნაყოფსამათსა”. (ამოსწინასწარმეტყველი). In this expression the God positively expresses his attitude towards alcohol, he advises them the following "Ho! Everyone who thirsts, Come to the waters; And you who have no money, Come, buy and eat. Yes, come, buy wine and milk without money and without price. (Isaiah 55:1) „ჰოი, მწყურვალნი, ყველანი წყალთანმიდით, დავერცხლისუქონელნი, წადით, იყიდეთ და ჭამეთ! წადით და იყიდეთ უვერცხლოდ და უსასყიდლოდ ღვინო და რძე!” (ესაია წინასწარმეტყველი 55:1)

The Bible even mentions medicinal value of wine, for the apostle Paul encouraged Timothy to “use a little wine for the sake of [his] stomach.” (1 Timothy Luke 10:34) “And went to *him*, and bound up his wounds, pouring in oil and wine, and set him on his own beast, and brought him to an inn, and took care of him”. (Luke 10:34) „წუღარ სვამ მარტო წყალს, ცოტა ღვინოც იხმარე შენი კუჭისა და შენი ხშირი უძღურების გამო”. (პავლე მოციქულის პირველი წერილი ტიმოთეს მიმართ, I ტიმოთეს 5:23); „მივიდა მასთან, ჰრილობები შეუხვია, ზეთი და ღვინო დაასხა, შესვა თავის პირუტყვზე, მიიყვანა სასტუმროში და იზრუნა მასზე”. (ლუკას სახარება 10:34)

Great wisdom is reflected in the proverbial expressions. Proverbs and sayings are mostly created by people. First of all they come from life practice and most important source is world literature. The abundance of proverbs and figurative expressions and their intensive use in speech acts have long attracted linguists' attention. The study of ethnic peculiarities and customs of the British and Georgians on the basis of proverbs and sayings continuously underlines the importance of people's daily routine and culture.

Bread and wine are a vital importance in a person's life, as a loaf of bread is the staff of life. As for wine it is used not only during festivals where people give toasts expressing everlasting friendships, happiness and wellbeing but as a beneficial remedy. A lot of people around the world have a presence at every meal. It is important in cuisine of almost all the cultures of the world.

In British mythological proverbs and sayings, in the English, Welsh, Scottish and Irish languages bread is an integral part of culture and heritage. Here is a list of Georgian and English proverbs, sayings and idioms connected with bread and wine.

English proverbs - Bread always falls buttered side down. – It means that bread falling buttered side down causes bad luck. **Fall out with your bread and butter.** - You should not have arguments (fall out) with those who support you. **Acorns were good till bread was found** – English proverb, late 16th century – Opportunities and pleasures come too late for them to be enjoyed.

Scottish proverbs – Bread is the staff of life, but the pudding makes a good crutch. Bread is considered to be a “staff of life” - the most important and basic food people eat every day. **Bannocks is not better nor naebreid** - “half a loaf is better than none” - something is better than nothing, and to be grateful for what you have.

Welsh proverbs - Baraac ymenyn un tamaid. The English equivalent is “one single morsel is **the bread** with the butter on it spread”. **No right hath he to break the bread.** - it means sharing a sense of friendly relationships with someone or some group of people.

Irish Proverbs- Never buy bread from a butcher. - It clearly means if you have a problem to be solved, you must ask for help one who will do it well. **Half a loaf is better than no bread.** - If something goes wrong, the outcome is likely to be as bad as possible.

In Georgia respect and meeting guests with bread and wine was perceived as the respect of Christ. Bread and wine are considered as Eucharist for Christians, people's soul and heart as well. **პური და ღვინო** სტუმარსა წავა შინ მოაგონდებაო; **პური და ღვინო** ძველის ჯობია, ბატონი კი ახალიო.

Bread and salt as a traditional welcome of respect to guests in several cultures was considered as sacred. People equally esteemed bread and salt as a source of wealth and life.

პურ-მარილი გზაზე დასდე, გამოივლი წინ დაგხვდებაო. - Doing good is a part of human nature that brings joy to people, because goodness never gets lost. **სანამ თონე ცხელია, პური** მანამ ჩააკარო. - Until the tandoor is hot, bake the bread. This proverb emphasizes that everything should be done in time.

In most Georgian proverbs excessive drink of alcohol has a more harmful influence on health and soul. For example: **ღვინით** გალახულს ჯობით გალახული სჯობიაო. – It's better to beat by a stick than be woozy. Excessive wine damages human health. **ღვინო** კი არა, მსმელია მავნებელი. - Not the wine, but the drinker offends. **ღვინო** მართმევს გონებასაც და ქონებასაცო. - Wine takes away the mind and the property. **ღვინოს** დაუმეგობრდება, ნამუსს დაემშვიდობებაო. If you make friends with wine, you will forget your conscience. **ღვინო** ქვევრს ხეთქავს და კაცს რას უზამსო. - The wine throws a pitcher and what it will do to the man. **ღვინოში** მეტი ხალხი იხრჩობა, ვიდრე წყალშიო. - More people drown in wine than in water, etc.

Conclusion. In the end we would like to say that language is used in the most various spheres of public life, the concept of the word and its research gives opportunities to investigate and solve linguistic problems. It is noteworthy to state that descriptive and comparative analysis of phraseological units related to different concepts is a necessary precondition of profound study of language problems and gives chance of understanding different peoples' mentality and cultural specifics. Complex study of phraseological units as the object of linguistic research is significant and actual from the viewpoint of semantics and linguoculturology. They play a considerable role in the perception of specific features of national cultures.

LIST OF REFERENCES

- Adamia, Z. (2019) Comparative analysis of biblical phraseological units (in the Russian, English and Georgian languages). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 1 N1. (March), p. 21. DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-20-26>.
- Arn. Chikobava Enatmecnierebis Sesavali, TSU gamomcemloba, Tbilisi, 2008
- T. Gamkrelidze, Z. Kiknadze, I. Saduri, N. Sengelia Teoriuliena Tmecnierebiskursi, TSU gamomcemloba, Tbilisi, 2008
- R. S. Ginzburg, S. S. Khidkel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin A COURSE IN MODERN ENGLISH LEXICOLOGY SECOND EDITION Revised and Enlarged MOSCOW VYSSAJA ŠKOLA 1979
- Darra Goldstein - The Georgian Feast: The Vibrant Culture and Savory Food of the Republic of Georgia p. 36, The University of California Press Berkeley, Los Angeles, London, 2013]
- <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059224 - bbib0030>
- Maslova, V.A. (2001). Lingvokulturologiya. Moscow: Akademiya. [Linguoculturology]

ShalvaSikharulidze, Maia TavartkiladzeOur Daily Bread Georgia the Ancient Cradle of Agriculture, Levan Pruidze, InezaMaisaia, Tbilisi, 2004

Mokienko, V. M. 2003. Bibleizmy v Evropeyskoy frazeologii i paremiologii. Moskva.

Tolstoy N. I. Yazik i kultura // Ruskiyazikisovremennost. Problimperspektivirazvitiarusistiki ., M., 1991. 125-133

Kunin A. B. . (1970) Anglikaiafrazeologia.TeoreticCeskikurs. – Moskva, VisSaiaSkola

Telia V. N. Ruskaiafrazeologia. — M., 1996.

New King James Version,New International Version

www.abarim-publications.com/Meaning/Manna.html

<https://www.encyclopedia.com/food/encyclopedias-almanacs...and.../bread-symbolism>

<https://www.romanianhistoryandculture.com/pelasgians.htm>

For citation:

Shelia, M. (2019) LEXICO-SEMANTIC ASPECT OF LINGUOCULTUROLOGICAL CONCEPTS “BREAD” AND “WINE” IN THE GEORGIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 53-58. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-53-58>

Для цитирования:

Шелия, М. (2019) ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПОНЯТИЙ «ХЛЕБ» И «ВИНО» В ГРУЗИНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 53-58. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-53-58>

Information about the authors: Manana Shelia - Associate Professor, Doctor of Education, Sokhumi State University, Tbilisi, Georgia

e-mail: manan-7@mail.ru

Сведения об авторе: Манана Шелия - ассоциированный профессор, доктор педагогических наук, Сухумский государственный университет, Тбилиси, Грузия.

e-mail: manan-7@mail.ru

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-58-62>

PHRASES WITH THE KEYWORD-SYMBOLS (ON THE MATERIAL OF THE UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Natalia Venzhynovych
Doctor of Philology, Associate Professor
Uzhhorod National University
(Uzhhorod, Ukraine)
e-mail: vennata2017@gmail.com

Abstract. The article deals with the study of one of the topical problems of Modern Linguistics – the reflection of the most important mental peculiarities of Slavonic peoples, in particular, Ukrainian and Russians. The aim of the paper is to fix up the most representative stable units with the help of the key word-symbol WATER and accomplish their linguistic description. Water is the biggest gift of heaven to the Earth, resuscitates it and makes fruitful. In connection with a special importance of this natural substance in people’s life, the above-mentioned nations created unique phraseological units with the keyword WATER. For achieving the aim the descriptive, comparative-confrontation methods, the method of conceptsphere modelling, componential and contextual analyses have been used. During the work the author bases his research on the main scholarly postulates of well-known Ukrainian and foreign learned men, introducing their own vision of the problem to them. The material under investigation enabled distinguishing ten the most important conceptspheres, in the author’s opinion, which form the concept *water* with the corresponding word-symbol. As a result of carrying out the research the author comes to the conclusion that fixed up phraseological expressions are vivid representatives of mental peculiarities of Ukrainians and Russians, in particular they reflect their mode of life, customs, beliefs, the features of the character, the relations among them, etc.

Keywords: phraseological expression, a word-symbol WATER, concept, conceptsphere, mental peculiarities

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КЛЮЧЕВЫМИ СЛОВАМИ-СИМВОЛАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Наталья Венжинович
 доктор филологических наук, доцент
 Ужгородский национальный университет
 (Ужгород, Украина)
 e-mail: vennata2017@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию одной из самых актуальных проблем современного языкознания – отражению во фразеологических выражениях наиважнейших ментальных особенностей славянских народов, в частности, украинцев и россиян. Цель работы – зафиксировать наиболее репрезентативные устойчивые единицы с ключевым словом-символом ВОДА и произвести их лингвистическое описание. Вода – самый большой дар неба земле, поскольку она оживляет ее и делает плодородной. В связи с особой важностью этой природной субстанции в жизни людей, они создали неповторимые фразеологические единицы с ключевым словом ВОДА. Для достижения цели использованы описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод моделирования концептосфер, компонентный и контекстуальный анализ. В процессе работы автор базируется на главном научном постулате известных украинских и зарубежных ученых, привнося в них и свое видение проблемы. Исследуемый материал позволил выделить десять наиважнейших, по мнению автора, концептосфер, которые формируют концепт ВОДА с соответствующим ключевым словом-символом. В результате проведенных изысканий автор приходит к выводу о том, что зафиксированные фразеологические выражения являются яркими репрезентантами ментальных особенностей украинцев и россиян, в частности, отражают их быт, обычаи, верования, черты характера, отношения между собой и др.

Ключевые слова: фразеологическое выражение, слово-символ ВОДА, концепт, концептосфера, ментальные особенности

INTRODUCTION. Water, according to people's beliefs, is the most sublime gift of heaven to the Earth, because it resuscitates it and makes fruitful. It is also a means of magic cleaning, poeticized in people's creative work as a human life is closely connected with it from birth to death. Water symbolizes first of all health, is also a symbol of coupling, impregnation, reproduction – in old times the marriages were entered at water. Water among people was associated with moral cleanness. *Stormy water* symbolizes danger, *quiet water* is a symbol of inmost increase of discord in a young couple. *Quiet water* also symbolized an even tempered person, who sometimes outbreaks of anger against limitations, rebels. *Muddy water* is a symbol of sorrow (Zhaivoronok 2018). Every nation has created its own unique phraseological expressions, in the stock of which the keyword WATER is realized.

It seems expedient to analyse just these phrases of the Ukrainian language, forming concept WATER and, being realized, reflect the most versatile manifestations of life and activities of a human being (opportunistically we shall compare with a corresponding material of the Russian language).

A SURVEY OF LITERATURE. After V. Mokiienko we point out that phraseology of any language has a double individuality. It is individual as a phenomenon of modern literary language as any expression is an independent splint of active speech model, which has lost its topicality. It is also individual as a phenomenon of certain national realia that personified in its time the originality of culture of any ethnos. And an individual thing is especially a strong solution in the interaction of peoples and their cultures, because it is exactly the original national treasure during cultural exchange among nations (Mokiyenko 2007).

We share the opinion of V. Zhaivoronok, who affirms, that it is the anthropocentric approach to learning language units that excited incentive to the role of language as a social phenomenon in the system of spiritual values of any ethnos. But not only a human being influences the language, it also forms personality to a considerable extent. Anyway, the ethnos formation without language is impossible as it is one of the key signs of a nation (Zhaivoronok 2018).

Valuable for us are N. Alefirenko's thought who points out, that one of the most important tasks of cognitive linguistics is the problem of sense formation, expressed with phrasemes and modeling of discourse-sense scope of a phraseme. The study of sense in cognitive phraseology anticipates revealing regularities of forming systemic phrase meanings and discourse semantics of those communicative creations, within which these phrasemes function (Alefirenko 2008).

In our opinion, an important task in this context at present is to study a linguocultural aspects of concept WATER, embodied in phrases of different languages, in particular, Ukrainian, opportunistically comparing at this phrase material of closely related Russian. A. Arkhangelskaya's investigation in this respect is also of great interest for it (Arkhangelskaya 2013).

METHODS OF STUDY. The descriptive method is applied for inventorying, systematization and interpretation of the fixed material, reproduction of the most multiform manifestations of life and activities of Ukrainians and Russians by means of phrase studies as well as comparative-confrontation method – for singling out peculiarities of mentality of the people, reflected in the phraseological stock of the above mentioned Slavonic languages. The newest method of conceptosphere modelling is also applied for structural organization of the selected material, *componential analysis* is used for the reproduction of lexical meaning of phrase constituents, *contextual analysis* for qualification of appliance language units to phraseological language system.

RESULTS AND DISCUSSION. We distinguish the following conceptospheres that form concept WATER, reproduced in phraseological expressions.

1) the symbol of being, e.g.: Ukr. *на ясні зорі, на тихі води* (a proverb), – ‘to homeland’; *без води і ні туди, і ні сюди* (a proverb) – ‘the importance of water in human life’; *без води борщу не зварюш* (a proverb) – the same (Ukrainian *prykazky*, 2004). Compare Russian *вода, вода, кругом вода* – about a vast water body (river, sea, ocean); about enormous accumulation of ground water; idle talks (Birikh et al., 2005, 104).

2) the features of human character, e.g. Ukr.: *ані в воді не втогне, ні в огні не згорить* (a proverb) – ‘endurance’ (Ukrainian *prykazky*, 2004); *і на холодну воду дме* (a proverb) – ‘caution’ (ibidem); *тиха вода береги рве* (a proverb) – ‘perfidy’ (ibidem); *з брудної води ще ніхто чистим не вийшов* (a proverb) – ‘dishonourableness’ (ibidem); *чистої води* – ‘without falsity, true’ (SFUM, 121); *під лежачий камінь вода не тече* – ‘lazy’ (ibidem); *проти води пливе* – ‘acts contrary to fixed views, standards, traditions’ (SFUM, 520); *тихіший від води, нижчий від трави* – ‘very modest, submissive, imperceptible’ (SFUM, 712); Compare, e.g., Russian *тише воды, ниже травы* = Ukr. Primarily this was a folk saying and had another form – *ниже воды, тише травы* and a more profound sense, as to become more quiet than water and lower than glass is not so difficult, but lower than water and more quiet than grass – is difficult up to impossibility. A usual form of the expression *more quiet than water, lower than grass* is primordial. The symbolism of water in Russian and Slavonic folklore proves logicality of correlation of water with quietness. Colloquial speech confirms the acknowledgement of water as the measure of something not high. Thus, the symbolism of the expression *тихіше води, нижче трави* is not logically justified, but also consecrated with the old folklore tradition, which closely connected water with the epithet *quiet* and grass with the epithet *low* (Birikh, et al., 2005, 109).

3) positive and negative human actions, e.g. Ukr. *пройти крізь вогонь, воду і мідні труби, в вогонь і воду* – ‘to suffer probations’; *скаламутити воду* – ‘to sow seeds of discord, worry in something’ (Birikh, et al., 2005, 285); *щоб рибу їсти, треба в воду лізти* – ‘to work well’; *ловити рибку в каламутній воді* – ‘to be cunning for one’s own benefit’ (SFUM, 352); *втопити в ложці води* – ‘to aggrieve strongly’ (SFUM, 136); *ані за холодну воду не братися* – ‘to idle’ (SFUM, 122);

товкти воду в ступі – ‘to busy oneself with something unnecessary, to-waste time’ (SFUM, 714); *толоць воду в ступе* (Birikh, et al., 2005, 107) – ‘the same’; *решетом у воді зірки водити* – ‘the same’, *решетом воду носити* – ‘the same’. Russian *носить воду в решете* (Birikh, et al., 2005, 106) – ‘the same’, *різати воду ножицями* – ‘the same’, *лізти у воду, не знаючи броду* – ‘to do something without previous contemplation, to be incautious’ (SFUM, 346); *не плюй у криницю, бо схочеш водиці* (a proverb) – ‘to offend somebody in vain’ (Ukrainian *prykazky*, 2004); *пролиту воду назад не збереш* (a proverb) – ‘what is done, cannot be undone’ (ibidem); *вчораїньої води не здоженеш* (a proverb) – ‘the same’ (ibidem); *вийти сухим із води* – ‘to avoid punishment or complaint’ (SFUM, 93); Russian *вийти сухим из воды* (Birikh, et al., 2005, 108) – ‘the same’; *не ходи у воду за птицею, а в ліс за рибою* (a proverb) – ‘do your own business’ (Ukrainian *prykazky*, 2004); *лити воду на млин чийсь* – ‘to act for somebody’s benefit’ (SFUM, 336); *і кінці в воду* – ‘not to leave any track of crime, a worthless action’ complaint’ (SFUM, 296). Compare, e.g., Russian *и концы в воду* – Ukr. Spatial metaphor forms the foundation of image, which is based on the symbol function of water and in which the component *the ends* is comprehended as the completion of some worthless action, which is liable to be hidden. In this metaphor hiding the tracks (ends) of a criminal action is associated with dipping some object into water body, leaving correlated no trace in it. The image of this phrase also correlates with a spiritual code of culture that is with the totality of moral principles and ideas in which a similar behavior as well as the wish to avoid responsibility or punishment in any possible way is negatively assessed. A phrase reflects a stereotyped idea about committing a criminal, morally unworthy action, the tracks of which are attempted to be hidden (BFSRYA, 250-251).

4) human appearance, the similarity with somebody, e.g., Ukr. *хоч з лиця води напийся* – ‘very handsome’ (SFUM, 424); *з роси і води* – ‘very handsome’; *у десятьох водах митий* – ‘very clean’ (SFUM, 234); *як дві краплі води* – ‘very similar’ (SFUM, 311). Compare Russian *как две капли воды* = Ukr. The image of a phrase correlated with a natural code of culture, that is with the totality of names or their combinations, which designate natural objects, including those, familiarized by man; it also correlates with a metric and standard system, mastered by a human being. The phraseological expression has a metaphor in which a person, the subjects of the world around, circumstances are assimilated to a drop of water, which plays a role of standard of full identity, uniformity in this case (BFSRYA, 303).

5) speech activities of a human being, e.g.: Ukr. *лити водицю* – ‘to speak incorrectly, emptily, not in an interesting way’ (SFUM, 336); *вода все сполоще, а злого слова – ні* (a proverb) – ‘one mustn’t say wicked words’; *вода ума не мутить, та й голови не смутить* (a proverb – ‘the same’), *набирати води в рот* – ‘not to say anything, to keep silence’ (SFUM, p. 415). Compare, e.g. Russian *набрать воды в рот* = Ukr. In the phrase *mouth* is identified with a place of action. A stereotyped everyday situation underlies the image: the one who has his or her mouth full of water is unable to express a sound (BFSRYA, 447).

6) the status of man and the state of nature, e.g., Ukr. *як риба у воді* – ‘easily, naturally, well be sure, familiarized’ (SFUM, 598); *як сіль у воді* – ‘to vanish, leaving no trace’ (SFUM, 651); *хоч з мосту та в воду* – ‘a hopeless (desperate) situation’ (SFUM, 655); *хоч у воду скачи (стрибай)* – ‘the same’; *мов облитий холодною водою* – ‘confused, stunned’ (SFUM, 453). Russian *как будто холодной водой окатили* (Birikh, et al., 2005, 104); *як скупаний у мертвій воді* – ‘depressed, sad, sorrowful’ (SFUM, 660); *як у воді намочений* ‘discontented, mournful, angry’ (SFUM, 423); *як хто линув холодною водою з льодом* – ‘very impressed, silent’ (SFUM, 334); *боятися як чорт (дідько) свяченої води* – ‘to be afraid very much’ (SFUM, 769); *вплисти на чисту воду* – ‘to become well-known’ (SFUM, 80); *як пірнути (шубовснути) у воду* – ‘to vanish, leaving no trace’ (SFUM, 127); *канути в воду* –

'the same'; *як камінь у воду* – 'the same'; *вилами по воді писано* – 'it is unknown what to be' (SFUM, 502); *лопнути як булька на воді* – 'to suffer a defeat, to get the knock' (SFUM, 354); *лютий воду відпускає, а березень – підбирає* (a proverb) – 'water is melting'; *буря в скляниці води* – 'alarm on trifles' (SFUM, 48). Russian *буря в стакане воды* – 'the same'; (Birikh, et al., 2005, 109); *від великої води надійся біди* (a proverb) – 'flood'; *де вода, там і біда* (a proverb) – 'the same'; *чайка сіла у воду – чекай доброї погоди* (a sign) – 'it will be sunny'; *як у воду опущений* – 'gloomy, sad' (SFUM, 468). Compare, e.g. Russian *как будто (словно, точно) в воду опущенный* = Ukr. The meaning of the phraseological expression is connected with old customs of God's Court – ordeal with fire and water, fixed up in "The Russian Truth" by Yaroslav the Wise. The accused person was thrown into a river or lake: this one who swam out – was innocent. The image of a phrase correlates with a natural and landscape (through the component of water) the code of culture. Spatial metaphor underlies the image, in which water, water-depths are symbolically connected with mystical space, which negatively influences a human being. This metaphor assimilates a depressed state of a person to the result of a negative magic influence of water on him or her as a hostile element people find themselves not at their own free will (BFSRYA, 293 – 294).

7) the relations of people, e.g.: Ukr. *водою не розілляти* (не розлити) – 'strong, friendly, sincere relations' (SFUM, 611); Russian *водой не разольешь* – 'the same' (Birikh, et al., 2005, 104); *хоч водою розливай* – 'one cannot stop somebody in quarrel, fight, argument' (SFUM, 611); *варити воду* – 'to treat cruelly anybody, showing one's whims' (SFUM, 51); *вивести на чисту воду* – 'to expose anybody's dishonourableness, perfidy, dishonesty' (SFUM, 66); *ваша вода мокра та ще й зимна* – 'the expression of groundless claims' (SFUM, 569); *десята (сьома) вода на киселі* – 'very distant relatives' (SFUM, 211). Compare, e.g., Russian *десятая (седьмая вода на киселе)* = Ukr. The expression is known from the time of Kievan Rus. It is connected with cooking of ground oats, the flour of which was several times washed out. It is natural, that the seventh (the tenth, etc.) water had in its body very little kissel jelly and therefore too much differed from the first one. A digital code of culture also underlies the phraseme (the use of the magic member 7 as well as 10, etc.) (Birikh, et al., 2005, 103).

8) the time of action, e.g. Ukr. *ніти за водою* – 'not to return for the past' (SFUM, 516); *як лист за водою* – 'to disappear for ever' (ibidem, p. 335); *багато (мало) води сплигло (уплигло)* – 'much time has passed' (ibidem, p. 22). Compare, e.g., Russian *много воды утекло* (since the time, when) = Ukr. One of the versions of the expression origin is connected with the antique water clock – *клепсыдра*, known in Assyria, Babylon, Ancient Greece in the form of the united vessels. Time was measured with the quantity of water that flowed out from the upper reservoir to the lower one. Such a clock was used in the old Roman court for the limitation of time for public address of the accusers and the accused. If an orator spoke very much and uttered many idle phrases, then during his speech much water flowed out. Therefore they said "There is much water I such a speech", At the same time the data of many languages confirm that the connection with the ancient clepsydra is secondary. In fact, the question is about a river, spring or sea water. Thus, a Russian expression reflects not an ancient method of measuring time with a water clock, but an old time metaphor, connected with water among many peoples, which is flowing and never returns as well as an irretrievable flow of time (Birich, et al., 2005, 109).

9) quantity Ukr. *як у решети води* – 'there is altogether nothing' (SFUM, 121) Russian *как в решете воды* – 'the same' (Birikh, et al., 2005, 106); *там води – горобцеві по коліна* (a proverb) – 'little'.

10) economic conditions, e. g. Ukr. *чий берег, того й вода* (a proverb) – 'rich', *перебиватися з хліба (з юшки) на воду* – 'to suffer from want' (SFUM, 489); *посадити на хліб і воду* – 'to hunger' (ibidem, p. 628). Russian *посадить на хлеб и воду* (BFSRYA, 527) – 'the same'.

CONCLUSION. Summing up, we point out, that the overwhelming majority of phraseological expressions with the keyword-symbol WATER have analogues both in Ukrainian and Russian as well as common origin. At the same time in the proverbs of Ukrainian we note after certain distinctions in the reproduction of reality in comparison with metal peculiarities, the difference in the mode of life, behaviour, beliefs, customs, etc.

LIST OF REFERENCES

- Alefirenko, N.F. (2008). Fraseologiya i kognitivistika v aspekte lingvisticheskogo postmodernizma [Phraseology and Cognitistics in the Aspects of Linguistic Postmodernism]. Belgorod: Izd-vo BelGU.
- Arkhangelskaya, A.M. (2013). Arkhetipnaya simvolika vody v semantike slavianskikh blagopozhelaniy i proklatiy [Archetype Symbolism of Water in Semantics of Slavonic good will and damnation]. Budapest: TINTA KONYVVKIADO, 123 - 129.
- Birikh, A.K., Mokiyenko V.M., Stepanova L.I. (2005). Russkaya frazeologiya [Russian Phraseology]. Moskva: Astrel: ACT: LIUKS.
- BFSRYA – Bolshoy fraseologicheskiy slovar russkogo yazyka. Znachenіye, upotrebleniye, kulturologicheskiy kommentariy (2006) [Compulsory Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Culturological Commentaries]. 2 nd ed. Moskva: ACT-PRESS KNIGA.
- Mokiyenko, V.M. (2007). Obrazy russkoy rechi [Figures of Russian Speech]. 2 nd ed. Moskva: Flinta: Nauka.
- SFUM – Slovnyk frazeologizmiv ukrayinskoyi movy (2008) [Phraseological Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova Dumka.
- Zhaivoronok, V.V. (2018). Znaky ukrayinskoyi etnokultury [Signs of the Ukrainian Ethnoculture]. Kyiv: Naukova Dumka.
- Ukrayinski pryslyvya, prykazky i take inshe (2004) [Ukrainian proverbs, sayings and suchlike]. Kyiv: Lybid.

For citation:

Venzhynovych, N. (2019) PHRASES WITH THE KEYWORD-SYMBOLS (ON THE MATERIAL OF THE UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGES). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 58-62. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-58-62>

Для цитирования:

Венжинович, Н. (2019) ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КЛЮЧЕВЫМИ СЛОВАМИ-СИМВОЛАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 58-62. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-58-62>

Information about the authors: Natalia Venzhynovych

Ukraine, Uzhhorod National University, the Ukrainian Language Department, Professor of the Ukrainian Language Department
Doctor of Philology, Assistant Professor.
e-mail: vennata2017@gmail.com

Сведения об авторе: Наталия Венжинович, доктор филологических наук, доцент. Ужгородский национальный университет, кафедра украинского языка, профессор кафедры украинского языка, Ужгород, Украина.
e-mail: vennata2017@gmail.com

Manuscript received: 06/02/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-62-65>

**VERBALIZATION OF THE CONCEPT "FAMILY" IN THE JAPANESE LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAREMIAS)**

Ksenya Vorkina
Senior lecturer
Peoples` Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)
e-mail: ksenya_japan@mail.ru

Abstract. The article analyzes the significance of the concept "family" for Japanese culture on the basis of phraseological units. Exploring the specifics of the notion of "family" in Japanese, the author identified a number of idioms, that illustrate the former attitude of the Japanese to the family and the view of the modern generation on the changed status of the family institution. The findings obtained by the author testify to the longevity and inviolability of family traditions in the minds of the Japanese.

Keywords: Japan, family, tradition, phraseology, Confucianism

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СЕМЬЯ» В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ)**

Ксения Сергеевна Воркина
Старший преподаватель
Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)
e-mail: ksenya_japan@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется значимость понятия «семья» для японской культуры на материале фразеологизмов. Исследуя специфику обозначения понятия «семья» в японском языке, автор выявил ряд паремий, которые иллюстрируют былое отношение японцев к семье и взгляд современного поколения на изменившийся статус института семьи. Полученные автором выводы свидетельствуют о долговечности и нерушимости семейных традиций в сознании японцев.

Ключевые слова: Япония, семья, традиции, фразеологизм, конфуцианство

ВВЕДЕНИЕ. Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает её из поколения в поколение. Поэтому в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа и нации язык играет столь значительную роль. В идиоматике языка, отражаются ценностные ориентиры, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют образ жизни, географическое положение, историю, быт, традиции той или иной общности, объединенной одной культурой.

Роль языка в формировании культурной среды представляется чрезвычайно важной. Помимо того, что язык является основным средством социальной коммуникации (обмена информацией), он способствует единообразному пониманию этой информации, существенным образом определяя характер её трактовок и интерпретаций. Без единого общепонятного языка невозможно поддержание в коллективе людей социальной коммуникации, вне которой формирование культурной среды становится неосуществимым.

Ячейкой любого общества, отличающейся наибольшим культурным единообразием, является семья, между членами которой частота коммуникативных контактов бывает наибольшей. Семья относится к ключевым концептам национальной языковой картины мира. Анализ понятия *семья* и особенности его вербализации фразеологическими средствами позволяет очертить закономерности организации семьи в обществе, раскрыть ценностные приоритеты и предположить возможные пути их развития.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Исследуя вопрос о вербализации основных, концептуально важных понятий, входящих в понятие *семья*, мы обращались к трудам В.М.Алпатова, Т.М. Гуревич, Е.В. Добровольской, Т. Судзуки.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Методология исследования обусловлена междисциплинарной проблематикой анализа этнических паремий. Вопрос вербализации понятия *семья* в японской лингвокультуре рассмотрен через призму традиционных ценностей и исследованию трансформаций, происходящих с ней в современных условиях. Для проведения исследования фразеологических единиц автор прибегал к приёму сплошной выборки из японских словарей пословиц и поговорок, а также использовал метод классификации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Анализируя специфику обозначения понятия *семья* в японском языке, был выявлен набор, состоящий из десятка лексем, которые обозначают схожие с русским языком понятия *семья, семейство, дом, фамилия, домохозяин*. Оказалось, что область значений набора японских слов значительно обширнее спектра значений русского слова *семья*.

Понятие «семья» передается в современном японском языке словами: 家 – *иэ* или *ути*; 家族 – *кадзюку*, – 家 – *каме*, 家庭 – *катэй*, 家内 – *канай*, 内輪 – *утива*, 所帯 – *сэтай*, 世帯 – *сэтай*, ホーム – *хо:му*, ファミリー – *фамири*. Два последних слова передают на японском языке звучание заимствованных из английского языка слов *home* и *family*, являющихся синонимами слова *семья*. Те сферы, которые наиболее затронуты американским влиянием, почти целиком затронуты заимствованиями *гайрайго* (Alpatov, 2008). Семейная сфера не является исключением, что говорит о подвижках во взглядах на институт семьи. Однако, по мнению Судзуки Такао, процесс заимствований в японской культуре происходит избирательно (Suzuki, 1987). Это позволяет существовать и развиваться собственной культуре Японии, поддерживая нерушимость института семьи.

Родовая принадлежность является одной из важных составляющих анализируемого понятия. Способность почитать и ценить свой род заложена в японской культурной традиции. Почтение к роду и глубинное ощущение своих корней передается по наследству. Слово 家 (*иэ*) толкуется как непрерывная цепь семейных групп, проходящая из поколения в поколение. В гражданском Кодексе к *иэ* относились люди, заносившиеся в домовую книгу семьи. Это не просто совокупность членов семьи, а «концептуальная сущность, имеющая место не только в родственных отношениях, но являющаяся структурирующим моментом многих социальных институтов (Gurevich, 2006).

Слово 家 (*иэ*) может употребляться для обозначения живущих вместе членов семьи: *сайкин кидзуйта га, коно иэ-но хито-ва каимоно-га бё:китэки-ни сукина но дэсу* (最近気づいたが、この家の人は買い物は病的に好きなのだ – «я недавно обратила внимание, что члены этой семьи патологически любят покупки»).

Часто это слово используется для обозначения дома как постройки: *иэ-но най* (家のない – бездомный), *иэ-о татэру* (家を建てる – построить дом), *иэ-ни иру* (家にいる – быть дома) и т.п.; либо в разговоре о семейном бизнесе или профессии: *иэ-о татаму* (家をたたく – перестать заниматься профессией, передававшейся в семье из поколения в поколение). Таким образом, лексема *дом* может выполнять функцию именного дублета концептуального знака *семья*, акцентирующего семантику семейного пространства и порядка. Эта лексическая пара отражает двойственность концептуального восприятия: *семья* как система нравственных, этических и родственных отношений и *семья* как способ организации быта этих отношений (Dobrovol'skaya, 2005).

Иэ (家) употребляется в значении «семья» в устойчивых выражениях: *иэдэ* (家出 – уход из семьи), *иэ-но нака-ва эмман да* (家の中は円満だ – в доме (семье) все спокойно (мир и гармония)).

Значение *семья* прочитывается в словах китайского происхождения, составной частью которых является иероглиф 家, имеющий чтение *ка*, например: 家名 (*камэй/кэ-мё:*) или 家声 (*касэй*) – честь семьи (букв.: имя семьи или голос семьи); 家風 (*кафу:*) – семейная традиция (букв.: семейный стиль); 家系図 (*какэйдзу*) – генеалогическое древо (букв.: схема имеющих отношение к семье) (Gurevich, 2006).

То, насколько значимо понятие *семья* для японской культуры, свидетельствует большое количество паремий. Паремии служат важным источником культурологического знания о семье и нормах поведения внутри

нее. Исследуя паремии японского языка, можно выделить категории, выражающие наиболее важные ценностные приоритеты в жизни японцев.

Дом (семья) ассоциируется с понятием о нерушимости и долговечности:

男子家を出ずれば七人の敵あり (*данси из-о идзурэба ситинин-но тэкиари*) – букв. Переступив порог дома, у человека появляется семь врагов. Аналогом может послужить русская поговорка *Мой дом – моя крепость*.

我が家樂の釜盥 (*ва-га израку-нокаматарай*) – букв. Даже если настолько беден, что пользуешься лоханью, нет лучше места, чем свой дом. В данной поговорке слово *дом* употребляется в значении *семья*. Эта паремия сходна русской прецедентной фразе *Дом, милый дом*. Приведем ещё один пример с идентичным значением: 我がにまさる所はない (*ва-га я-ни масару токоро-ва най*) – букв. Для меня нет лучшего места, чем дом.

О важности семьи гласит пословица: 付き合いなら家でも焼く (*цукиあい-нара из-дэмо яку*) – букв. Главное отношения, а дом пусть горит ярким пламенем. Пословицу можно транслировать следующим образом: отношения настолько важны, что приходится жертвовать чем-то очень важным. В то же время пословица служит неким предупреждением: как бы серьёзно человек ни относился к завязыванию отношений (скорее любовных), необходимо помнить о своем доме и семье. В данном случае слово *дом* (*из-家*) ассоциируется с словом *семья* (*катэй-家庭*).

方角の吉凶を気にしすぎると身動きがとれなくなり、ついには家をつぶす結果になるということ (*хо: гаку-но киккё-о ки-ни сисугиру-то мугоки-га торэнакунари, цуи-ни-ва из-о цубусу экка-ни нару-то цу кото*) – букв. Если слишком беспокоиться о выборе удачного направления, то в конечном счете не сможешь двигаться, что приведет к разрушению дома (семьи). В данной пословице слово *дом*, выраженное тем же иероглифом *家*, синонимично понятию *семья*.

雌鳥うたえば家滅ぶ (*мэндори утаэба из хоробу*) (Kotowadza Jiten, 2014-2018) – букв. Если будет петь курица, то это разрушит дом. Можно сравнить с русской паремией *Плохо, когда петух поет лишь тогда, когда курица прикажет*. Японцы издавна полагают, что семья, в которой правит жена, недолговечна. Через паремию можно проследить традиционное представление о подчиненном положении женщины в патриархальной семье, которое основано на конфуцианской этике. Приведем в пример ещё одну пословицу: 女は三界に家なし (*онна-ва санкай-ни из-наси*) – букв. Женщина бездомна в трех королевствах. Дело в том, что женщинам надлежало следовать за родителями до брака, за мужем в браке, за детьми в старости. Притча окрашена мрачным представлением о том, что у женщины нет своего дома на протяжении всей своей жизни. Сегодня такое мировоззрение кажется устаревшим и даже оскорбительным для многих женщин в Японии, где Конституцией установлено гендерное равноправие.

Несмотря на былую дискриминацию, женщина всегда имела высокий статус в рамках отдельно взятой семьи в роли матери и жены: 家に女房なきは火のない炉のごとし (*из-ни нё:бо: наки-ва хи-но най ро ноготоси*) – Дом без жены – очаг без огня; 家になくてならぬものは上がり框と女房 (*ути-ни накуте нарану моно-ва агари камати-то нё:бо:*) – Отсутствие хозяйки дома означает, что не хватает чего-то очень важного. В то время как женщина заботится о создании и поддержании уюта в семье, мужчина – добытчик, следовательно, он главный в доме. Об этом говорится в японских пословицах: 男は外, 女は内 («*Отоко ва сото, онна ва ути*») – Мужчина снаружи, женщины внутри; 女房は家の大黒柱 («*Нё:бо ва из-но дайкокубасира*») – Женщина – опора дома (Karamzin, 1997).

Как уже упоминалось ранее, родовая принадлежность, почитание своего рода представляет большую значимость в жизни каждого японца. Несмотря на то что большие клановые семьи, которые именовались словом *из* (家), были официально отменены новым гражданским кодексом в 1947 г. (Costitution, 2010), а современный институт семьи стал представлять собой систему нуклеарных семей (лат. *nucleus* – ядро), состоящих из малочисленных по своему составу семей (*какүкадзоку*核家族化), система ценностей сохранилась. Об этом свидетельствует фразеологический ряд (Kotowadza Jiten, 2014-2018):

家柄より芋莖 (*из гараёри имогара*) – родословная кормит; 三代続けば末代続く (*сан дай цудзүкэба мацу дай цудзүку*) – Возвращая третье поколение, создаешь прочный фундамент на будущее; お家がら (о-из гарагара) – Кичиться своей родословной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Как показывает проанализированный выше материал, понятие *семья* находит свое отражение в многочисленных паремиях и фразеологизмах японского языка. Они этнокультурно маркированы и отражают различные составляющие традиционной семьи в Японии и вместе с тем способствуют вербализации семейных ценностей японцев.

В паремиях отражены основные ценностные ментальные характеристики японцев в отношении семьи, показана ее значимость. Устойчивость паремий отражает долговечность и нерушимость семейных традиций в сознании японцев.

На основе анализа японских паремий можно заключить, что фонд японских пословиц, поговорок и фразеологизмов довольно полно отражает бытовую картину мира японского народа. Изучив паремии японского языка, можно представить, каковы стереотипы о прочности родовых связей, о традиционном разделении ролей между мужчиной и женщиной, о нерушимой значимости института семьи, на которую до сих пор оказывает влияние конфуцианство, что, безусловно, отражается на характере семейного быта и семейно-родственных отношений.

LIST OF REFERENCES

- Alpatov, V.M. (2008). Yaponiya: yazik i kul'tura [Japan: language and culture]. Moskva: Yaziki slavyanskih kultur.
- Dobrovolskaya, E.V. (2005) Konzeptualizatsiya sem'i v russkoi yazykovoi kartine mira. Kand. Diss [Conceptualization of the family in the Russian language. Kand. Diss.]. / Novosibirsk: Novosibirski pedagogicheskiy universitet.
- Gurevich, T.M. (2006) Lingvokulturologicheskiy analiz kontseptsfery chelovek v yaponskoi yazykovoi kartine mira. Doct. Diss. [Linguistic and culturological analysis of the conceptual sphere 'man' in the Japanese picture of the world. Doct. Diss.]. Moscow, MSU.
- Karamzin, L.M. (1997) Yaponsko-anglo-russkiy slovar poslovic i pogovorok [Japanese-English-Russian dictionary of proverbs. Moskva: Kotori Group.
- Constitution of Japan (11.04.2010). Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=37> (Accessed: 30.04.2019).
- Kotowadza Jiten. ことわざ辞典 オンラインonline (2014-2018). Available at: <https://kotowaza.jitenon.jp/kotowaza/2263.php> (Accessed: 1.05.2019).
- Suzuki, T. (1987). Reflections on Japanese Language and Culture. Tokyo.

For citation:

Vorkina, K. (2019) VERBALIZATION OF THE CONCEPT "FAMILY" IN THE JAPANESE LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAREMIAS). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 62-65. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-62-65>

Для цитирования:

Воркина, К.С. (2019) ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СЕМЬЯ» В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 62-65. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-62-65>

Information about the author: Ksenya Vorkina - Senior lecturer. Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia

e-mail: ksenya_japan@mail.ru

Сведения об авторе: Ксения Сергеевна Воркина - старший преподаватель. Российский университет дружбы народов.
Москва, Россия

e-mail: ksenya_japan@mail.ru

Manuscript received: 05/23/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

MEDIA CULTURE

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-66-70>

POLYCODE PHENOMENON OF THE NEWS TEXT IN ONLINE MEDIA

Alevtina A. Kolosova
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)
e-mail: Kolosova-aa@rudn.ru
Natalia V. Poplavskaya
PhD in Philology, lecturer
Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)
e-mail: Poplavskaya-nv@rudn.ru

Abstract. The active introduction of the latest technologies in the field of mass communication has led to new approaches to the creation and analysis of news texts in online media. Until recently, the informational function of news media texts was considered to be the main one. However, due to the growing role of non-verbal means in informational messages and the use of a multimedia language - graphics, color, photographs, drawings, various audio-visual elements - the impact function is becoming the dominant one integrated, or so called polycode news texts.

Keywords: polycode phenomenon, online media, news text, media discourse

ПОЛИКОДОВОСТЬ НОВОСТНОГО ТЕКСТА В ИНТЕРНЕТ-СМИ

Алевтина Александровна Колосова
Кандидат исторических наук, доцент
Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)
e-mail: Kolosova-aa@rudn.ru
Наталья Владимировна Поплавская
Кандидат филологических наук, лектор
Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)
e-mail: Poplavskaya-nv@rudn.ru

Аннотация. Активное внедрение новейших технологий в сферу массовой коммуникации обусловило новые подходы к созданию и анализу новостных текстов интернет-СМИ. До недавнего времени основной функцией новостных медиатекстов считалась информационная. Однако в интегрированных, или поликодовых, новостных текстах, на первое место все чаще выходит функция воздействия, обусловленная растущей ролью невербальных средств в информационных сообщениях и использованием мультимедийного языка – графики, цвета, фотографий, рисунков, различных аудиовизуальных элементов.

Ключевые слова: поликодовость, интернет-СМИ, новостной текст, медиадискурс

News online texts in the structure of news journalism. Today, news journalism occupies one of the leading places in the structure of Russian and foreign journalism. There are special curricula on the subject of 'News Journalism' in a number of Russian universities, e.g. Murmansk State University for the Humanities, Tver State University, Neftekamsk branch of Bashkir State University (Kim 2005).

A. Amzin proposes to consider news journalism 'the art of efficient transmission, processing and publication of information.' The news in the vast majority of cases is fact journalism. 'It is strictly forbidden for a news journalist to explicitly express in the text his attitude to the actors, as well as to creatively rethink the available data...' (Amzin 2011).

A significant proportion of news media texts are online or Internet news journalism.

This kind of journalism is seen as journalism created exclusively for the world wide web. According to Mark Deuze, 'online journalism can be functionally differentiated from other kinds of journalism by using its technological component as a determining factor in terms of a (operational) definition' (Deuze 2003).

The peculiarity of online journalism is that it can provide general information for all users and specialized information for a specific audience as well.

‘News discourse is an essential component of mass media discourse and is a collection of texts operating in the field of news broadcasting, taken in the unity of all linguistic and extralinguistic characteristics associated with their production, distribution and perception’ (Dobrosklonskaya 2016).

There are different types of online news journalism:

- 1) Mainstream news sites;
- 2) Index and categorizing sites;
- 3) Meta - and comment sites;
- 4) shareanddiscussionsites. (Deuze 2003)

Examples of sites of the first type are CNN, BBC, and MSNBC. Most online newspapers may fall into this category. This type of news site ‘does not differ much from print or broadcasting journalism in its approach to journalistic storytelling, news values, and relationships with audiences’ (Deuze 2003).

The sites of the second category offer catalogs of news agencies, thematic collections, discussion and exchange of news.

Meta- and comment sites are ‘sites about news media and media issues in general; sometimes intended as media watchdogs’ (Deuze 2003).

Discussion sites satisfy the need of people to communicate with each other. ‘This type of online journalism has also been described as ‘group weblogs’ (Deuze 2003).

‘All four types of news sites can be considered to belong to a professional domain of journalism, as the function of (most of) these sites is still the same as the main purpose of journalism... to provide citizens with the information that they need ...’ (Deuze 2003).

Analysis of news texts. Internet news texts attract the attention of both Russian and foreign scholars working in such fields as linguistics, journalism, semiotics, communication, communication theory, and online media.

Difficulties in analyzing media texts of news media are related to the fact that news journalism in Russian and foreign media discourses is represented by different genres that do not always coincide in form and genre characteristics.

In foreign media linguistics, ‘news’ represents a separate genre, so-called news genre of journalism.

This kind of genre (news media texts) occupies the first place in the framework of media linguistics, followed by comment and analysis, features and advertising (Dobrosklonskaya 2016).

In recent years, Russian scholars tend to single out the news genre separately. (Repkova 2011; Kolesnichenko 2008 and others). However, earlier, three large groups of media genres were used to single out: informational (note, reportage, report, interview); information and analytical ones and information and journalistic (Grabelnikov 2005: Tertychniy, 2000).

In the Anglo-American tradition, news genres are divided into sub-genres, including such ones as news report, the news interview, or the news headline (Montgomery 2007). M. Montgomery defines news as ‘information about current or recent events, happenings or changes taking place outside the immediate purview of the audience and which is considered to be of likely interest or concern to them’ (Montgomery, 2007). He writes, ‘not every event or piece of information counts as news’ (Montgomery 2007). Events become news only if they meet one or more criteria of ‘news value’: *recency/timeliness, intensity/discontinuity, scale/scope, conflict, personalization, power, negativity, unexpectedness, consonance, proximity/cultural relevance, meaningfulness/unambiguity, composition/fit, the epistemological status of news values, broadcasting standards, the regulation of broadcast news.*

Russian researchers call approximately similar criteria for selecting news. (Karpushin and Chikirova 2007).

Thus, both Russian and foreign experts in the field of journalism and research of media texts rightly note that the event can become informational news if it fits into the set of the following media topics: environmental disasters, scandals, elections, disasters and accidents, wars, summits, glamor, need, sporting events, events of human interest, etc.

In recent years, in connection with the transformation of the Russian media system and the adoption of the information standards of British and American journalism, in Russian journalism one can observe a clearer division of texts into purely ‘news’ and texts of ‘journalism of opinions’. The number of the latter has significantly reduced. (Vartanova 2013).

Modern online news media texts form a linguistic, cultural and informational (media) picture of the world of the addressee, in which both the explicit and implicit levels manifest the ideological orientation of the information presented. Especially vivid ideological modality is manifested in polycode (multicode) news texts.

Polycode phenomenon of mediatexts. In Russian linguistics, the term ‘polycode’ began to be used relatively recently. This term describes different kinds of texts that consist verbal and non-verbal information. ‘Polycode text coherence appears in verbal and non-verbal components’ coordination, and presents in substantial, lingual, compositional levels’ (Berest 2016).

News media texts in online media are classified as creolized texts, which in linguistics are understood as texts, ‘the texture of which consists of two non-homogeneous parts: verbal (language /speech) and non-verbal (belonging to other sign systems than natural language)’ (Sorokin, 1990).

Along with the terms ‘multicode’ and ‘creolized’, in domestic linguistics they use such synonyms as, ‘multimodal’, ‘polymodal’, ‘multimedia’, ‘verbal-visual’, semiotically complicated texts, etc.

In the English-language scientific literature, one can find the terms 'combined', 'creolized', 'multimodal', 'semiotically complicated texts'. (Deuze 2004; Kress 2010; Makaruk 2015).

Media text in online media can be represented as 'a combination of verbal, non-verbal components and acquired special network properties' (Shesterkina 2013).

In the article 'The Specificity of Modern Media Text' M. Yu. Kazak, doctor of philological sciences, professor of the journalism department of the National Research University 'BelSU', discussing the essential features of media text, writes that 'modern textual reality, without canceling traditional theories, requires integrative interpretations that can explain new aspects or new types of texts of mass communication - mixed, creolized, multicode, hypertexts, multimedia texts, the essential characteristics of which are associated with the development of information technology and the convergence of mass media. (Kazak 2012).

The *polycode* phenomenon of media text is among the leading signs of media text. (Kazak, 2012). 'The current generation of people is already accustomed to the 'text of three dimensions', to receive information in the fusion of sound, speech, image ...' (Duskaeva 2011).

As E. Solntseva noted, 'polycode phenomenon is especially relevant for Internet texts, as the web space provides the widest possibilities for combining various elements in publications. In the media discourse the actual text of the article, photos, hyperlinks to video or audio fragments, advertisements, as well as hyperlinks to other resources ... are becoming the polycode elements' (Solntseva 2018).

The key features of media text in online media both foreign and domestic linguists call intertextuality (hypertextuality), multimedia, and interactivity.

According to M. Deuze, one of the ways of defining multimedia in journalism is 'the presentation of a news story package on a website using two or more media formats, such as (but not limited to) spoken and written word, music, moving and still images, graphic animations, including interactive and hypertextual elements...' (Deuze 2004).

It is very important to pay attention to one more peculiarity of news online texts. The matter is that Internet texts are stepwise. News text does not appear in its entirety. First, the user of the Internet site sees only the headline. Then everything depends on his interest in reading the entire text and choosing the reading option: whether to start with a photograph, or hyperlink to another source of information. Thus, the problem of studying the compositional and stylistic features of Internet media text naturally arises. (Shesterkina and Lobodenko 2013).

Paraphrasing the recommendations of A. Amzin on creating the design of good news, let's outline the features of good online news:

1. An interesting news item and a good headline.
2. The message is of interest on first reading.
3. Competent text structuring.
4. The ability of the reader to check the sources (additional links and useful hints; hyperlinks).
5. Short sentences.
6. A minimum of introductory words and turns. (Amzin 2011).

The active introduction of the latest technologies in the field of mass communication determined fundamental differences of online media texts from traditional print and even television version. The verbal information in the media text of online media is often supplemented by infographics, sound, video, animation, which allows you to achieve the greatest emotional effect and have significant media impact on the audience.

The impact of news texts. According to Russian researchers, there is always a certain ideological modality in media texts, which some authors call the *rhetorical modality* of the media text (Annenkova, 2010); subjective modality or discursive modality (Klushina 2012).

The ideological components of interpretation are realized using a wide range of means of both verbal and audiovisual series, which form a certain attitude to the events and personalities being covered. (Dobrosklonskaya, 2016).

Previously, news was defined as 'reliable, neutral and current factual information that is important and valuable for citizens' (Montgomery 2007), but recently in the language of news media texts there are more emotionally colored rather than neutral phrases, such as it was before. This coloration often has a negative connotation. For example, in the plots about the Crimea and Russia reunion, the USA media most frequently use lexemes and phrases such as '*illegal voting in the Crimea*'; '*intervention*'; '*Russian invasion of Crimea*'; '*Occupation of Crimea*', '*annexation of Crimea*'. (Fox News, CNN). On the pages of many Western European newspapers, stereotypical ideas about Russia are gaining new life: '*strong Russian bear grip*', '*furious Kremlin*', '*pressure from the Kremlin*', '*paws of the Kremlin*' ('The Guardian'). The negative image of Russia in the international arena is created by the following lexical means: '*Kremlin paws*'; '*Middle Ages*'; '*Return to Stalinism*'; '*Aggressive pressure from Russia*' ('The New York Times'); '*Economic pressure of Russia*'; '*Aggressive politics*'; '*Belligerent disposition of Russia*'; '*Eternal*' gas '*blackmail*'; '*Putin's tough diplomacy*'; '*Imperial ambitions*' ('The Independent'). Even in the texts of the Air Force, which positions itself as the most objective source of information, one can find such phrases as: '*pressure from Russia*'; '*Russian intervention*', '*pressure and blackmail*', '*aggressive Russian strategy*', '*Moscow pressure on Ukraine*' and others.

Unfortunately, the cognitive function of news (gaining knowledge), which Theun Van Dyck considered the main, is not the main any more. (Van Dijk 2013).

Currently, the information function of news media texts is often inferior to the influencing one: 'in the news, the acting function is the main one' (Negryshev 2009).

CONCLUSION. This paper covers some current uses of the term ‘polycode media text’ and its synonyms in the framework of online news media text research both in Russia and foreign linguistics. Hypertextuality, multimedia and interactivity are considered to be the key differences between online media and traditional ones.

The polycode phenomenon of news Internet texts is already evident at the heading level. The fact is that in the Internet media the form often carries a semantic load. Due to the visualization of news media texts - infographics, all kinds of collages, drawings, photographs, videos, their impact on the audience is significantly increasing.

LIST OF REFERENCES

- Amzin A. (2011) Novostnaia internet zhurnalistska [News Internet journalism]. M. AspektPress, 144 s. S.26
- Annenkova I.V. (2010) Mediadiskurs v fokuseritoriki [Media discourse in the focus of neo rhetoric]. Jurnalistica i mediaobrazovanie: Sb. tr. IV Mezhdunarodnoinauchno-prakticheskoy konferencii/ pod red. prof. A.P. Korochensko
- Berest V. Conceptual Artwork as a PolycodeText .VestnikRossiiskogouniversitetadruzhby narodov. Seriya: Voprosyobrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'. 2016, vyp. 3, p. 124-129. <https://cyberleninka.ru/article/n/conceptual-artwork-as-a-polycode-text>.
- Grabelnikov A.A. (2005). Rabotajurnalista v gazete: uchebnoeposobie [Work of a journalist in the press: training guide]. Moskva: RIP Holding. 274 s.
- Deuze M. (2003). The Web and its Journalisms: Considering the Consequences of Different Types of News Media Online. *NewMedia&Society* 5(2), pp. 203-230
- Deuze M. (2004). What is Multimedia Journalism? *Journalism Studies*, Volume 5, Number 2, pp. 139–152
- Dobrosklynskaya T.G. (2016) Novostnoidiskurskakob'ectmedialingvisticheskogoanaliza [Media discourse as an object of linguistic analysis]. Diskurssovremennihmass-media v perspective teorii, socialnoipraktiki I obrazovaniya: II mezhdunarodno-prakticheskayakonferenciyaaktualniye problem sovremennoimedialingvistiki I mediakritiki v Rossii I zarubejnom: II mezhdunarodniynauchniy seminar. Belgorod: BelGu, 13-21.
- Duskaeva L.R. (2011). Mediastilistika v Rossii: traditsii i perspektivy [Media stylistics in Russia: traditions and prospectives]. *ZHurnalistska i kulturaliruskoirechi*, (2), 7-25
- Kazak M. IU. (2012). Spetsifikasovremennogomediadiskursa [Specifics of modern media text], Vol. (1), S. 30-41 <http://discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml>
- Karpushin D., CHikirova S. (2007). Press- reliz. Pravilasostavleniia [News letter. Rules of preparation]. SPbPiter: 224 s, S. 306
- Kim M.N. (2005) Novostnaiazhurnalistska. Bazovykurs. Uchebnik [News journalism. Basic course. Textbook]. SPb.: Izd-voMikhailova V.A. 2005, 352s.
- Klushina N. I. (2013). Osnovnyetipysovremennogomediadiskursa [Main types of modern media discourse]. *Rechevoebshchenie. SpetsVestn.* Krasnoiar'sk, <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/2012.-Вып.-14-22.pdf>
- Kolesnichenko A. V. (2008). Prakticheskaiiazhurnalistska. Uchebnoeposobie [Practical journalism. Training guide]. M: Izd-voMoskUn-ta 2008
- Kress G. (2010). *Multimodality: Exploring Contemporary Methods of Communication*. London: Routledge, 2010. 236 p.
- Makaruk L. *Linguistik. (2015). Approaches to the Study of Multimodal Texts. Within Language, Beyond Theories (Volume III): Discourse Analysis, Pragmatics and Corpus-based Studies*. Ed. Malec W., Rusinek M. CambridgeScholarsPublishing, P. 26-36.
- Montgomery M. (2007). *Discourse of Broadcast News. A linguistic approach*. Routledge, 2007. 246p, pp. 25-26.
- Negryshev A.A. (2009). *Aspektyrechevogovozdeistviia v novostiakh SMI: Uchebnoeposobie Aspects of verbal influence in news of mass media*. Vladimir: VGGU, 144 s. S. 6
- Repkova T. (2001). *Novoevremia: kakizdavatsprofessionalnuiugazetu v demokraticheskomobshchestve [News time: how to publish a professional newspaper in a democratic society]*. M.: GIPP, S. 133
- SHesterkina L.P., Lobodenko L. K. (2013). *Bazovyepodkhody k sozdaniiuuniversalnogomediadiskursa v Internet-SMI [Basic approaches for creating universal media text in Internet media]*. *VestnikIUzhno-Uralskogogosudarstvennogouniversiteta .Seria: Lingvistika. Vypusk 2, tom 10.* <http://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-podhody-k-sozdaniyu-universalnogo-mediadiskursa-v-internet-sm>
- Solntseva E. S. (2018). *Relevantnostelementovpolikodovogoteksta [The relevance of the elements of the polycode text]*. *Litera*, S. 77-84. http://e-notabene.ru/fil/article_25194.html
- Sorokin U. A. (1990). *Kreolizovannyeteksty i ikhkomunikativnaiafunktsiia [Creolised texts and their communicative function]*. U. A. Sorokin, E. F. Tarasov *Optimizatsiia rechevogovozdeistviia*. M.: Nauka, 240 s.
- Tertychnyi A.A. (2000). *ZHanyriperiodicheskoipechati: Uchebnoeposobie [Genres of periodical press: training guide]*. M.: AspektPress, 310 s.
- Textbook, Murmansk State University. <http://www.mshu.edu.ru/umuumk>
- Textbook on news journalism, Tver State University <http://edc.tversu.ru/ff/spec/030601/opdv3502.pdf>
- Textbook on news journalism, Neftekamsk branch of Bashkir State University <http://www.studfiles.ru/preview/3912359/>
- Van Dijk T. A. (2013) *Pompeu Fabra University, Barcelona, www.discourses.org Epistemic News Discourse Analysis* c. 10-12.
- Vartanova E.L. (2013). *Constructing Russian Media System in the Context of Globalization. World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*. Moscow: Mediamir, p. 30.

For citation:

Kolosova, A.A. & Poplavskaya, N.V. (2019) POLYCODE PHENOMENON OF THE NEWS TEXT IN ONLINE. *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 66-70. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-66-70>*

Для цитирования:

Колосова, А.А., Поплавская, Н.В. (2019) МЕДИЯ ПОЛИКОДОВОСТЬ НОВОСТНОГО ТЕКСТА В ИНТЕРНЕТ-СМИ // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 66-70. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-66-70>*

Information about the authors: Alevtina A. Kolosova – PhD in history, associate professor of Mass Communication Department of Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: Kolosova-aa@rudn.ru

Information about the authors: Natalia V. Poplavskaya – PhD in Philology, lecturer of Mass Communication Department of Peoples' Friendship University of Russia, Deputy Dean for International Relations, Philological Faculty

e-mail: Poplavskaya-nv@rudn.ru

Сведения об авторах: Колосова А.А. – доктор исторических наук, ассоциированный профессор департамента массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов, РФ. Москва, Россия.

e-mail: Kolosova-aa@rudn.ru

Сведения об авторах: Поплавская Н.В. – доктор филологии, лектор департамента массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов, РФ. Москва, Россия.

e-mail: Poplavskaya-nv@rudn.ru

Manuscript received: 07/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-70-74>

CINEMA AND FILM CRITIC: MEDIAPRACTICES IN DISCOVERING OF THE MEAN DOMINANT

Ludmila Sayenkova-Melnitskaya
Candidat of Philological Sciences, Associate Professor
Belorussian State University
(Minsk, Belarus)
e-mail: sayenkova@gmail.com

Abstract. Since its inception, cinema has been one of the most popular forms of art, which, on the one hand, captures, and on the other hand, affects the formation of socio-cultural codes. Simultaneously with the appearance of film originated and film critics, which in itself is a unique fact in the history of art. The cultural significance of film criticism as a special kind of creative activity is determined. Different variants in the presentation of cinema art, formed in different historical periods, are analyzed. Different types of discursive practices of film criticism manifested in the media are considered. The attention is focused on the fact that the most important purpose of film criticism is the representation of value meanings imprinted in the work of cinema. The method of comparative and system-integral analysis reveals the facts of discrepancy between the meanings of screen works and the author's intentions, which are reflected in the critical texts.

Keywords. Cinema, film criticism, media, analysis, senses

КИНО И КИНОКРИТИКА: МЕДИАПРАКТИКИ В РАСКРЫТИ СМЫСЛОВЫХ ДОМИНАНТ

Людмила Саенкова-Мельницкая
Кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)
e-mail: sayenkova@gmail.com

Аннотация. С момента своего появления кино является одним из наиболее востребованных видов искусства, которое, с одной стороны, запечатлевает, а с другой стороны, влияет на формирование социокультурных кодов. Одновременно с возникновением кино возникла и кинокритика, что само по себе является уникальным фактом в истории искусства. Определяется культурологическая значимость кинокритики как особого вида творческой деятельности. Анализируются вариативные подходы в презентации киноискусства, сложившиеся в разные исторические периоды. Рассматриваются разные виды дискурсивных практик кинокритики, проявившихся в медиасреде. Акцентируется внимание на том, что самым главным предназначением кинокритики является представление ценностных смыслов, запечатленных в произведении киноискусства. Методом сопоставительного и системно-целостного анализа раскрываются факты несоответствия смыслов экранных произведений авторским интенциям, запечатленным в кинокритических текстах.

Ключевые слова. Кино, кинокритика, медиасреда, анализ, смыслы

ВВЕДЕНИЕ. Кинокритика возникла одновременно с показом первых фильмов, что в истории искусства является беспрецедентным фактом. Восторженные анонсы, сопровождавшие первые сеансы и запечатлевшие радость узнавания реальной действительности, зафиксировали гедонистический период в развитии кинокритики. С приобретением кино своего языка, постепенным развитием и усложнением художественной образности экранного зрелища от кинокритики потребовалось не просто выразить удивление от того, как,

например, «двое малюток, сидя рядом в детских креслах, ссорятся, и один из них плачет», или как «из вагона выходят пассажиры, суетятся встречающие», или как «вино разливается по стаканам, пьется» (Zorkaya 1976), а раскрыть, перевести на язык массовой публики содержательные смыслы, облеченные в художественные образы. Кинокритика, по сути, и есть особый вид творческой практики, предлагающий массовой, и в то же время подготовленной аудитории свой вариант прочтения запечатленных в экранном произведении смыслов, а вместе с этим и вариант раскрытия уникального художественного киноязыка. Не всегда в этом прочтении содержание фильма раскрывалось адекватно художественной форме. Часто недооценка собственно формы приводила к непониманию или неточному пониманию содержания. Одна из первых кинокритических дискуссий возникла в 1926 году в связи с выходом на экраны первого фильма режиссера Юрия Тарича «Крылья холопа». Для того чтобы выразить метущееся состояние царского холопа Никишки, попытавшегося осуществить свою дерзкую мечту взлететь на смастеренных крыльях с высоты Александровского собора, понадобился особый монтаж. Для этого в помощь молодому режиссеру была назначена опытный монтажёр Эсфирь Шуб, увлекавшаяся параллельным монтажом, заимствованным из американских фильмов. Именно этот элемент художественного языка фильма был вменен «в вину» режиссеру-дебютанту. «В “Крыльях холопа” неуместно применен мелькающий рваный монтаж и подрезаны, слишком укорочены сцены. Зритель не успевает взглянуться и не может освоиться с обстановкой действия. Это буквально режет стиль постановки и подрывает смысл исторической картины...» (Hersonskiy 1965). На самом деле именно за счет монтажа было передано самое главное: беспокойный, таящий в себе много страхов, неожиданных, не сулящих ничего хорошего поворотов, дух эпохи времен Ивана Грозного, а также изломанные, изуверные судьбы людей, в том числе и одаренного мечтателя – одного из царских подданных. Такая же «критическая» участь постигла многие фильмы, стили, ставшие впоследствии подлинными художественными открытиями, опередившими свое время. Непонятым и непризнанным было искусство ФЭКСов. Особенно «досталось» знаменитой «Шинели» (реж. Г. Козинцев и Л. Трауберг). То, что представляло очевидную художественную ценность (актерская эксцентрика, экспрессионистский визуальный ряд, смелое движение кинокамеры), в рецензиях на фильм рассматривалось как некая вольная авторская выдумка, не поспособствовавшая раскрытию гоголевского смысла. «Авторы поставили себе задачу: вскрыть в художественной манере Гоголя причудливое перевоплощение реальности в фантастику... Увлеченные более всего фантастикой, они отошли от реализма Гоголя... Перед их глазами еще не открылась жизнь, они показывают паноптикум» (Hersonskiy 1965). «Смещение планов фантастики и быта представляется путаницей, резкая эксцентрическая трактовка путаницы не разъясняет... “Шинель” сделана как эксцентрический гротеск в сгущенных экспрессионистских тонах... Лента не захватывает» (Vleuman 1973).

В истории кинокритики были разные периоды. За радостно восторженным анонсированием первых кинопоказов последовал первые аналитические рецензии, поскольку 20-е годы минувшего столетия были временем становления киноязыка, который во многом предопределил становление аналитической кинокритики. Писатели, театральные критики, журналисты на страницах журналов «Маски», «Сине-фоно», «Пегас», «Кинемат», «Кино» писали о том, что у нового вида зрелища есть «соответствие ритму и темпу современности», что «огромна его просветительско-культурная роль», что его главная специфика – «движение и молчание» (Selezneva 1972). Публикации первых кинокритиков – М.Горького, Л.Андреева, А.Белого, И.Соколова, Г.Болтянского, Т.Циперевича, А.Топоркова – можно определить скорее как публицистические эссе. Им были свойственны открытая субъективность авторской позиции, яркий стиль, насыщенная образность. Это был тот самый знаменитый эйзенштейновский «общий план» критики, когда кинематограф рассматривался в целом, на фоне социокультурного контекста. Для такой позиции нужна была страстность. Первые критические выступления в прессе были похожи на манифесты. Неслучайно известный кинокритик М.Блейман так описывал свой творческий опыт тех лет: «Я был тогда не исследователем кинематографа, не историком, а полемистом и агитатором» (Vleuman 1973). Этот этап критического осмысления, а точнее – открытия и утверждения нового вида искусства, можно назвать манифестационным. Начиная с 30-х годов XX века, главным смыслообразующим центром в искусстве становится личность социально востребованного человека. В газетно-журнальной периодике фильмы рассматривались с точки зрения идейного воспитания «строителей нового общества». Методологическая база, предполагающая представление фильма как мировоззренческой художественно-коммуникативной системы, уступила место методической инструментальности по обозначению функций и задач произведения в конкретном историческом периоде. Главное, на что делался акцент в кинокритических публикациях, – идейная направленность и воспитательный эффект. Этот этап представления фильма в прессе можно назвать манифестационно-дидактическим. В 50-х годах достаточно четко определились два подхода в осмыслении фильма: индуктивно-эмпирический, на основе которого предпринимались попытки определить специфику киноискусства из самого киноискусства, и дедуктивный, позволявший раздвинуть рамки традиционных искусствоведческих методов и объяснить природу кинематографа, прежде всего, как специфической коммуникативной системы. Первый путь дал мощный толчок развитию кинокритики. Второй породил лингвоцентристские, социологические, информационные и другие концепции, востребованные в киноведении. Начиная с 60-х годов, в кинокритике заметно оживился интерес к проблемам целостности фильма. Эти проблемы, обозначенные несколькими десятилетиями ранее, теперь стали исследоваться на другом уровне с учетом усложнившейся эстетики фильма, с одной стороны, а с другой – с учетом снижающихся художественных критериев, когда фильм представлялся как «средство борьбы»: социальной, идеологической, морально-психологической. На первый план в кинокритике вышли такие темы, как кинообразность, специфика

кино как вида искусства, целостность композиции фильма. Фильм рассматривался сквозь призму этих составляющих как исходных и центральных феноменов киноискусства. Такая методология была своевременна, поскольку как нельзя кстати подходила к восприятию и оценке выходящего на первый план в это десятилетие авторского кинематографа. В произведениях «авторского кинематографа» стали важны такие составляющие, как ритм, атмосфера, художественная детализация. Как только эти картины анализировались с точки зрения драматургии образа главного персонажа (либо персонажей), психологических характеристик, поведения, то фильм переставал существовать как художественное произведение. Так случилось со знаменитыми картинами «История Аси Клячиной, которая любила да не вышла замуж...», «Андрей Рублев», «Зеркало», «Жил певчий дрозд», «Мне 20 лет». Они были не приняты по причине неадекватности критического инструментария по отношению к стилистике новых художественных систем. По этой же причине не была достойно оценена и белорусская картина «Восточный коридор» (реж. В.Виноградов). Из единой, неделимой художественной целостности критика выделили только одну линию – фабульно-смысловую, не связав в один узел содержание и изысканную форму. Резкий кризис кинопроизводства и кинопроката начала-середины 90-х годов вызвал к жизни обилие информационных жанров. Взоры критиков были обращены к видеонюансам и к репертуару кинофестивалей разного уровня, что способствовало появлению в прессе видеобзоров и репортажей с фестивалей, авторских аннотаций к немногочисленным отечественным и большому количеству новых зарубежных фильмов. С другой стороны, эта ситуация спровоцировала изменение параметров собственно кинокритики. Постепенно из аналитического вида творческой деятельности критика превращалась в информационно-публицистический. В 90-х годах обозначился поворот кинокритики в сторону киножурналистики. В начале XXI века критика утвердилась в статусе «потребляемой эстетической информации», поскольку, как писал Ролан Барт, «общество стало потреблять критические комментарии совершенно так же, как оно потребляет кинематографическую, романическую или песенную продукцию» (Барт, 1994). Критика стала частью рекламной кампании, которая является естественным элементом в цепи производственно-товарных отношений.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Одной из первых научных работ на тему становления кино как особого вида зрелища, а вместе с тем и обзор первых упоминаний об этом виде досуга в газетах и журналах, была монография советского киноведа, кинокритика Н. Зоркой «На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России в 1900—10 гг.» (М., 1976). Осмысление собственной кинокритической практики как вида творческо-аналитической деятельности представлено в сборнике критика Х.Херсонского «Страницы юности кино. Записки критика» (М.1965). Кинокритический опыт, запечатленный в мини-рецензиях, был в свое время представлен в сборниках М.Блеймана «О кино – свидетельские показания» (М., 1973), Н.Лебедева «Внимание: кинематограф!» (М., 1974), С.Васильева в Собрании сочинений в 3-х т. «Братья Васильевы» (М., 1982). Первый опыт рассмотрения методологических подходов в кинокритике был предложен классиками советского кино, кинорежиссерами С.Эйзенштейном, Вс. Пудовкиным, А.Довженко, Л.Кулешовым, бр. Васильевыми. Эволюция развития теории кино, составной частью которой является и кинокритика, была проанализирована в монографии Т.Селезневой «Киномысль 1920-х годов» (М., 1972). Кинокритика как важная часть развития киноискусства и необходимый элемент медиаконтента не раз становилась предметом исследований белорусского ученого, кинокритика Е.Л. Бондаревой («Время, экран, критика», – Минск, 1975; «Экран в разных измерениях» – Минск, 1983; «Освещение литературы и искусства в СМИ» – Минск, 2004). Кинокритика как часть медиакритики рассматривалась в исследовании А.П.Короченского «Пятая власть? Медиакритика в теории и практике журналистики» (Rostov 2003). Теоретико-методологические проблемы киноведения и кинокритики стали основой коллективной монографии «Кино: методология исследования» (М., 1984). Основы системно-целостного подхода в рассмотрении произведения киноискусства впервые были представлены в монографии Е.Левина «О художественном единстве фильма» (М., 1977). Концептуальные подходы к исследованию и представлению кино были проанализированы в сборнике статей «История кино: современный взгляд. Киноведение и критика» (М., 2004). Медиаформаты современной кинокритики подробно проанализированы в научной статье Я.И. Тяжлова «Актуальные формы медиатекстов, посвященных кино: жанровые и языковые тенденции» (ж-л «Медиалингвистика» № 2 (12), 2016. Сущностно-коммуникативные особенности представления фильма в прессе были рассмотрены в статьях американских авторов: Р. П. Кларк. «This is why we write stories» – URL: <http://www.poynter.org/2015/this-is-why-we-write-stories/367477/>, Making Hard Facts Easy Reading. 1984. URL: <http://cdn.nycitynewsservice.com/blogs.dir/422/files/2014/02/MakingHardFactsEasyReading.pdf>; Ричард Маркус «And Reviewer: A Difference In Intent / Richard Marcus – URL: <http://blogcritics.org/critic-and-reviewer-a-difference-in/>.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. При анализе смысловых доминант кино и кинокритики был апробирован культурологический метод, позволивший оценить как представляемый кинофакт, так и рефлексию в кинокритическом тексте. Анализ функциональных особенностей кинокритических публикаций, посвященных разным вопросам киноискусства, предполагает обращение к методам системно-целостного анализа и киногогерменевтики, позволяющим выявить синтез содержания и формы, авторской мировоззренческой основы и особенностей авторского киноязыка. Наиболее полный анализ текстов печатных СМИ возможен при использовании метода контент-анализа, помогающего раскрыть и систематизировать содержательно-тематическое поле медиатекстов, посвященных киноискусству.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. В современной кинокритической практике наблюдаются тенденции умаления некоторых неоднозначных смысловых доминант, обозначенных в талантливых фильмах нынешнего времени. Кинокритика, реализующая аксиологическо-познавательную функцию, традиционно предлагала моделирование определенных ценностных отношений, которые всегда были приоритетными. В современной медиапрактике анализ собственно содержательных смыслов подменяется представлением авторских стратегий. Например, фильм «Неоновый демон» одного из самых заметных в мировом кинопространстве режиссеров Николаса Виндинга Рефна вызвал даже у профессиональной публики неоднозначное отношение. Тяга к насилию как разновидности психического отклонения всегда была главным предметом творчества эпатажного датчанина и в «Неоновом демоне» достигла апогея: весь фильм – сублимация авторских вожделений, своего рода сексуальное самоудовлетворение, которое художник сделал прибыльным бизнесом. Несмотря на внешнюю визуальную броскость, содержательный посыл фильма деструктивен. В рецензиях некоторых журналистов, критиков была заметна позиция представить творение скандального режиссера как новое авторское слово, должное привлечь внимание («Неоновый демон» – это самая настоящая сказка. Да, тут есть оральный секс с ножом, некрофилия, каннибализм, попытка лесбийского акта и намеки на педофилию, но ничто из этого не принижает всю сказочность происходящего... Он (фильм) о Красоте» (Vadim Bogdanov 2016); «...пустота «Неонового демона» способна лишить дара речи любого критика-интерпретатора: осмысленному прочтению фильма ...препятствует его вызывающее, демонически-претенциозное тижонство» (Василий Корецкий, 2016); «Рефн дает фору любому неповоротливому классику тем, как умело и современно обращается с материалом. Он шутит там, где другие серьезны, льет литры крови и рассыпает блестки, пока фестивальные старожилы напыщенно надувают щеки и играют в занимательную философию» (Anna Efremenko 2016). В 2018 году на экраны вышел новый фильм другого скандального режиссера Ларса фон Триера «Дом, который построил Джек», главный герой которого – маньяк-убийца. Смыслом жизни и основной ценностью несостоявшегося архитектора является та «красота», которая проступает сквозь формы «дома», составленного из тел убитых им людей. Образ главного героя фильма так представляется в современных рецензиях: «По счастью, у Джека есть хобби — он убивает. И если с домом не ладится, то с убийствами складывается куда лучше. Настолько, что Джек начинает позиционировать свою деятельность как своего рода вид изящных искусств, постоянно отвлекаясь на бесконечные цитаты, параллельные сюжеты и исторические реминисценции. Джек размышляет о достижениях Адольфа Гитлера... и сравнивает с ними собственное «искусство». Джек находит достижения тоталитарных режимов в области массовых убийств преступно недооценёнными в художественной плоскости и очень хочет вписать себя в этот ряд «великих творцов» (Dmitriy Nazarov 2018); «От первого детского опыта (удаления утенку лапки пассатижами) до расстрела детей и отрезания женских грудей он проходит путь изощренного эстета, наращающего художественную мощь и большой стиль. Раскрыв встреченной на дороге идиотке... череп домкратом, герой чувствует, что поддался эмоции и сработал грубо. Далее он будет действовать более изысканно» (Andrey Plahov 2018). Подробная, талантливая рецензия на фильм была написана одним из лидеров российской кинокритики, главным редактором журнала «Искусство кино» Антоном Долиным – «Записки из мертвого дома» (2018), где анализируются многообразные составляющие фильма: эстетические, философские, живописные, мифологические, кинематографические, культурно-стилевые. Смысловым итогом этой рецензии стало авторское заключение: «В катарсис, исцеление, искупление, хэппи энд сегодняшней фон Триер верит не больше, чем в победу ягненка над тигром» (Anton Dolin 2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Формы представления фильма в современной кинокритике многообразны: от рекомендательных списков до аналитических обзоров. Несмотря на то что некоторые авторы уверяют, что «в ситуации перенасыщения информацией аудиторией востребована не столько оценка фильма, базирующаяся на подробном анализе, сколько рекомендация, выраженная количественными характеристиками: мнение большинства, бюджет, место в рейтинге, топе, маркеры реляционных элементов» (Тяжлов, 2016), одной из самых насущных эстетических потребностей современного человека (потребителя) является потребность в раскрытии, осознании важных смыслов, запечатленных в произведении искусства вообще, киноискусства в частности. Важную роль в этом процессе познания играет «объяснительная» кинокритика.

LIST OF REFERENCES

- Barthes R. (1994) Izbrannyeraboty. Semiotika. Poetica [Selected Works. Semiotics. Poetics] Moskva: Progress. 616 p.
- Bleiman M. (1973) O kino – svidetelskiepokazania [About the movie - witnesses] Moskva: Iskusstvo. 588 p.
- Bogdanov Vadim. «Neonovyi demon» – brilliant v more stekla [«Neon demon» - a diamond in the sea of glass]. <http://www.newlookmedia.ru/?p=51445> [30.08.2016].
- Celezneva T. (1972) Kinomysl 1920-hgodov [Kinomysl 1920s].– Leningrad.: Iskusstvo.
- Dolin Anton. Zapiskiizmertvogodoma. (2018). [Notes from the dead house]. Iskusstvokino. № 7/8, 2018, 174-189.
- Efremenko Anna. «Neonovyi demon» : 8 iz 10. V minskiyprokatvyshelsamyiskandalnyi film Kann [«The Neon demon»: 8 from 10. The most scandalous film Cannes was released in Minsk] <http://afisha.tut.by/news/reviews/505953.html> [30.08.2016].
- Khersonskiy Chrysanf. (1965) Stranitcyunostikino [Cinema youth pages] Moskva: Isdatelstvo «Iskusstvo».276 p .
- Kino: metodologiaissledovania (1984) [Cinema: research methodology] Moskva: Iskusstvo.

Koretckiy Vasiliy. Moguchayasuchka. Neonovyi demon Nikolasa Vindinga Refna: pochemyetozdorovo e vechno [Mighty bitch. «The Neon demon» Nikolas Vinding Refn: Why it is healthy and everly». <https://www.colta.ru/articles/cinema/11983-moguchaya-suchka> [08.09.2016]

Nazarov Dmitriy. «Spas nakrovi – arhitekturny analiz «Doma, kotoryi postroil Jack» [Savior on spilled blood is an architectural analysis of the «House that Jack built»] <http://kinochannel.ru/digest/spas-na-krovi-arhitekturnyj-analiz-doma-kotoryj-postroil-dzhek/> [20.12.2018].

Plahov Andrey. Gimnkrysinymkorolyam [Anthem rat kings] <https://www.kommersant.ru/doc/3821374> (10.12.2018).

Tiazhlov I. Aktualnye formy mediatekstov, posviashchennyh kino: janrovye i yazykovye tendencii [Topical forms of media texts dedicated to the cinema: genre and linguistic trends] <https://medialing.ru/aktualnye-formy-mediatekstov-posvyashchennyh-kino-zhanrovye-i-yazykovye-tendencii/> (02.01.2018).

Zorkaya N.M. (1976) Na rubezhestoletiy. U istokov massovogo iskusstva v Rosii 1900-1910 godov [At the turn of the century. At the origins of mass art in Russia in 1900-1910] Moskva: Nauka. 301 p.

For citation:

Sayenkova-Melnitskaya, L. (2019) CINEMA AND FILM CRITIC: MEDIAPRACTICES IN DISCOVERING OF THE MEAN DOMINANT. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 70-74. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-70-74>

Для цитирования:

Саенкова-Мельницкая, Л. (2019) КИНО И КИНОКРИТИКА: МЕДИАПРАКТИКИ В РАСКРЫТИ СМЫСЛОВЫХ ДОМИНАНТ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 70-74. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-70-74>

Information about the author: Ludmila Sayenkova-Melnitskaya -Candidat of filological Sciences, associate Professor, head of the Department of literary and artistic criticism of the faculty of journalism of Belorussian State University.

e-mail: sayenkova@gmail.com

Сведения об авторе: Людмила Саенкова-Мельницкая -кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературно-художественной критики факультета журналистики Белорусского государственного университета.

e-mail: sayenkova@gmail.com

Manuscript received: 05/25/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-74-78>

ORTHOGRAPHIC VARIANTS OF THE LATEST ENGLISH BORROWINGS IN RUSSIA MEDIA DISCOURSE

Anna Romanik
Doctor of Philosophy in Linguistics
Institute of East Slavic Philology,
University of Bialystok
(Bialystok, Poland)
e-mail: aniaromanik8@wp.pl

Abstract: This article is devoted to the issue of variability of writing of English borrowings in usual practice in contemporary Russian language. Fluctuations in writing of anglicisms in the mass media is a current dynamic phenomenon in orthography and graphics of the Russian language, which today is an important problem of normative linguistics. The aim of the author is to analyze the writing doublets of the newest English loanwords functioning in the mass media language and to define the problems caused by fluctuations in the spelling of borrowings. An important task in this study is also to identify the reasons and consequences of instability of the examined individuals. The empirical material was selected from “Словарь новейших иностранных слов” by Shagalova (Moscow 2017), that contains 3500 borrowings illustrating the linguistic reality of the contemporary media. In the course of the research the method of material excerption and method of synchronous analysis of heterogeneous notations of English origin were applied.

Key-words: anglicism, media discourse, norm, orthography, variability

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НОВЕЙШИХ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Анна Романик
Кандидат филологических наук
Институт Восточнославянской филологии
Университет в Белостоке
(Белосток, Польша)
e-mail: aniaromanik8@wp.pl

Аннотация: Настоящая статья посвящена изучению и описанию вариативности написания заимствований английского происхождения в узуальной практикесовременного русского языка. Колебания в написании англицизмов в медийном пространстве – это актуальное динамическое явление в орфографии и графике русского языка, которое сегодня является острой проблемой нормативного языкознания. Автор ставит задачу проанализировать орфографические дублеты новейших англицизмов, функционирующих в языке масс-медиа и выявить спектр проблем, вызванных варьированием написания неозаимствований. Важной задачей анализа является также определение причин и последствий нестабильности исследуемых орфограмм. Материалом исследования послужил «Словарь новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой (2017), который содержит 3500 заимствований, иллюстрирующих языковую действительность современных средств массовой информации. В ходе исследования использовался метод сплошной выборки материала, а также – описательный (синхронный) анализ графически неоднородных узуальных нотаций английского происхождения.

Ключевые слова: англицизм, вариативность, медиадискурс, норма, орфография

ВВЕДЕНИЕ. Характерным языковым процессом XX века является активное заимствование русским языком иноязычной лексики, главным образом английской. С ее появлением в языке возникают трудности в области правописания. Очевидным фактом современной письменной практики является орфографическая вариативность новейших неологизмов иноязычного происхождения, которая особенно остро заметна в медиадискурсе.

Цель анализа – выявить типы варьирования написания английских заимствований в СМИ и определить причины и последствия таких колебаний. В качестве объекта исследования в настоящей работе рассматриваются варианты написания современных англицизмов, отобранные из «Словаря новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой, опубликованного в 2017 году. Источник фактографического материала выбран неслучайно, так как это не нормативный словарь, а словарь, иллюстрирующий объективное функционирование в средствах массовой информации заимствованных новаций, которые проникли в русский язык на рубеже XX-XXI вв.

Вариативность в языке, как острая проблема нормативного языкознания, подробно изучалась и продолжает изучаться многими учеными. На сегодняшний день в русской лингвистике имеется большое количество интересных трудов, посвященных данной тематике. Сущность, виды и характеристику вариантов описали такие исследователи, как К.С. Горбачевич, Е.В. Бешенкова, О.Е. Иванова, Е.В. Маринова, В. Н. Немченко, И.В. Нечаева и другие. Но следует сказать, что проблема нестабильности в языке становится все более актуальной и требует дальнейшей научной разработки.

В современной лингвистике вариативность считают фундаментальным свойством языка и его функционирования, а варианты – атрибутом любой развивающейся и эволюционирующей языковой системы. Под термином *орфографические варианты* в данной работе понимаем параллельно функционирующие в письме дублеты слов с тем же значением, но различным графическим обликом.

ПРИЧИНЫ ВАРЬИРОВАНИЯ НАПИСАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ. Варианты встречаются в орфографической кодификации и норме, но чаще всего в узусе, в письменных текстах медийного дискурса. И.В. Нечаева обращает внимание на то, что именно «иноязычные неологизмы – «чемпионы» по вариативности среди других категорий слов» (Nechayeva 2011: 5).

Нестабильность написания англицизмов в языке СМИ вызвана разными причинами. Различия в написании заимствованных слов объясняются, например, динамикой самого процесса импорта англицизмов и их бурного и неконтролируемого вхождения в новую языковую систему. Это также отмечает Е.В. Бешенкова, которая утверждает, что варианты «с одной стороны, являются одним из способов функционирования и перестройки системы, а с другой – способом вхождения в систему» (Beshenkova 2015: 19). Только что появившееся иноязычное слово сначала попадает в систему новой графики (столкновение латиницы с кириллицей) и должно реализоваться возможными способами. Результатом такой адаптации новейших заимствований в письменной речи является распространенная вариативность.

По мнению О.Е. Ивановой, следующей причиной расшатывания единства написания является «вовлечение в письмо широчайших масс участников разного уровня образования, принесших в разные сферы письма и банальную безграмотность, и убежденный либерализм» (Иванова, эл.ресурс).

Согласно Е.В. Мариновой, поводом варьирования заимствований может быть тенденция к облегчению произношения и возможность передавать различным образом одни и те же иноязычные фонемы средствами

русского языка (Marinova 2012: 182-183). Ученая также отмечает, что многочисленные варианты письменного облика слов иноязычного происхождения могут появляться вследствие колебания орфографической нормы русского письма (Marinova 2012: 186). В.М. Немченко, подтверждая эту точку зрения, уточняет, что, с одной стороны, факультативное написание появляется в результате наличия орфографических правил, которые допускают альтернативное написание слов, а с другой стороны, причиной вариантов может быть нечеткость формулировок некоторых орфографических правил или их отсутствие (Niemchenko 1990: 139). Трудно не согласиться с этим мнением, так как обзор лексикографических изданий и орфографических справочников, появившихся на издательском рынке в последнее время, подтверждает факт различных рекомендаций написания заимствований и неполноты орфографических законов, которые помогли бы упорядочить проблему вариантов. Но независимо от причин появления в языке дублетов написания неанглицизмов они являются объективным фактом, требующим научной разработки, так как влияют на состояние современного русского языка и вызывают проблемы в области формальной кодификации заимствований.

Следует также добавить, что, кроме вышеперечисленных причин варьирования, одним из главных факторов фонетико-графической неустойчивости англицизмов является конкуренция двух ведущих приемов передачи заимствований, т.е. транслитерации (буквенная передача близкая оригинальной графике заимствования) и транскрипции (передача заимствования в соответствии с его произношением) (Marinova 2012: 185).

ТИПЫ ПИСЬМЕННОГО ОБЛИКА НОВЕЙШИХ АНГЛИЦИЗМОВ. В словаре Е.Н. Шагаловой, содержащем 3500 новейших заимствований, отмечено 246 пар орфографических вариантов написания англицизмов. В результате анализа собранного материала мы выявили несколько типов вариаций письменного облика исследуемых слов.

Самую многочисленную группу вариантов образуют пары слов слитного идефисного написания этимологически сложных слов, например: *артхаус/арт-хаус* (англ. *arthouse*), *бейсджампер/бейс-джампер* (англ. *basejumper*), *бигфуд/биг-фуд* (англ. *bigfoot*), *бодибар/боди-бар* (англ. *bodybar*), *брейкданс/брейк-данс* (англ. *breakdance*), *гайдлайн/гайд-лайн* (англ. *guideline*), *джетсеттер/джет-сеттер* (англ. *jetsetter*), *краудрекрутинг/крауд-рекрутинг* (англ. *crowdrecruiting*), *лоукост/лоу-кост* (англ. *lowcosts*), *массмаркет/масс-маркет* (англ. *massmarket*), *плагин/плаг-ин* (англ. *plug-in*), *стоунтерапия/стоун-терапия* (англ. *stonetherapy*), *стритстайл/стрит-стайл* (англ. *streetstyle*), *трендбук/тренд-бук* (англ. *trendbook*), *фейсконтроль/фейс-контроль* (англ. *facecontrol*), *чекпойнт/чек-пойнт* (англ. *checkpoint*) и др. Несмотря на то что кодификаторы все время совершенствуют правила слитного, дефисного и раздельного написания заимствованных слов, этот вопрос в языковой практике все-таки остается проблемным и открытым.

Графическую нестабильность можно отметить также среди англицизмов с альтернативным написанием гласных (комплексов гласных) для обозначения одного и того же английского звука (дифтонга). Здесь наблюдается следующие вариации:

- *е/э*, напр. *геокешинг/геокэшинг* (англ. *geocaching*), *дредлокс/дрэдлокс* (англ. *dreadlocks*), *кетчер/кэтчер* (англ. *catcher*), *сендборд/сэндборд* (англ. *sandboard*), *слеш/слэш* (англ. *slash*),
- *а/е*, напр. *гайнер/гейнер* (англ. *gainer*), *мерчандайзер/мерчендайзер* (англ. *merchandiser*),
- *а/э*, напр. *галакси/гэлэкси* (англ. *Galaxy*), *дабл-трап/дабл-трэп* (англ. *doubletrap*), *драг-рейсинг/дрэг-рейсинг* (англ. *dragracing*), *лаптоп/лэптоп* (англ. *laptop*), *аккаунт/эккаунт* (англ. *account*),
- *о/и*, напр. *квадроцикл/квдрицикл* (англ. *quadricycle*),
- *и/е*, напр. *ритейл/ретейл* (англ. *retail*),
- *э/и*, напр. *эмо/имо* (англ. *emo < emotional*),
- *ё/у*, напр. *тёрнтаблизм/турнтаблизм* (англ. *turntablism*),
- *аэ/эй*, напр. *аэробег/эйрбег* (англ. *airbag*), *аэробординг/эйрбординг* (англ. *airboarding*),
- *айе/ае*, напр. *байер/баер* (англ. *buyer*), *файервол/фаервол* (англ. *firewall*),
- *ай/и*, напр. *байопик/биопик* (англ. *biopic*), *сноумобайлинг/сноумобилинг* (англ. *snowmobiling*),
- *ей/э*, напр. *бейдж-инжиниринг/бэддж-инжиниринг* (англ. *badgeengineering*),
- *ей/е*, напр. *медиасейлинг/медиаселлинг* (англ. *media selling*),
- *эй/ей*, напр. *бейсраннинг/бэйсраннинг* (англ. *baserunning*), *бэкстейдж/бэкстэйдж* (англ. *backstage*), *сейфту/сэйфту* (англ. *safety*),
- *аей/ай*, напр. *сайенс-фикшн/сайнс-фикшн* (англ. *sciencefiction*),
- *о/оу*, напр. *бонхед/боунхед* (англ. *boneheads*),
- *оа/оу*, напр. *фри-флоат/фри-флоут* (англ. *freefloat*).

Альтернативная запись согласных *с/зи дж/г* зафиксирована в нескольких единицах, например: *блютуз/блютуз* (англ. *Bluetooth*), *ньюзрум/ньюзрум* (англ. *newsroom*), *раундхаус/раундхауз* (англ. *roundhouse*), *сейлс-хаус/сейлз-хаус* (англ. *saleshouse*), *диджибук/дигибук* (англ. *DigiBook < digital + book*), *диджипак/дигипак* (англ. *DigiPak < digital + pack*).

Как можно заметить, русский язык допускает разные способы графической реализации приблизительных эквивалентов для английских звуков. Такие колебания И.В. Нечаева считает оправданными, по ее мнению «входя в чужой язык, иноязычные слова прежде всего приобретают новый звуковой облик, приспособляясь к фонетической системе заимствующего языка. Звуки английского языка не всегда имеют в русском языке точных эквивалентов, а приблизительных звуков может быть несколько» (Nechayeva 2011: 15).

Орфографические варианты заимствований отмечены в единицах, которые пишутся с одиночной согласной (несогласно английскому этимону) или удвоенной согласной (согласно английскому этимону): *аутстаффинг/аутстаффинг* (англ. *outstuffing*), *билборд/билборд* (англ. *billboard*), *блогер/блоггер* (англ. *blogger*), *грабер/граббер* (англ. *grabber*), *клубер/клуббер* (англ. *clubber*), *медиацейлинг/медиацеллинг* (англ. *mediaselling*), *мидлы/миддлы* (англ. *middleclass*), *офшор/оффшор* (англ. *offshore*), *пам/памт* (англ. *putt*), *скримидж/скримидж* (англ. *scrimmage*), *спелчекер/спеллчекер* (англ. *spellchecker*), *стаф/стафф* (англ. *stuff*), *стритчеллендж/стритчеллендж* (англ. *streetchallenge*), *топлес/топлесс* (англ. *topless*), *тредмил/тредмилл* (англ. *treadmill*), *трекинг/треккинг* (англ. *trekking*), *флайбол/флайболл* (англ. *flyball*), *флешмобер/флеш-моббер* (англ. *flashmobber*), *чиллаут/чиллаут* (англ. *chillout*) и др.

Особого внимания заслуживают заимствованные из английского языка имена существительные на **-tion**, которые на русской почве адаптировались с финалью **-шен** и **-шн**. Примером могут послужить следующие дублеты: *дисторшен/дисторшн* (англ. *distortion*), *локейшен/локейшн* (англ. *location*), *нон-фикшен/нон-фикшн* (англ. *non-fiction*), *промоушен/промоушн* (англ. *promotion*), *ресепшен/ресепшн* (англ. *reception*), *экишен/экишн* (англ. *action*). Интересно, что новейшие нормативные словари (например РОС) отдают предпочтение написанию такого типа слов с **-шен**, но, вопреки словарным рекомендациям, в письменной речи масс-медиа наблюдается употребление обеих форм.

Менее значимую позицию занимают следующие орфографические вариации:

- Написание заимствований без или с конечным **-с**, показателем множественного числа в английском языке, например: *гигафлон/гигафлос* (англ. *gigaflops*), *зеттафлон/зеттафлос* (англ. *zettaflops*);
- Альтернативная запись английского суффикса **-ing** (инг или ин), например: *пампинг-хаус/пампин-хаус* (англ. *pumpinghouse*);
- Написание слов с или без «ь»: *консюмеризм/консьюмеризм* (англ. *consumerism*), *макдоналдс/макдональдс* (англ. *McDonald's*), *мокументари/мокьюментари* (англ. *mockumentary*), *ню-рејв/ню-рејв* (англ. *newrave*);
- Написание англицизмов с сонором «р», соответствующим английскому звуку [r], или без него: *афтенпати/афтерпати* (англ. *afterparty*), *не́д/не́рд* (англ. *nerd*), *пату/парти* (англ. *party*).

Проведенное исследование дает представление о форме и масштабе явления вариативности заимствований английского происхождения в узуальном языковом пространстве. Плюрализм вариантов написания приводит к многим проблемам как в плане научной разработки, так и в плане прагматического использования русского языка его носителями. Серьезными последствиями их функционирования в медийном пространстве является расшатывание рамок правильной речи, «графический беспорядок» и дезориентация носителей языка. Кроме того, варианты как воплощение узуальной нормы являются существенной проблемой для кодификаторов, ведь ими принимается решение о сохранении в литературном языке орфографических дублетов или о выборе одной из параллельных форм и ее фиксации в нормативных словарях. Тем самым они обязаны «обеспечить письменную коммуникацию сегодня и понимание текстов какого-то числа предыдущих поколений» (Beshenkova 2016: 36). Это является трудновыполнимой задачей, потому что у составителей словарей разное отношение и к новшествам, и к вариантам (одни более либеральные, другие более консервативные). По этой причине принять единое решение трудно, а в некоторых случаях даже невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Колебание в написании новейших заимствований в русском языке является одним из наиболее острых вопросов современной орфографии. Широкий спектр вариантов дает узус. Анализ лексического материала показал, что варьирование главным образом вызывает проблемы слитного и дефисного написания слов, сохранения удвоенной согласной и проблемы нахождения русских приблизительных фонемных соответствий для передачи английских звуков. Вопрос о стихийной конкуренции англицизмов в письменной практике остается открытым и одновременно является актуальной проблемой и вызовом для лексикографов-нормализаторов, принимающих решение о приоритетности той или иной орфограммы т.е. конкретного варианта написания неоанглицизмов.

LIST OF REFERENCES

- Beshenkova E. V. (2015). Teorieticheskiyevoprosynormirovaniyaorfografii: variativnost' i strategiyannormirovaniya [Theoretical problems of orthographic norm: variability and standardization strategies]. Vierkhnievolzhskiyfilologicheskivyestnik, (1), 18-24.
- Beshenkova E. V. (2016). Variativnost', uzual'nayanorma I politikanormalizatorov [Variants, usual way of writing, codification and policy of orthographists]. Sibirskiyfilologicheskijzhurnal, (3), 35-42.
- Gorbachevich K. S. (1978). Normysovremennogorusskogoliteraturnogoyazyka [Standards of the modern Russian literary language]. Moscow: Prosvieshcheniye.
- Marinova K. V. (2012). Inoyazychnayaleksikasovremennogorusskogoyazyka [Foreign-language lexicon of modern Russian]. Moscow: Flinta, Nauka.
- NiemchenkoV. N. (1990). Variantnost' yazykovykhedinits. Tipologiyavariantov v sovremennomrusskomyazyke [Variability of language units. Typology of variants in modern Russian]. Krasnoyarsk: Izdatiel'stvoKrasnoyarskogouniversiteta.
- NiechayevaV. V. (2011). Aktual'nyyeproblemyorfografiiinoyazychnykhzaimstvovaniy [Current spelling problems of foreign-language borrowings]. Moscow: Izdatel'skiycentr «Azbukovnik».
- Shagalova E. H. (2017). Slovar' noviejshikhinostrannykhslov [Dictionary of the latest foreign words]. Moscow: AST-PRESS.

Электронные источники:

Ivanova O. E. Ot orfograficheskogo slovara k elektronnomu orfograficheskomu resursu http://ruslangoross.ru/doc/ot_orph_slovary_a_k_resursu.pdf [04.04.2019]

For citation:

Romanik, A. (2019) ORTHOGRAPHIC VARIANTS OF THE LATEST ENGLISH BORROWINGS IN RUSSIA MEDIA DISCOURSE. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 74-78. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-74-78>

Для цитирования:

Романик, А. (2019) ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НОВЕЙШИХ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 74-78. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-74-78>

Information about the author: Anna Romanik –Doctor of Philosophy in Linguistics, have worked at the Institute of East Slavic Philology, University of Bialystok (Poland).

e-mail: aniaromanik8@wp.pl

Сведения об авторе: Анна Романик – кандидат филологических наук, сотрудник Института восточнославянской филологии Университета в Белостоке (Польша).

e-mail: aniaromanik8@wp.pl

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-78-81>

WORDPLAY, ROOT GAME AND OTHER TRICKS AND CATCHERS OF THE HEADING

Olena Gusieva

Candidate of Philological Sciences, Associate professor

Mariupol' State University

(Mariupol', Ukraine)

e-mail: lenock85@gmail.com

Abstract. The modern media text is the subject of numerous studies: classifications of media texts and their compositional parts are proposed, the phenomenon of the media heading is studied, and its multiple functions are marked. Special attention is paid to the communicative possibilities of the title as a means of influence. At the same time, headlines of newspaper texts and Internet publications often balance between the meanings ‘to attract attention’ and ‘to lure into a trap’. Tricks and catches of media are varieties of techniques and ways to attract the attention of readers. They are: the play on words, the inclusion of idioms and precedent utterances into the title, with their obligatory transformation. In general, the title as a text based on precedent is due to the desire to use the full range of its functions. The heading as the initiating nomination of the media text shows a tendency to compaction of information in a verbal unit.

Keywords: media text, heading, precedent text, secondary text

БУКВАЛИЗАЦИЯ, КОРНЕВАЯ ИГРА И ДРУГИЕ УЛОВКИ ЗАГОЛОВОЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Елена Ивановна Гусева

Кандидат филологических наук, доцент

Мариупольский государственный университет

(Мариуполь, Украина)

e-mail: lenock85@gmail.com

Аннотация. Современный медийный текст является предметом многочисленных исследований: предлагаются классификации медиатекстов и их композиционных частей, изучается феномен медийного заголовка, отмечается полифункциональность заголовочной номинации. Особое внимание обращено на коммуникативные возможности заголовка как средства воздействия. При этом заголовки газетных текстов и публикаций Интернета часто балансируют между смыслами ‘привлечь внимание’ и ‘заманить в ловушку’. Уловки медиа – это разнообразные приёмы и способы привлечения внимания читателей. К числу популярных приемов воздействия исследователи медийного дискурса относят игру слов, включение в заголовок фразеологизмов и прецедентных высказываний, с обязательной их трансформацией. Построение заголовка на основе прецедента обусловлено желанием использовать весь спектр его функций. В заголовке как инициирующей номинации медийного текста проявляется тенденция к уплотнению информации в единице речевой

коммуникации

Ключевые слова: медиатекст, заголовок, прецедент, вторичный текст

ВВЕДЕНИЕ. Современный медийный текст как обозреватель общественных событий и, в свою очередь, их интерпретатор является предметом многочисленных исследований: изучаются особенности организации медиатекста, предлагаются классификации медиатекстов и их композиционных частей. В частности, детально изучается феномен медийного заголовка. Разрабатываются стратегии интерпретации смысла заголовочной фразы (Belova 2008). Отмечается полифункциональность заголовочной номинации. Спектр функций заголовка действительно широк – от номинативной и текстообразующей до персуазивной и функции вуализации. Заголовки газетных текстов и публикаций Интернета часто балансируют между смыслами ‘привлечь внимание’, ‘увлечь’ и ‘заманить в ловушку’, а авторская коммуникативная установка на воздействие варьируется от стремления убедить до намерения завуалировать факт.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Заголовок – инициирующая номинация и наиболее значимый композиционный элемент медийного текста, «входящий в него на правах автономной когнитивно-функциональной единицы» (Белова, 2008). Композиционно-содержательная специфика заголовка превращает его в основной объект исследования медиатекста (Nekrasova 2018). Особое внимание лингвистов обращено на коммуникативные возможности медийного заголовка как средства воздействия. Наибольшим потенциалом воздействия, по мнению М. И. Шостак, отличается игровой заголовок, заголовок-цитата (прямая или косвенная), а также заголовок-интрига (Shostak 1998). А. С. Киндеркнехт и В. В. Степанюк приводят сводную классификацию средств, привлечения внимания реципиентов (Kinderkneht i Stepanyuk 2016).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Полифункциональность заголовка вызывает необходимость использования широкого спектра методов исследования. Интерпретация текста, осложненного цитатами и прецедентными высказываниями, предполагает подключение элементов стилистического и сопоставительного анализа. Смысловое осложнение заголовочной фразы изменяет понятие контекстуальной методики, обуславливает ее пролонгацию на широкий внешний контекст. **РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ.** Уловки медиа – это разнообразные приемы и способы привлечения внимания читателей. В число популярных и действенных приемов привлечения внимания входит игра слов, включение в заголовок фразеологизмов и прецедентных высказываний (ПВ) с почти обязательной их трансформацией. Отношения включения прецедентных высказываний в текст заголовочной фразы аналогичны отношениям цитирования, в известном смысле они являются своеобразным свободным цитированием. Основное отличие прецедентного текста от цитаты состоит в том, что на цитируемое высказывание ссылаются, а посланию, заключенному в прецедентном тексте, предлагают следовать, причем следовать двойко. Такой заголовок может побуждать адресата действовать по прецеденту, он же вдохновляет журналиста или писателя создавать на его основе собственные тексты-трансформы.

Источники вторичных текстов (ВТ) достаточно полно описаны и классифицированы лингвистами и культурологами. Основной недостаток таких классификаций обусловлен разнородностью прецедентных феноменов, потенциальных источников вторичных текстов. Ресурсы культурной интерпретации – это нечеткое множество с относительно стабильным ядром (паремиология, классическая литература, библеизмы и т.д.) и неустойчивой периферией.

Результатом включения в заголовочную фразу цитат и прецедентных высказываний становится вторичный текст, предполагающий сохранение части или всего объема высказывания-прототипа с той или иной его смысловой или формальной трансформацией. Вторичные тексты можно подразделять на тексты с полным и частичным включением «чужого» текста. Простейший вид включения – это элементарный повтор прецедентного текста с сохранением всего или части объема высказывания-прототипа и с обязательной его смысловой или коммуникативной «переориентацией»:

«Что в имени тебе моем».

Зима близко. Ср. тот же заголовок в английской прессе: *Winter is coming.*

Иная модель вторичного текста – заголовки-трансформы. Это элементарная структура вторичного текста, повтор прецедентного высказывания с его семантическим и/или структурным преобразованием. Вот примеры таких трансформированных прецедентных номинаций в заголовочной фразе: *Космос как сочувствие; Грязь большого города; Ведь были Думы в наше время; Они знают, что мы делали прошлым летом.*

Сравните такие же семантические трансформации устойчивых выражений: *Перепалка о двух концах; Инвесторы сбавили уход; Доживем до понедельника?*

При трансформации возможно изменение мотивирующего признака слова или устойчивого сочетания слов: *Песнь мусора и пламени; Большой секрет для вяленькой кампании.*

Это могут быть трансформы-антитезы: *Место встречи можно изменить; Движение присоединения.*

При включении, полном или частичном, «чужого» текста в авторский текст наблюдаются разные отношения зависимости, основу заголовочного текста может составлять именно прецедентное высказывание:

ПТ: *Доживем до понедельника.*

ВТ: *Когда еще мы доживем до понедельника.*

Части комбинированного текста (КТ), включаемая и включающая, могут разграничиваться по признаку авторства: *Молчание ягнят, или Правда об эмоциональном насилии; Доживем до понедельника: решит ли*

Европа отказаться от евро? По ком звонит колокол: в Германии разгорелся спор о «наследии Гитлера»; Молчание ягнят: почему проблема мусора станет главной для москвичей.

Данные заголовочные фразы построены по схеме «ПТ: авторская конкретизация» и представляют собой текст в тексте. Первая часть такого заголовка – своеобразный повтор высказывания-прототипа, однако с обязательным его переосмыслением под влиянием второй – авторской – части.

Прецедентное высказывание может быть тем или иным образом встроено в авторский текст: *New party basks in the sun, but winter is coming* (Гардиан)

Структуры осложненного заголовочного текста многообразны. Для вторичного текста текст-прототип служит моделью, предоставляющей и одновременно ограничивающей возможности трансформации.

Поверхностное формальное изменение прецедента почти всегда сопровождается глубинной реинтерпретацией его содержания. Интересный материал для исследования заголовка как вторичного текста представляют заголовки-трансформы интернет-издания «Коммерсантъ», обязательным условием понимания которых является информированность читателя. На практике интерпретация вторичного текста читателем может быть разной степенью приближения к закодированному смыслу. Не подкрепленные контекстом аллюзии имеют ограниченную адресную направленность, они апеллируют лишь к своему читателю, выполняя функцию разграничения «свой – чужой». Заголовок, построенный как «текст в тексте», предлагает, по крайней мере, два уровня декодирования – для наивного и искушенного читателя.

В заголовочных номинациях широко используются разнообразные средства эмоционального воздействия эффективен прием корневой игры:

Это может быть акустическое уподобление: *Давос и ныне там; Трудно быть боссом.*

Акустическое уподобление с переосмыслением мотивирующего признака: *Инородное вече.*

Не менее популярна игра прямого и переносного значений слова: *Высокие отношения с законом: как снять Омск с квадрокоптера и не заплатить штраф.*

Буквализация (деметафоризация) – прием, суть которого заключается в возвращении от производного, метафорического к прямому значению. Этот прием получил новый импульс в связи с увлечением идеями когнитивной психологии, в частности идеей, согласно которой прототип, или первообраз, обладает наибольшим потенциалом воздействия. При буквализации «*Улетное сотрудничество*» – речь идет о кооперации в авиации, а «*Дым отечества*» употребляют, имея в виду настоящий дым из трубы. Ср. также: *Корона британской империи. В Музее Виктории и Альберта открылась галерея ювелирного искусства.*

Подзаголовок в какой-то мере нейтрализует ассоциативный шлейф, сужая значение компонента ПВ «*корона*» до буквального.

Часто вторичный текст создается сочетанием стилистических приемов: здесь и трансформация ПВ, и каламбур, и аллюзия: *Генетика становится все более продажной. ДНК-тесты набирают популярность у потребителей.*

Считается, что преимуществом краткого заголовка является экономия усилий читателя. Однако осложнение заголовка прецедентными высказываниями, трансформации цитат и устойчивых выражений приводят к необходимости давать пояснения в подзаголовке. Подзаголовок-подсказка повышает информативность заголовочной фразы: *Персональные проданные. Гражданам предложат заработать на информации о себе; Летчик при дворе «Короля Артура» Оперу Пёрселла поставили в Театре ан дер Вин.*

Важным понятием интерпретационной методики является понятие дополнительной информации. Для структур «ПТ: авторский текст» дополнительная информация – это значение вдогонку. Ср.: *Молчание ягнят: почему проблема мусора станет главной для москвичей; Молчание ягнят, или Правда об эмоциональном насилии.*

Как и тексты со скрытым цитированием, ВТ различаются не только формально, но и функционально. В современной заголовочной фразе отражен весь спектр понятия “уловка” – ‘ловкий, хитрый прием для достижения чего-л.’; ‘ухищрение’. Близки к таким заголовкам-ухищрениям высказывания с речевой многозначностью. Так, текст, начинающийся заголовком «*Гражданские перестреляли военных*», повествует о соревновании по стрельбе. Такой заголовок фонит, т.е. привносит вредный, паразитный сигнал или шум. Крайний случай ухищрения – заголовок, противоречащий содержанию статьи, Заголовок, нарушающий принципы журналистской этики, превращается в факт манипуляции.

Приемы привлечения внимания и уловки медиа далеко не исчерпываются обыгрыванием ПВ, фразеологизмов и цитат. В заголовках нередок языковой меланж (разные формы включения иноязычной лексики). Ср.: *В списках не бачатся.* Это прием, особенно характерный для отечественной прессы, но встречающийся и в заголовках зарубежных изданий. Например, в английской прессе: ‘*troika of tyranny*’ in Latin America. Набирает популярность относительно новый прием детерминологизации компьютерной терминологии и сленга. Все чаще в заголовках применяется прием, известный переводчикам как трансмутация. Роман Якобсон в своей статье «О лингвистических аспектах перевода» определял трансмутацию как интерсемиотический перевод, как передачу вербальных знаков средствами невербальных знаковых систем.

Журналисты и блогеры в статьях и в заголовках к ним массово используют популярные словечки и фразы дня – отличающиеся недолговечностью фразеомемы. Мем как актуальная единица культурной информации – это калиф на час. Можно сказать, что основной признак фразеомема – его летучесть. Его ловят на лету, подхватывают и тиражируют во вторичных текстах: «*Зима наступила*»: как за восемь лет «*Игра престолов*» превратилась в бизнес-проект.

Но фразеомем легко улетучивается, забывается, а вместе с этим обедняется содержание вторичных текстов. Иначе говоря, вторичность текста осознается до тех пор, пока фразеомем на слуху. В этой связи закономерен вопрос о факторах, обеспечивающих долговечность мема, а именно вопрос о том, какое сочетание лингвистических (с учетом частотности) и экстралингвальных факторов, позволяет фразеомему закрепиться в статусе прецедента. Несомненно, решающая роль в таком повышении статуса принадлежит коллективному автору, каждый носитель языка как наивный лингвист участвует в оценке потенциала прецедентного текста. В частности, таким высоким потенциалом иронии обладает известный киноме: *Высокие отношения: как искали пару в газетных объявлениях; Высокие отношения: глава МВЛ обозвал митингующих...*

Интересный пример метафорического переосмысления имени, пример своеобразной энантиосемии – речевая история названия фильма «Молчание ягнят». По фильму, ягнята молчат, когда они спокойны, когда им не угрожает опасность, однако во многих вторичных текстах «ягнята» молчат, т.е. не протестуют: *Молчание ягнят... ..адвокатов и следователей; Молчание русских ягнят; «Молчание ягнят» или как не убить старпан.*

Молчание трактуется как бездействие или как покорность. Возможно, срабатывает ассоциативная связь с «сильным» прецедентным текстом «*Народ безмолвствует*», закрепленным в национальном сознании и ставшим основой многочисленных вторичных номинаций. Заголовки «*Почему народ безмолвствует?*» «*Народ безмолвствует и правильно делает*» ассоциативно связаны с прецедентом как для автора, так и для широкого круга читателей.

Заголовок, построенный по принципу текст в тексте, образует дополнительные корреляции «прецедентный текст – авторский текст» и «вторичный текст – дискурс». Правда, это особый, внутренний дискурс, т.к. текст-подсказка не перечитывается буквально, а воспроизводится, извлекается из памяти. Например, «*Протестный поход детей*» вызывает в памяти «*Крестовый поход детей*», а читая заголовок «*Протухло что-то в государстве Дании*», вспоминают «*Неладно что-то в Датском королевстве*» или даже «*Something is rotten in the state of Denmark*». Возможно, в этом «припоминании» и заключается один из положительных эмоциональных эффектов декодирования текста-трансформера, когда полученная расшифровка – это уже не чужое, а собственное знание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В заголовке как инициирующей номинации медийного текста проявляется тенденция к уплотнению информации в единице речевой коммуникации. Заголовок как текст, основанный на ПВ, повышает нагрузку на языковой знак. Хочется думать, что причина этого – не в языке, а в разуме, в его возросшей способности обрабатывать информацию. Развивающийся разум требует уплотнения информации в единице кода, отсюда не случайные аллюзии, как в литературе прошлого века, а сверхсложная, явная или скрытая, цитация эпохи постмодерна. Построение заголовка на основе прецедента обусловлено желанием использовать весь спектр его функций, превратить его в знак-ретранслятор информации, эмоции, воздействия.

LIST OF REFERENCES

- Belova, J. A. (2008). Strategies for interpreting the meaning of newspaper headlines of the British media texts. <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/strategii-interpretacii-smysla-gazetnyh-zagolovkov-britanskih-media-tekstov.html> [23.04.2019]
- Kasimova, S.V. (2019). Contents and limits of the notion “secondary text”. / S.V. Kasimova. – Access mode: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1296> [23.04.2019]
- Kinderknekt, A. S., Stepanyuk V. V. (2016). Ways to attract attention in the headlines of the media // Philological sciences. Questions of theory and practice. – 2016. – No 8 (62), Part 2. – P. 94–97.
- Nekrasova, A. S. (2018). Types, functions of a newspaper headline and its place in the text of a media article [Text] // Actual problems of philology: proceedings of the III Intern. scientific conf. (Kazan, May 2018). – Kazan: Young scientist, 2018. – p. 27–31.
- Shostak, M. I. (1998). Journalist and his work. Series: Practical Journalism. Publisher: Gandalf LLP. Pages: 96.

For citation:

Gusieva, O. (2019) WORDPLAY, ROOT GAME AND OTHER TRICKS AND CATCHERS OF THE HEADING. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 78-81. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-78-81>

Для цитирования:

Гусева, Е. (2019) БУКВАЛИЗАЦИЯ, КОРНЕВАЯ ИГРА И ДРУГИЕ УЛОВКИ ЗАГОЛОВОЧНОЙ НОМИНАЦИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 78-81. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-78-81>

Information about the author: Olena Gusieva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Mariupol’, Ukraine
e-mail: lenock85@gmail.com

Сведения об авторе: Елена Гусева – канд. филол. наук, доцент. Мариупольский государственный университет, Мариуполь, Украина
e-mail: lenock85@gmail.com

Manuscript received: 06/10/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

THE VERBAL CODE OF THE TV SERIES DISCOURSE: REVISITING THE FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE EPISODE TITLES

Anna Konstantinova
Dr.Sc., Professor
Kuban State University of Technology
(Krasnodar, Russia)
[e-mail: constanna@mail.ru](mailto:constanna@mail.ru)

Abstract. The present paper explores the peculiarities of employing precedent phenomena in the episode titles of the American political thriller “Scandal”. First, the main features of the chosen TV series discourse are characterized; its narrative structure is highlighted and the significance of the titles in it is stressed. Second, the precedent phenomena used as the episode titles are systematized; the groups of precedent situations, precedent names, precedent texts, and the large group of precedent utterances are distinguished. The latter is constituted by idioms, paremias, quotes, titles of popular movies, inner precedent phenomena (“metaprecedents”), etc. both in standard and modified forms. The functions performed by the episode titles containing precedent phenomena are described. They include identification, summary, conveyance of meaning, arousal of curiosity, and phatic function. The significant role of the selected precedent phenomena in the exploration of the main themes is discussed. It is concluded that the linguacultural specificity of the titles allows for their being crucial elements of the narrative.

Key words: political drama “Scandal”, precedent phenomenon, episode title, discourse, TV

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОД ДИСКУРСА ТЕЛЕСЕРИАЛА: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В НАЗВАНИЯХ ЭПИЗОДОВ

Анна Александровна Константинова
Доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный технологический университет
(Краснодар, Россия)
[e-mail: constanna@mail.ru](mailto:constanna@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики использования прецедентных феноменов в названиях эпизодов американского политического триллера «Скандал». Во-первых, описываются основные черты дискурса изучаемого телесериала, характеризуется его нарративная структура, отмечается значимость в ней заголовков эпизодов. Во-вторых, систематизируются прецедентные феномены, применяемые в качестве заголовков; выделяются группы прецедентных ситуаций, прецедентных имен, прецедентных текстов и многочисленная группа прецедентных высказываний, представленная идиомами, паремиями, цитатами, названиями известных фильмов, внутренними прецедентными феноменами («метапрецедентами») и др. как в неизменном, так и модифицированном виде. Выделяются функции прецедентных феноменов в заголовках телесериала, среди которых идентификация, передача значения/смысла, резюме, возбуждение любопытства и фатическая функция. Освещается значимость отобранных прецедентных феноменов в раскрытии тематического содержания дискурса анализируемой драмы. Делается вывод о том, что лингвокультурная маркированность заголовков способствует их роли как эффективных вспомогательных элементов сериального нарратива.

Ключевые слова: политическая драма «Скандал», прецедентный феномен, название эпизода, дискурс, телевидение

ВВЕДЕНИЕ. Несмотря на внедрение новейших технологий передачи визуальной информации, телевидение до сих пор остается одним из самых популярных и предпочитаемых развлечений в мире; при этом в нынешнем высоко медиатизированном (подверженном влиянию масс-медиа) обществе важная роль в определении того, что актуально, социально значимо и, следовательно, заслуживает внимания, все еще принадлежит телевидению. Так, современное ТВ предоставляет богатый материал для ученых, работающих в области когнитивно-дискурсивных исследований; анализу подвергаются разные виды кинематографического дискурса. В настоящей статье материалом для рассмотрения послужил образец довольно популярного жанра телесериала – политический триллер «Скандал» («Scandal»), характеризующийся, по нашим наблюдениям, «многослойностью» вербального кода, которая достигается, помимо прочего, с помощью активного применения прецедентных феноменов разного порядка в качестве названий эпизодов.

МЕТОДИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе нашей работы применялись дискурсивный анализ; контекстуальный анализ; метод лингвистического описания, включающий в себя приемы наблюдения, интерпретации, сопоставления, обобщения и классификации; элементы метода статистической обработки и обобщения полученных данных. В связи с избранным объектом исследования мы опирались также на основные положения теории прецедентности и придерживались традиционного понимания прецедентных феноменов

(далее – ПФ) как ядерного элемента когнитивной базы, к которым относят феномены 1) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 2) имеющие сверхличностный характер, т. к. хорошо известны представителям некоторой лингво-культурной группы; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи (дискурсе) представителей данного языкового сообщества (Krasnykh 2003: 170; Gudkov 2003).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Характеристика дискурса политического триллера «Скандал»
 Политический триллер является субжанром политической драмы: как и полагается триллеру, телевизионный сериал «Скандал» нацелен на то, чтобы вызывать у зрительской аудитории чувство волнительного ожидания и создавать атмосферу подозрения (“suspense”); при этом он содержит политический компонент, т.к. действия происходят на фоне политических интриг и ожесточенной борьбы за власть. Выбор обозначенного телешоу обусловлен несколькими причинами: 1) стабильно высокие рейтинги сериала на протяжении всех семи сезонов (выходил в эфир с 2012 г. по 2018 г.) и, следовательно, его популярность и массовость аудитории; 2) соответствие «профилю качественного телевидения» (Robert J. Thompson 1997: 13-16) в связи с сильным авторским началом; 3) неоспоримые, с нашей точки зрения, лингвистические достоинства.

Действие в теледраме «Скандал», полностью оправдывающей свое название, разворачивается в Вашингтоне – центре политической жизни США. Главная героиня сериала – высокообразованная, сильная и успешная афроамериканка – антикризисный менеджер Оливия Поуп, в прошлом работавшая в Белом доме. Оливия руководит агентством O.P.A. (OliviaPope&Associates), сотрудников которого, ставших близкими ей людей с непростыми судьбами, она гордо называет «гладиаторами в костюмах» (“gladiators in a suit”). В каждой серии герои, прибегая к мыслимым и немыслимым ресурсам (подобно римским гладиаторам, пользовавшимся различными орудиями для сражения), предпринимают попытку разрешить потенциально скандальную ситуацию и тем самым предотвратить кризисы разного уровня – личного, семейного и даже государственного. Клиентами «гладиаторов», таким образом, становятся высокопоставленные политики, влиятельные бизнесмены и публичные персоны. С другой стороны, в фокусе внимания в сериале оказываются и «обитатели» Белого дома, вовлекаемые в часто жестокие политические игры и интриги в их постоянной борьбе за власть. С главным представителем «политического Олимпа», сериальным президентом Фитцджеральдом Грантом, Оливию Поуп связывают любовные отношения.

Для более полной характеристики дискурса телесериала считаем важным остановиться на его нарративной структуре, которая, как известно, в качестве составных элементов включает весь ряд эпизодов, между которыми выстраивается семиотическая цепь, чьи звенья связаны содержательными, жанровыми, стилистическими, формальными признаками (Kozlov 2003). Намеренно создаваемая фрагментированность дискурса телесериала порождает асимметрию в отношениях между текстом и аудиторией и, тем самым, стимулирует процесс порождения идей («ideation»), побуждает зрителя на основе извлечения из памяти информации (ретенция) из прошлой серии, выстраивать возможные траектории развития событий в следующей (Iser, 1989: 31 – 33). Во фразе «the audience is left to know», произнесенной продюсером и идейным вдохновителем драмы «Скандал» Ш. Раймс в одном из телевизионных интервью, заключается, пожалуй, ее писательская философия. Как создатель шоу она предпочитает, чтобы именно зритель, будучи снаряженным арсеналом средств для интерпретации, стал автором главных выводов и умозаключений. Отметим также тот факт, что в рассматриваемом телевизионном шоу отправитель сообщения явно не идентифицируется (к примеру, отсутствует субъект наррации, нет замечаний невидимого нарратора). В нем, наряду с визуальной нарративной инстанцией, используется набор культурогенных феноменов, среди которых прецедентные единицы, употребляемые в названиях эпизодов сериала. Как нам представляется, ПФ как элементы когнитивной базы могут служить эффективными вспомогательными компонентами нарратива: анонсировать тему/содержание эпизода, давать ключи к истолкованию происходящих событий и т. д. Кроме того, название эпизода – начальная «порция информации», которую получают актеры при первом совместном прочтении сценария (“table read”). Так, этот структурный элемент нарратива является одним из опорных моментов для интерпретации актерами сюжета, действий воплощаемых ими персонажей и выстраивания своей дальнейшей игры, которая, в свою очередь, становится интерпретационной подсказкой для зрительской аудитории.

Наши собственные наблюдения за функциями названий эпизодов политического триллера «Скандал», содержащих ПФ и, следовательно, маркированных в лингвокультурном плане, мы базировали на классификации функций названий литературных произведений, предложенной К. Тоденхагеном (Приводится по: Gill, 2008: 22 – 23). Несколько модифицировав ее в ходе анализа, мы пришли к выводу, что назначением названий серий в данном телесериале являются: 1) идентификация (заголовки поддерживают фрагментированность дискурса, выделяя эпизоды-звенья семиотической цепи); 2) резюме (служат средством краткого изложения сути/содержания серии и таким образом снижают информационную нагрузку, выделяя наиболее значимые информационные элементы); 3) передача значения/смысла (являются средством внутренней экспликации дискурса, интерпретационным ключом); 4) возбуждение любопытства (вовлечение зрителя в своего рода интеллектуальную игру) и, что специфично для анализируемого дискурса, 5) выполнение

фатической функции (прецедентные феномены как символы культуры, элементы когнитивной базы выступают своеобразным маркером общности («sociality»), а их знание и правильное толкование в связи с развитием сюжета являются залогом формирования чувства включенности и принадлежности к некоторой общности – активной зрительской аудитории).

Систематизация прецедентных феноменов, используемых в названиях эпизодов телесериала «Скандал».

Анализируемая политическая драма «Скандал» выходила в эфир на протяжении семи сезонов и насчитывает 124 эпизода. По нашим наблюдениям, в абсолютном большинстве случаев (104) в качестве названий серий авторами шоу избираются прецедентные феномены (всего в 20 случаях не был установлен статус прецедентности/прецедентного феномена). Традиционно выделяемые классы ПФ (Красных 2002: 50, 51) представлены и в названиях эпизодов драмы «Скандал»: 1) универсальные прецедентные феномены: библеизмы “The Last Supper” (четвертый сезон восьмой эпизод, далее – S4E8), S4E18 “Honor Thy Father” и др.; 2) национально-прецедентные феномены: S5E15 “PencilsDown” (слова, произносимые учителем/преподавателем университета и сигнализирующие об окончании времени, отведенного на выполнение тестовой работы), S2E14 “WhiskeyTangoFoxtrot” (эвфемистическая замена грубого выражения, часто представляемого аббревиатурой WTF, с использованием принципа военного фонетического алфавита), S4E2 “StateoftheUnion” (ежегодное Послание о положении союза президента США Конгрессу) и многие другие культуроспецифические фразы; 3) социумно-прецедентные (рассмотрены ниже и в рамках данного исследования трактуются как «метапрецеденты» или внутренние прецеденты сериального дискурса).

В ходе анализа было также выявлено, что в качестве заголовков серий политической драмы «Скандал» применяются все типы ПФ, с большим перевесом в сторону прецедентных высказываний. Так, можно выделить:

- 1) прецедентную ситуацию (четвертый сезон седьмой эпизод, далее – S4E7 “Baby Madea Mess”);
- 2) прецедентные имена (S3E6 “Icarus”, S5E8 “Rasputin” и др.);
- 3) прецедентные тексты, представленные через связанные с ними прецедентные имена/ высказывания (S7E4 “Lost Girls”/“lost girls” ← “lost boys” ← “Peter Pan” Дж. Барри; S1E8 “Happy Birthday, Mr. President” – одноименная песня М. Монро, исполненная ею по случаю 45-летия президента Дж.Ф. Кеннеди; S5E1 “Heavy Is the Head” распространенная искаженная цитата из пьесы У. Шекспира «Генрих IV, часть 2» “Uneasy lies the head that wears a crown” и др.);
- 4) прецедентные высказывания, представленные единицами с различными источниками происхождения:
 - а) кинодискурс (наиболее многочисленная подгруппа заголовков эпизодов): названия кинофильмов (политический триллер “Enemy of the State” (S1E4), комедия “The Other Woman” (S2E2), криминальная драма “An Innocent Man” (S4E6), документальный фильм о сексуальных скандалах в американской политике S4E2 “Beltway Unbuckled” и мн. др. Модификации подвергается, к примеру, название выдающейся кинокартины “Mr Smith Goes to Washington” (политическая комедийная драма 1939 г.). В эпизоде третьего сезона под названием “Mrs Smith Goes to Washington” (S3E3) клиенткой ОРА становится женщина, которая пытается выяснить правду о своем сыне, обвиненном в терроризме, и для этого приезжает в Вашингтон и нанимает для расследования Оливию Поуп и ее команду;
 - б) музыкальный дискурс (названия популярных песен и музыкальных альбомов): S4E7 “Put a Ring on It” (название песни американской исполнительницы Бейонсе “Single Ladies (Put a Ring on It)”; S5E9 “Baby It’s Cold Outside” – название известнейшей композиции Ф. Лессера, использованной в фильме «Дочь Нептуна» и удостоенной награды «Оскар» в 1949 г. и др.;
 - в) названия радиопередач: S2E12 “Truth or Consequences” – название популярного американского шоу розыгрышей, изначально транслируемого по радио (1940-47 гг.), а затем по телевидению вплоть до 1988 г.; S2E21 “Any Questions?” – такое название носила радиопрограмма канала BBC Radio 4;
 - г) фразеологический фонд, представленный идиомами: “Dirty Little Secrets” (= a partner a person doesn’t want their friends to know about), S1E5 “Crash and Burn” (= to fail completely); S7E2 “Pressing the Flesh” (= shake hands and mingle with people especially when running for office) и др.; цитатами: S2E18 “Molly, You in Danger Girl” – фраза из киноленты Дж. Цукера «Привидение», адресованная персонажем В. Голдберг, мошенницей Одой Мэй Браун, главной героине Молли; S3E4 “Say Hello to My Little Friend” – слова, произносимые гангстером Тони Монтана, сыгранным Аль Пачино в криминальной драме “Лицо со шрамом”, перед тем как он разрушает дверь выстрелом из своего автомата и др.; устойчивыми фразами: название эпизода S5E6 “Get Out of Jail, Free” отсылает к ставшей метафорической фразе “get out of jail free card”, обозначающей то, что поможет выйти из нежелательной ситуации и в буквальном смысле называющей элемент популярной настольной игры «Монополия»; название эпизода S5E18 “Till Death Do Us Part” является фразой из текста традиционной католической свадебной клятвы и др.; паремиями. В названиях эпизодов всего выявлено шесть единиц, среди которых одна пословица в стандартной форме – S5E13 «The Fish Rots From the Head», четыре паремии подвергаются модификации – акроним «YOLO» (S3E9) (распространенный ныне способ «кодирования»

современной поговорки “You only live once”, часто используемой для обоснования совершения опрометчивого/глупого поступка); значимые для сюжета сериала лексические замены происходят в названиях серий S4E4 “Like Father, Like **Daughter**” (Ср. “Like father, like son”) и S2E5 “All Roads Lead to **Fitz**” (Ср. All Roads Lead to Rome). В названии эпизода пятого сезона S5E7 “Even the Devil Deserves a Second Chance” (Ср. “Everyone deserves a second chance”) с помощью лексической субституции первого компонента происходит уточнение значения традиционной поговорки. Еще в одном названии (S3E5) создается подобная поговорки единица – псевдопоговорка – “More Cattle, Less Bull” (построена по традиционной структурно-семантической модели “More X, less Y”/Ср., к примеру, “More haste, less speed”, “More actions, less words” и, исходя из толкования событий в серии, можно утверждать, выражает суждение обобщающего характера – «чем больше людей привлекается к расследованию «классифицированного» дела (“more cattle”), тем больше вскрывается секретов и лжи (“bull”), связанных с ним); собственно дискурс сериала «Скандал», из которого заимствуются ставшие для него знаковыми рекуррентные фразы, являющиеся ключевыми/содержательными центрами нарратива и несущие мощную смысловую нагрузку. В этой связи мы предлагаем их трактовать как своего рода метапрецеденты, или внутренние дискурсивные прецеденты (будут рассмотрены ниже).

Анализ роли прецедентных феноменов в раскрытии тематического содержания дискурса телесериала «Скандал». Интересными представляются также результаты рассмотрения роли выделенных ПФ в раскрытии тематического содержания дискурса телевизионной драмы «Скандал», которые, как показывает анализ, обозначают несколько ключевых тем, раскрываемых в обсуждаемом шоу. Целесообразным считаем в рамках данной статьи изложить наблюдения относительно функционирования внутренних прецедентных феноменов («метапрецедентов»), а затем остановиться на главной теме телесериала – теме политики.

Название пилотного эпизода телешоу S1E1 “Sweet Baby” содержит рекуррентную фразу, которая маркирует одну из главных линий взаимоотношений главной героини Оливии Поуп – романтическую связь с сериальным президентом США Фитцджеральдом Грантом. В данной серии фраза «вводит» самую первую интригу и скандально опасную ситуацию – интимную связь президента со стажером Белого дома Амандой Теннер, которая угрожая публичным освещением дела, становится клиенткой ОРА. В заголовок открывающего третий сезон эпизода S3E1 “It’sHandled” вынесена излюбленная фраза О. Поуп, которую она зачастую произносит еще до окончания дела (“consider it’shandled”) и которая отражает, пожалуй, основные черты личностного портрета Оливии как делового человека, в чьих руках оказываются судьбы людей, а иногда целых государств – амбициозность, самоуверенность, даже претензию на всемогущество. Тема «гладиаторства»/«гладиаторов» (“gladiating”) – концепта, заключающего в себе философию осуществления антикризисного управления в «большой политике» – поддерживается несколькими рекуррентными словосочетаниями, также фигурирующими в названиях следующих эпизодов: S2E1 “White Hat’s Off”, S2E22 “White Hat’s Back On” и S4E12 “Gladiators Don’t Run”. Так, названия открывающей и финальной серий второго сезона, отмеченного большим количеством флешбэков, раскрывающих нелицеприятную предысторию происходящих в настоящем событий и развивающихся конфликтов, содержат устойчивое выражение “white hat”, обозначающее честного и благородного человека или символ добродетели и правосудия. Данный концепт, таким образом, представлен в сериале как наивысшая ценность, являющаяся моральным ориентиром в действиях Оливии и компаньонов, от которого персонажи всё-таки иногда отклоняются. Так, в эпизоде “White Hat’s Off” им приходится препятствовать правосудию подделкой улики, чтобы скрыть более серьезные свои деяния – вмешательство в ход выборов президента Гранта, но при этом спасти от тюремного заключения невинную сотрудницу Квин Перкинс, которая оказалась втянутой ими в политические игры не по своей воле. В финальном эпизоде второго сезона “White Hat’s Back On” Оливии и ее помощникам удается восстановить «моральное равновесие», когда в результате их расследования наибольшие злодеи несут наказание и Оливия Поуп получает белую шляпу в подарок от Генерального прокурора США. Ее она заслуживает еще и потому, что принимает решение остаться работать со своими товарищами-«гладиаторами», хотя получает возможность находиться рядом с президентом в качестве первой леди. В эпизоде “Gladiators Don’t Run” компаньонам приходится в очередной раз объединиться, даже несмотря на внутренние серьезные разногласия, чтобы предпринять попытку освободить Оливию из плена после ее заказного похищения.

Важным считаем здесь также отметить, что, будучи глубоко противоречивым и сложным персонажем, совершившим множество злых и добрых дел, Оливия Поуп может рассматриваться как яркий пример *анти* героини. Однако, по замечанию Ш. Раймс, в финале сериала авторы попытались представить завершение долгого путешествия Оливии, ее возвращение из «тьмы к свету», а не вынести оценку политической жизни в Вашингтоне. Оставив для догадок то, как сложится дальнейшая судьба главных персонажей сериала, создатели, все же, предложили в качестве дискурсивных подсказок для интерпретации финала названия двух последних эпизодов, которые (что примечательно) содержат метапрецедентные высказывания, хорошо знакомые зрительской аудитории. В серии S7E17 “Standing in the Sun” наконец разоблачается сверхсекретная организация специальных агентов и шпионов В613, которая действовала без ведома федерального правительства и любыми методами пыталась обеспечить защиту Республики. Так, фраза “stand in the sun” (не раз адресуемая Оливии как

альтернатива порочной жизни в большой политике) выносится в название предпоследней серии и дает зрителю понять, что в ней совершаются знаковые дела во имя справедливости. В финальной серии S7E18 “OvertheCliff” содержится своего рода девиз «гладиаторов», произносимый ими в решающих жизненных ситуациях и служащий символом их сплоченности, самоотверженности и взаимной преданности. В данном эпизоде, рискуя многим, они все же доводят главное дело уничтожения B613 до конца, совершая, таким образом, метафорический «прыжок с обрыва». Будучи использованными в названиях двух последних эпизодов, эти внутренние ПФ «намагничивают» дискурс своей прецедентной силой, передают важное когнитивное содержание.

Относительно заглавной темы исследуемой драмы – темы политики – заметим, что она представлена несколькими направлениями, среди которых тема «президентства» и/или получения одной из руководящих должностей в Белом доме как заветной цели крупных политиков (обозначаемых в дискурсе с помощью анималистической метафоры “big dogs”) и исследование тех методов и путей, с помощью которых происходит реализация этой цели и возможных ее последствий. По замыслу Ш. Раймс, Овальный офис – символ безграничной власти – изображается как место, оказывающее порочное влияние на приближающихся к нему людей. В этой связи одним из главных политических скандалов, за развитием которого следит телезритель, становится фальсификация результатов выборов президента Ф. Гранта, которая была осуществлена по заговору приближенных к нему людей – членов его команды (среди которых О. Поуп) и его супруги Мелли Грант – без его ведома, так как молодой кандидат в президенты – порядочный и амбициозный человек – не допустил бы нечестной победы.

Седьмой эпизод первого сезона носит лаконичное название S1E7 “Grant: For the People”. В нем после получения угрозы об огласке супружеской неверности и его отношений со стажером Белого дома А. Тэннер президент Ф. Грант считает единственно верным решением уйти в отставку, что к тому же даст ему возможность жить жизнью обычного человека рядом с любимой женщиной. Оливия, однако, осознает, что Фитц, будучи народным избранником, «принадлежит» не ей, а народу. Отсюда – элемент распространенной максимы А. Линкольна, выражающей один из основных демократических принципов США, в названии эпизода (Ср. “government of the people, by the people, for the people”). Таким образом, из названия становится понятным, что О. Поуп и ее команда в очередной раз исправляют потенциально скандальную ситуацию, чтобы президент остался на своем посту. В эпизоде второго сезона S2E5 “All Roads Lead to Fitz”, в названии которого модифицируется популярная поговорка “All roads lead to Rome” посредством замены топонима “Rome” на внутреннее прецедентное имя “Fitz”, проливается свет на обстоятельства заговора, который привел Фитцджеральда Гранта к победе на президентских выборах.

Проблема цены/последствий крупных политических побед и завоеваний исследуется авторами телевизионного шоу, к примеру, в эпизодах S3E18 “The Price of Free and Fair Elections” и S6E3 “Fates Worse Than Death”. В названии первого отмечаем фразу, обозначающую мировые стандарты политических выборов (“free and faire lections”) и передающую в свернутом виде содержание серии и его тему: убийство сына президента Гранта помогает вырвать победу у соперника на выборах и во второй раз стать президентом США, так как вся нация скорбит вместе с ним и поддерживает его кандидатуру. В названии второго эпизода употребляется эвфемистическое выражение “fates worse than death”, исторически служившее обозначением изнасилования, но используемое ныне, как правило, в ироничных контекстах. Это правило, однако, нарушается в дискурсе телесериала, так как в обозначенной серии, пожалуй, худший из политических злодеев, глава администрации президента Сайрус Бин, оказывается на грани ареста за совершенное по его заказу убийство, что лишает его возможности исполнить заветную мечту и заполучить Овальный офис – для него это действительно хуже смерти!

Одной из отличительных черт дискурса драмы «Скандал» является «моральная неоднозначность»: его авторы предпринимают попытку исследовать как «темную», так и «светлую» стороны политических фигур. В названии эпизода пятого сезона S5E7 “Even the Devil Deserves a Second Chance”, как отмечалось выше, происходит значимое уточнение смысла традиционной поговорки за счет замены лексемы “everyone” на лексему “the devil”, причем последняя служит в качестве собирательного имени для многих сериальных политиков-хищников. В обсуждаемой серии все они получают второй шанс, избегая наказания за свои деяния и продолжая вести «грязные игры», в то время как в ходе расследуемого агентством ОРА дела разоблачению подвергается известный писатель, виновный в сексуальном насилии над молодыми женщинами-писательницами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Итак, исследование показало, что отличительной чертой дискурса американского политического триллера «Скандал» является активное использование богатого арсенала прецедентных феноменов. В заголовках эпизодов фигурируют все типы ПФ, причем самую многочисленную группу составляют прецедентные высказывания, представленные единицами, заимствованными из разных видов медиадискурса и фразеологического фонда английского языка. Особого внимания заслуживает ряд внутренних прецедентных феноменов («метапрецедентов») сериала «Скандал» – рекуррентных фраз, являющихся

ключевыми содержательными центрами нарратива и несущих мощную смысловую нагрузку. В некоторых случаях ПФ претерпевают изменения, модифицируются, что вызвано необходимостью их адаптации к сюжету телесериала. В ходе анализа было отмечено, что названия серий выполняют следующие функции: идентификация, передача значения/смысла, резюме, возбуждение любопытства и фатическая функция. Рассмотрение роли выделенных ПФ на уровне содержания дискурса показало, что они способствуют раскрытию нескольких ключевых тем телевизионного шоу «Скандал», в том числе главной темы политики. Можно, таким образом, заключить, что лингвокультурная маркированность названий эпизодов в связи с использованием в них культурогенных текстов делает их эффективным элементом нарратива, этой краткой «инструкции» по истолкованию создаваемого в телесериале «возможного мира».

LIST OF REFERENCES

- Gudkov B. D. Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikacii. M.: ITDGK «Gnozis», 2003.
 Kozlov E. V. Seriynost' v paraliterature: intratekstual'nye obrazovaniya i izdatel'skie serii [Elektronnyy resurs]// Massovaya kul'tura na rubezhe XX-XXI vekov: Chelovek i ego diskurs. M.: Azbukovnik, 2003. S. 201 – 211. URL: <http://ec-dejavu.ru/s/Serial.html> (data obrascheniya 25.02.2019).
 Krasnyh V. V. «Svoy» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? M.: ITDGK «Gnozis», 2003.
 Gill, P. (2008). “The Name of the Game”: Form and Function of Episode Titles in Grey’s Anatomy. *Grace under Pressure: Grey’s Anatomy Uncovered!* edited by Cynthia Burkehead and Hillary Robson. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
 Iser, W. (1989). *Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
 Robert, Thompson J. (1997). *Television's Second Golden Age: From Hill Street Blues to ER*, Syracuse University Press.

For citation:

Konstantinova, A. (2019) THE VERBAL CODE OF THE TV SERIES DISCOURSE: REVISITING THE FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE EPISODE TITLES. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 82-87. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-82-87>

Для цитирования:

Константинова, А.А. (2019) ВЕРБАЛЬНЫЙ КОД ДИСКУРСА ТЕЛЕСЕРИАЛА: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В НАЗВАНИЯХ ЭПИЗОДОВ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 82-87. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-82-87>

Information about the author: Anna Konstantinova - Dr.Sc., Professor, Kuban State University of Technology Krasnodar, Russia
 e-mail: constanna@mail.ru

Сведения об авторе: Константинова Анна Александровна - доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Кубанского государственного технологического университета, Кубань, Россия.
 e-mail: constanna@mail.ru

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-87-91>

NEW IDEOLOGEM IN THE DISCOURSE OF AMERICAN MEDIA

Svetlana Kushneruk

Doctor of Philology, Professor

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

(Chelyabinsk, Russia)

e-mail: Svetlana_kush@mail.ru

Maria Kurochkina

Candidate of Philology, Associate Professor

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

(Chelyabinsk, Russia)

e-mail: kma1974@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on discursive actualization of a new ideologem of modern history – «Russia – adversary of the West» in the texts of American media. The main objective of the authors is to establish cognitive, axiological, pragmatic and discursive features of the new ideologem in the American media discourse. Cognitive-discursive analysis is chosen as the main method of research. American media discourse is considered from the standpoint of a modern branch of discourse studies that integrates

cognitive, communicative, pragmatic, discursive components of linguistic analysis and develops World Modelling Theory. An original procedure of studying the ideologem is proposed. It takes into account a corpus approach and mechanisms of profiling conceptual structures in discourse. The concept of discourse-world of information and psychological war is introduced. It is defined as a conceptually complex representation structure that forms the idea of global confrontation of foreign policy opponents. It is argued that discourse-world of information and psychological war serves as background, against which the new ideologem is profiled. The results of the research can be useful for further development of linguistic bases of counteraction to information and psychological threats in the media sphere.

Keywords: ideologem, World Modelling Theory, discourse-world, information war, American media discourse

НОВОИДЕОЛОГЕМА В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Светлана Леонидовна Кушнерук

Д.ф.н., профессор

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

(Челябинск, Россия)

e-mail: Svetlana_kush@mail.ru

Мария Анатольевна Курочкина

К.ф.н., доцент

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

(Челябинск, Россия)

e-mail: kma1974@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению дискурсивной актуализации идеологемы новейшей истории «Россия – противник Запада» в текстах американских СМИ. Целью работы является установление когнитивных, аксиологических, прагматических и дискурсивных особенностей реализации новоидеологемы в американских медиа. Основным методом исследования избран когнитивно-дискурсивный анализ. Американский медиа дискурс рассматривается с позиций современного направления лингвистической дискурсологии, интегрирующего когнитивный, коммуникативно-прагматический, дискурсивный компоненты лингвистического анализа и развивающего теорию когнитивно-дискурсивного миромоделирования. Предлагается оригинальная методика изучения идеологемы с учётом корпусного подхода и возможностей профилирования концептуальных структур в дискурсе. Обосновывается понятие дискурсивного мира информационно-психологической войны как концептуально-сложной репрезентационной структуры, формирующей представления о противоборстве внешнеполитических оппонентов. Дискурсивный мир рассматривается как фон, по отношению к которому профилируется названная новоидеологема. Результаты исследования могут быть полезными для дальнейшей разработки лингвистических основ противодействия информационно-психологическим угрозам в медиасфере.

Ключевые слова: идеологема, теория миромоделирования, дискурсивный мир, информационная война, американский медиадискурс

ВВЕДЕНИЕ. Глобальная внешнеполитическая ситуация заметно усложнилась в последнее время. Все чаще говорят об идеологическом противостоянии России и США на фоне информационной войны, или нового «взлёта холодной войны». Это обостряет интерес учёных к выявлению ментально-языковых особенностей представления реальности в медиадискурсе. В целях выработки мер противодействия информационным угрозам необходимо исследовать специфику идеологического миромоделирования, которое отражает структурирование информации о значимых фрагментах действительности в интересах политических элит. Тиражирование и внедрение средствами массовой информации определённых представлений часто приводит к появлению новоидеологем. Речь идёт о таких когнитивных структурах, которые получают объективацию в медиадискурсе и формируют позицию читателей по отношению к другим странам и их международной активности. Воздействие на массовое сознание аудитории осуществляется языковыми средствами, выбор которых отражает политические амбиции государств, претендующих на доминирование в мире. В настоящее время в американском медиадискурсе на регулярной основе актуализируется идеологема новейшей истории «Россия – противник Запада». Цель статьи – выявить когнитивные, аксиологические, прагматические и дискурсивные аспекты реализации названной новоидеологемы в дискурсивном мире американских медиа.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Понятие *идеологемы* является многозначным и уходит корнями к работам М. М. Бахтина, обсуждавшего способы репрезентации идеологии в литературе. Теория идеологем разрабатывается в языкознании, начиная с 90-х гг. XX века (Г. Ч. Гусейнов, Е. А. Земская, Н. И. Клушина, Г. Л. Косиков, Н. А. Купина, Е. Г. Мальшева, Е. А. Нахимова, М. П. Одесский, Д. М. Фельдман, А. П. Чудинов и др.). К настоящему времени сформированы три основных подхода к исследованию идеологем – лексикологический, когнитивно-стилистический и когнитивно-дискурсивный. Лексикологический подход доминировал в период перестройки: понятие идеологемы использовалось для обозначения сущностной

черты тоталитарного дискурса (Guseynov 2003; Zemskaia 1996; Kupina 1995). Идеологема, как правило, соотносилась с отдельной лексемой или словосочетанием (*буржуазия, террор, вождь, пролетариат, патриот, светлое будущее*). Когнитивно-стилистический подход рассматривает идеологема как ментально-стилистический феномен, с помощью которого формируется массовое сознание социума и его представителей (Klushina 2014). Когнитивно-дискурсивный подход расширяет трактовку идеологема до «многоуровневого концепта», содержащего идеологически маркированные признаки, что позволяет выделить рядразнотипных ментальных образований: в связи с характером концептуализируемой информации – идеологема-понятия, идеологема-фреймы, идеологема-гештальты; с точки зрения использования носителями языка – общеупотребительные и ограниченные в употреблении; с учётом прагматического компонента – идеологема с разным аксиологическим модусом; в связи с актуальностью идеологема – историзмы, новоидеологема, реактуализированные идеологема, универсальные идеологема (Malysheva 2009).

Придерживаясь когнитивно-дискурсивного подхода, мы полагаем, что идеологема отражают устойчивые отношения между языком и мышлением, которые возникают и укрепляются в результате моделирования действительности в СМИ. Под идеологема понимаем когнитивную единицу, которую в дискурсе могут объективировать языковые средства разных уровней, – лексемы, словосочетания, тексты и текстовые совокупности, объединённые в тематическом или коммуникативно-функциональном отношении. Важно подчеркнуть, что идеологема может быть представлена не только идеологизированной лексикой (с денотативным, сигнификативным или коннотативным компонентами значения, указывающими на связь слова с понятиями, отражающими интересы тех или иных социальных и политических групп), но также значениями неидеологических слов, анализируемых в плане синтагматики. Именно этот аспект не получил достаточного освещения в научной литературе. Его значимость не вызывает сомнений в условиях целенаправленного воздействия американских журналистов, навязывающих читателям представления о противостоянии России и Запада в контексте информационной войны.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Для анализированной идеологема «Россия – противник Запада» в американских СМИ в качестве макропарадигмально используется когнитивно-дискурсивный метод. Он, в частности, реализуется благодаря применению эвристик теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования, которая объединяет достижения европейской и российской лингвистики для изучения дискурса в терминах репрезентационных структур (Kushneruk 2018). Основными концепциями, давшими импульс её развитию, являются: теория текстовых миров (Tinceva 2018; World Building 2016), теория ментальных пространств (Fauconnier, 1994), когнитивная грамматика (Langacker 1987), социокогнитивная теория дискурса (Deyk 2014).

Репрезентационные структуры – это ментально-языковые конструкты дискурса, отличающиеся степенью концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в целях коммуникации. Ключевым для данной работы является термин дискурсивный мир (далее – ДМ), в широком смысле определяемый нами как многокомпонентная репрезентационная структура, когнитивное содержание которой объективируется в интегративной совокупности текстов, объединённых в тематическом, коммуникативном и/или функционально-целевом отношениях. Мы отстаиваем идею о том, что в американских СМИ выявляется дискурсивный мир информационно-психологической войны, который создаётся журналистами в медиатекстах, объединённых темой противоборства, и служит фоном для профилирования новоидеологема «Россия – противник Запада». Разработанная авторская методика её исследования включает следующие этапы:

а) обращение к корпусу новостей «New sonthe Web» для выявления ДМ информационно-психологической войны в американских медиа по ключевым термин о сочетаниям *information war* и *information warfare*; б) создание виртуального субкорпуса (INFORMATIONWAR* USA), который включает 21 текст, 50473 слова; в) характеристика ДМ информационно-психологической войны как репрезентационной структуры, формирующей представления о противоборстве России и Запада; г) выявление когнитивных, аксиологических, прагматических и дискурсивных особенностей реализации новоидеологема «Россия – противник Запада» в американских медиа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Тиражирование американскими медиа представлений об информационно-психологической войне (далее – ИПВ) ведёт к появлению такого дискурсивного мира, в котором регулярно объективируется новоидеологема «Россия – противник Запада». На текстовом уровне конструируется медиареальность, в которой Россия представлена агрессором. Это влечёт закрепление негативных ассоциативных связей, предопределяющих оценку осуждения российских внешнеполитических инициатив со стороны читателей. Профилируемая идеологема выходит за пределы простого ментального образа. Вскрыть её наиболее существенные признаки можно лишь в совокупности сложных взаимосвязей, устанавливаемых в рамках дискурсивного мира. Нами были выявлены следующие аспекты реализации названной идеологема.

Актор ИПВ. Россия представлена инициатором и действующим лицом информационной войны, которая ведётся против США. Это главным образом выражено единицами лексико-семантического уровня: *to wage, to mix truth with lies and misinterpretations, to prosecute, to propagate messages to retaliate, to break into, to hack into,*

to manipulate, to innovate cyberwarfare to revolutionize information warfare, etc. Cf.: «*Mueller's investigation shows Russia was using online ads to wage an 'information war' against the U.S. and Congress should pass new laws to police political advertising on social media immediately*». (Fortune 17.02.2018).

Характер ИПВ. Регулярно подчёркивается, что противостояние России США носит массовый характер, что угрожает общей безопасности и демократии: *amassiveinformationwar, increasingpressure, toescalate, intensificationoftheroleofinformationwarfare*. Cf.: «*Even if Trump is correct that he has not engaged in collusion or cover-up, that nevertheless leaves a very important matter to address: the Russians still have been engaged in a massive information war against the United States, one that cuts to the very heart of our safety and security as a democracy*» (www.foreignpolicy.com, 14.06.2017). Нередко понятие информационной войны используется как родовое по отношению к кибервойне. Cf.: *Yet no one seems to know how to respond to Russia employing the tools of cyberwarfare to further their information war* (www.warontherocks.com, 29.09.2016).

Цели и задачи ИПВ. Наиболее общая цель, которая приписывается России, – стратегическая атака против западной демократии. Это проявляется в самом широком наборе задач, решение которых должно привести к хаосу и раздору, деморализации и дезориентации западных обществ (*to sow discord in the U.S. political system; to impair, obstruct, and defeat the lawful governmental functions of the United States; to disrupt American democracy; to demoralize and disorientate the targeted societies; to neutralize American influence; to counterattack and undermine public confidence in Western political institutions; to wage war against free speech rights; to intimidate, etc.*). Cf.: *Former Soviet and Russian diplomat Alexander Melnik is now a geopolitics professor at a French business school. He says the cyber and information war is all part of Putin's multi-strategy attack against Western democracy* (www.npr.org, 21.02.2017).

Каналы ведения ИПВ. Складывается представление о театре военных действий – как виртуальном, так и реальном пространстве, в котором, по мнению американских журналистов, Россия развязала информационную войну: *onlinenewsservice, socialmediasites, cablenetworks, mainstreammedia, broadcastmedia*. Cf.: «*Russia is prosecuting an information war – and this is a proxy war being conducted primarily over and through broadcast media and social media*». (The Irish Times, 09.03.2018). ИПВ приравнивается к прокси-войне, которая получает наибольшее распространение в медиа и социальных сетях. Традиционно информационная война также воспринимается в тесной связи с вмешательством в выборы президента США, отрицаемые обвиняемой стороной. Cf.: «*The steps are designed to deter the kind of election meddling and online information warfare that US authorities have accused Russia of pursuing, Zuckerberg said Friday. Moscow has denied the allegations*» (Fortune, 17.02.2018).

Войска и средства ИПВ. Воинские подразделения информационной войны включают киберармию (*cyberarmy*), а также армии фермы троллейботов (*trolls, trollarmy, trollfarm, Russianbots*). Cf.: «*Also sanctioned were five Russian companies, including the Internet Research Agency, a 'troll farm' linked to members of Putin's inner circle*» (NY Daily News, 15.03.2018). Метафорическое осмысление троллей как продуктов фабричного производства свидетельствует в пользу признания технологичности ведения информационной войны Россией и усиливает эффект опасности, создаваемой «кругом Путина».

Операции ИПВ. Под операциями понимаются формы ведения военных действий, приписываемых России. Информационные операции включают в себя масштабные кибероперации, кибератаки, киберсаботаж, хакерские атаки, дезинформацию, пропаганду (*cyberoperation, cyberattacks, cybersabotage, hackerattacks, disinformation, propaganda*). Красной нитью проходит идея о безостановочном потоке российской дезинформации, направленной на введение в заблуждение США и Запад. Cf.: «*It's an anomaly in the Trump administration – perhaps the only part of the U.S. government whose job is to regularly punch back against what experts say is a stream of Russian disinformation aimed at America and the West*» (NBC News, 15.04.2018). Основные операции, обеспечившие преимущество России и представляющие угрозу Западу, приводятся в следующем контексте. Cf.: «*The black 'hole' however exists in what is termed non-kinetic or asymmetric advantages possessed by Russia. These include cyber and hacking capacity; misinformation and disinformation; propaganda; information war; intimidation; and espionage*» (UPI, 6.03.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В результате направленного внедрения в сознание широких масс читателей представлений о противостоянии России и Запада в американских СМИ выстраивается дискурсивный мир информационно-психологической войны, который является фоном для регулярной формализации новоидеологемы первой четверти XXI века «Россия – противник Запада». Её концептуальное содержание формируется разнообразными семиотическими средствами, используемыми в контекстах, описывающих противостояние.

В когнитивном отношении выявленная новоидеологема представляет собой ментальный конструкт, моделирование которого основано на анализе синтагматических связей терминосочетаний *informationwar* и *information warfare* в речевой ткани американских медиа. Новоидеологема имеет резко отрицательную аксиологическую характеристику, что проявляется на уровне прямой негативной квалификации России как внешнеполитического оппонента. В прагматическом отношении актуализация идеологемы обусловлена целью

распространения негативных сведений о России и её действиях в интересах американской политики. Дискурсивная специфика идеологемы новейшей истории предопределяется параметрами, описывающими характер противоборства крупнейших политических игроков на мировой арене. Полагаем, что дальнейшее изучение когнитивно-дискурсивных особенностей репрезентации идеологем в иноязычных СМИ важно для разработки лингвистических основ противодействия информационно-психологическим угрозам в информационной сфере.

LIST OF REFERENCES

- Dijk, T. van. (2014). *Diskursivlast': Rezentaciâdominirvaniâ v âzykeikommunikacii* [Discourse and power: Representation of domination in language and communication]. Moscow: Librokom.
- Fauconnier, G. (1994). *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge : Cambridge Univ. Press.
- Guseinov, G. T. (2003). *Sovetskieideologemy v russkomdiskurse 1990-h.*[Soviet ideologemes in Russian discourse of the 1990s]. Moscow.
- Klushina, N. I. (2014). *Teoriyaideologem.* [The theory of ideologemes]. *Politicheskayalingvistika.* 4 (50), 54–58.
- Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyjazyk: Slovar' irechevyereakcii.* [Totalitarian language: Dictionary and speech reaction]. Ekaterinburg-Perm'.
- Kushneruk, S. L. (2018). *Razvitiiteoriikognitivno-diskursivnogomiromodelirovaniya za rubezhomi v Rossii.* [The Development of Cognitive-discourseWorld Modelling Theory in EuropeanandRussian Linguistics]. *Voprosykognitivnojlingvistiki.* (4), 115–125. http://discourseworld.ru/electronic-library/stati_na_russkom_yazyke/razvitie_teorii_kognitivno_diskursivnogo_miromodelirovaniya_za_rubezhom_i_v_rossii_2018/ [12.02.2019].
- Langacker, R. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites.*Stanford : Stanford Univ. Press.
- Malysheva, E. G. (2009). *Ideologemaklingvokognitivnyjfenomen: opredelenieiklassifikaciya.* [The ideologem as a linguistic and cognitive phenomenon: definition and classification].*Politicheskayalingvistika.* (4), 32–40.
- Tincheva, N.(2018). *Discourse world-profiling expressions: Contrasting data from British and Bulgarian political speeches.*https://www.researchgate.net/publication/331198543_DISCOURSE_WORLD-PROFILING_EXPRESSIONS_CONTRASTING_DATA_FROM_BRITISH_AND_BULGARIAN_POLITICAL_SPEECHES. [05.03.2019].
- World Building: Discourse in the Mind* (2016).Gavins, J. & Lahey, E., eds.Bloomsbury.
- Zemskaya, E. A. (1996). *Klishe novoyazaicitaciya v yazyke postsovetskogo obshchestva.* [Clichés of Newspeak and citation in the language of post-Soviet society]. *Voprosyazykoznanija.* (1), 23–31.

For citation:

Kushneruk, S. & Kurochkina, M. (2019) NEW IDEOLOGEM IN THE DISCOURSE OF AMERICAN MEDIA. *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 87-91. doi: https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-87-91*

Для цитирования:

Кушнерук, С. Л., Курочкина, М.А. (2019) НОВОИДЕОЛОГЕМА В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 87-91. doi: https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-87-91*

Information about the authors: Svetlana Kushneruk - Doctor of Philology, Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, (Chelyabinsk, Russia)

e-mail: Svetlana_kush@mail.ru

Сведения об авторах: Кушнерук Светлана Леонидовна - доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, (Челябинск, Россия)

e-mail: Svetlana_kush@mail.ru

Information about the authors: Maria Kurochkina - Candidate of Philology, Associate Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, (Chelyabinsk, Russia)

e-mail: kma1974@yandex.ru

Сведения об авторах: Курочкина Мария Анатольевна - кандидатфилологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, (Челябинск, Россия)

e-mail: kma1974@yandex.ru

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

**THE INFLUENCE OF LANGUAGE ON THE MEDIATIZATION OF GEORGIAN MASS MEDIA ON
EXAMPLE OF GEORGIAN-INDIAN RELATIONSHIP**

Valentin Viktorovich Matvienko
PhD in Philological Sciences, lecturer
RUDN University
(Moscow, Russia)
e-mail: www.danaramay.ru@mail.ru
Danara Baurzhanovna Kurmanova
Master of Journalism
RUDN University
(Moscow, Russia)
e-mail: www.danaramay.ru@mail.ru

Abstract. The development of Internet, particularly, social media, allows Georgian Mass Media to transit its model from convergence to multimediatization – from a merger of different informational and communicative processes to digitalization. Surely, multimediatization demands fundamental change of content, transformation of a standard text into the multimediallongread. Nowadays each newsbreak participates in the construction of mediareality and, in this case, issue on relationship between Georgia and India, which has been widely discussed in the Mass Media since 2017, becomes actual and special.

Key words: media, Multimediatization, mediatext, multimediallongread, Georgia, India

**ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА МЕДИАТИЗАЦИЮ ГРУЗИНСКИХ СМИ
(НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИНСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ)**

Валентин Викторович Матвиенко
кандидат филологических наук
Российский университет дружбы народов (РУДН)
(Москва, Россия)
e-mail: www.danaramay.ru@mail.ru
Данара Бауржановна Курманова
магистр по специальности «Журналистика», аспирант
Российский университет дружбы народов (РУДН)
(Москва, Россия)
e-mail: www.danaramay.ru@mail.ru

Аннотация. Сравнение интернета, в частности, социальных сетей, грузинские СМИ переходят от этапа конвергенции к мультимедиазации, то есть от слияния различных информационных и коммуникативных процессов в один ресурс к дальнейшему переходу информации в цифровую форму. Безусловно, мультимедиазация СМИ предполагает кардинальное изменение контента, преобразование стандартного журналистского текста в мультимедийный лонгрид. Отныне каждый инфоповод участвует в построении медиареальности, и особого внимания в грузинской медиасфере заслуживает, в силу своей малоизученности, вопрос грузинско-индийских отношений, освещаемый в СМИ с 2017 года по сей день.

Ключевые слова: медиа, мультимедиазация, медиатекст, мультимедийный лонгрид, Грузия, Индия

ВВЕДЕНИЕ. Медиапространство Грузии является малоизученным само по себе: после распада Советского Союза обширных исследований грузинской журналистики не проводилось, а Национальное агентство статистики Грузии, возникшее в 1991 году, в 2004 году было упразднено и превращено в один из отделов Министерства экономики и устойчивого развития, в связи с чем отчеты ведомства в сфере журналистики носили краткий и обобщенный характер. Независимость агентство статистики заново обрело лишь в 2010 году (National Statistics Office of Georgia. History of Geostat).

Агентство статистики не предоставляет полноценных отчетов о развитии медиарынка Грузии. Несмотря на то, что данные о выходящих в Грузии СМИ публикуются ежегодно начиная с 2005 года, прежде всего, агентство не включает в их число интернет-СМИ, указывая лишь печатные, а в условиях современного мира такое исследование нельзя считать 100% точным. Во-вторых, данные за 2018 год до сих пор не опубликованы, последний отчет датируется 2017 годом, однако в нем отсутствует такой важный показатель, как общее количество экземпляров 218 газет и журналов, зарегистрированных в Грузии. (National Statistics Office of Georgia. Issue on Mass Media). В-третьих, агентство статистики до сих пор включает СМИ в раздел «Культура», не рассматривая медиа как экономический объект.

Для проведения социологического анализа местной медиасреды обычно привлекали международные фонды вроде Transparency.ge, однако те изучали лишь определенный аспект грузинского медиарынка, не охватывая ситуацию целиком. Систематичность и регулярность в данных исследованиях отсутствуют. К примеру, фонд Transparency.ge время от времени публикует отчет «Кому принадлежат медиа Грузии». Последний отчет был опубликован в апреле 2019 года, предыдущий – в начале 2015 года, и, что важно, методы социологического исследования в них отличаются друг от друга, что затрудняет возможность сравнительного анализа.

Отчет за 2015 год делится опросом населения на тему: «Как часто вы пользуетесь интернетом» и сравнивает показатели 2013-го и 2015-го годов, в результате чего становится ясно, что показатель граждан Грузии, пользующихся интернетом каждый день, возрос с 31% до 35%. В новом отчете этот опрос отсутствует. Вместо него представлены результаты опроса: «Что вы считаете главным и вторичным источником информации?», то есть совершенно другой анализ, который невозможно сравнить с исследованиями 2013-го и 2015-го годов. По результатам опроса 72% жителей Грузии выбирают телевидение как главный источник информации, поскольку телевидение охватывает все регионы страны и является бесплатным. Интернет как СМИ выбирают всего 18% граждан (Transparency.ge. Who Owns Georgian Media?).

Тем не менее даже по имеющимся скудным цифрам можно утверждать, что, если интернет обогнал традиционные печатные СМИ и радио по востребованности и популярности, значит, в Грузии развивается процесс мультимедиаизации СМИ как логическое продолжение медиаконвергенции. В связи с этим уместно назвать журналистику Грузии конвергентной. Ведь, согласно определению Е.В. Олешко, конвергенция СМИ – это слияние информационных и коммуникативных процессов в один инфоресурс, продуцирующий общий контент (Oleshko 2015). Рассмотрим примеры конвергентных СМИ Грузии ниже.

АНАЛИЗ КОНВЕРГЕНТНЫХ СМИ ГРУЗИИ. В условиях медиаконвергентности способы передачи информации стали намного разнообразнее благодаря глобализации и диджитализации. Слово, изображение, звукозапись, элементы кинематографа объединяются в один медиапродукт, формируя совершенно новый рынок. Также средства массовой информации переживают тенденцию слияния с крупными компаниями и превращаются в бизнес-объект.

Так, например, медиахолдинг «Имеди», считающийся самым влиятельным в стране, включает в себя телеканалы «Имеди», «Маэстро» и «GDS». Известно, что холдинг принадлежит медиамагнату Инне Гувавадзе, владелице компании «GeorgianMediaProductionGroup». Ей же принадлежат радио «Имеди», кинокомпания «Имеди филмс», компания «Тач медиа», занимающаяся продакшном, медиашкола «Имеди», тбилисский парк Мтацминда. Фильмы, снятые на базе «Имеди филмс», транслируются на каналах, входящих в активы холдинга, на территории парка Мтацминда вещает радиостанция «Имеди ФМ» (Transparency.ge. Who Owns Georgian Media?, 4). Всё это позволяет сделать вывод о том, что конвергентные СМИ способны объединить различные типы СМИ в единое целое.

Другой тип конвергенции – это конвергенция услуг, и здесь в качестве примера можно взять ведущего мобильного оператора страны Магтикком, сегодня предлагающего целый спектр услуг в одном онлайн-кабинете: пакет мобильного интернета, домашний интернет, тариф безлимитных звонков на мобильные номера других операторов и стационарные телефоны, кабельное телевидение, – все эти услуги можно приобрести у одного оператора, и, судя по тому, что Магтикком лидирует на грузинском рынке, клиенты явно видят в этой универсальности огромное преимущество. Мультифункциональность сервиса и простота интерфейса делают услуги компании удобнее.

Но что же такое тогда мультимедиаизация? Этот процесс вновь ярко иллюстрирует «Имеди»: в социальных сетях появились аккаунты телеканалов, принадлежащих холдингу, которые с каждым годом приобретают все больше элементов СМИ: соблюдается регулярность публикаций, каждая страница стремится привлечь к себе как можно больше аудитории, делится текстами в различных жанрах для различных рубрик, при этом снабжает их иллюстрациями, взаимодействует с аудиторией, устраивая опросы, проводит прямые эфиры со знаменитостями, то есть производит контент. Мультимедиаизация – переход информации в цифровую форму, то есть ее трансформацию в мультимедийный продукт.

Говоря простым языком, сегодня практически все СМИ обладают онлайн-версией, и, если сравнить эти два варианта, получается, что под одним брендом по сути выходят два различных по жанру и форме медиапродукта. Более того, у издания обязательно будут страницы в социальных сетях, и формат в них тоже будет кардинально отличаться: в Instagram текста меньше, чем в Facebook, Twitter ограничивает нас короткими сообщениями, в YouTube – исключительно видеоконтент и т.д. Версии в соцсетях носят более динамичный и интерактивный характер, чем сайт.

Если раньше в интернете были востребованы издания-клоны, то есть интернет-версии печатных СМИ, просто копирующие их контент, сегодня на медиарынке Грузии преобладают СМИ-гибриды: онлайн-версия берет публикации из аналога, но при этом создает и собственный контент и в принципе функционирует самостоятельно: например, организует собственные акции, конкурсы, мероприятия, взаимодействует с аудиторией и т.п. Появились и независимые онлайн-СМИ, не привязанные к каким-либо другим медиа, существующие лишь в интернете. Как и традиционные СМИ, они обладают штатом редакторов и корреспондентов, но контент отличается от материалов традиционных СМИ: во-первых, издание работает круглосуточно, во-вторых, материалы появляются намного оперативнее (Lukina). Здесь в качестве примера можно привести ИА «Спутник Грузия».

Анализируя мультимедиазацию ИА «Спутник Грузия», важно выделить несколько факторов. Самый важный – это выбор основных площадок вещания. Своей целевой аудиторией, помимо посетителей сайта, ИА «Спутник Грузия» сделал социальную сеть Facebook. Почему? Фонд Transparency.ge в своем исследовании «Кому принадлежат медиа Грузии?» за 2019 год подчеркивает, что большинство интернет-пользователей Грузии выбирает из социальных сетей именно Facebook.

В каждой публикации «Спутника» обычно задействованы все элементы мультимедийного контента: интервью публикуется в виде текста и сопровождается фотографиями, видеороликами и аудиозаписью разговора. Отдельно в ИА «Спутник Грузия» существует рубрика «Интерактив», содержащая элементы геймификации: к примеру, интерактивные тесты в жанре инфотеймента вроде «В каком регионе Грузии вы могли бы жить?». Кроме этого, в «Интерактиве» публикуют инфографики, обобщающие статистические отчеты Национального агентства статистики Грузии, которые были бы интересны обывателю, карикатуры, рейтинги, голосования и опросы. Очевидно микширование различных видов и каналов передачи информации сразу.

Для мультимедиазации СМИ характерно явление медиаспектакля – инфоповода, длящегося годами и обрастающего новыми деталями. Одним из таких поводов, заслуживающих анализа, является развитие партнерских отношений между Грузией и Индией.

МУЛЬТИМЕДИАТИЗАЦИЯ ГРУЗИНСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ. Дипломатические отношения между Грузией и Индией были установлены 28 сентября 1992 года, но до сих пор находятся на стадии своего развития. В январе 2019 года министерство экономики и устойчивого развития Грузии объявило, что на протяжении двух лет страны проводили обширное экономическое исследование и теперь готовы начать переговоры о свободной торговле (Sputnik Georgia. Georgia and India start negotiations on free trade).

Согласно данным исследования, если в 2017 году торговый оборот между Грузией и Индией составлял 34,1 миллионов долларов, то в 2018 году увеличился более чем на 10 миллионов, превысив 45 миллионов долларов. Индия и Грузия реализуют несколько крупных совместных проектов, среди которых – производство индийских художественных фильмов на территории Грузии по льготной системе «Снимай в Грузии», передача фермерских хозяйств в аренду индийским предпринимателям и программа «Открытое небо», осуществляющая прямое авиасообщение Тбилиси и Батуми с Дели, Мумбаи, Бангалором, Ченнаи и Гоа (Invest in Georgia)

Данные исследования экономических отношений между Грузией и Индией были опубликованы на сайте Министерства экономики и устойчивого развития Грузии и вызвали внимание ведущих изданий Грузии и Индии. В связи с этим интересно проанализировать, как происходит медиатизация грузино-индийских отношений в СМИ, как трансформируется язык медиатекста на примере данного инфоповода, поскольку известно: современная социокультурная реальность создается с помощью информационно-коммуникационных технологий. аудитория на событие зависит от того, как ей это событие преподнесли. Новость о возможности свободной торговли между Грузией и Индией как раз является инструментом построения медиареальности.

Для сравнительного анализа медиатизации грузино-индийских отношений были выбраны ведущие издания Индии и Грузии – газета «TheTimesofIndia» и информационное агентство «Спутник Грузия». Выбор данных изданий объясняется тремя факторами: каждое из СМИ является самым популярным в своей стране, публикует контент на международных языках, а также представлено в онлайн-формате, то есть доступно не только локальной, но и зарубежной аудитории. В рамках подготовки данной статьи был проведен контент-анализ двух изданий, в ходе которого были изучены 30 материалов «TheTimesofIndia» и 43 материала ИА «Спутник Грузия».

Исходя из возникновения устойчивых ассоциаций с определенным географическим местом, можно утверждать: медиареальности свойственно создание медийных образов, иногда стереотипных, то есть для современных СМИ характерно появление «слов-маркеров». «TheTimesofIndia» в своих публикациях о Грузии делает упор на туризм, кухню и религию: об этом упоминается в 14 статьях из 30.

Наиболее часто встречающимся ключевым словом на тему грузино-индийских отношений стало слово «фильм» - «Спутник Грузия» употребляет его в 18,6% публикаций, а «TheTimesofIndia» - в 20%. Дело в том, что с 2016 года министерство культуры Грузии запустило программу развития отечественной киноиндустрии «Снимай в Грузии». Данная программа поощряет съемки зарубежных фильмов на территории Грузии и возмещает кинопроизводителям до 25% потраченной суммы по принципу cash-rebate. По состоянию на май 2018 года в рамках программы было отснято 15 художественных фильмов, что обеспечило грузинской экономике доход в сумме 26 миллионов лари и создание 2 тысяч временных рабочих мест (Film in Georgia. Official Site of the program)

Сотрудничество Индии и Грузии в сфере кинематографа могло бы стать темой отдельного исследования, однако мы сталкиваемся с проблемой дефицита информации – сайт Грузинского национального центра кинематографии предоставляет отчеты лишь до 2009 года включительно, на сайте программы «Снимай в Грузии» нет никаких аналитических данных. Отдельные цифры можно взять только благодаря рубрике «Снимай в Грузии», которую с 2017 года запустило «Спутник-Грузия», но так как формат секции является развлекательным, основной акцент делается на актерский состав, а не на отчетность, поэтому цифр приводится мало. «TheTimesofIndia» рассказывает о сотрудничестве индийского кино с грузинским в аналогичном разделе «Развлечения» и цифры не делится вообще. В связи с этим провести экономический анализ проекта «Снимай в Грузии» становится невозможным. Если печатный лонгрид обычно включал в себя цифры, мультимедийный лонгрид часто обходится без аналитики в силу сжатости текста из-за обилия жанровых элементов: каждая

новость об отношениях между Грузией и Индией включала в себя также аудиозапись из интервью, сжатый видеопересказ новостей, иллюстрации.

Помимо слов-маркеров, появляется другой обязательный фактор – имена героев, потому интересны и главные герои новостей. «TheTimesofIndia» в публикациях, посвященных грузино-индийским отношениям, обычно не оперирует именами: имя экс-президента Грузии Георгия Маргвелашвили фигурировало лишь в одной статье из 30, имя действующего президента Саломе Зурабишвили не упоминается нигде (The Times of India. News about Georgia). Зато «Спутник Грузия» уделяет большое внимание персонификации медиатекста. 16 из 43 материалов рассказывают о гражданах Индии – 6 статей с упоминанием индийских знаменитостей и 6 статей с упоминанием имен предпринимателей, инвестирующих в Грузию. Также «Спутник Грузия» за период с 2016 по 2019 гг. в рамках проекта «Грузия глазами иностранца» опубликовал три интервью с обычными гражданами Индии, переехавшими в Грузию (Sputnik Georgia. Student from India Told What Was Good and Bad in Georgia).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Очевидно, что прозрачность ведомств, открытая публикация отчетов, информированность населения о деятельности международных индийских компаний в Грузии значительно помогли бы в формировании образов и смыслов, связанных с грузино-индийским сотрудничеством. Медиатизация политических и экономических процессов требует тесного взаимодействия органов власти и СМИ, так как полный анализ сотрудничества Индии и Грузии в сфере медиа помог бы выявить тенденции и перспективы развития грузинского медиарынка.

LIST OF REFERENCES

- Invest in Georgia. Official Site. <http://www.investinggeorgia.org/ru/keysectors/success-stories>
 Lukina M. Mass Media of Runet. http://www.mediascope.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=59&Itemid=46
 National Statistics Office of Georgia. History of Geostat: <https://www.geostat.ge/index.php/ka>
 National Statistics Office of Georgia. Issue on Mass Media: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/194/culture>
 E.V. Oleshko. Convergent journalism: professional culture of subjects of informational activity. 2015. – 128 p.
 Film in Georgia. Official Site of the program: filminggeorgia.ge
 Sputnik Georgia. Georgia and India start negotiations on free trade: <https://sputnik-georgia.ru/economy/20190112/243859420/Gruziya-i-Indiya-nachnut-peregovory-o-svobodnoy-torgovle.html>
 Sputnik Georgia. Student from India Told What Was Good and Bad in Georgia. <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20170925/237373764/Student-iz-Indii-rasskazal-cto-horosho-i-ploho-v-Gruzii.html>
 The Times of India. News about Georgia: <https://timesofindia.indiatimes.com/topic/Georgia>
 Transparency.ge. Who Owns Georgian Media?-2019»: https://www.transparency.ge/sites/default/files/media_mplobeloba-e.pdf

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- «Инвестируй в Грузию». Сайт программы: <http://www.investinggeorgia.org/ru/keysectors/success-stories>
 Лукина М.М. СМИ Рунета: http://www.mediascope.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=59&Itemid=46
 Национальное агентство статистики Грузии. История национального агентства статистики Грузии: <https://www.geostat.ge/index.php/ka>
 Национальное агентство статистики Грузии. Отчет по СМИ: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/194/culture>
 Е.В. Олешко. Конвергентная журналистика : Профессиональная культура субъектов информационной деятельности : [учеб. пособие] / Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 128 с.
 «Снимаем в Грузии». Сайт программы: filminggeorgia.ge
 Sputnik – Грузия. Грузия и Индия начинают переговоры о свободной торговле: <https://sputnik-georgia.ru/economy/20190112/243859420/Gruziya-i-Indiya-nachnut-peregovory-o-svobodnoy-torgovle.html>
 Sputnik – Грузия. Студент из Индии рассказал, что хорошо и плохо в Грузии. <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20170925/237373764/Student-iz-Indii-rasskazal-cto-horosho-i-ploho-v-Gruzii.html>
 The Times of India. News about Georgia: <https://timesofindia.indiatimes.com/topic/Georgia>
 Transparency.ge. Исследование «Кому принадлежат медиа Грузии?-2019»: https://www.transparency.ge/sites/default/files/media_mplobeloba-e.pdf

For citation:

Matvienko, V.V. & Kurmanova, D.B. (2019) NEW IDEOLOGEM IN THE DISCOURSE OF AMERICAN MEDIA. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 92-96. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-92-96>

Для цитирования:

Матвиенко, В.В., Курманова, Д.Б. (2019) НОВОИДЕОЛОГЕМА В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 92-96. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-92-96>

Information about the authors: Matvienko Valentin Viktorovich – PhD in Philological Sciences, lecturer of RUDN University, Moscow, Russia.

Kurmanova Danara Baurzhanovna – Master of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia.

e-mail: www.danaramay.ru@mail.ru

Сведения об авторах: Матвиенко Валентин Викторович – кандидат филологических наук, преподаватель РУДН, Москва, Россия.

Курманова Данара Бауржановна – магистр журналистики, аспирант РУДН, Москва, Россия.

e-mail: www.danaramay.ru@mail.ru

Manuscript received: 06/02/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-96-100>

SPECIFICITY OF POLYCODE RADIO DISCOURSE OF THE XXI CENTURY

Natalia Nesterova
Doctor of Philology Sciences, Professor
Tomsk State University
(Tomsk, Russia)
e-mail: nesterovatomsk@mail.ru

Abstract. The object of discussion in the article is the radio text functioning in the conditions of modern communication technologies, the subject is the identification of the specificity of the radio text poly-code. Integration processes in the media are regarded as the basis for the development of polycodularity of the studied media discourse's variety. A new approach to radio discourse and its basic unit – radio text – is proposed, which includes the study of radio text as hypertext. The site of the radio station containing content designed for all forms of reception: audio (live recording), audio-visual (video broadcast), visual (transcripts, pages on the social network, comments of listeners, etc.). Radio discourse, represented by means of different semiotic systems, is analyzed as a polycode. The peculiarities of polycodularity of a modern radio discourse are revealed through the levels of polycodularity, distinguished by the way of presentation and perception by the addressee.

Key words: radio text, hyperradiotext, polycodularity, radio station site, new text

СПЕЦИФИКА ПОЛИКОДОВОСТИ РАДИОДИСКУРСА XXI ВЕКА

*Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-29-09132 «"Новая грамотность" в новых текстах средств массовой коммуникации».

Наталья Нестерова
Доктор филологических наук, профессор
Томский государственный университет
(Томск, Россия)
e-mail: nesterovatomsk@mail.ru

Аннотация. Объектом обсуждения в статье является радиотекст, функционирующий в условиях современных коммуникационных технологий, предметом – выявление специфики поликодowości радиотекста. В качестве оснований для развития поликодowości изучаемой разновидности медиадискурса расцениваются интеграционные процессы в СМИ. Предлагается новый подход к радиодискурсу и его базовой единице – радиотексту –, предусматривающий исследование радиотекста как гипертекста. В качестве организационно-коммуникативного центра рассматриваемой разновидности медиадискурса обосновывается сайт радиостанции, содержащий контент, рассчитанный на все формы рецепции: аудиальной (записи эфира), аудиально-визуальной (видеотрансляции), визуальной (стенограммы, страницы в социальной сети, комментарии слушателей и др.). Радиодискурс, репрезентированный средствами разных семиотических систем, анализируется как поликодовый. Выявляются особенности поликодowości современного радиодискурса через уровни поликодowości, выделяемые с учётом способа представления и восприятия адресатом.

Ключевые слова: радиотекст, гиперрадиотекст, поликодowości, сайт радиостанции, новый текст

ВВЕДЕНИЕ. Целью настоящей публикации является изучение специфики поликодовости современного радиодискурса. Актуальность поставленной проблемы связана с тем, что в условиях развития новых коммуникаций поликодовость становится одним из ключевых свойств новых текстов (Arsen'eva, Fashchanova, 2018) и объектом исследования учёных, реализующих себя в области коммуникативистики, дискурсологии, медиалингвистики. Поликодовости посвящаются диссертационные исследования (Sonin 2006; Michurin 2014 и др.), выпуски научных журналов (*Kommunikativnye issledovaniya* 2018: 3), отводится значимое место в специализированных словарях (*Media lingvistika v terminah i ponyatiyah* 2018), организуются дискуссии на научных конференциях. Появление под воздействием конвергенции СМИ новых медиаформатов требует изучения специфики проявления поликодовости в отдельных разновидностях медиадискурса. Таким образом, обращение к радиодискурсу как поликодовому дискурсу соответствует проблематике современных коммуникативно-дискурсивных исследований и развивающегося междисциплинарного направления – медиалингвистики. Новизна исследования связана с подходом к радиотексту как гипертексту, который является основанием для более широкого взгляда на поликодовость в радиодискурсе.

Процессы глобализации и конвергенции привели к взаимодействию различных форм СМИ, к использованию ими разнообразных коммуникационных платформ (Vartanova 2000: 37), к развитию принципиально новых видов коммуникационных процессов (Ershov 2018: 81), к дискурсивным изменениям в средствах массовой коммуникации, обусловленных интеграцией разных каналов связи (Baranova: 2010), и, как следствие, к взаимодействию дискурсов и кодов.

Отмеченные процессы сказались на форме существования радиодискурса и радиотекста как его центральной единицы. Традиционно устно звучащий текст получил возможность визуальной и аудиально-визуальной репрезентации: многие радиостанции размещают свой контент в интернете, поэтому эфирная запись может дублироваться в форме видеозаписи и стенограммы и, соответственно, допускается многоканальное восприятие радиоконтента. Указанный факт согласуется с утверждением А.С. Сониной о развитии «специфических поликодовых систем, построенных на соединении текстов различной семиотической природы» (Sonin 2006: 1), к которому автор приходит в результате изучения тенденций в сфере печатных СМИ. Автор подчёркивает, что зрительная информация получает все более широкое распространение в создаваемых и потребляемых человеком текстах, нарушая монополию печатного слова. Исследователем предлагается обзор работ, подтверждающих закономерность стремлений человека во все времена к естественному увеличению объема зрительно воспринимаемой информации, поэтому революционные изменения он связывает не с использованием поликодовых текстов. Революционными, с точки зрения исследователя, «можно считать лишь достижения технического прогресса, открывающие новые возможности структурирования наглядной иконической информации, но не само стремление к её широкому использованию» (Sonin 2006). К радиотексту, как может показаться на первый взгляд, приведённые рассуждения имеют косвенное отношение, однако для радиотекста и радиодискурса XXI века они также важны, что доказывает данное исследование.

АНАЛИЗ. Развитие информационно-коммуникационных технологий подтвердило не только возможность подхода к радиотексту как гипертексту, предложенного нами несколько лет назад (Nesterova 2015), но и его обоснованность и актуальность. В соответствии с указанным подходом, гиперрадиотекст представляет собой не только совокупность микротекстов, звучащих в эфире (они составляют ядро дискурсивного поля), но также тексты, размещённые на сайте радиостанции и в социальных сетях. Например, одно дискурсивное поле может составлять следующая цепочка связанных с радиопрограммой текстов: анонс предстоящей программы на сайте радиостанции; эфирная запись программы; её телевизионная версия; звонки в студию и электронные послания, адресованные участникам программы; комментарии слушателей по окончании программы, адресованные ведущему и гостям студии, а также обмен мнениями между слушателями в форме комментариев на сайте радиостанции или в социальных сетях; блог журналиста, который реагирует на высказывания-комментарии, отвечает на вопросы, делает уточнения и разъяснения пообсуждавшимся в программе проблемам; комментарии к блогу тех же участников дискуссии или присоединившихся, ранее не активных слушателей. Так, нам представляется, функционирует в условиях новых коммуникаций радиодискурс, таким широким, полифоничным, построенным по модульному принципу видится его дискурсивное поле, отдельные модули которого объединяются общей темой и участниками коммуникативной ситуации. Отдельные вопросы, связанные с функционированием радиотекста как гипертекста нашли отражение в коммуникативно ориентированных медиалингвистических публикациях (Czyuj 2018; Sabaeva 2019).

Предпринятый в исследовании подход позволяет выделить в современном радиодискурсе два основных уровня поликодовости. В качестве основания для выделения уровней поликодовости примем способ представления и восприятия радиотекста, функционирующего в условиях конвергенции СМИ и новых коммуникаций (Рис.1).

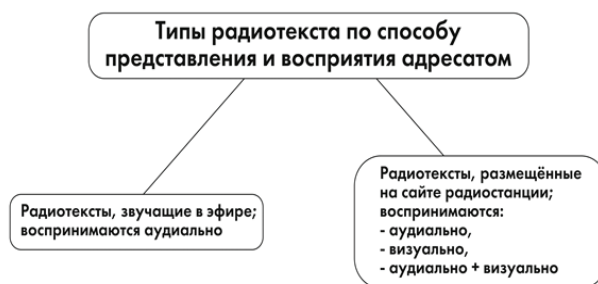

Рис. 1. (Source: Nesterova, *Sovremennyj radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticeskij aspekt)*)

Первый уровень поликодовости реализуется внутри устно звучащего в эфире текста. Структурно-смысловыми единицами аудиально воспринимаемого радиотекста являются: речь ведущих, приглашённых в студию участников передачи, диалоги со слушателями (посредством общения по телефону, зачитывания электронных сообщений, полученных во время эфира); слоганы, перебивки, музыкальные заставки, звуки, шумы, органично связанные с содержанием программы, а также микротексты, непосредственно с содержанием программы не связанные: новостные выпуски, реклама, прогноз погоды, информация о курсе валют и т.п. Так, заставки, анонсы, рубрики в эфирном часе, рекламные и новостные сообщения, астропрогноз и под. сопровождаются, как правило, изменением интонационных регистров, специфическими шумами. На эту разновидность поликодовости указывают также В.И. Коньков и Т.И. Сурикова, которые отмечают, что радиопередача осуществляется посредством речи поликодовой, потому что она формируется «несколькими системами: вербальной, музыкальным рядом, несколькими интонационными системами, шумами, звуками, <...> включает в свою фактуру поликодовые цитаты» (Kon'kov, Surikova, 2018). Исползованный в исследовании эмпирический материал показывает широкое разнообразие включений в текст радиопрограммы фрагментов из художественных и мультипликационных фильмов, песен; природных и иных шумов. Например, в выпуске «Собор Василия Блаженного» программы «Чудеса России» (радиостанция «Русский мир») для моделирования атмосферы беседы включён колокольный звон. А в выпуске той же программы, посвящённом московскому метрополитену, звучат фрагмент песни «Москва майская» («*Москва моя, ты самая любимая!*»), проигрыш и музыкальная вставка «*Мы как птицы садимся на разные ветки и засыпаем в метро*» из песни «Метро» группы «Високосный год» (СНудесаРоссии).

Дополним к сказанному, что в радиоэфире значительное место занимает передача чужой (первично письменной) речи, представленной вопросами слушателей, электронными посланиями и другими сообщениями, которые объединяют в себе признаки письменности и устности. Читая чужой текст, ведущий использует разнообразные паравербальные средства: переходит на другой интонационный регистр, выделяя логическим ударением важные в его (ведущего) восприятии важные фрагменты текста; меняет тон и тембр голоса, темп речи, включает вздох, смех для передачи эмоционального содержания зачитываемого письма, сообщения. Отмеченные приёмы могут расцениваться, с нашей точки зрения, как эффективные средства поликодовой системы устно звучащей речи.

Второй уровень поликодовости соотнесём с концепцией радиотекста как гипертекста, которая представлена в данной статье и которая позволяет отнести к радиотексту не только устно звучащий текст, но и репрезентированный видеорядом и средствами печати. Внутриуровневые отношения между структурными единицами радиотекста, представленными на сайте радиостанции, отражают взаимодействие микротекстов, репрезентирующих радиийный контент и нерадийный (Рис. 1).

Первой радиостанцией, на которой контент стал предлагаться с учётом всех возможных форм рецепции, стала радиостанция «Эхо Москвы». Убедительным отражением единства радиотекста, существующего в разных формах, и его поликодовости является навигатор: *слушать, смотреть, читать*, который сегодня имеет место на сайтах уже многих радиостанций. Сайты радиостанции и страницы в социальных сетях содержат также относящиеся к программе иллюстрации в форме изображений, фотографий.

Объединение обладающих определённой автономностью микро- и макротекстов в радиодискурс осуществляется посредством вербальных и невербальных межтекстовых ссылок-скреп. См., например, Рис.2: *нравится, комментировать, ответить* + знаки-символы, соответствующие указанным действиям, а также возможности поделиться/рассказать о данной новости на своей странице (репост) и следить за количеством просмотров новости. Функцию ориентира в контенте выполняют другие поликодовые единицы: хэштеги и интернет-ссылки на официальных страницах в социальных сетях, например: #РадиоМаяк#Объект22#ЕвгенийСтаховский#Чтение; <https://goo.gl/gMgf3fs>; (программа «Чтение», радиостанция «Маяк», см. Рис. 2).

Рис. 2. (Source: <https://vk.com/bookmarks?type=post>)

ВЫВОДЫ. Проведённый анализ показал, что информационно-коммуникационные изменения привели к тому, что современный радиотекст воспринимается как гипертекст, который репрезентируется средствами разных семиотических систем, то есть является поликодовым. Организационно-коммуникативным центром гиперрадиотекста становится сайт радиостанции. В качестве гиперссылок выступают метатекстовые вербальные и невербальные единицы. Сайт радиостанции и выход радио в социальные сети отражают не только процессы конвергенции СМИ, но и связь радио с новыми медиакommunikациями, что кардинальным образом расширяет представление о поликодовости радиодискурса. Изучение функционирования радиотекста в аспекте его поликодовости подтверждает гипотезу о том, что, будучи нелинейным, многоуровневым, полижанровым образованием, радиотекст может быть квалифицирован как гипертекст и что одной из ключевых характеристик традиционно устной формы медиатекста является поликодовость. Рамки публикации позволили рассмотреть два уровня поликодовости, в основу выделения которых положен способ представления радиотекста и способ его восприятия адресатом. При этом проведённый анализ свидетельствует о наличии оснований для дальнейшего углубления анализа, направленного на более детализированное изучение специфики поликодовости гиперрадиотекста внутри как первого уровня поликодовости, так и второго, то есть у заявленной темы есть научные перспективы.

LIST OF REFERENCES

- Arsen'eva, T.E., Fashchanova, S.V. (2018). Novye media inovyeteksty: k voprosu o specifike [New Media and New Texts: On the Question of Specificity]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 12.
- Baranova, E.A. (2010). *Konvergenciya SMI glazamirossijskihzhurnalystov-praktikov* [Media convergence through the eyes of Russian practitioners]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal fakul'tetazhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova «Mediascope»*. <http://www.mediascope.ru/node/672> [08.05.2019].
- CHudesaRossii: Sobor VasiliyaBlazhennogo. <https://ruskiymir.ru/media/radio2/programs/all/199594/> [10.05.2019]. CHudesaRossii: Moskovskoye metro <https://www.ruskiymir.ru/media/radio2/programs/all/187143/> [10.05.2019].
- Czyuj, CH. (2018). *Internet-kommentarij kak forma ocenivaniyagostyakul'turno-prosvetitel'skoj radioprogrammy* [Internet commentary as a form of guest evaluation of a cultural and educational radio program]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, (6).
- Czyuj, CHuan'ya (2019). *Internet-kommentarii k blogukak forma diskussionnoj ploschadki* [Online blog comments as a form of discussion platform]. *Russkoeslovo v mnogoyazychnom mire*.
- Ershov, YU.M. (2018). *Globalizaciya i modelirovaniye nacional'nyh mediasistem* [Globalization and modeling of national media systems]. *Vestn. Tomskogo un-ta. Filologiya*, (2), 81-88.
- Kommunikativnye issledovaniya* (2018). Omsk, (3).
- Kon'kov, V.I., Surikova, T.I. (2018). *Radiorech' kak polikodovoe obrazovanie: sodержanie ponyatiya i principy opisaniya* [Radiobase as policode education: the content of the concept and principles of description]. *EHkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, (3).
- Medialingvistika v terminah ponyatiya: slovar'-spravochnik* (2018). Moscow: Izdatel'stvo Flinta.
- Michurin, D.S. (2014). *Precedentnyj polikodovyy tekst v verbal'no-izobrazitel'noj kommunikacii internet-soobshchestv (namaterialerusskoyazychnyhimidzh-forumov): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Precedent policode text in verbal-pictorial communication of Internet communities (on the material of Russian-language image forums)]. Tver': Tver state university.
- Nesterova, N.G. (2015). *Sovremennyy radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskij aspekt)*. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta.
- Sabaeva, YU.S. (2019). *Mediaobraz Sibiri v social'nyh setyah (namaterialieoficial'nyh stranits radiostancij «RadioSibir'. Omsk» i «RadioSibir'. Tomsk» v social'noj seti «Vkontakte»)* [Media image of Siberia in social networks (on the material of the official pages of the radio stations "Radio Siberia. Omsk" and "Radio Siberia. Tomsk" in the social network "Vkontakte")]. *Kommunikativnye issledovaniya*, (2).
- Sonin, D.S. (2006). *Modelirovaniye mekhanizmov ponyimaniya polikodovyh tekstov: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Modeling mechanisms for understanding policode texts]. Moscow: Moscow state linguistic university.
- Vartanova, E.L. (2000). *Konvergenciya kak neizbezhnost'. O rolitekhnologicheskogo faktora v transformacii sovremennyh mediasistem* [On the role of technological factors in the transformation of modern media systems]. *Otknigi do Interneta. Zhurnalistika i literaturnarubezhenovogotysyacheletiya*, 37-55.

For citation:

Nesterova, N. (2019) SPECIFICITY OF POLYCODE RADIO DISCOURSE OF THE XXI CENTURY. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 96-100. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-96-100>

Для цитирования:

Нестерова, Н.Г. (2019) СПЕЦИФИКА ПОЛИКОДОВОСТИ РАДИОДИСКУРСА XXI ВЕКА // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 96-100. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-96-100>

Information about the author:

Nesterova N.G. – Doctor of Philology Sciences, Professor of the Russian language department, Faculty of Philology, Tomsk State University.

E-mail: e-mail: nesterovatomsk@mail.ru

Сведения об авторе: Нестерова Н.Г. – Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка русского языка, Филологический факультет, Томский государственный университет

Эл. почта: nesterovatomsk@mail.ru

Manuscript received: 05/29/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-100-104>

EDUCATIONAL MEDIA TEXT ABOUT SIBERIA AS A POLYCODE PHENOMENON

Yulia Sabaeva

Postgraduate

Tomsk state university

(Tomsk, Russia)

e-mail: juliyasab2014@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the pragmatic features of educational media texts and the manifestation of polycodularity in them. The focus is on the specifics of building an educational media text on the official page of «Radio Siberia» radio station on the social network «VKontakte». The goal is to consider the policode structure of the media text about Siberia on the example of posts to the cultural and educational radio program «Legends of Siberia». The revealed verbal and non-verbal means in the educational media text illustrate their various functionalities in creating the image of the Siberian region. The polycode nature of a modern media text enhances its educational opportunities by expanding the means used to build listeners' knowledge of Siberian culture. The conclusion is made about the importance of the cultural and educational component in daily broadcasting and about the role of social networks in shaping the image of the region.

Keywords: Siberia, educational media text, polycodularity, verbal and non-verbal means, social network

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ МЕДИАТЕКСТ О СИБИРИ КАК ПОЛИКОДОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Юлия Сабаяева

Аспирант

Томский государственный университет

(Томск, Россия)

e-mail: juliyasab2014@gmail.com

*Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-6072.2018.6

Аннотация. Статья посвящена прагматическим особенностям просветительских медиатекстов и проявлению в них поликодности. В центре внимания вопрос о специфике построения просветительского медиатекста на официальной странице радиостанции «Радио Сибирь» в социальной сети «VKontakte». Цель – рассмотреть поликодовую структуру медиатекста о Сибири на примере постов к культурно-просветительской радиопрограмме «Легенды Сибири». Выявленные вербальные и невербальные средства в просветительском медиатексте иллюстрируют их различные функциональные возможности в создании образа сибирского региона. Поликодовая природа современного медиатекста усиливает его просветительские возможности за счёт расширения средств, используемых для формирования у слушателей знаний о сибирской культуре. Делается вывод о важности культурно-просветительской составляющей в ежедневном радиовещании и о роли социальных сетей в формировании образа региона.

Ключевые слова: Сибирь, просветительский медиатекст, поликодовость, вербальные и невербальные средства, социальная сеть

ВВЕДЕНИЕ. Популяризация знаний посредством СМИ актуализирует вопрос об исследовании просветительского медиатекста региональных масс-медиа наряду с вопросами изучения новых форм и жанров современных средств массовой коммуникации. Сибирский медиатекст мало изучен, что обуславливает важность рассмотрения данной проблематики в имиджологии, лингвистике и медиалингвистике. Вместе с тем с развитием Интернет-радио и появлением официальных страниц радиостанций в социальных сетях в фокус исследований попадает и проблема особенностей их функционирования.

На радиостанции «Радио Сибирь», одной из крупнейших региональных радиостанций России, большой пласт ежедневного вещания занимают культурно-просветительские передачи, новости мировой культуры, новости о культурных событиях в сибирском регионе.

В социальной сети «ВКонтакте» у каждого из регионов вещания данной радиостанции функционирует своя официальная страница. Согласно отраслевому докладу Федерального агентства по вопросам печати и массовым коммуникациям об основных тенденциях и перспективах развития радиовещания в России в 2017 году, число подписчиков на официальные аккаунты радиостанции «Радио Сибирь» в разных городах вещания постоянно увеличивается. Например, в 2016 году количество подписчиков на аккаунт радиостанции «Радио Сибирь. Омск», составляло 17808 человек, а в 2017 году количество подписчиков увеличилось до 20223 человек (Federal'noe agentstvo). Выход радио в социальные сети становится требованием современного общества. Как отмечается в указанном выше докладе, «сеть «ВКонтакте» даёт возможность наблюдать за экспериментами в области медиапроизводства и медиапотребления» (Там же).

Цель работы – рассмотреть характер реализации поликодовой структуры просветительского медиатекста о Сибири на примере постов к культурно-просветительской радиопрограмме «Легенды Сибири» в социальной сети «ВКонтакте». В данной статье социальная сеть рассматривается как площадка для осуществления просветительской стратегии радио, которая предоставляет возможность использования для её эффективной реализации медиатекстового формата. То есть в этом особую роль играет взаимодействие вербальных и невербальных средств, или поликодовость. Под поликодовостью понимается одно из главных свойств медиатекстов – «взаимодействие семиотических систем, в которых используется разнородный знаковый материал» (Vasil'eva 2018).

Культурно-просветительские возможности программ массовой коммуникации активно изучаются теоретиками и практиками журналистики (Barabash 2006; Gegelova 2012; Sladkomedova 2010), лингвистами (см. работы: Fashchanova 2012; Arsen'eva 2013; Nesterova 2015; Volkova 2016; Malysheva 2018; Egoshkina 2018). Исследователями отмечается, что просветительская деятельность и медиаобразование сегодня представляют собой одно из важнейших направлений развития государственных и многочисленных общественных организаций. Активизация просветительской деятельности в значительной степени вызвана ухудшением культурно-речевой ситуации в России. В числе негативных проявлений специалисты отмечают «пренебрежение нормами русского литературного языка, расшатывание системы тематических табу, агрессивность речевого поведения участников коммуникации, рост вульгарного и нецензурного словоупотребления, жаргонизацию речи, тиражирование речевых ошибок и др.» (Arsen'eva 2013).

Одновременно с этим глобализация информационно-коммуникационных систем выдвинула в число приоритетных вопрос о существовании и развитии самобытности национальных культур. Неоднозначное, а порой и негативное влияние современных средств массовой информации на общественное сознание заставляет специалистов рассматривать деятельность просветительских медиаресурсов как фактора национальной безопасности государства. Именно поэтому исследователями отмечается потребность в программах, выполняющих развивающую, обучающую и познавательную функции (Sladkomedova 2010).

В ряду актуальных вопросов исследования медиатекстов, к которым относятся также радиотексты, находится вопрос о формах их репрезентации. По определению Н.Г. Нестеровой, радиотекст, как разновидность медиатекста, представляет собой «совокупность характеризующихся коммуникативной связностью и целостностью автономных вербальных текстов, представленных в радиоэфире и на сайте радиостанции, а также музыкальных блоков, звуковых эффектов (шумов), участвующих в организации радиодискурса» (Nesterova 2015). Характеризуя радиотекст как гипертекст, исследователь обращает внимание на то, что он «состоит из множества текстов, ориентированных на различные типы коммуникации. Его особенностями становятся многослойность, драматургичность, фрагментарность – и при этом целостность» (Там же). Данная концепция предполагает, что современный радиотекст организуется средствами разных семиотических систем, то есть является поликодовым.

АНАЛИЗ. Основным методом исследования в данной статье стал метод научного описания вербальных и невербальных средств, актуализирующих культурную информацию просветительских медиатекстах о Сибири. В рамках исследования анализу подверглись разные медиатексты, поликодовая природа которых демонстрируется скриншотами с официальной страницы радиостанции в социальной сети. Анализ вербальных средств создания образа Сибири в просветительских медиатекстах сопровождается контекстным анализом языковых единиц.

Методологическую базу исследования составили работы современных учёных-лингвистов, медиалингвистов, занимающихся актуальными вопросами изучения медиатекстов, их новыми жанрами и формами.

В ходе проведённого анализа материала, выделены следующие вербальные прагмалингвистические средства:

1) побудительные конструкции в постах: **Присоединяйся к нашему спецпроекту! Заходи!Смотри! Читай! Слушай!***strana.radiosibir.ru*

2) вопросительные конструкции с целью вызвать интерес у слушателя, побудить его к самостоятельному поиску ответа на вопрос: *Из-за чего появляются воронки на Ямале?*(к выпуску «Воронки на Ямале»); *Может ли быть правдой то, что в Сибири есть база для посадки НЛО?*(к выпуску «Инопланетяне»); *Какие тайны скрывает Новосибирский театр оперы и балета?*(к выпуску «Новосибирский театр оперы и балета»); *Превратится ли скала вновь в девушку?*(к выпуску «Мыс Хобой»); *А может быть людям действительно не стоит заходить слишком далеко в погоне за сенсациями?..*(к выпуску «Принцесса Укока»); *Что за монстр живёт в озере Лабынкыр?*(к выпуску «Лабынкыр»). Иногда вопросительные конструкции используются в различных опросах радиослушателей, где после вопроса предлагаются варианты ответов (рис 1.):*Какой туристический маршрут в Сибири вы бы порекомендовали иностранцам? – Байкал (Бурятия), Васюганское болото (Томск), Национальный парк «Алханай» (Забайкалье), Каракольские озёра (Республика Алтай), Пять озёр (Омск).*

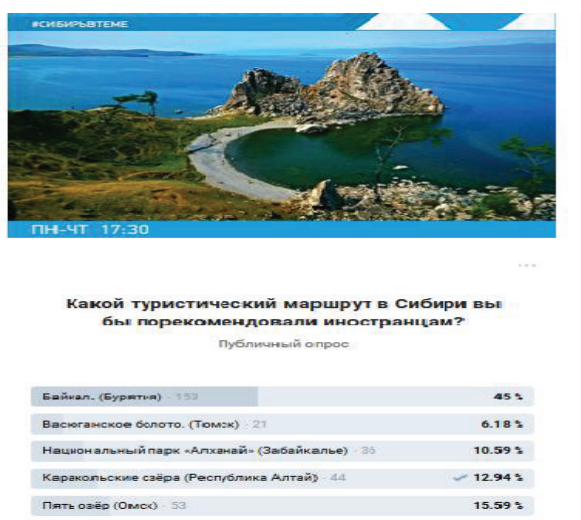

Рис 1. (<https://vk.com/wall-17068225?q=легенды%20сибири>)

После выбора ответа перед пользователем появляются результаты голосования в процентном соотношении, что позволяет ему определить, является ли его ответ популярным или нет. Опрос предваряется тематической картинкой-анонсом, с указанием времени и названия темы: *#сибирьвтеме пн.-чт. 17:30*.

3) риторические конструкции, используемые для выстраивания своеобразного диалога со слушателем: *Туман в Сайлент Хилле, говорите? А вот вам наш туман. Сибирский. Кровавый*(к выпуску «Кровавый туман»); *Поиграем?* – подпись-анонс к иллюстрации Богучанских шаров(к выпуску «Богучанские шары»).

4) незаконченные предложения, цель которых – заинтересовать слушателей, разжечь их любопытство: *Молебский треугольник...Вряд ли все тайны этого места будут разгаданы. Впрочем, пытаются их разгадать очень многие...*(к выпуску «Молебский треугольник»)(Многоточия сохранены в соответствии с оригиналом печатного текста). *Деревня под названием Елизавета близ Красноярска исчезла давно. Исчезла за одну ночь...*(к выпуску «Деревня Елизавета»); *Видимское Урочище в Иркутской области забирает людей...*(к выпуску «Видимское урочище»); *На водопой к реке Ыггата стекают не животные, а...*(к выпуску «Ыгаатский водопой»).

К невербальным средствам в данной статье отнесены:

1) хештеги, позволяющие выделить заголовки для облегчения поиска нужной информации: *#РадиоСибирь#ЛегендыСибири #ПроСибирь #ЭтоИнтересно#Путешествия #СделаноВСибири.*

2) перепосты: ссылки на актуальные новости из официальных страниц других радиостанций (см. рис.2).Анонс к радиопрограмме «Легенды Сибири» на странице «Радио Сибирь. Томск» взят со ссылкой (репостом) на запись из официальной страницы «Радио Сибирь». Так, одна и та же новость или анонс к одной и той же передаче для разных городов вещания «Радио Сибирь» может иметь общий источник, что позволяет простроить географию сибирских городов, включённых в обсуждение общего вопроса.

3) тематические иллюстрации к анонсам выпусков радиопрограмм (см. рис. 2). Анонс к выпуску радиопрограммы сопровождается тематической иллюстрацией, соответствующей тексту анонса. Такой подход обеспечивает подготовку слушателя к восприятию радиоконтента. Иллюстрации к выпускам «Легенд Сибири»

обычно усиливают загадочность, мистичность выпуска, иногда могут и напугать, о чём предупреждает далее в звучащем тексте ведущий: «Для слушателей старше 16 лет». В зависимости от количества выпусков количество иллюстраций также может меняться: к одному выпуску – одна картинка, к подборке из 3 выпусков – три картинки.

4) символические знаки, соответствующие названию передачи, визуально выделяют её в общей ленте записей. Например, к программе «Легенды Сибири» – силуэт летучей мыши и звёзд (мистический подтекст), «Новости» (#сибирьвтеме) – знак галочки как показатель включённости слушателей в контекст общих новостей, «Популярная география» – знак глобуса и др.

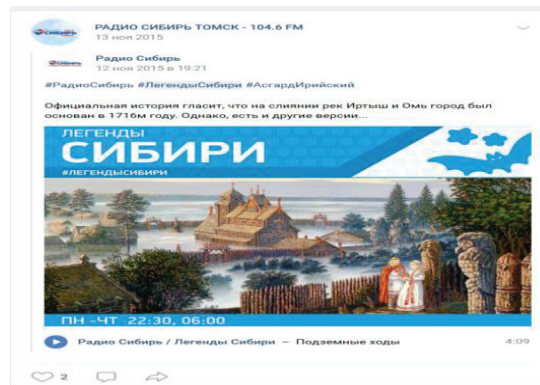

Рис 2. (https://m.vk.com/wall-17068225_16540)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведённый анализ постов к просветительской программе Сибири позволяет сделать вывод об их поликодовой природе. Звучащий аудиотекст с развитием современных средств массовой коммуникации становится составной частью сложного комплекса, включающего в себя тексты разных кодов: визуальный текст (фото, картинка, иллюстрация), звучащий текст (аудиозапись) и вербальный текст (описание содержания аудиотекста). Взаимодействие традиционных СМИ с социальными сетями становится требованием нового поколения масс-медиа. Функционирование радиостанции «Радио Сибирь» в социальных сетях значительно увеличивает ее слушательскую аудиторию, что также способствует и эффективности функционирования образа Сибири, который создаётся посредством различных просветительских программ радиостанции. Поликодовая структура просветительских текстов о Сибири, представленная на официальной странице «Радио Сибирь» в социальной сети «В Контакте», демонстрирует высокие возможности развития познавательной активности слушателей.

LIST OF REFERENCES

- Arsen'eva, T.E. (2013). *Sovremennyjprosvetitel'skijdiskurs o russkomyazykekakosobyjkkommunikativnyjfenomen* [Modern educational discourse on the Russian language as a special communicative phenomenon]. *VestnikTomskogogosudarstvennogouniversiteta*, (377), 7-11.
- Barabash, V.V. (2006). *Temakul'tury v efiregosudarstvennogoradioveshchaniyapostsovetsojRossii: Avtoref. dis. ... d-ra. filol. Nauk* [Theme of culture in the air of state broadcasting of post-soviet Russia]. Moscow: Moscow state university.
- Egoshkina, V.A. (2018). *Rechevystategiiprivlecheniyaiuderzhaniyavnimaniyaadresata v razvlekatel'nomradijnomdiskurse* [Speech strategies of attracting and retaining the addressee's attention in the entertaining radio discourse]. *Kommunikativnyyeissledovaniya*, (2), 115-126.
- Fashchanova, S.V. (2012). *Yazykovayaigra v radiodiskurse: kommunikativno-pragmaticheskij aspekt: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Radio discourse language game: a communicative-pragmatic aspect]. Tomsk: Tomskstateuniversity.
- Federal'noeagentstvopopechatiimassovymkommunikacijam. <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2018/teleradio/main/cu stom/0/00/file.pdf> [21.04.2019].
- Gegelova, N.S. (2012). *Kul'turno-prosvetitel'skayamissiyatelevideniya: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cultural and educational mission of television]. Moscow: Moscow state university.
- Goncharova, L.M. (2015). *SMI kaksredstvopopulyrizaciiiznaniy: rol' nauchno-populyarnyh I kul'turno-prosvetitel'skihperedachvrazvitiobshchestva* [Mass media as a means of knowledge popularization: the role of popular science and cultural and educational programs in the development of society]. *Informacionnoe pole sovremennojRossii*, 155-158.
- Malysheva, E.G. (2018). *Specifikasovremennogoradijnogoprosvetitel'skogodiskursa: sodержatel'nyj I zhanrovo-stilisticheskij aspekt (na material programmy «Dilettanty»)* [The specifics of the modern radio discourse of enlightenment: the content and genre-stylistic aspect (on the material of the program "Dilettantes"). *Vekinformacii*, (2), 51-53.
- Nesterova, N.G. (2015). *Sovremennyjradiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskijaspekt)* [Modern radio discourse (communicative and pragmatic aspect)]. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta.
- Nesterova, N.G. (2018). *Radiotekst* [Radiotext]. *Medialingvistika v terminahiponyatijah: slovar'-spravochnik*, (p. 230), Moscow.
- Sladkomedova, YU.YU. (2010). *Kul'turno-prosvetitel'skieprogrammynagosudarstvennomradio: strukturno-funkcional'nyeizhanrovo-tematicheskieosobennosti: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cultural and educational programs on state radio: structural-functional and genre-thematic features]. Moscow: Moscow state university.
- Vasil'eva, V.V. (2018). *Polikodovost' mediateksta* [Polytext media text]. *Medialingvistika v terminahiponyatijah: slovar'-spravochnik*, (p. 88), Moscow.

Volkova, A.A. (2016). *Problemyrechevogoplanirovaniya v sovremennomradiodiskurse: otslov k kul'ture*[Problems of speech planning in modern radio discourse: from words to culture] *Yazyki. Kul'tura. Perevod*, (1), 43-50.

For citation:

Sabaeva, Yu. (2019) EDUCATIONAL MEDIA TEXT ABOUT SIBERIA AS A POLYCODE PHENOMENON. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 100-104. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-100-104>

Для цитирования:

Нестерова, Н.Г. (2019) ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ МЕДИАТЕКСТ О СИБИРИ КАК ПОЛИКОДОВОЕ ЯВЛЕНИЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 100-104. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-100-104>

Information about the author: Sabaeva Yulia – Postgraduate student of the Russian language department, Faculty of Philology, Tomsk state university.

e-mail: juliyasab2014@gmail.com

Сведения об авторе: Сабаева Юлия С. – Аспирант кафедры русского языка, Филологический факультет, Томский государственный университет

e-mail: juliyasab2014@gmail.com

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-104-108>

ORTHODOX PICTURE OF THE WORLD IN A RELIGIOUS MEDIA DISCOURSE: TO STATING THE PROBLEM

Alexandra Makarova
PhD of Philology, Associate Professor
St. Tikhon's Orthodox University
Graduate School of Press and Media Industry, Moscow Polytechnic University
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: aleste_63@mail.ru

Abstract. The article presents the characteristics of religious media discourse and analysis of the opinions of Russian linguists on highlighting the features of the worldview of a religious person. Based on the research problems, the methodological base of semiotics, the analytical method, as well as the structural, functional and thematic approaches for the analysis of religious media content are used. The author notes that any confessional type of discourse is based on its hierarchical system of archetypes and concepts, which are realized through a kind of semantic content. However, the Orthodox religious discourse stands out among other types of institutional communication by a special mission related to the restoration of the partially lost conceptsphere, and is a gap in the linguistic picture of the world of the modern Russian. The indicated problem requires further in-depth study, therefore it seems promising.

Keywords: mass media, media text, media discourse, concept, orthodox media discourse

ПРАВОСЛАВНАЯ КАРТИНА МИРА В РЕЛИГИОЗНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Александра Макарова
Кандидат филологических наук, доцент
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Высшая Школа печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета
(Москва, Россия)
e-mail: aleste_63@mail.ru

Аннотация. В статье представлены характеристика религиозного медиадискурса и анализ мнений отечественных лингвистов о выделении особенности картины мира религиозной личности. Исходя из проблематики исследования, используется методологическая база семиотики, аналитический метод, а также структурный, функциональный и тематический подходы для анализа религиозного медиаконтента. Автор отмечает, что всякий конфессиональный тип дискурса базируется на свойственной ему иерархической системе архетипов и концептов, которые реализуются через

своеобразное семантическое наполнение. Однако православный религиозный дискурс выделяется среди прочих типов институционального общения особой миссией, связанной с восстановлением частично утраченной концептосферы, и является лакуной в языковой картине мира современного россиянина. Обозначенная проблема требует дальнейшего глубокого изучения, потому представляется перспективной.

Ключевые слова: массмедиа, медиатекст, медиадискурс, концепт, православный медиадискурс

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. Сегодня российское общество переживает кризис нравственных ценностей, утраченных более века назад в силу известных исторических событий. Однако «память культуры» и ценностное ядро культурно-нравственной жизни народа остаются неизменными в силу их укоренённости в сознании и в национальном языке вопреки всем катаклизмам, пережитым нашим народом.

Стремительное развитие новых технологий не просто влияет на жизнь общества, но и активно изменяет её. Современные средства массовой коммуникации имеют возможность беспрепятственно пересекать любые границы, в том числе и государственные, и это делает общение людей свободным, открытым, практически «вселенским». «Вовлечённость в общий культурный процесс оказывает существенное влияние на традиционное миропонимание и духовный опыт. Это позволяет исследователям говорить о наступлении эпохи межкультурного и даже межцивилизационного диалога, в котором традиционные смыслодержателем представления оказываются обесцененными и невостребованными» (Владиминова 2018: 6). Вместе с тем, «существуя, мы создаем неповторимый текст культурного пространства, несущий в себе разнообразный поток представлений, среди которых наиболее ценными являются те, что воспроизводят глубокие культурные смыслы и ценности» (Егофеева 2009: 5).

Эффективным проводником новых идей в сознание людей в информационном обществе становится медиатекст, так как он удовлетворяет главную потребность читателя и/или пользователя – потребность в информации. Медиатекст не только рассказывает о событиях в мире, о самом мире, но и развлекает, помогая мечтать и отдыхать, учит любить и ненавидеть. СМИ неизменно сопровождают обычного человека XXI века, а интернетом пользуется большинство членов современного общества.

Рождение ценностной медиасферы – это сложный и не однозначный процесс. Поток разного рода информации извне, несущей своё представление о мире, нравственности, прекрасном и безобразном, обрушился на российское общество как цунами, что могло привести к полной утрате ориентиров отечественных массмедиа, которые, с одной стороны, фокусируя общественное внимание на различных идеях, фактах, ситуациях, проблемах и пр., создают общественную повестку дня, а с другой стороны, формируя общественное мнение, представляют совокупность оценочных суждений. «Автор медиатекста, будучи носителем определенного национального самосознания, нацелен на репрезентацию исконных смыслов, но изменчивая мода социальной реальности корректирует традиционную философию, принципы вертикальной глобализации ее трансформируют, законы медиарынка вносят свои поправки» (Егофеева 2009: там же).

Таким образом, заявленная тема представляется актуальной, поскольку задачу по реконструкции традиционных ценностей как единственно возможной основы выживания нации взяли на себя православные СМИ. Авторы, работающие в поле православных массмедиа, рассматривают сохранение российской самобытности как действенную альтернативную парадигму глобализации супердержав.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исходя из проблематики исследования, мы используем методологическую базу семиотики и выделяем три уровня исследования концептосферы медиатекста:

- физический (прагматика);
- структурно-семиотический (синтактика);
- концептуальный (семантика).

Через прагматику реализуются основные механизмы взаимодействия с аудиторией с учетом ее основных, ментальных интересов. Синтактика аксиосферы содержит структурно-жанровые и языковые компоненты, через которые актуализируются российские медиаценности. Семантика как совокупность конкретных ценностей проявляется в рамках медиатекста в качестве концептов и архетипов.

Также нами применялся аналитический метод и структурный, функциональный и тематический подходы для анализа медиаконтента.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОСЛАВНОГО МЕДИАДИСКУРСА. Интенсивное развитие медиадискурса, нацеленного на разнообразие ценностей и их аксиологическую репрезентацию в медиатексте, поставило современную журналистику в один ряд с такими коммуникативными факторами культуры, как религия и искусство. С прагматической точки зрения, медиатекст – это инструмент социального взаимодействия, который содержит в себе отношения говорящего и слушающего – автора (адресанта) и читателя или пользователя (адресата), потому приход в массмедийное пространство православного медиадискурса со своей духовной миссией «на переоценку сложившихся в обществе культурных практик» (Polonskiy 2012: 184) даёт возможность современному россиянину определять границы своего образа жизни и мыслей.

Православные СМИ и их интернет-версии занимают заметное место в массмедийном пространстве России. Этим объясняется интерес лингвистов к феномену православного медиадискурса, православной картине мира, её концептосфере и т.д.

Обратимся к мнению некоторых учёных и представим их взгляды на означенную проблематику.

А.В. Полонский считает, что православный медиадискурс «как духовная традиция вписан в святорусский культурно-коммуникативный контекст» и основывается на триединстве *истины, добра и красоты*. А его духовно-нравственный потенциал «обеспечивается жёстким соблюдением семантической и культурно-нравственной границы, нормативной сфокусированностью, удержанием точности и иерархичности исконных, завещанных святоотеческой традицией смыслов» (Polonskiy 2012: 187-189).

Н.А. Костикова отмечает, что конфессиональная журналистика должна освещать комплекс вопросов, «связанных с духовным и нравственным состоянием общества, культурой, экономикой, различными научными проектами и социально-политическими прогнозами. Предмет конфессиональной журналистики составляет религиозное просвещение аудитории и рассмотрение совокупности вопросов культурного, социального, национального, экономического характера на основе религиозной традиции» (Kostikova 2006).

Е. В. Бобырева определяет религиозный дискурс как «совокупность речевых актов, которые используются в религиозной сфере; <...> набор определенных действий, ориентированных на приобретение человека к вере, совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов» (Bobyreva 2008: 162). Таким образом, цель православного медиадискурса – это формирование, сохранение и передача духовного опыта, а значимость духовных ценностей представляет собой смыслообразующее ядро православного медиадискурса.

По мнению Е.Г. Ясиновской, «религиозный дискурс представляется как дискурс веры, доминирующей над рациональным знанием, которая предполагает знание-откровение. В сфере религиозной дискурсивной практики вера как глобальная категория мировоззрения представляет наивысшую ценность» (Ясиновская 2011: 180).

Т.И. Кошелева подчёркивает, что «языковые особенности религиозного (в частности православного) дискурса обусловлены общностью ценностных ориентиров его участников. Основой этих ориентиров является православное мировоззрение, определяющее реакции людей на определенные жизненные ситуации, «регулирующее» их поведение, в том числе и коммуникативное» (Kosheleva 2017: 1028).

Одной из приоритетных целей современного православного медиадискурса является объединение нации на основе общих духовных ценностей, которые обеспечивают ее жизнеспособность и возможность совместного бытия с остальным миром. Православный медиатекст, «встроенный в реальность, образует тот активный дискурс, который концентрирует и оживляет ценности в режиме, как минимум, двух процессов: текстообразования и текстовосприятия» (Erofeeva 2009: 36), а указанные процессы базируются на менталитете автора и читателя и/или пользователя.

ПРАВОСЛАВНАЯ КАРТИНА МИРА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ. Цель мировой вертикальной глобализации – сформировать такую картину мира, в которой представлены ценности западной цивилизации, сформулированные западными идеологами. «Всеобщая “кока-кола колонизация” нивелирует традиционные ценности, национальные типы и культурные многообразия. Преобладающая потребительская идеология одинаково сублимирует духовные потребности планеты, структурирует мечты и желания» (Erofeeva 2009: 47).

Однако Россия всегда имела собственный путь развития, что нашло отражение в философии начала XX в. Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, Н.О. Лосский, И.А. Ильин и др. констатировали духовность общественной жизни России, самобытность русской души и предложили философское осмысление природы национального духа человека. Нельзя не обратить внимание на следующую объективную реальность: большинство населения России – русские, соответственно доминирующая религия – православие. Естественно, что данный факт не мог не отразиться на общей системе российских ценностей, наряду с которой на протяжении многих веков существует идея «соборности и духовного братства» (И.А. Ильин) (цит. по: Erofeeva 2009: 21). И если созданная ментальная картина мира является целеориентирующей, само православие – христороцентричным (Kunugina, Lomakina, Makagova 2019), то, как следствие, православный религиозный дискурс располагает своими особыми концептами. Исходя из этого нам представляется, что в центре православной картины мира находится *Бог – Христос – Святой Дух (Святая Троица)*, а её главные концепты *Вера – Надежда – Любовь*.

Рассмотрим мнения разных исследователей дискурсологии и представим их точки зрения на концептосферу религиозного дискурса, но прежде приведём дефиницию И.В. Ерофеевой, которая выделяет ценностную сферу СМИ в отдельное пространство – аксиосферу. «Аксиосфера – относительно самостоятельная виртуальная сфера общего медиатекста, аккумулирующая систему духовно-нравственных ценностей (формулируемых и пропагандируемых в обществе институтом СМИ), обладающая определенной совокупностью жанровых, семантических и структурных компонентов. <...> Семантический аспект представлен концептами и константами» (Erofeeva 2009: 16).

По мнению В.И. Карасика, центральным концептом религиозного дискурса является *Вера*, которая в свою очередь подразделяется на центральные понятия *Истина* и *Бог*.

К. Чумакова особое внимание уделяет таким концептам, как *Бог*, *Вера* и *Единство*, считая их ключевыми в религиозном общении.

Т.В. Ицкович считает, что «религия как сфера общественного сознания занимает особое место в ряду других выделяемых философским знанием сфер (наука, политика, искусство, право), так как формирует мировоззренческие установки субъекта. <...> Потому религиозная картина мира отличается таким онтологическим принципом, как двоемирие, что детерминирует специфику собственно лингвистического конструктивного принципа религиозного стиля» (Ickovich 2017: 10).

Анализируя религиозный дискурс с точки зрения философии, И.В. Богачевская отмечает, что это – «дискурс веры, которая доминирует над рациональным знанием <...> В каждой дискурсивной сфере (научной, религиозной, политической) названные эпистемические сущности различаются и в плане аксиологической ценности и субъектной распределенности. Так, в сфере религиозной практики вера как глобальная мировоззренческая категория представляет собой высочайшую intersубъективную ценность» (Bogachevskaya 2006: 120).

Более полная картина концептов религиозного дискурса представлена в трудах Е.В. Бобыревой. Все религиозные концепты делятся по степени «принадлежности» религиозной сфере на первичные, изначально принадлежащие сфере религии, а затем перешедшие в нерелигиозную сферу, – *Бог, ад, рай, грех, дух, душа, храм*; и вторичные – те, что охватывают как сферу религиозную, так и мирскую, – *страх, закон, наказание, любовь* и др. (Bobyreva 2008: 164).

А.В. Полонский рассматривает православный дискурс как особую духовную традицию, поэтому «мировоззренческим основанием бытия человека <...> является *вера* как источник Божественной истины и мудрости» (Полонский 2012: 187), а категории нравственного сознания представляют собой триединство таких концептов как *истина, добро и красота*.

Глубокий анализ архетипов и концептов (констант) современного российского медиадискурса осуществлён И.В. Ерофеевой (2009). По мнению учёного, к архетипам русской культуры восходят такие образы как *путь* → *лестница, ведущая в небо; огонь; дорога* → *храм* → *колокол; остров* → *озеро (град Китеж); крылья* и пр., а главным концептом является *духовность*. Почти все концепты делятся на микромотивы, в которых отражаются семантические оттенки концепта, что мы и представим в сводной таблице № 1.

Таблица 1

Концепт	Микромотивы
1. Духовность	Приоритет духовного над материальным; культ добра; соборность.
2. Аскетизм	Богатство жизни в духовности; «аскетизм – лестница для души».
3. Нестяжательство	-
4. Патриотизм	Обязанность-долг; требует служения; жизненно-полезен.
5. Русская Земля	Красота земли; любовь к земле и родному человеку; боль за свою землю.
6. Власть	Символизирует святость и рождает веру; державность и сила, а также – бессилие; обеспечивает порядок и символизирует хаос; лицемерна или равнодушна.
7. Труд	Добродетель; лень и труд; работа – порыв души.
8. Слава – успех	Слава есть иллюзия; слава – это честь; тернистый путь к славе; слава как испытание; слава – это величие и великолепие и пр.
9. Любовь	Приобретение и обогащение; многогранность любви; любовь подразумевает духовное строительство; любовь относительно табуирована.

Несмотря на то что данные архетипы и концепты актуализируются в современном российском медиадискурсе, все они в той или иной степени отражают русскую православную картину мира, соответственно, также представлены в современном российском православном медиадискурсе.

Подводя итог, отметим, что всякий конфессиональный тип дискурса или субдискурса (Makarova 2018) базируется на свойственной ему иерархической системе архетипов и концептов, которые реализуются в дискурсивной практике конкретной конфессии через своеобразное семантическое наполнение.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Как показал наш краткий анализ, православный религиозный дискурс выделяется среди прочих типов институционального общения особой миссией, связанной с восстановлением частично утраченной концептосферы, в связи с чем представляет собой лакуну в языковой картине мира современного россиянина. Вместе с тем историческая память органически связана с менталитетом человека и с его национальной картиной мира, которую можно отодвинуть на периферию сознания, но полностью вытеснить нельзя.

В эпоху информационной войны и идеологического противоборства очень важно сохранить историческую и культурную память народа, тем более что современный медиатекст – это средство её сохранения и передачи последующим поколениям, иначе происходит размывание национальных смыслов и трансформация концептов национальной картины мира. Таким образом, медиатекст становится носителем национальной модели мира, которая помогает понимать реальный мир и процессы, происходящие в нём. «Порождение смысла – это процесс не столько логический или формально-лингвистический, сколько социальный, идеологический» (Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs 2011: 35), поэтому особая ответственность за реализацию духовной сферы медиаконтента лежит на авторе. В связи с этим, отметим, что

усилия православных журналистов направлены на воссоздание и утверждение традиционной духовной системы ценностей в медиатексте.

В заключение подчеркнём, что изучение внутренней формы языка способствует выявлению ключевых концептов культуры, так как внутренняя форма языка представляет собой саму картину мира. Сегодня исследователи, говоря о влиянии языковой картины мира на поведение и мироопределение человека, выделяют языковую и дискурсивную картины мира, при этом мировые процессы, изменяющие жизнь общества, влияют на динамичность дискурсивной картины мира и на дискурсивные практики участников коммуникации. В связи с этим, представляется актуальной необходимость особого исследования заявленной проблематики, которая фактически до сих пор остаётся за рамками конкретных лингвистических изысканий.

LIST OF REFERENCES

- Bobyreva E.V. Religioznyy diskurs: cennosti i zhanry // Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniya. 2008. № 1. S. 162–167.
- Bogachevskaya I.V. Religioznyy diskurs kak ob'ekt filosofsko-religiovedcheskoy refleksii // Voprosy duhovnoy kul'tury. Filosofskie nauki. 2006. S. 119–121. [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa [URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/15110/29-Bogachevskaja.pdf>] [data obrascheniya 09.08.2019]
- Erofeeva I.V. Aksiologiya mediateksta v rossiyskoy kul'ture (cennostnaya refleksiya zhurnalistiki nachala XXI veka); Zabaykal. gos. gum. ped. un-t. Chita, 2009. 297 s.
- Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs / Z. I. Rezanova, L. I. Ermolenkina, E. A. Kostyashina i dr.; Red. Z. I. Rezanova. Tomsk: ID SK-S, 2011. 288 s.
- Kostikova N.A. Pravoslavnyy zhurnalistskiy metodologicheskie osobennosti izucheniya effektivnosti deyatelnosti // Doklad na zasedanii «Kluba pravoslavnykh zhurnalistov» 1 fevralya 2006 goda. [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa [URL: <http://radonezh.ru/analytics/pravoslavnyy-zhurnalistskiy-metodologicheskie-osobennosti-izucheniya-effektivnosti-deyatelnosti-47690.html>]. [data obrascheniya 09.08.2019]
- Kosheleva T.I. K voprosu ob osobennostyah religioznogo (pravoslavno) diskursa: asociativno-verbal'nyy aspekt // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8. № 4. S. 1028–1032. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1028-1032.
- Kunygina O.V., Lomakina O. V., Makarova A.S. Internet-portal «Pravoslavie i mir» kak primer sovremennogo religioznogo diskursa // Zhurnalistskiy tekst v novoy tehnologicheskoy srede: dostizheniya i problemy». – Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. S. 192–197.
- Ickovich T.V. Prototekstual'nost' kak konstruktivnyy princip religioznogo stilya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2018. T. 17. № 1. S. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.1>
- Makarova A.S. Pravoslavnyy publicisticheskii diskurs: obschaya harakteristika i osnovnye napravleniya razvitiya // Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Orel: OGU imeni I.S. Turgeneva, 2018. S. 366–370.
- Chumakova K. Religioznyy diskurs v massmedia [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa [URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st47.shtml>] [data obrascheniya 09.08.2019]
- Yasinovskaya E.G. O specifike religioznogo diskursa // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Vypusk 10 (616). Yazykoznanie. Problemy sovremennoy romanistiki: tekst, diskurs, koncepty. – M: IPK MGLU «Rema», 2011. S. 179–186.

For citation:

Makarova, A. (2019) ORTHODOX PICTURE OF THE WORLD IN A RELIGIOUS MEDIA DISCOURSE. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 104-108. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-104-108>

Для цитирования:

Макарова, А.С. (2019) ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ МЕДИАТЕКСТ О СИБИРИ КАК ПОЛИКОДОВОЕ ЯВЛЕНИЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 104-108. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-104-108>

Information about the author: Alexandra Makarova – PhD of Philology, Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox University, Graduate School of Press and Media Industry, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia
e-mail: aleste_63@mail.ru

Сведения об авторе: Александра Макарова - Кандидат филологических наук, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Высшая Школа печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета, Москва, Россия
e-mail: aleste_63@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-109-113>

THE IMPACT OF NATIONALLY DETERMINED VALUE FILTERS ON THE PERCEPTION OF A FOREIGN MULTIMODAL TEXT

Tatiana Nikolskaya
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
 (Moscow, Russia)
 e-mail: t.e.nikolskaya@gmail.com

Abstract. Multimodal text is the center of intercultural artistic communication – the most complex form of communication. Complexity of intercultural communication follows from the mismatch between axiologically meaningful concepts – and value filters – of addresser and addressee which belong to different national and cultural communities. This mismatch leads to communication failures. Analysis of how multimodal texts from a foreign culture – movies in particular – are perceived reveals what nationality-specific filters dominate in the process of intercultural communication. The present article represents comparative analysis of responses made by Russian and American viewers after watching “Dawns here are quiet...” («Азориздесьтихие...»). Comparison of responses from viewers of different national cultures demonstrates that, firstly, a foreign addressee with deep competence in relevant domains of discourse is capable of applying value filters of the ‘source’ culture – facilitating the understanding of author’s intentions; secondly, value filters of addressee allow the observer to see non-intentional components of the message of cinematic texts. Additionally, comparative analysis of responses to the movie from American and Russian viewers reveals axiologically important concepts that define overall direction of cinematic text interpretation. Such concepts for Russian viewers are “collectivism” and “Great Patriotic war,” while for Americans it is “individualism” and “feminism.”

Keywords: multimodaltext, cinematictext, cross-cultural communication, artistic communication, reception

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ЦЕННОСТНЫХ ФИЛЬТРОВ НА ВОСПРИЯТИЕ ИНОКУЛЬТУРНОГО ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

Татьяна Евгеньевна Никольская
Литературный институт имени А. М. Горького
 (Москва, Россия)
 e-mail: t.e.nikolskaya@gmail.com

Аннотация. Наиболее сложным видом коммуникации является межкультурная художественная коммуникация, в центре которой стоит поликодовый текст. Сложность межкультурной коммуникации определяется тем, что аксиологически значимые концепты и, следовательно, ценностные фильтры адресанта и адресата, принадлежащих к различным национально-культурным сообществам, не совпадают, в результате чего происходят коммуникативные сбои. Анализ особенностей восприятия инокультурного поликодового текста, в частности кинотекста, позволяет выяснить, какие национально обусловленные фильтры играют доминирующую роль в процессе межкультурной коммуникации. В настоящей работе представлен сравнительно-сопоставительный анализ отзывов российских и американских зрителей на фильм «...А зори здесь тихие». Сравнение отзывов представителей различных национальных культур показало, что, во-первых, дискурсивно компетентный адресат при декодировании инокультурного кинотекста способен применять ценностные фильтры культуры, к которой принадлежит адресант, что способствует лучшему пониманию авторских интенций; во-вторых, ценностные фильтры адресата позволяют увидеть неинтенциональные составляющие идейного содержания кинотекста. Кроме того, сравнительно-сопоставительный анализ отзывов на фильм американцев и россиян позволил выявить аксиологически значимые концепты, определяющие общее направление интерпретации кинотекста. Для российских зрителей такими концептами служат «коллективизм» и «Великая Отечественная война», для американских – «индивидуализм» и «феминизм».

Ключевые слова: поликодовый текст, кинотекст, межкультурная коммуникация, художественная коммуникация, рецепция

ВВЕДЕНИЕ. Поликодовый текст представляет собой механизм взаимодействующих гетерогенных знаковых систем. Комплексный семиотический характер поликодового текста сопровождается усложнённым процессом его производства и восприятия и, следовательно, требует широкой мультимодальной компетенции от адресата сообщения, заинтересованного в полной и адекватной интерпретации сообщения. Уровень этой компетенции определяется, в частности, способностью реципиента декодировать материально различные знаки в соответствии с интенциями отправителя информации. Очевидно, что совпадение семиотических кодов адресата и адресанта является фактором, облегчающим коммуникацию. Степень близости семиотических кодов зависит от дискурсивной дистанции между участниками коммуникации, то есть от того, насколько совпадает их социальный, культурный (в том числе эстетический), исторический и лингвистический опыт. Следовательно, дискурсивная отдалённость коммуникантов служит препятствием на пути адекватного авторскому замыслу декодирования сообщения в форме поликодового текста. Дискурсивная дистанция между участниками коммуникации увеличивается тогда, когда они принадлежат к различным национально-этническим группам и, как следствие, когда их социально-культурный фон не совпадает. Отсюда вытекает, что наибольшую трудность

для реципиента представляет инокультурный поликодовый текст, при интерпретации которого, помимо ожидаемых языковых, выстраивается ещё целый ряд барьеров в виде национально обусловленных социально-культурных фильтров.

ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В нашей работе рассматривается такая разновидность поликодового текста, как кинотекст – «...связное, цельное и завершённое сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» (Slyshkin and Yefremova 2004). Из определения вытекает, что одной из реализаций кинотекста является художественный фильм.

Объектом наблюдения служат особенности восприятия художественного фильма, а предметом изучения составляет рецепция советских фильмов студентами США, родившимися не ранее начала 90-х гг. XX века. В качестве материала исследования было выбрано 30 работ студентов Колорадо Колледжа (Colorado College), написанных в течение 2012 – 2019 гг. в ходе изучения преподаваемого автором настоящей статьи курса Russian Woman: Search for Identity in Soviet / Russian Films. Все рассматриваемые работы представляют собой заметки в свободной форме в так называемом «кинодневнике» (film journal), в котором студенты делают свои записи сразу после просмотра фильма, ещё до его обсуждения на занятии, а также эссе на тему «Женщины, играющие в мужские игры» (Women Playing Men's Game). При цитировании в скобках приводится имя студента и первая буква фамилии, через запятую – год, когда студент изучал курс и писал свои работы. Нами использовались отзывы на фильм режиссёра Станислава Ростоцкого «...А зори здесь тихие» (1972 г.). Главной причиной выбора именно этого фильма послужил тот факт, что Великая Отечественная война – это важнейший элемент концептосферы русского человека, а самым популярным фильмом об этом историческом событии для многих поколений россиян были и остаются «...А зори здесь тихие» (Bakanov, 2006). Для придания исследованию объективного характера в качестве контрольного материала было использовано 70 оставленных российскими зрителями отзывов на фильм, размещённых на сайте www.kinopoisk.ru. При цитировании в скобках курсивом приводится имя пользователя так, как оно указано на сайте, возраст (если известно) и пол (м. – мужской, ж. – женский).

В ходе работы применялись описательный и сопоставительный методы, а также метод дискурсивного анализа.

ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ. Гипотеза исследования состоит в том, что восприятие данного кинотекста американскими молодыми зрителями содержательно и аксиологически отличается от его восприятия российскими зрителями. Эти отличия определяются дискурсивной дистанцией между создателями фильма и его реципиентом. Цель исследования состоит в выявлении национально специфических фильтров, играющих определяющую роль в характере интерпретации содержания фильма и заложенного в нём художественного послания. Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач: 1) обозначить основные темы, рассматриваемые американскими и российскими зрителями в рамках анализа фильма; 2) проследить, есть ли нарушения в понимании событийной канвы кинотекста, и в случае обнаружения таковых установить их причину; 3) отметить оценочные характеристики и определить, чем они мотивируются; 4) найти различия в фактической и оценочной интерпретации картины американскими и российскими зрителями; 5) при обнаружении таких различий выяснить, несовпадение каких именно культурных кодов привело к этим различиям.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Художественный фильм «...А зори здесь тихие» одинаково высоко оценивается и российской, и американской зрительской аудиторией. Из семидесяти отзывов, представленных на вышеназванном сайте, только два откровенно отрицательных и один нейтральный. Причём негативные отзывы мотивированы тем, что фильм или не соответствует реальности («Лживую мысль попытались протаскать через лживый сюжет»), но при этом отдаётся должное мастерству кинематографистов: «С одной стороны, высокопрофессиональная работа кинематографистов, с другой – высосанная из пальца пропагандистская мелодрама по заказу ГЛАВУПР» (setoro, м., 65). Российские зрители обращают больше внимания на прекрасные актёрские работы, в то время как американские студенты, не говоря ничего об исполнении главных ролей, отдают должное режиссёрской и операторской работе («Stanislav Rostotsky's 1972 film "The Dawns are Quiet Here" is masterful and intentional» (Linnie 2018), а также особенностям цветового решения картины («Each [character] had a back story built out in color, bringing the viewer to empathize with their situation» (Javier C. 2016)). Каждый год в конце курса, отвечая на вопрос, какой из всех просмотренных восемнадцати фильмов понравился больше всего, около 30% американских студентов называют своим самым любимым фильмом «...А зори здесь тихие». Таким образом, эстетическая оценка фильма одинаково высока и у американских, и у российских зрителей. В своих отзывах российские зрители нередко отмечают сильное эмоциональное воздействие, которое оказал на них фильм: «Очень тяжёлый фильм. Сколько смотрю, столько "рву сердце"»; «Сколько себя помню, всегда плачу во время просмотра этого фильма» (veraproskryakova, 39, ж.); «...сложно мысленно и морально переварить трагедию повести Бориса Васильева и фильма Станислава Ростоцкого...» (marie bitok, ж.); «...иногда слезятся глаза» (Ivanbelor 20, м). Американские студенты реже, но всё же пишут о своём эмоциональном состоянии, в частности, говорят о том, что во время просмотра они были расстроены, испытали чувства горечи и сострадания стране, потерявшей людей во время войны, чувство

единения с Россией: «[The movie] made even me, an American girl in 2018, feel unified with Russia as a woman who leant poignantly heart broken for the lives that were lost in this time» (*Linnie, 2018*).

Анализ отзывов российских зрителей показывает, что чаще всего в них поднимаются две основные ведущие темы: высокая оценка фильма с точки зрения мастерства его создателей и цена, которой досталась победа. Многие отзывы содержат проникнутые пафосом высказывания о необходимости помнить подвиг народа во время войны: «...нельзя забывать, как нам достался мир, какую цену заплатили наши деды и прадеды» (*veraproskryakova, 39, ж.*); «...а сколько таких настоящих историй было, сколько неизвестных героинь лежит в лесах... Низкий поклон каждой из них за мирное небо. Этот фильм должен посмотреть каждый, чтобы никогда не забывать о великом подвиге нашего народа» (*klieora, ж.*); «Этот фильм ещё раз говорит о том, как наша советская держава была бодра своим духом» (*Anna Huxley, 24, ж.*). В отзывах американских студентов не возникает тема героизма советского народа в целом, они рассматривают фильм как частную историю гибели женщин-военнослужащих, защищавших свою землю: «They died fighting for their Motherland and they go out in a blaze of glory to some extent» (*Ethan S. 2019*), для них важна индивидуальность каждой девушки: «I think [the film] did a good job of making each of the women unique and likeable» (*Javier C., 2016*). Причина расхождения в понимании места каждого участника войны в историческом процессе связана с тем, что российский зритель включает фильм в известный ему контекст и показанные в нём события рассматривает как часть истории: «Молодое поколение назовёт этот фильм старьём, им тоже будет интересно посмотреть на вымышленное сражение из реальной войны, почувствовать страх и горечь войны, переживая за экранных героев, участвующих в войне против нелюдей, несущих зло. В этом и заключается смысл фильма, равно как и любой другой советской картины про Великую Отечественную войну» (*Barnaul MAN 27, м.*). Американские зрители не видят за фильмом более крупной картины по двум причинам. Во-первых, они не изучали историю Великой Отечественной войны так, как её изучали в Советском Союзе и в современной России, то есть как историю массового героизма, общего горя; по понятным причинам для них эта война не играет роли национального символа, не носит сакрального характера. Другая же причина связана с особенностями американского менталитета: это нация с доминированием индивидуализма над коллективизмом (по шкале Хофстеде 91 балл из 100, против 39 баллов у России (*Hofstede*)), что затрудняет понимание такого концепта, как «коллективный подвиг» или «героизм всего народа», но заставляет обратить внимание на героические поступки отдельно взятого человека. Указанное расхождение в интерпретации не носит конфликтного характера, оно объясняется комплементарными различиями в национально-культурных фильтрах. Зрители обеих стран сходятся в том, что на экране показан героизм воинов, только российские зрители видят его как часть большей картины, а американские – как проявление силы духа индивидуума. В отличие от отзывов российских зрителей, в отзывах американских студентов ведущей темой является сексистский характер репрезентации женских образов и возвеличивание образа мужчины-протагониста, который воплощает мужской шовинизм, окрашивающий весь кинотекст в целом: «Despite the over sexism in the film, with Vaskov of ten making assumptions about the women, it always seems to ask the prejudice with humor or a sense of humor» (*Javier C. 2018*). Ни в одном из рассмотренных нами отзывов российских зрителей тема мужского шовинизма затронута не была. Между тем молодые американские зрители приводят целый ряд доказательств того, что женщины показаны в фильме с позиций мужского превосходства. Во-первых, это явный непрофессионализм героинь фильма как военных: «The first and most astonishing form of sexism in the depiction of these female soldiers is their lack of military professionalism» (*Johnathan W. 2018*). Если среди отзывов российских зрителей мы обнаружили только один, в котором присутствовала критика уровня военной подготовки девушек-героинь фильма, то американские зрители часто обращают на это внимание и детально анализируют, в чём именно проявляется непрофессионализм: женщины-зенитчицы требуют для себя особых бытовых условий, в боевых действиях полагаются на свои женские инстинкты, а не на знания основ военной тактики («From the beginning the women's battalion had many needs, that were beyond what we believe men would need. They asked for a "special" toilet, to hang up their underwear (against regulations), and to host a dance, while claiming it was because they were women. The women's contribution to the mission was not war related, rather they used their motherly instincts, like claiming the Germans were human and probably sleeping, or their bodies, as when Zhenya ran into the river to alert the Germans»); они не справляются со своими чувствами, не могут обойтись без помощи своего командира и слишком зависят от своих подруг: «They cry when they cause death, they still receive help from the male commander, and they are much more community oriented than a similar group of men would be» (*Ethan 2019*). Они не подчиняются приказам командира и не знают, как воевать: «...these women are not only depicted as unruly soldiers, but as ineffective ones» (*Johnathan W. 2018*). Для американских студентов героини фильма прежде всего военные, а следовательно, они должны проявлять качества характера и боевой подготовки, соответствующие их статусу, и, кроме того, не должны ни в чём уступать или отличаться от военных мужского пола. Несоответствие названным требованиям превращает их в глазах молодых американских зрителей в «плохих солдат». Российские же зрители видят в героинях фильма «молодых девчонок», «вчерашних школьниц», которых «жизнь заставила» встать под ружьё. Во-вторых, причины, по которым девушки пошли воевать, нередко рассматриваются американскими студентами как слишком частные, «романтические» и не позволяющие им подняться в своём героизме на один уровень с мужчинами: «The women's motivations revolve mostly around clichéd romantic interests and family revenge, motivation traditional to the ideal of a Russian woman... The setting up of the female characters and their backgrounds, as shown through the flashbacks in the first part of the film undermines some of this feminist slant» (*Milan M. 2019*).

Во многих отзывах российских зрителей не рассматриваются истинные мотивы, приведшие женских персонажей в армию, хотя в фильме о них говорится прямо и недвусмысленно (каждая из них пошла воевать добровольно), а отмечается вынужденность их выбора, на что указывает обильное использование глаголов с общей семантикой вынужденного или вынуждающего действия: «втянутые воевать против немцев», «капризами жизни заброшенные на фронт в леса» (*Sergey Rasskazov м.*); «втянуты в неравный бой с немецкими диверсантами» (*Konkuro 29, м.*), «это время решило всё за них, они не могли иначе» (*Klieopa, ж.*). Для россиян и по сей день даже в мирное время служба женщин в армии не является нормой, поэтому персонажи фильма «...А зори здесь тихие», в котором режиссёр целенаправленно подчёркивал женственность героинь как одно из средств выражения антивоенного посыла своего произведения, для зрителя остаются женщинами, вынужденными «играть» по не подходящим для них правилам. Для молодых американцев нет ничего необычного в том, что женщина служит в армии, более того, ей не делается никаких поправок на том основании, что она женщина, в связи с чем отсутствие субординации, представленное в фильме как проявление женской игривости, чувствительность и мягкость, интерпретируются американскими студентами как недостаточный военный профессионализм, что ведёт их к общему недопониманию идеи фильма. Так как для современного молодого американца, воспитанного в духе феминизма, дихотомия «мужское» vs. «женское» не является актуальной, равно как и многие связанные с ней культурно-лингвистические коннотации, то показанную в фильме слабую боевую подготовку девушек они рассматривают как результат недооценки создателями фильма их способностей. Первую часть фильма, где показан быт отряда вне боевых действий, они интерпретируют как сатиру, которая вырастает из сексистских взглядов режиссёра:

«The satirical nature of the first part of the film can mean that the director is using sexist stereotypes of women to mock them» (*Javier C. 2016*).

При анализе репрезентации женских образов студенты часто используют слова с общей семантикой непонимания: «confused», «couldn't understand», например, «This film has a conflict in representation of women, especially women soldiers. I think the goal of the film was, to some extent, to show how women were heroes in WWII, but at the same time it portrayed women as poor soldiers that needed to be taught how to survive» (*Ethan, 2019*); «I was confused of what to make of the depiction of women in this movie. In one regard, women are firstly shown as soldiers in this war. However, in another light, they are shown as extremely sensitive and unable to adapt to this harsh wartime lifestyle» (*Konrad L. 2019*). В то же время американские зрители понимают, что создатели фильма симпатизируют героиням: «Actually throughout the whole movie, they were portrayed in a positive light» (*Casey B. 2019*). Более того, они верно считывают интенции режиссёра, но, видимо, в этом им помогают знания, полученные о реальных исторических обстоятельствах того времени, которое показано в фильме, и времени создания фильма, то есть, иначе говоря, они представляют себе, какие именно национально-культурные фильтры были актуальны для создателей кинокартины. «Женщина не может воевать», – так можно сформулировать идею фильма в американском прочтении: «While I do not personally believe this if we follow this logic, it is not the fault of women that they are not good soldiers, they just aren't and we need to accept that. They are still valuable members of society, they simply must have a different role than soldier in war» (*Casey B. 2019*). Такое понимание не противоречит идее, высказанной в фильме, но и не отражает её полностью, что в конечном счёте приводит к искажению сверхзадачи, стоявшей перед режиссёром. Он пытался показать не столько слабость, сколько женственность своих героинь, выстраивая визуальный и композиционный ряд таким образом, чтобы зритель понял: женственность тождественна жизни, убивая женщину, фашисты, как и любые агрессоры, уничтожают жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Исследование, проведённое в форме сравнительно-сопоставительного анализа отзывов российских и американских зрителей на широко известный фильм С. Ростокского «...А зори здесь тихие», показало, что в том случае, когда реципиент инокультурного поликодового текста (в данном случае кинотекста) обладает дискурсивной компетентностью, то есть представлениями о культурно-исторических условиях создания этого текста, на его восприятие влияет два рода фильтров. С одной стороны, это фильтр коллективного адресанта художественной коммуникации, позволяющий реципиенту понимать содержание поликодового текста адекватно авторскому замыслу и считывать интенции создателей фильма. С другой стороны, это фильтры, сформированные в социально-культурной и исторической среде адресата, в частности ценностные фильтры, которые хотя и позволяют увидеть в поликодовом тексте то, что было в нем заложено непреднамеренно, но неизбежно смещают акценты в понимании коммуникативной сверхзадачи, стоявшей перед создателями поликодового текста. Так, для современного российского зрителя аксиологически значимым оказывается концепт «Великая Отечественная война», который участвует в формировании ценностных фильтров, позволяющих видеть героизм персонажей фильма и в то же время препятствующий рационально-критическому анализу их действий. Для молодого американского зрителя при просмотре фильма «...А зори здесь тихие» аксиологически значимым оказался концепт «феминизм». Сформированные им ценностные фильтры позволили увидеть патриархальные, основанные на традиционном сексизме отношения между главными героями фильма, но в то же время воспрепятствовали считыванию глобальной антивоенной идеи художественного фильма.

LIST OF REFERENCES

Bakanov, K. Azorivsiyeshiotihie. Novye Izvestia May 5 2006.

<https://newizv.ru/news/culture/05-05-2006/45860-zori-vse-eshe-tihie>. [29.04. 2019]

Slyshkin, G.G., Yefremova, M. A. (2004) Kinotekst (opyt lingvo-kulturologicheskogo analiza) [Cinematext (ALinguistic and Cultural Study)]. Moskva: Vodoley Publishers. 153 p., p. 37.

Hofstede, Geert. Hofstede's Insights.

<https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/> [30.04.2019].

<https://www.kinopoisk.ru/film/43395/reviews/> [29.04.2019].

For citation:

Nikolskaya, T. (2019) THE IMPACT OF NATIONALLY DETERMINED VALUE FILTERS ON THE PERCEPTION OF A FOREIGN MULTIMODAL TEXT. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 109-113. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-109-113>

Для цитирования:

Никольская, Т.Н. (2019) ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ МЕДИАТЕКСТ О СИБИРИ КАК ПОЛИКОДОВОЕ ЯВЛЕНИЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 109-113. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-109-113>

Information about the author: Tatiana Nikolskaya - PhD, associate professor of the Department of Russian Language and Stylistics. Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing. Moscow, Russian Federation.

e-mail: t.e.nikolskaya@gmail.com

Сведения об авторе: Татьяна Евгеньевна Никольская - канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Литературного института имени А. М. Горького.

e-mail: t.e.nikolskaya@gmail.com.

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-113-117>

THE SPECIAL FEATURES OF CONTEMPORARY INTERVIEW FORMAT ON YOUTUBE CHANNEL

Tatiana Popova
Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg state University
 (Saint Petersburg, Russia)
 e-mail: t.popova@spbu.ru

Abstract. A new phenomenon in the media sphere – the interview on YouTube channel is described in the article. Videoblog of Nicholay Solodnikov «Notpoznyet» is used as text material. The purpose of the study is to identify the special features of the new YouTube-interview format compared to the television format. The main method of research is the comparative method based on discourse analysis of texts. As a result of frame analysis of interviews with personality on television and in Videoblog, the author concluded that both interview formats are based on the frame «Personality, revealing in issues related to childhood, school, family, friends, art, preferences, plans, the future of the country. Compositional differences of these formats were identified: three - part compositions of interview is saved, but function of presentation of interlocutor in YouTube format is changed, the function of attracting the attention of users, as well as informative function - the presentation of feature interview topics- are presented in addition to self-characteristics. New communicative roles of participants in the interview are revealed. As an effect of increasing of the role of the personal nature the communication between the participants of interview in YouTube format tends to turn into interpersonal phatic communication which is reflected in the nature of the relationship of minimum dialogical units in the whole composition. The minimum dialogical units are linked not be logical relationships of conditionality and concurrent associativity, peculiar to fatic communication. In general, the identified features in YouTube interview-format shows the strengthening of interview role in the process of self-discovery process.

Keywords: interview with person, YouTube format, structural, semantic, communicative special features

ОСОБЕННОСТИ ФОРМАТА СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРВЬЮ
НА YOUTUBE-КАНАЛЕ

Татьяна Игоревна Попова
Доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: t.popova@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается новое явление в медиапространстве – интервью на YouTube-канале. В качестве материала исследования привлекается видеоблог Николая Солодникова «Ещенепознер». Цель исследования – выявить характерные особенности нового YouTube-формата интервью в сравнении с телевизионным форматом. Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный метод на основе дискурсивного анализа текстов. В результате фреймового анализа интервью с личностью на телевидении и в видеоблоге автор пришел к выводу, что в основе обоих форматов интервью лежит фрейм «Личность», что проявляется в тематике вопросов, касающихся детства, школы, семьи, друзей, творчества, пристрастий, планов, будущего страны. Были выявлены композиционные различия данных форматов: при сохранении трехчастной композиции интервью в YouTube-формате меняется функция представления собеседника, помимо самохарактеристики собеседника, присутствуют функция привлечения внимания пользователей, а также информативная функция – представление тематики интервью. Выявлены новые коммуникативные роли участников интервью. В силу возрастания роли личностного начала характер общения между участниками интервью в YouTube-формате стремится к переходу в межличностное интеллектуальное фатическое общение, что отражается в характере взаимосвязи минимальных диалогических единиц в композиционном целом. Минимальные диалогические единицы связаны между собой не логическими отношениями обусловленности, а параллельной ассоциативной связью, характерной для фатического общения. В целом выявленные особенности интервью в YouTube-формате свидетельствуют об усилении роли интервью в процессе самопознания личности.

Ключевые слова: интервью с личностью, YouTube-формат, структурные, семантические, коммуникативные особенности

ВВЕДЕНИЕ. Интервью с личностью, интервью-портрет, неизменно на протяжении конца XX – начала XXI веков сохраняет лидирующие позиции в дискурсе экзистенциальных ценностей. С развитием интернета усилилась роль данного жанра как способа самоидентификации в условиях многополярного мира. Культурологи отмечают роль YouTube в процессе индивидуализации производства и передачи информации (медиации). Индивидуализация касается как процесса потребления информации в интернете («сейчас каждый из нас в YouTube имеет свой персональный список видео, рекомендованные списки видео, кроме того, пользователи, своими действиями в YouTube, можно сказать, реализовывают давние утопические идеи возможного социалистического предназначения медиа, когда каждый должен стать манипулятором или активным агентом, монтажником, должен сменить статус принимающей инстанции на статус производителя/передатчика» (Konstantyuk 2012)), так и процесса производства информации: «You + Tube, ты и твой собственный канал (труба), или ты сам и есть канал» (там же). Таким образом, YouTube рассматривается как способ медиации (опосредования) между социальным и индивидуальным. В этих новых условиях формат интервью подвергается изменениям на структурном, семантическом и коммуникативном уровнях. Цель данной статьи – проследить взаимосвязь между телевизионным интервью и интервью на YouTube канале, выделить отличительные черты нового формата интервью, обусловленные каналом связи и изменившимися целями и условиями общения.

В качестве материала исследования привлекается видеоблог Николая Солодникова «Ещенепознер», который выходит еженедельно с октября 2018 года. Количество просмотров каждого выпуска достигает 100 - 400 тысяч. В интервью порталу «Бумага» Николай Солодников так объясняет причину создания нового видеоблога: «Идея сделать шоу на ютьюбе появилась давно. Мне представляется, что сегодня ютьюб окончательно победил телевизор. Он предоставляет уникальную возможность для высказывания в самых разных форматах. И мне показалось, что то, что мы хотим сделать, на ютьюбе пока не представлено. Герои «Ещенепознера» — совсем не ютьюбовские персонажи. По крайней мере, не были такими до недавнего времени. Оказалось, что интервью с Михаилом Пиотровским могут посмотреть почти сто тысяч человек (89 тысяч просмотров за месяц — прим. «Бумага»), а интервью с Александром Сокуровым — больше 300 тысяч (318 тысяч просмотров за месяц — прим. «Бумага»). Большому количеству людей такие герои интересны — поэтому мы решили их “ютьюбизировать”» (Chigin 2018).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Исследователи СМИ 90-х годов XX века отметили важные сдвиги в информационном обществе. На фоне массового «лично-биографического эксбиционизма», как определила эту тенденцию тогдашних СМИ культуролог Т.Чередниченко (Cherednichenko 1999), усилилась роль ведущего, появилась авторская журналистика, личностная журналистика. Изменения массового сознания в конце XX века определили ведущую роль познающего субъекта в представлении объективной реальности (Mansurova 2002). В условиях нарастания индивидуализации общества журналистика стала средством коммуникативной саморегуляции общества и средством самодетерминации личности. В этих изменившихся условиях телеинтервью с известными людьми помогало «ориентироваться в мире и соответственно строить свою

деятельность» (Rozhdestvenskij 1999). Таким образом, в 90-е годы XX века ярко проявилась тенденция к превращению интервью из чисто информационного жанра в жанр публицистический и вхождению его в дискурс экзистенциальных ценностей индивидуального субъекта с его типичным тематическим содержанием: поступками человека, его поведением, отношениями с другими людьми, являющимися лишь поводом для их осмысления и формирования личного отношения к ним (Popova 2002).

Современный этап развития медиа отличается еще большей индивидуализацией, говорят о возвращении авторской журналистики (Timchenko 2017). По мнению журналиста Андрей Мирошниченко, «журналистика всё меньше и меньше сможет зарабатывать на обезличенной информации. СМИ сегодня продают обществу не информацию, а ориентиры. Именно поэтому, кстати, сейчас наиболее востребованная специальность внутри журналистики—вовсе не репортёр, а колумнист. Всё дело в том, что любую индустриальную модель и её продукт можно скопировать. Нельзя скопировать только авторство. Тексты копируют, а авторство—оно неотчуждаемо» (там же). Блогосфера дает для развития авторской журналистики неограниченные возможности. Видеоблогинг выполняет функцию «ориентира» в информационном пространстве, подавая эту информацию в лично-ориентированной форме.

В настоящее время ведутся исследования по систематизации и изучению жанровых особенностей видеоблогов. Специалисты определяют специфику видеоблогинга как формата видеоконтента, сочетающего в себе основные функции телевидения и интернет-пространства (Lushchikov, Terskih 2018). Основной спецификой интервью на ютубе, по мнению авторов, является отсутствие цензуры: «не существует запретных тем, идеологических установок или запрета на нецензурную лексику, кроме тех случаев, если сам автор или его команда ставят табу на что-либо» (там же). Думается, что это не единственное отличие телевизионного интервью и интервью на ютубе. К анализу этих отличительных черт перейдем в следующей части.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный метод на основе дискурсивного анализа текстов телевизионных интервью и интервью на ютубе. На основе фреймового анализа выделяются основные тематические блоки интервью, проводится композиционное членение расшифровок интервью на минимальные диалогические единицы (далее МДЕ), определяются ведущие функционально-семантические типы МДЕ. Описываются коммуникативные роли участников интервью. В качестве исходных данных используются результаты исследования телевизионных интервью, полученные в ходе работы над докторской диссертацией (Popova 2012). Материалом исследования послужили интервью с режиссером Звягинцевым (Solodnikov- Zvyagincev 2018).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Сравнительный анализ композиционной структуры телевизионного интервью и интервью на ютубе показал, что они имеют ряд общих и отличительных черт. Типичная трехчастная композиция в интервью на ютубе сохраняется, но реализация композиционных частей изменяется. В качестве представления гостя используется нарезка ключевых высказываний гостя, характеризующих тематические линии интервью. Заключительная часть видеоблога «Ещепознер» формально присутствует, но тематически не связана с основными линиями интервью, как в традиционном телевизионном интервью. Она, скорее, представляет собой развлекательную часть - гадание на книге Егора Летова.

Основная часть интервью со Звягинцевым строится на традиционном фрейме «Личность», беседа развивается вокруг тем: детство, школа, семья, друзья, творчество, пристрастия, планы, будущее страны. Границы МДЕ в интервью на ютубе часто обозначаются заставкой блога «Ещепознер», новые темы внутри МДЕ подчеркиваются невербальным компонентом (фотография, историческая справка), также используются отрывки из фильма, выполняющие функцию передачи эмоционального состояния собеседника (например, при рассказе о детстве Звягинцева в качестве фона используется фрагмент из фильма «Нелюбовь»).

Интерес представляет тематическое оглавление интервью с таймером.

О чем это интервью:

[1:18](#) что важнее для Звягинцева - семья или работа?

[2:21](#) кем работает жена Звягинцева?

[5:12](#) «Тачки» или «Возвращение»?

[5:55](#) надо ли показывать детям классику советского кино?

[6:30](#) Норштейн и Миядзаки

[8:46](#) какой фильм Тарковского любимый у Звягинцева?

[10:29](#) смотрит ли мама Звягинцева его фильмы?

[14:28](#) что читает сын Звягинцева? (Solodnikov- Zvyagincev 2018)

В оглавлении показаны тематические линии интервью на уровне содержательно-фактуальной информации, они помогают ориентироваться в объектах беседы, но не дают никакой информации о модальном плане интервью, которое составляет основное содержание интервью, представленное в ответах.

Большинство МДЕ в интервью со Звягинцевым представляют собой оценочные (характеризующие) МДЕ. Вводные реплики-стимулы часто включают в себя позицию (мнение) журналиста: «Вот у нас в доме моя Катя очень ругает меня за то, что что я нашим детям / я приучаю смотреть классику советского кино. А Вы как смотрите на это?» – «Ну, мне кажется, можно. Вот я показал / ну, во-первых, он/ года 2 ему было/ затер до дыр сказку сказок, и ясное дело, Ежика в тумане».

Много идентифицирующих МДЕ, представляющих собой самохарактеристику (характеристику взаимоотношений с отцом): «на кого вы больше похожи: на маму или на папу?» - «А я просто не знаю отца, практически не знаю. А внешне ... Мне было 4-5 лет (...) Помню только сцену расставания. Она такая была

кинематографической. (...) Один раз еще одна сцена, которой мне не хочется даже вспоминать. А третий раз он просто проезжал через Москву".

Диалог строится по принципу подхватывающих реплик (а у меня- а у меня, а я – я тоже): «У меня отец умер в 2014 году/ и вот/ я не поехал на похороны» - «Я тоже не поехал на похороны». Беседа представляет собой диалог-унисон равноправных собеседников. Спокойный тон способствует развитию таких типов речи, как объяснение. Так, Звягинцев объясняет свой поступок: «Я представил себе эту картину. Люди, которых я не знаю. Совсем. Ну то есть мы не общались никогда. (...) И я сразу понял, что я там просто будучужой какой-то элемент».

Основу характеризующих и оценочных высказываний собеседника составляют высказывания с я-темой и характеризующей рематической доминантой: «Для меня работа очень важна, она не просто часть моей жизни, я без нее просто не могу дышать. Вот это определяющая основа моей жизни. Ну, то есть без работы, без творчества, без сомнений этих, без всех этих тревог и счастливых минут ... (перебивает) Семья страдает от этого?».

В целом можно сделать вывод о возрастания роли личностного начала в общения между участниками интервью в YouTube-формате. Это общение стремится к переходу в межличностное интеллектуальное фатическое общение, что отражается в характере взаимосвязи минимальных диалогических единиц в композиционном целом. Минимальные диалогические единицы связаны между собой не логическими отношениями обусловленности, а параллельной ассоциативной связью, характерной для фатического общения. Выявленные особенности интервью в YouTube-формате свидетельствуют об усилении роли интервью в процессе самопознания личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В своем интервью платформе «Бумага» Николай Солодников говорит: «Мне важно, чтобы у нас с героем получился доверительный разговор на равных, у меня нет задачи спровоцировать собеседника. Это не интервью в чистом виде, я хочу, чтобы мы с человеком друг друга услышали. Я доверяюсь самому разговору и тому, куда он приведет.

Я могу во многом не соглашаться с людьми, с которыми общаюсь, но четко понимаю, что мы друг другу не враги. Нет ни одной более или менее серьезной причины ненавидеть друг друга, как бы мы по-разному ни относились к Путину, Кадырову, искусству и так далее. Это я и хочу сообщить зрителю» (Chirin 2018).

Это высказывание как нельзя лучше характеризует цель автора видеоблога «Ещенепознер» - организовать доверительный разговор на равных. Отсутствие четкой логической заданности вопросов интервьюера, их естественное появление в продолжение разговора создает атмосферу беседы двух равноправных личностей. В данном формате меньше игры на публику, больше погружения в собственные размышления. Это демонстрация возможности говорить на равных, уважительно, без истерик и провокаций.

LIST OF REFERENCES

- Cherednichenko T. (1999) Rossiya 1990-hvsloganah, rejtingah, imidzhah/ Aktual'nyjleksikonistoriikul'tury. [Russia of the 1990s in slogans, ratings, images/ Actual lexicon of the history of culture]M.: Novoeliteraturnoeobozrenie. 416 p.
- Chirin V. (2018) Avtorshou «Eshchenepozner» Nikolaj Solodnikov — o «neyut'yubovskih» geroyahirazniceproekta s «vDudem» i «Dialogami». [The author of the show "Notyetposner" Nicholas Solodniki — on "not YouTube" heroes and difference project with the "vDud" and "Dialogues"//] [https://paperpaper.ru/avtor-shou-eschenepozner-nikolaj-solo\[27.04.2019\]](https://paperpaper.ru/avtor-shou-eschenepozner-nikolaj-solo[27.04.2019])
- Konstantyuk V.A. (2012) YuoTube: zhelanie v media iserijnost'. [YouTube: Desire in Media and Seriality]. Mezhdunarodnyjzhurnalissledovaniikul'tury. 3 (8) (p.p. 42-51)
- Lushchikov V. A., Terskih M. V. (2018) Zhanrovo-tematicheskiesobennostivideoblogov[Genre and thematic features of video blogs]VestnikTambovskogouniversiteta. Seriya: Obshchestvennyenauki.. T.4. №14.(p.p.57-75).
- Mansurova V. D. (2002) Zhurnalistskayakartinamirakakfaktorsocial'nojdeterminacii. [Journalistic picture of the world as a factor of social determination.] Barnaul: Izd-voAltajsk. gos. un-ta, , 237 p.
- Popova T.I. (2012) Teleinterv'y u v kommunikativno-pragmaticheskomaspekte. [TV Interview in communicative and pragmatic aspect.] Sankt-Peterburg: Filologicheskijfakul'tetSPbGU. 220 p.
- Rozhdestvenskij YU.V. Teoriyaritoriki. [Theory of rhetoric](p. 372) 2-e izd. M.: Dobrosvet, 1999. 597 p.
- Solodnikov N.- Zvyagincev, (2018) Eshchenepozner[Notyetposner][https://flash-player.net/video/Nbx8iw7JHqQ/zvyagincev-lichnaya-zhizn-brodskij-«tacki»-putin-eschenepozner.html\[12.11.2018\]](https://flash-player.net/video/Nbx8iw7JHqQ/zvyagincev-lichnaya-zhizn-brodskij-«tacki»-putin-eschenepozner.html[12.11.2018])
- Timchenko I. (2017). Vozvrashchenieavtorskojzhurnalistik. [The return of the author's journalism.]Zhurnalist(3) [https://jrnlst.ru/vozvrashchenie-avtorskoj-zhurnalistik\[14.03.2017\]](https://jrnlst.ru/vozvrashchenie-avtorskoj-zhurnalistik[14.03.2017])

For citation:

Popova, T. (2019) THE SPECIAL FEATURES OF CONTEMPORARY INTERVIEW FORMAT ON YOUTUBE CHANNEL. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 113-117. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-113-117>

Для цитирования:

Попова, Т.И. (2019) ОСОБЕННОСТИ ФОРМАТА СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРВЬЮ НА YOUTUBE-КАНАЛЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 113-117. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-113-117>

Information about the author: Tatiana Popova –Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a foreign language and its teaching methods of St Petersburg State University, Russia

e-mail: t.popova@spbu.ru

Сведения об авторе: Татьяна Игоревна Попова – Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

e-mail: t.popova@spbu.ru

Manuscript received: 05/26/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-117-122>

**POLYCODE TEXT IN INTERNET COMMUNICATION
(BASED ON THE MEDICAL ACCOUNTS INSTAGRAM)**

Evgeniya Vladimirovna Volkova
Head of Russian Language Testing Center, postgraduate student,
Department of Russian Language, School of Core Engineering,
National Research Tomsk Polytechnic University
(Tomsk, Russia)
e-mail: evolkova@tpu.ru

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09132.

Abstract. The paper deals with the communicative and pragmatic potential of the polycode text in medical Internet communication. The material is media texts of a new type - posts of professional doctors' accounts in the social network Instagram. The choice of material is due to the specifics of the technological tools of the mobile application, as well as the popularity of using the social network for personal and professional communication on the Internet. The processes of construction and perception of different types of polycode texts are analyzed, the ways of complex influence on the mass addressee of language, visual, graphic, audial means in the media text are identified. It is established that the multimedia and interactive features of the social network Instagram allow representatives of the medical community to successfully implement professional Internet communication strategies and effectively influence the target audience through a combination of verbal and non-verbal components in a polycode text.

Keywords: polycode text, media text, Internet communication, Instagram, medical communication.

**ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКИХ АККАУНТОВ INSTAGRAM)**

Евгения Владимировна Волкова
Заведующий Центром тестирования иностранных граждан,
аспирант отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
(Томск, Россия)
e-mail: evolkova@tpu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-29-09132.

Аннотация. В статье рассматривается коммуникативно-прагматический потенциал поликодового текста в медицинской интернет-коммуникации. В качестве материала выступили медиатексты нового типа – посты профессиональных аккаунтов врачей в социальной сети Instagram. Выбор материала обусловлен спецификой технологических инструментов мобильного приложения, а также популярностью использования социальной сети для личного и профессионального общения в Интернете. Анализируются процессы конструирования и восприятия поликодовых текстов разного типа, выявляются способы комплексного воздействия языковых, визуальных, графических, аудиальных средств на массового адресата. Устанавливается, что мультимедийные и интерактивные возможности социальной сети Instagram позволяют представителям медицинского сообщества успешно реализовать стратегии профессиональной интернет-коммуникации и

эффективно воздействовать на целевую аудиторию посредством сочетания вербальных и невербальных компонентов в поликодовом тексте.

Ключевые слова: поликодовый текст, медиатекст, интернет-коммуникация, Instagram, медицинская коммуникация

ВВЕДЕНИЕ. Современные социально-экономические условия клиенто-ориентированности и конкуренции определили активное обращение профессиональных сообществ, в том числе медицинского, к массовой интернет-коммуникации. В соответствии с тенденцией к личной самопрезентации врачи создают профессиональные аккаунты в социальных сетях для общения с массовой аудиторией на темы, связанные с медициной и здоровьем. Научный интерес к новым коммуникативным практикам в профессиональном дискурсе определяет актуальность анализа медицинской коммуникации в глобальной сети.

Профессиональные тексты в интернете создаются по общим законам медиатекстов и обусловлены медиадискурсивными процессами, усиливающими информационное воздействие на массового адресата: медиаконвергентностью, мультимедийностью, трансмедийностью, интерактивностью. Медиатекст функционирует как «диалектическое единство языковых и медийных признаков, представленное тремя формами медиаречи: словесным текстом, уровнем видеоряда или графического изображения, уровнем звукового сопровождения» (Nesterova 2015: 20), и характеризуется гипертекстуальностью, полижанровостью, поликодовостью.

Объектом данного исследования является поликодовость как онтологическое свойство медиатекста (Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar-spravochnik 2018: 88). Предметом выступают коммуникативно-прагматические возможности поликодового текста в медицинской интернет-коммуникации. Цель исследования заключается в выявлении способов воздействия на целевую аудиторию посредством сочетания вербальных и невербальных компонентов в медицинском медиатексте в социальной сети Instagram. Материалом послужили посты профессиональных аккаунтов врачей. Выбор материала обусловлен спецификой соцсети Instagram, предполагающей репрезентацию языковой личности пользователя в медиатекстах, онтологическим свойством которых является семиотическая неоднородность, а также популярностью использования мобильного приложения для личного и профессионального общения в Интернете.

ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ В INSTAGRAM. В отечественной лингвистике отсутствует единый общепринятый термин для обозначения текстов, сочетающих вербальные и невербальные средства. Наряду с термином *поликодовый*, разными исследователями предлагаются такие определения, как *креолизованный*, *семиотически сложенный*, *вербально-визуальный* тексты т.д. (там же). В данном исследовании используется понятие *поликодовый текст* как текст, сочетающий «естественный языковой код с кодом иной семиотической системы (изображения, музыка и т.п.)», введенный лингвистами Г.В. Ейгером и В.Л. Юхтом в 1974 году (Ejgerand Juht 1974: 107).

Выбор определения обусловлен его неразрывной связью с понятиями *медиаконвергентность* и *мультимедийность*, характеризующими современный медиадискурс. Медиаконвергентность как процесс слияния различных типов массмедиа в результате развития интернет-технологий позволяет преобразовывать «мономедийные информационные продукты в мультимедийные» (Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar-spravochnik 2018: 43), что в значительной степени определяет современную специфику технического конструирования текста, в котором вербальные, музыкальные, изобразительные компоненты взаимодополняют друг друга и комплексно воздействуют на адресата.

Лингвисты отмечают, что поликодовый текст, как и текст вербальный, обладает основными текстуальными признаками: целостностью и связностью, текстовой модальностью, темпоральностью и локативностью; характеризуется взаимосвязанностью и взаимообусловленностью содержательного плана и формальной стороны, выраженной вербальными, иконическими и паралингвистическими средствами, и таким образом являет собой смысловое, композиционное и функциональное целое (Anisimova, 2003).

Поликодовость сообщений в Instagram определяется своеобразием мобильного приложения, особенностью которого является размещение пользователями статичного или подвижного визуального компонента (фотография, картинка, видеоролик), который может сопровождаться звуком или музыкой, с последующим добавлением печатного текста. Кроме того, фотосеть предлагает различные мультимедийные функции, позволяющие воздействовать на аудиторию посредством разных каналов восприятия информации: хештег (специальная метка, систематизирующая контент), stories (фото и видео, исчезающие через сутки), «карусель» (размещение в одном посте до десяти фотографий и видеороликов), сервис IGTV (для воспроизведения продолжительных видеороликов).

Анализируя технологические инструменты Instagram, исследователи высоко оценивают возможности социальной сети в области коммуникации и взаимодействия с целевой аудиторией (Geraskina 2018).

АНАЛИЗ МЕДИЦИНСКОГО ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА. Исследование поликодового медиатекста в коммуникативно-прагматическом аспекте предполагает учет всех составляющих интернет-коммуникации. При создании текста адресат опирается на определенные коммуникативные цели, для реализации которых использует наиболее эффективные коммуникативные стратегии и тактики, а также мультимедийные возможности современных средств массовой коммуникации.

Представители медицинского сообщества активно используют канал Instagram: специализированные аккаунты – для коммуникации с пациентами и формирования профессионального имиджа, коллективные

паблики – для неформального общения с коллегами и презентации медицинского сообщества. В фокусе внимания данного исследования находятся медиатексты, созданные и размещенные врачами в личных профессиональных аккаунтах.

Значимость эффективной коммуникации в медицинском дискурсе определяется реализацией основной цели взаимодействия врача и пациента – оказать помощь заболевшему человеку. На разных этапах медицинского общения исследователи выделяют диагностирующую, лечущую и рекомендующую коммуникативные стратегии, воздействующие на поведение человека (Barsukova 2007). «Медицинский дискурс характеризуется высокой степенью суггестивности, врач должен внушать пациенту доверие и формировать установки, способствующие успешному лечению» (Dzagaeva and Rogozhnikova 2014: 48). Вследствие опосредованного и дистантного характера общения в Интернете происходит трансформация коммуникативных стратегий медицинского дискурса. Задачами коммуникации становятся информирование и просвещение массовой аудитории в области медицины и здорового образа жизни. К медицинским добавляются стратегии формирования целевой аудитории, вовлечения в диалог и удержания адресата, обусловленные основной целью медиадискурса – воздействие на массовую аудиторию.

Необъятный массив информации в Интернете вынуждает авторов создавать поликодовые тексты, обладающие «высокой информационной емкостью и прагматическим потенциалом – значит, реципиенту требуется меньше времени на схватывание идеи сообщения, а само сообщение значительно сокращается без потери смысла» (Povarnitsyna 2015: 2). В качестве прагматических целей создания поликодовых медиатекстов выделяют функции привлечения внимания адресата, информативную, побудительную, экспрессивную, а также эстетическую или игровую (Anisimova 2003; Povarnitsyna 2015). Данные функции относятся и к текстам, размещенным на страницах медицинских аккаунтов в Instagram.

Рассмотрим несколько способов воздействия на «массового пациента» на примере реализации коммуникативной модели «вопрос – ответ» посредством сочетания вербальных и невербальных компонентов в медиатекстах. Выбор диалогической конструкции вопроса и ответа в качестве примера обусловлен ядерной позицией данной модели в устном медицинском дискурсе, а также традиционным использованием ее риторических функций в медиадискурсе.

В Instagram данная модель реализует основные стратегии медицинской медиакommunikации: информирование, просвещение, рекомендацию, а также активно используется для формирования целевой аудитории. Интерактивные возможности социальной сети позволяют прогнозировать ожидания массового адресата, врач моделирует предполагаемый вопрос пациента и отвечает на него, вовлекая в коммуникацию именно тех пользователей, которые заинтересованы в данном контенте.

Одним из способов оформления модели «вопрос – ответ» в поликодовом тексте является использование вопросительного предложения (вопроса пациента) или утвердительного предложения (ответа врача на предполагаемый вопрос) в изобразительном элементе в качестве *заголовка* сообщению. В данном типе медиатекста изображение является иллюстрацией к основному вербальному тексту и способствует упрощению восприятия информации адресатом (рис. 1).

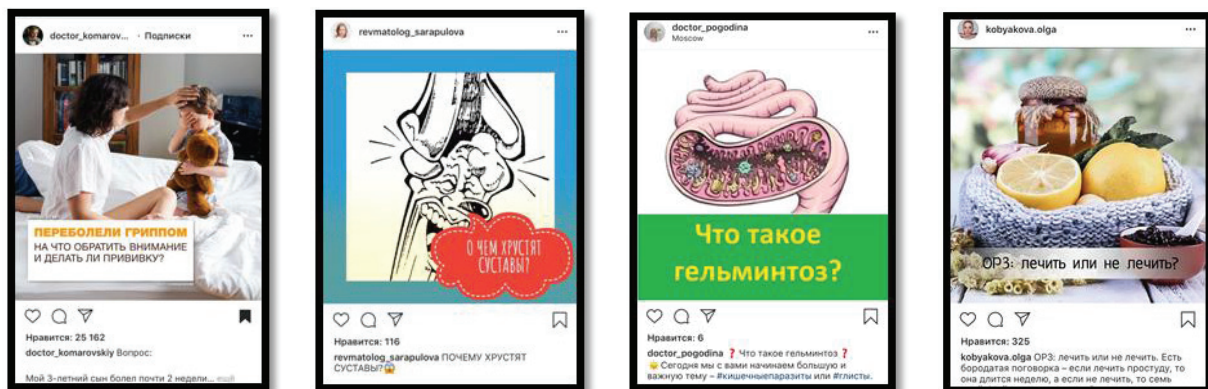

Рис.1. Примеры реализации «вопроса – ответа» в заголовке (Instagram, моб. приложение)

При анализе вербального текста в Instagram отмечаются следующие способы реализации: использование эмодзи, фрагментация текста, создание нумерованных или маркированных списков, редупликация или отсутствие знаков препинания, выделение ключевых слов прописными буквами, внедрение хештегов в синтаксические конструкции и т.д.

В связи со спецификой медицинской деятельности объектом визуализации часто становятся человеческий организм, части тела и органы. Такие изображения, как правило, носят метафорический характер и используются с целью эвфемизации информации, в целом свойственной общению врача и пациента. Вместо реальных

фотографий человеческого организма для иллюстрации симптомов и последствий заболеваний размещаются рисунки, схемы, изображения неодушевленных объектов. Также рисунок позволяет продемонстрировать, что невозможно увидеть на реальной фотографии, выступая средством наглядности (рис. 1).

При создании постов в Instagram медицинские блогеры активно обращаются к популярной тенденции использования игрового элемента в заголовке, представленного выбором двух противоположных ответов на предложенную тему, что стимулирует адресата прочитать текст под изображением (рис. 1).

Следующий способ воспроизведения модели «вопрос-ответ» в поликодовом тексте – это размещение вопроса и ответа непосредственно в визуальной части поста. Изображение (или видео) занимает доминирующую позицию в процессе восприятия текста и берет на себя функцию **информационного плаката**, вербальный компонент под изображением представляет собой короткий дополняющий или уточняющий комментарий, а может и вовсе отсутствовать (рис. 2).

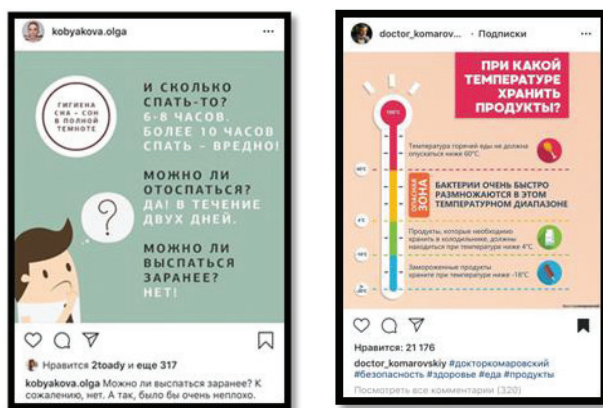

Рис.2. Примеры реализации «вопрос – ответа» на информационном плакате (Instagram, моб. приложение)

Тем не менее печатный или устный текст, включенный в визуальный компонент, остается ведущим в процессе реализации стратегий медицинского дискурса и представлен инструкцией, советом, рекомендацией, запретом, а изображение или видео выполняют аттрактивную функцию, усиливая информационное воздействие на массового адресата. Для креолизации вербального текста используются различные паралингвистические средства: рисунки, графики, таблицы, списки, цветовое выделение, шрифты, цифры и т.д. Информационные плакаты акцентируют внимание на главном, систематизируют информацию и облегчают ее восприятие, а следовательно, экономят время читателя.

С целью сокращения времени восприятия медиатекста и экономии речевых средств инстаблогеры обращаются к функции **карусель**: серия последовательных изображений или видеоэлементов, сменяющих друг друга, позволяет разместить большой объем информации в визуальной части поста (рис. 3).

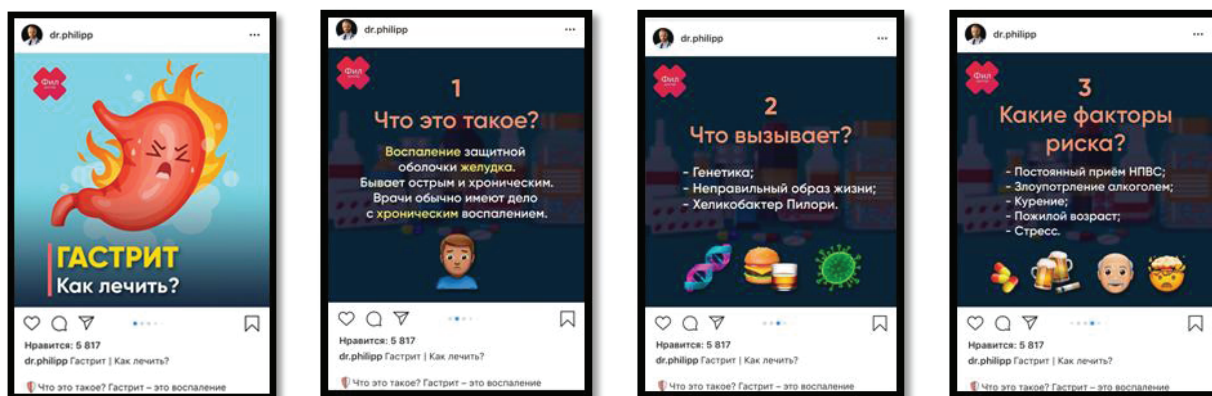

Рис.3. Примеры реализации «вопрос – ответа» в карусели (Instagram, моб. приложение)

Коммуникативная модель «вопрос – ответ» реализуется в постах, визуальным компонентом которых является видеоролик, имитирующий **консультацию** врача. Особенностью использования видеоэлементов в специализированном профиле является дублирование устной информации в печатном тексте под видео или субтитрами, всплывающим текстом в самом видео. Многоканальность таких медиатекстов предоставляет адресату возможность самостоятельно выбирать удобный способ получения информации. Для подробных устных консультаций используются возможности сервиса IGTV, позволяющего размещать продолжительные видео.

В связи с интерактивностью социальной сети Instagram модель «вопрос – ответ» используется медицинскими блогерами при создании *имиджевых текстов* самопрезентации и презентации медицинского сообщества. Врачи создают специальные посты, в которых предлагают задавать вопросы в комментариях. Также вопрос может быть представлен риторическим обращением автора к адресату с целью установления контакта и вовлечения в диалог на различные темы.

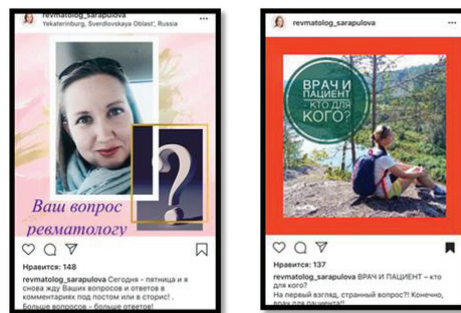

Рис.4. Примеры реализации «вопроса – ответа» в имиджевом тексте (Instagram, моб. приложение)

Такие поликодовые тексты реализуют стратегию формирования целевой аудитории, в качестве невербального компонента традиционно используется фотография или видеоролик врача, в создании вербального текста под изображением активное участие принимают подписчики аккаунта (рис. 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В рамках данной статьи представлено несколько способов реализации в поликодовых текстах Instagram только одной коммуникативной модели «вопрос – ответ». Однако данный анализ позволяет сделать следующие выводы, в целом характеризующие комплексное воздействие визуальных, вербальных и аудиокомпонентов медиатекста на адресата интернет-коммуникации.

Основным способом информирования и просвещения «массового пациента» по-прежнему остается вербальный компонент сообщения, представленный письменным или устным текстом. Визуальный компонент используется в качестве иллюстрации и систематизации информации.

Оформление визуальной части в виде инструкции или руководства к действию посредством графических средств, таблиц, фрагментации, нумерованных или маркированных списков, способствует упрощению восприятия текста и экономии времени и усилий адресата. Дополнительные средства креолизации текста (цветовое выделение, использование эмодзи, разных шрифтов, музыкального сопровождения и т.п.) выполняют побудительную, экспрессивную, игровую, эстетическую функцию с целью привлечения внимания к специализированному контенту. Многоканальность воспроизведения информации в поликодовых текстах предлагает адресату выбор наиболее комфортных для него способов восприятия.

Таким образом, социальная сеть Instagram предоставляет медицинским блогерам широкий спектр мультимедийных возможностей для создания поликодового текста, позволяющего успешно реализовать стратегии медицинской интернет-коммуникации и эффективно воздействовать на целевую аудиторию.

LIST OF REFERENCES

- Anisimova E.E. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkulturaia kommunikatsiia (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Text linguistics and cross-cultural communication (on the material of creolized texts)]. Moscow: Akademiya Publ., 128 p.
- Barsukova M.I. (2007) *Meditsinskiy diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Medical discourse: strategies and tactics of doctor's speech behavior: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Saratov. 23 p.
- Dzaraeva N.A., Rogozhnikova R.A. (2014) *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha* [Strategies and tactics of medical staff verbal behavior]. *Vestnik PSPU. Seriya № 1. Psikhologicheskiiye pedagogicheskiye nauki*, pp. 47-53.
- Ejger G.V., Juht V.L. (1974) *K postroeniyu tipologii tekstov* [Construction of text typology]. *Lingvistika teksta: materialy nauch. konf. pri MGPII Jaim. M. Toreza*. Moscow. Ch. 1 pp. 103-109.
- Geraskina M.V. (2018) *Instagram kak perspektivnyy instrument dlya reklamnoy kampanii v Internete* [Instagram perspective tool for internet marketing]. *Journal of science and education*. no. 12 (48). pp. 83-87.
- Medialingvistika v terminakh ponyatiyakh: slovar-spravochnik* (2018) [Metalinguistics in terms and concepts: glossary]. Moscow: FLINTA. 440 p.
- Nesterova N.G. (2015) *Sovremennyye radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt)* [Modern radiodiskurs (communicative-pragmatic aspect)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 320 p.
- Povarnitsyna M.V. (2015) *Специфика креолизованных текстов в массовой интернет-коммуникации* [Creolized text specifics in mass Internet communications]. *Universum: Filologiya i issledovaniye: electronic scientific journal*. no. 6 (19). <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2219> [20.04.2019].

For citation:

Volkova, E.V. (2019) POLYCODE TEXT IN INTERNET COMMUNICATION (BASED ON THE MEDICAL ACCOUNTS INSTAGRAM). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 117-122. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-117-122>

Для цитирования:

Волкова, Е.В. (2019) ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКИХ АККАУНТОВ INSTAGRAM)// International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 117-122. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-117-122>

Information about the author: Volkova Evgeniya Vladimirovna – Head of Russian Language Testing Center, postgraduate student, Department of Russian Language, School of Core Engineering, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

e-mail: evolkova@tpu.ru

Сведения об авторе: Волкова Евгения Владимировна – Заведующий Центром тестирования иностранных граждан, аспирант отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия.

e-mail: evolkova@tpu.ru

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

THEORY AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-123-127>

CULTURE IN THE SPACE OF LINGUODIDACTIC CONCEPTOLOGY

Elena G. Tareva

Doctor of Education, Professor

Moscow City University, Institute of Foreign Languages,

Head of French Department

(Moscow, Russia)

e-mail: elenatareva@mail.ru

Abstract. This paper concerns a methodologically significant issue that reveals the underlying processes of the development of scientific knowledge in the field of methods of teaching foreign languages. It introduces the *concept* as a basic unit in “conceptology” and “linguconceptology”. The study identifies the values and key (threshold) concepts in the field of foreign language teaching methodology and shows how the evolution of a key concept demonstrates the development of scientific knowledge. The object under study is the concept of “*culture*” in the linguistic educational perspective. The factors that determine the transformation of the concept are justified. They are linked to a change in educational paradigms.

Keywords: concept, culture, lingvodidactic values, axiosphere, postmodern stage of language teaching methodology, information paradigm

КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Елена Генриховна Тарева

Доктор педагогических наук, профессор

Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет,

Заведующий кафедрой французского языка и лингводидактики

(Москва, Россия)

e-mail: elenatareva@mail.ru

Аннотация. Данная статья касается методологически значимой проблемы, раскрывающей основные процессы развития научного знания в области методики преподавания иностранных языков. В ней рассматривается культура как один из ключевых концептов «концептологии» и «лингвоконцептологии». В публикации определены ценности и ключевые (пороговые) концепты в области методологии преподавания иностранного языка и показано, как эволюция ключевого концепта демонстрирует развитие научных знаний. Объектом исследования является понятие «культура» в лингвистической образовательной перспективе. Автор раскрывает факторы, определяющие трансформацию данного концепта. Они связаны с изменением образовательных парадигм.

Ключевые слова: концепт, культура, лингводидактические ценности, аксиосфера, неклассический этап теории обучения иностранным языкам, информационная парадигма

ВВЕДЕНИЕ. Концептология – это область знаний в лингвистике, которая интенсивно исследуется в работах последних десятилетий. Под нею понимается раздел междисциплинарной когнитивной науки, изучающий понятия – ментальные единицы сознания, операционные единицы памяти, концептуальные системы, кванты структурированного знания (Porova, Sternin 2001). Интерес к понятиям как фрагментам картины мира – представлениям человека об окружающем пространстве – не случаен. Антропоцентрическая парадигма, определившая поворот научной мысли к человеческому сознанию и действиям, предусматривает повышенный интерес к описанию психических процессов, ответственных за познание (от латинского *cognito* “знание, познание”) человека – процесс познания, мыслительной обработки информации. Хотя концептуальный анализ часто конфликтует с современными формами построения теории, он является творческим источником для теоретизирования, который принимает неустойчивую, политическую и контекстно-зависимую природу онтологии (Berenskoetter 2016).

Поскольку вектор развития знания, предопределивший торжество антропоцентрической парадигмы, оказался весьма привлекательным для обновления / модернизации / изменения научных идей, возникла острая необходимость экстраполировать когнитивные модели интерпретации научных явлений на различные исследования в гуманитарных областях: философии, истории, политологии и даже образования. Концептология наиболее интенсивно развивается в недрах лингвистики и культурологии, а также лингвокультурологии, синергии этих научных направлений. Именно "лингвоконцептология" являет собой то направление, которое сегодня изучается наиболее интенсивно, решая задачу развития (преформатирования) классической структурно-функциональной семантики, обогащая ее данными из области культурологии, когнитивистики, социологии, истории и других смежных областей знания. Лингвоконцептология, таким образом, ставит своей целью изучение преимущественно национально-культурной части ментального лексикона – концептов, выражение которых представлено практически неограниченным числом языковых единиц (Vorkachev 2014). Изучение этих явлений оказалось весьма продуктивным, поскольку модель (основанная на методах компонентного анализа и теории поля) описания и осмысления сложных психических единиц характеризуется культурной спецификой и выражается средствами языка. Попытки дискредитировать лингвокультурологическую направленность исследований в целом и лингвоконцептологию в частности (Pimenova 2013) не смогли снизить их эвристическую обоснованность и, следовательно, значимость.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ. Возникает необходимость выявления ключевых понятий в различных областях знаний. Целью настоящей статьи является изучение ключевого понятия "культура" в контексте методики преподавания иностранного языка, установление динамики развития этого понятия, выявление связи его трансформации с изменениями ведущих парадигм данной области знания.

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ. Сама идея описания, категоризации, классификации единиц ментального уровня лексики человека невероятно продуктивна. И ее продуктивность в современную эпоху постмодернизма только усилилась, поскольку именно сегодня наука находится в состоянии синтеза того, что ранее не согласовывалось (в силу своего рода табуированности): рационального и иррационального, синхронного и асинхронного, системного и переменного, коллективного и индивидуального.

Сложившаяся методология описания концептов привлекает внимание ученых из различных областей знания. Историческая концептология имеет дело с историческими концептами, которые были установлены и функционируют в сфере исторического дискурса (Møller 2015). Обращение к концептам проявляется в науке о языковом образовании. Американский ученый Эбру Туркер пишет о роли концептуального и лингвистического знания в области первого языка (L1) при освоении второго языка (L2) (Türker 2016). В образовательных и социологических исследованиях концепт способен трактоваться как метод исследования (Taguchi, St. Pierre, 2017), обоснована роль "концептуальных карт" в обучении взрослых учащихся (Biniecki, Conceição, 2015). Исследователи разрабатывают критерии определения адекватности того или иного концепта заданной задаче в социальной практике и науке (Howie, Bagnall, 2018).

Одной из значимых проблем концептологии в любой сфере ее применения является, по мнению ученых, выбор базовых, ключевых, пороговых концептов. Каждая научная область решает этот вопрос по-своему. Например, среди понятий, объективированных в языке, основными считаются те, которые составляют основу языка и всей картины мира (Pimenova 2013). В исторической концептологии, ориентированной на описание концептуального исторического мышления, некоторые вопросы в настоящее время приобретают особую актуальность, а ответы на них влияют на решение и интерпретацию сакраментальных проблем российской исторической науки. С этой точки зрения такие понятия (выраженные, кстати, довольно метафорически), как "русский путь", "русская душа", "русская власть", "русский мир" и др. являются ключевыми. Эти образы, будучи внешне историческими реалиями, отчужденными от личности, составляют своеобразный "мир истории" (Istoricheskaja konceptologija, URL).

Нетрудно заметить, что выделение ключевых понятий носит условный характер и вряд ли может быть строго формализовано в той или иной нормативной базе и, соответственно, общепризнано. Несмотря на объективные трудности, в каждой области научного знания сложилось четкое представление о тех ценностных основаниях, смыслах и ключевых идеях, без которых соответствующая научная картина мира была бы немислима. Для методики преподавания языка одним из таких понятий (понятий) является *культура*.

Интерпретация культуры в концептуальном измерении – это естественное явление. По словам Ю.С. Степанов, концепт – это, с одной стороны, сгусток культуры в сознании человека, то, как культура входит в ментальный мир человека, а, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – обычный человек, а не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее. Концепт – это основная клетка культуры в ментальном мире человека (Stepanov 2000). Очевидно, что понятия культуры и концепта неразделимы, и изучение культуры в когнитивном ракурсе более чем оправдано.

Концепт "культура" рассматривается в различных областях научного знания. Например, он изучается в связи с культурной эволюцией, разработанной культурно-эволюционной наукой (Palecek 2019). Ученых интересует изучение концептуальных гештальт-подходов к культуре и образованию: "культура как образец", "культура как граница", "культура как авторство", "культура как критический диалог" (Matusov., Marjanovic-Shane 2016). В настоящее время изучается вопрос об использовании "пороговых концептов" и их применения к культуре преподавания (Nahavandi 2016).

RESULTS AND DISCUSSION. Культура – это понятие, присутствие которого в системе и структуре методики преподавания языка абсолютно естественно: на сегодняшний день никто не имеет права ставить под сомнение

ее значимый статус. Интересно проследить историческую трансформацию понимания культуры как концепта методики преподавания иностранного языка.

Культура во все времена была неперенным компонентом науки об обучении иностранному языку как проводнику культуры, как ее фиксатору и средству передачи из поколения в поколение. Начало интереса к культуре как лингводидактическому явлению связано с первыми попытками описания переводческих методов обучения иностранным языкам. В содержании переводческого метода внимание фиксируется на культурных фактах, передаваемых преподавателем через оригинальные классические тексты. Надо признать, что в тот период культура представляла собой собирательный образ и являлась проявлением общечеловеческих ценностей. Позднее, в классический период развития методики преподавания языка, культура рассматривалась в ее жесткой корреляции исключительно со страной изучаемого языка (изучение (другого) языка и (другой) культуры). Такое отношение к культуре как к лингводидактическому концепту и поныне доминирует как в сознании ученых и мыслителей, так и во взглядах практикующих педагогов, авторов учебников, разработчиков электронных учебных ресурсов и пособий.

При всей кажущейся незыблемости такой трактовки культуры как ключевого концепта методики преподавания иностранного языка в определенный момент у исследователей возникли сомнения в обоснованности этой точки зрения и даже некоторой ее опасности. Когда культура целевой страны становится доминирующей, возникают условия для этноцентризма и даже культурного империализма – навязывания принципов одной культуры другой. Стремление рассматривать все факты мира через призму одной – изучаемой – культуры, несомненно, наносит урон культуре родной. Статус последней в этих образовательных условиях скорее вторичен: являясь средством обучения, родная культура создает лишь фон для понимания сходств и различий по сравнению с культурой носителей изучаемого языка, для принятия решений о возможности культурного переноса или опасности культурной интерференции.

Период торжества такой интерпретации статуса культуры в лингводидактике подошел к своему финалу в начале XX века. К этому моменту концепт “культура” усложнился, стал многогранным, в нем стали проявлять себя две взаимодействующие культуры – иностранная и родная. Наступил период, при котором ключевую значимость приобрел концепт “диалог культур”. Как следствие, на смену культурному империализму пришел “дух” этнорелятивизма, подразумевающий понимание чужой культуры исключительно в контексте родной культуры. Это создает основу для диалогического сознания языковой личности, овладевающей иностранным языком. В то же время картина мира учащегося обогащается, находясь под мощным влиянием двойного влияния другой культуры, собственной культуры и взаимодействия (диалога) этих культур (Tareva, Tarev 2017).

Такое изменение отношения к культуре как ключевому концепту методики преподавания иностранного языка является следствием развития научных парадигм, предопределивших существенные изменения в различных науках, в том числе в лингводидактике. Информационная парадигма привела к возникновению и укреплению определенного образа культурных ценностей и традиций, которые, развиваясь в соответствии с историческими условиями, характеризуются состоянием неопределенности, хаоса, непредсказуемости мира и человека в нем. В этих условиях именно диалог культур является особенно ценным понятием, создающим основу для межкультурной образовательной идеологии. Такая идеология проявляется в формате *межкультурного подхода к изучению иностранных языков*. Данный подход предполагает учет в процессе обучения обязательного взаимодействия контактирующего языка и концептуальных систем участников коммуникации-представителей двух языковых сообществ. Его доминантой является равенство и эквивалентность в сознании студента двух культур, вступающих во взаимодействие.

Идея межкультурного иноязычного образования стала прорывом в системе модернизации процессов обучения иноязычному общению человека, готового участвовать в сложных коммуникативных процессах со своим возможным (а иногда и вполне реальным) конфликтным потенциалом, который определяется информационной геополитической парадигмой. В таких условиях содержание процесса подготовки к межкультурной коммуникации должно приобретать аксиологические характеристики, становиться духовно-нравственным, эмоционально ценным, “созидательным”, прагматически заряженным. Реализация межкультурной идеологии в процессе обучения сможет положительно влиять на мировоззрение студентов, расширяя его, делая многополярным. Такая идеология показывает путь к достижению культурного непредвзятости релятивизма как эпистемы современности, императива эпохи информационной парадигмы.

Как и любой концепт, культура изменяется под влиянием научного пространства познания объективных обстоятельств. Последние события в мире определили внезапное “охлаждение” к диалогу культур как ценностной методологии. Споры возникли вокруг вопроса о том, что именно является объектом овладения студентами – умение вступать в диалог культур или готовность к “не-диалогу” культур. Были попытки девальвировать роль диалога культур, воспринять его как недостижимую мечту, доказать, что диалог культур – это не что иное, как миф (Baryshnikov 2016). В последнее время об этом много написано в российской и зарубежной науке. На страницах журналов (особенно журнала “Dialogues in Human Geography”) ведется активная дискуссия о границах диалога (Rose-Redwood et. al's, 2018), возможности космополитического диалога (Qian 2018). Авторы уделяют внимание вопросу о том, что значит отказ от диалога (Wright 2018; Mott, Cockayne 2018).

По мнению Н.В. Барышникова, диалог культур – красивая метафора. В реальности же культуры не ведут диалог друг с другом; вербальный диалог осуществляется представителями разных культур, каждая из которых имеет свой уникальный уровень культуры. Очевидно, что подлинный диалог культур может иметь место только

в том случае, если общаются представители разных языков и культур, один из которых является носителем языка общения, а другой говорит на родном языке партнера на достаточном для коммуникации уровне. Таким образом, диалог культур как концепция обучения иностранным языкам не оправдан, так как отсутствует диалог культур в студенческой аудитории, поскольку студенты и преподаватель являются представителями одной русской культуры (Baryshnikov 2016).

Сомнения автора понятны. Тезисы “монолог в диалоге“, означающий неравенство культур и возможное подавление одной культуры другой и свидетельствующий об опасности политизации и идеологизации учебного процесса в контексте диалога культур разделяют другие российские исследователи (Tareva, Tarev, 2017, Safonova 2018). Однако даже в таком сложном контексте своего существования культура не перестает быть ключевым концептом методики преподавания иностранного языка. Вновь возникающие ценностные смыслы раскрывают новые грани культуры, придают ей актуальное звучание, что, несомненно, должно отразиться на целях, содержании, принципах, методах, приемах и средствах обучения иностранному языку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, развиваясь и совершенствуясь в соответствии с исторически обусловленными процессами, лингводидактический концепт “культура” не стоит на месте, меняется его содержательная специфика, расширяется сфера применения культуры как элемента системы обучения иностранным языкам. Подводя итог, можно сделать вывод, что преодолевая зигзаги исторического пути развития лингводидактики, концепт “культура” как ценность демонстрирует пример гибкой адаптации к требованиям времени и этапам развития научного знания. Можно с уверенностью сказать, что в исторической проекции концепт “культура” не потеряет своего ценностного потенциала и на долгие годы послужит идее подготовки подрастающего поколения к жизни (социализации) в многополярном мире, где бушуют ценностные “войны”, где методы “мягкой силы” воздействуют на детские умы, где национальная идентичность и формирование гражданского Я подвергаются серьезным угрозам.

LIST OF REFERENCES

- Baryshnikov N.V. (2016). *Lingvodidaktičeskij portret dialoga kul'tur bez retushi* [Lingvodidactic portrait of the dialogue of cultures without retouching] // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga. V poiskah novyh sociogumanitarnyh praktik. Moscow: MGPU; Yazyki-narodov-mira, 32-37.
- Berenskoetter F. (2016). Approaches to concept analysis. Millennium, 45 (2), 151-173. DOI: <https://doi.org/10.1177/0305829816651934>
- Binięcki S.M. Y., Conceięo S.C.O. (2015). Using concept maps to engage adult learners in critical analysis. Adult Learning, 27 (2). 51-59. DOI: <https://doi.org/10.1177/1045159515604148>
- Istoricheskaja konceptologija* [Historical Conceptology]. – URL: <http://ponjatija.ru/node/12734>
- Howie P.C., Bagnall R.G. (2018). A criterial framework for concept evaluation in social practice and scholarship. Sociological Methods & Research, First published 10 Apr. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124118769104>
- Matusov E., Marjanovic-Shane A. (2016). Many faces of the concept of culture (and education). Culture & Psychology. 23(3). 309-336. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354067X16655460>
- Møller J. (2015). Composite and loose concepts, historical analogies, and the logic of control in comparative historical analysis. Sociological Methods & Research. 45 (4). 651-677. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124115578031>
- Mott C., Cockayne D. (2018). Conscientious disengagement and whiteness as a condition of dialogue. Dialogues in Human Geography. 8 (2). 143-147. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043820618780575>
- Nahavandi A. (2016). Threshold concepts and culture-as-meta-context. Journal of Management Education. 40(6). 794-816. DOI: <https://doi.org/10.1177/1052562916655185>
- Pimenova M.V. (2013). *Tipy konceptov i jetapy pıncipual'nogo issledovanija* [Types of concepts and stages of conceptual] // Herald of Kemerovo State University. 2(2). 127–131.
- Popova Z.D., Sternin I.F. (2001). *Očerki po kognitivnoj lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh: Istoki.
- Qian J. (2018). The possibilities of cosmopolitan dialogue. Dialogues in Human Geography. 8(2). 138-142. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043820618780574>
- Rose-Redwood R., Kitchin R., Rickards L., Rossi U., Datta A., Crampton J. (2018). The possibilities and limits to dialogue. Dialogues in Human Geography. 8 (2). 109-123. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043820618780566>
- Stepanov Yu.S. (2000). *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: The dictionary of Russian culture]. Moscow: Yaziki russkoj reľtury.
- Taguchi H.L., St. Pierre E.A. (2017). Using concept as method in educational and social science inquiry. Qualitative Inquiry. 23(9). 643-648. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800417732634>
- Tareva E.G., Tarev B.V. (2017). Intercultural education as a “soft power” tool. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 3 (10). 432-439. DOI: [10.17516/1997-1370-0051](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0051)
- Türker E. (2015). The role of L1 conceptual and linguistic knowledge and frequency in the acquisition of L2 metaphorical expressions. Second Language Research. 32(1). 25-48. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267658315593336>
- Vorkachev S.G. (2014). *Lingvokul'turnaja konceptologija i ee terminosistema* [Linguocultural conceptology and the terminological system] // Political Linguistics. 3. 12–20.
- Wright S. (2018). When dialogue means refusal. Dialogues in Human Geography. 8(2). 128-132. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043820618780570>
- Safonova V.V. (2018). *Filosofskaja binarnaja oppozicija «dialog kul'tur – ne-dialog kul'tur» v lingvodidaktičeskom rassmotrenii* [Philosophical binary opposition “dialogue of cultures - non-dialogue of cultures” in linguodidactic review] // Lecturer XXI century, 2018, 2-1. 20-39.

For citation:

Tareva, E.G. (2019) CULTURE IN THE SPACE OF LINGUODIDACTIC CONCEPTOLOGY. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 123-127. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-123-127>

Для цитирования:

Тарева, Е. Г. (2019) КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 123-127. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-123-127>

Information about the author:

Elena G. Tareva – PhD, Head of French Department, Doctor of Education, Professor, Moscow City University, Institute of Foreign Languages.

e-mail: elenatareva@mail.ru

Сведения об авторе:

Тарева Елена Генриховна - доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой французского языка и лингводидактики института иностранных языков Московского городского педагогического университета

e-mail: elenatareva@mail.ru

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-127-130>

**TEACHING OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE IN SERBIA
(Serbian-Russian interlanguage homonyms in teaching Russian language)**

Gordana Naumovic
Doctor of Philology, Professor
University „Singidunum”
(Belgrade, Serbia)
e-mail: lula953@gmail.com

Abstract: Mistakes of Serbian non-philology students in Russian language learning (types and causes): why Russian language in Serbia increasingly loses its significance and students year after year show less interest in its study. It is well-known that less related languages like Russian and English are more difficult to learn than related languages Serbian and Russian with lots of words that students find “familiar” and tend to recognize while reading and listening. This characteristic of related languages makes students false convinced, giving them illusion of quick and fast language learning and its use in communication. A similar word can often be “a false friend” to translator. Examples.

Key words: Russian and Serbian languages, comparative and contrastive methods (examples)

**ПРЕПОДАВАНИЕ РКИ ВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ
(Сербско-русские межъязыковые омонимы в обучении русскому языку)**

Гордана Наумович
Доктор филологических наук
профессор университета „Сингидунум“
(Белград, Сербия)
e-mail: lula953@gmail.com

Аннотация. Известно, что каждая культура четко определяется своим языком. Сегодня отмечаются частые ошибки сербских студентов-нефилологов в русском языке. Общеизвестно, что языки одной языковой группы, называемые близкородственными (например, сербский и русский) усваиваются легче и быстрее, чем языки с меньшей степенью родства (русский и английский, например). Особенно быстро приходит понимание на слух или при чтении, так как многие слова, уже «понятны». Такая особенность близкородственных языков создает у носителей каждого из них ложную уверенность, иллюзию их быстрого и лёгкого усвоения и использования при общении. Похожее слово нередко может оказаться, так называемым «ложным другом переводчика». В статье ставятся вопросы, каковы виды и причины ошибок; почему русский язык в Сербии все больше теряет свое значение, и почему ученики и студенты из года в год проявляют все меньше интереса к его изучению.

Ключевые слова: Омонимы в русском и сербском языках, сравнительные и контрастные методы (примеры)

ВВЕДЕНИЕ 1. Из опыта преподавания русского языка как неродного и иностранного в Сербии. В предлагаемом сообщении я попытаюсь рассказать о некоторых практических наработках из опыта преподавания русского языка как неродного и иностранного в Сербии. В частности, хотелось бы поделиться своим опытом создания учебника русского языка для учеников и студентов школ и университетов туристическо-ресторанного бизнеса в Сербии.

Сербы очень любят русских, языки родственны и похожи настолько, что сербы, к сожалению, не считают русский язык иностранным. Общеизвестно, что языки одной языковой группы, называемые близкородственными (например, сербский и русский) усваиваются легче и быстрее, чем языки с меньшей степенью родства (русский и английский, например). Особенно быстро приходит понимание на слух или при чтении, так как многие слова, уже «понятны». Такая особенность близкородственных языков создает у носителей каждого из них ложную уверенность, иллюзию их быстрого и лёгкого усвоения и использования при общении.

Похожее слово нередко может оказаться так называемым «ложным другом переводчика»: слова могут звучать очень похоже, а означать совершенно разные вещи.

В сербском и русском языках, как языках близкородственных, таких «ложных друзей переводчика» весьма много. Так, например, *реч* по-сербски – это не «речь», а «слово». *Слово* в сербском языке – это «буква», а *буква* – это «бук». *Жалосно искуство* – это «печальный опыт». «Ложные друзья переводчика» в речи часто не замечаются, пусть даже смысл предложения и получился странным. Происходит так потому, что при восприятии речи мы всегда немного прогнозируем речь собеседника, достраивая за него фразу; более того, своей достроенной фразой мы безотчётно можем заменить фразу, которая была произнесена в действительности. Но даже если мы всё услышали правильно, это не значит, что мы заметим странность или нелогичность: ведь наш мозг настроен на то, чтобы находить смысл в любом высказывании.

2. Типы ложных друзей переводчика

Центральное место в изучении русского языка (родственного сербскому) занимает сопоставительно-контрастивный метод, играющий огромную роль в преодолении интерференции, которая является причиной типичных ошибок, где последствия могут быть гораздо серьёзнее, чем там, где речь идёт не о родственных языках. Рассмотрим примеры, ориентируясь на учебный процесс в Университетах туристическо-ресторанного бизнеса в Сербии.

В учебнике с рабочей тетрадью Наумовић, Гордана “Руски језик: стручни текстови за III и IV разред угоститељско-туристичку школу”. – Београд: Государственный печатный завод (2015) были включены все ситуации, связанные с работой будущих администраторов, официантов, поваров и кондитеров. В учебнике нет ничего, что можно было бы исключить, чему нельзя придавать значения. Поэтому данный материал от студента требует осторожности в использовании „похожих слов“, значение которых он должен обязательно проверить.

В Комментариях особое внимание обращается на трудности, которые встречаются в процессе усвоения данной темы.

I.

Например. **Не смешивать.** В русском языке значения „женщина“ (человеческое существо женского пола) и „жена“ (супруга). Фраза: „Это его женщина“ – не говорит о том, что это его супруга (жена). Она может быть понята и двусмысленно.

Сравните:

по-русски

Вас ждёт (какая-то) женщина.

Жена (супруга) ждала его у входа.

по-сербски

Чека вас (некаква) жена.

Жена (супруга) га је чекала код улаза.

После **Комментариев**, в учебнике обязательно является рубрика **Ошибочно**, которая неотъемлемой частью комментариев, а заключительной рубрикой является колонка **Не смешивайте**, где представлены те русские слова, близкие по корневому или формальному сходству с сербскими, но значения их разные.

Не смешивать: Ошибочно!

по-русски

фамилия

Как ваша (твоя) фамилия?

странный человек

На пороге дома стоял какой-то странный человек. (p)

На пороге дома стоял какой-то иностранец, китаец. (с)

поздравить

(приветствовать, здороваться)

Я поздравляю вас с успехом в учёбе.

бокал

по-сербски

семья

Как твоя семья? (Живы, здоровы)?

иностранец

поздравити некога, р

Я приветствую вас, (пожимаю руку...)

бокал (р. кувшин, графин)

Этот бокал шампанского выпьем за нашу Нину. С днём рождения!
 Этот графин шампанского выпьем за нашу Нину. С днём рождения!

секрет

У нас секрет.

понос**живот**

р. У его болит живот. У него и понос.

пролив**секрет;** (р. секреция)

У нас секреция.

понос; (р. достоинство, гордость)**живот;** (р. жизнь)

с. У его болит жизнь. У него (есть) и гордость.

пролив; *разгов.* (р. понос, излияние)

II.

Не смешивать:**р.****виноград****котлет(а)****печень****варенье****банка****сохранить****частный** (ресторан)**ужин**рука левая и **правая****ноша**

- Как дойти до гостиницы?

- Право, потом налево до магазина, а потом снова право. (**р**)- Прямо, потом налево до магазина, а потом снова прямо. (**с**)*(Возникает вопрос, нашёл ли турист свою гостиницу)?***с.****плод** винограда (р. виноградник)**кременадла** (р. свиная отбивная)**печенье** (р. жареное мясо)**варенье** (р. пищеварение)**банка** (р. банк)**сохранити** (р. схранить)**частан**, поштен (р. честный)**ужина** (р. полдник)**право;** (р. прямой)**ноша** (р. ночная посуда)**Внимание! Очень частые ошибки:****р.****вредно****вредный****коры́стный****скупой** (человек)**жадный** (человек)**бранить****затруднить***берёменеть*)**образ****берег****играть** (на гитаре)**гроб****сто́ит** (сколько стоит этот хлеб)?**устать****столица****сношение****свинец, свинца, свинцу...**

Какие у него были сношения со Сперанским?

Погреб**с.****вредно** (р. трудолюбиво)**вредан** (р. трудолюбивый)**користан** (р. полезный)Он вредный и корыстный человек. **р.**Он трудолюбивый и полезный человек. **с.****скуп** (р. доро́гой)**жедни** (р. желающий пить)**бранити** (р. защищать)**затруднети;** (*р. за***образ;** (р. щека́, честь)**брег;** (р. гора́, холм)**играти** (р. танцевать)**рака** (р. могила)**стоји** (р. сто́ит)**устати;** (р. встать)**столица** (р. стул)**сношај** (р. сексуальное общение)**свињац** (р. сарай)**сахрана** (похоронение умершего)

III.

Глаголы **стоять, лежать, висеть**, часто употребляются ошибочно.В сербском языке чаще всего употребляется один глагол – стојати (р. **стоять**). Все предметы и вещи стоят.На столе **лежит** книга и **стоит** лампа. На полу **лежит** кавёр, а на стене **висит** портрет. (**р**)На столе **стоји** књига и лампа. На полу **стоји** тепих, а на зиду **стоји** портрет. (**с**)

IV

Несовпадение русских и сербских возвратных глаголов

Существует много таких глаголов на -ся, которые усложняют у сербов правильное употребление в разговорной речи. И наоборот. Вот некоторые примеры из лексического минимума:

р **с**
ложиться – лећи; **начаться** – почети; **остаться** – остати; **ошибаться** – грешити; **признаться** – признати; **садиться** – седети; **учиться** – учити (и учити се); вспоминать – **сећати се**; вспомнить – **сетити се**; шутить – **шалити се**, (подмевати се); заболеть – **разболети се**; играть – **играти се** (и играти)

Все мы, преподаватели РКИ, сталкиваемся с необходимостью адаптировать свои практические и методические приёмы, что частично связано со спецификой усвоения материалов учащимися, но в основном из-за особенностей преподавания вне языковой среды. Специфические требования в сфере РКИ требуют новых преподавателей, новых подходов к методике преподавания и новых преподавания и новых национальных, а не универсальных учебников и учебных пособий.

Преподавание РКИ вне языковой среды требует особых подходов по сравнению с преподаванием РКИ в России, необходимо обменяться опытом с теми, кто обучает русскому языку вне России, а также сравнить этот опыт с опытом тех, кто преподаёт РКИ внутри языковой среды. (Наумович, Кальниченко 2014: 137). Без учёта родного языка изучение славянского языка в инославянской среде не может быть успешным. Основы сопоставительной грамматики и лексикологии русского и сербского языков были заложены и разработаны выдающимся сербским ученым Радованом Кошутичем, и его исследования широко применяются в сербской русистике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Сегодня одной из важных задач в Сербии является задача сохранения пространства русской культуры. Но обратной стороной медали оказывается сокращение преподавания русского языка в школах, его вытесняют английский, немецкий, французский, итальянский, испанский, греческий. Сейчас в гимназиях вводят и китайский язык. В результате потерянного интереса к изучению русского языка в Сербии мы получили излишек преподавателей, профессоров и переводчиков русского языка. Безусловно, знание английского и других западноевропейских языков – насущная потребность времени. Это и условие успеха в профессиональной области. При этом, изучение русского языка, русской литературы и культуры даст молодёжи Сербии не только профессиональные знания, которые будут востребованы на рынке труда, но и позволит сохранить славянскую цивилизационную общность. Не хочется думать, что в Сербии русский язык станет бедяком, что для наших детей пустым звуком окажутся имена Пушкина, Достоевского, Толстого, Ахматовой и всей блестящей плеяды русских писателей.

LIST OF REFERENCES

- Brajkovic, N. (2009) Russian language as foreign Slavic language, Serbian Slavic Society.
Prohorov Yu. E. (2006) Communicative behaviour, Moscow,.
Naumovic, G., Russian language - practicum for tourism and hospitality schools, Publishing house of tutorials, Belgrade, (2018).
Naumovic, G, Koljnicednko N.N. (2013) The experience of creating a textbook in Serbia, Collection of scientific works, Kiev.

For citation:

Naumovic, G. (2019) TEACHING OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE IN SERBIA (Serbian-Russian interlanguage homonyms in teaching Russian language). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 127-130. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-127-130>

Для цитирования:

Наумович, Г. (2019) ПРЕПОДАВАНИЕ РКИ ВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ (Сербско-русские межъязыковые омонимы в обучении русскому языку) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 127-130. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-127-130>

Information about the author: Gordana Naumovic - Doctor of Philology, Professor, University "Singidunum", Belgrad, Serbia
e-mail: lula953@gmail.com

Сведения об авторе: Гордана Наумович – Доктор филологических наук, профессор университета «Сингидунум», Белград, Сербия
e-mail: lula953@gmail.com

Manuscript received: 05/26/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-131-135>

**SYMBOLICS OF CHINA REALIA IN RUSSIAN VERBAL CULTURE
(IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)**

Veronika Abramova
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)
e-mail: istinijobraz@mail.ru
Julia Arkhangel'skaya
Senior Researcher
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)
e-mail: archangelju@yandex.ru

Abstract. The authors of the article present a method, which has been worked out and tested by them and which is intended to help Chinese students in studying Russian lexical and phraseological units with a symbolic component referring to China and the Chinese (e.g. the lexical unit *китаец* in certain contexts can represent a personalized symbol of cunning; the phraseological unit *китайская стена* stands for a symbol of strength and insularity or excessive length of a building etc.). Knowledge of these units is urgent for foreign learners because it enables them to avoid culture shock and communicative shock when dealing with the Russians and facilitates communication with them. The method presupposes familiarizing students with symbolic meaning, etymology and usage specificity of the Russian lexical and phraseological units about China and the Chinese (*китаец, шанхай, китайская грамота, китайская стена, китайские церемонии, последнее китайское предупреждение*, etc.), practicing usage of these units in speech, comparing them with the Chinese ethnic stereotypes about the Russians.

Keywords: verbal symbol, lexical and phraseological units with a symbolic component, China realia in the Russian linguistic world-image, methodology of teaching Russian as a foreign language

**СИМВОЛИКА КИТАЙСКОГО В РУССКОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
(В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ) ***

Вероника Абрамова
кандидат филологических наук, доцент
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)
e-mail: istinijobraz@mail.ru
Юлия Архангельская
старший научный сотрудник
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)
e-mail: archangelju@yandex.ru

Аннотация. Авторы статьи представляют разработанную и апробированную ими методику, которая призвана помочь китайским студентам в изучении русских лексических и фразеологических единиц с символической составляющей о Китае и китайцах (например, лексема *китаец* в определенных контекстах может выступать как персонализированный символ хитрости; фразеологизм *китайская стена* как символ неприступности/изолированности или непомерной длины строений и т. п.). Знакомство с данными единицами актуально для иностранных учащихся, поскольку позволит им избежать культурного и коммуникативного шока при общении с русскими людьми и облегчит коммуникацию с ними. Разработанная методика предполагает знакомство студентов с символическим значением, этимологией, особенностями употребления русских лексем и фразеологизмов о Китае и китайцах (*китаец, шанхай, китайская грамота, китайская стена, китайские церемонии, последнее китайское предупреждение* и др.), отработку речевого применения данных единиц, сопоставление их с китайскими этностереотипами о русских людях.

Ключевые слова: вербальный символ, лексические и фразеологические единицы с символической составляющей, китайское в русской языковой картине мира, методика РКИ

ВВЕДЕНИЕ. В последние десятилетия укрепляются отношения между Россией и Китаем в области политики, экономики и культуры, что способствует укреплению позиций русского языка в Китае и увеличению количества китайских студентов, желающих его изучать. В связи с этим представляется актуальной разработка

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры»

различных методических аспектов проблемы обучения китайских студентов русскому языку как иностранному. Один из них – изучение лексических и фразеологических единиц, в которых закрепились стереотипные представления русских о Китае и китайцах. Узнав, как их нация выглядит «со стороны», студенты поймут, какие культурные реалии, связанные с их родиной, кажутся в стране изучаемого языка актуальными, к какой реакции «на себя» нужно быть готовым, чтобы избежать культурного и коммуникативного шока.

Таким образом, целью нашего исследования стала разработка и апробация методики, которая поможет китайским студентам в изучении русских лексических и фразеологических единиц с символической составляющей о Китае и китайцах. В связи с этим были решены следующие задачи: 1) выявление корпуса лексем и фразеологизмов, отражающих представления о Китае и китайцах в русской языковой картине мира, и их анализ; 2) определение методики работы с данными единицами на занятиях по русскому языку как иностранному в китайской аудитории; 3) апробация и оценка продуктивности (проведение занятий и контрольный срез).

Анализ корпуса собранных лексических и фразеологических единиц показывает, что в русской языковой картине мира существует два основных этностереотипа, которые отражают представления о Китае и китайцах: 1) интенсивно выраженное (сложное, непонятное, странное и др.); 2) плохое, некачественное. Единицы первой группы традиционны для русского сознания и часто имеют давнюю историю. К ним относятся такие слова и фразеологизмы, как *китаец* – ‘очень хитрый человек’; *китайский* – ‘странный, непривычный; сложный, запутанный, мудреный’; *китайская стена* – ‘нечто очень длинное’ или ‘нечто непреодолимое’; *китайская грамота* – ‘нечто очень непонятное, недоступное пониманию’; *китайские церемонии* – ‘излишняя, жеманная вежливость’; *китайский болванчик* – ‘человек, пассивно соглашающийся с остальными’, а также ‘крайне самодовольный, ограниченный человек’; *китайское терпение* – ‘терпение, проявленное в максимальной степени’; *последнее китайское предупреждение* – ‘одна из угроз в бесконечном ряду предупреждений’; *как сто китайцев* – ‘очень / сильно (хитрый, голодный, усталый, злой и др.)’; *утро китайского пчеловода/утро в китайской деревне* – ‘очень отекающее лицо, чрезмерно сузившиеся глаза человека наутро после бурно проведенной ночи’; *китайский разведчик / шпион* – ‘очень хитрый, загадочный человек’, а также ‘излишне бдительные отец или мать’ (в речи подростков); *как до Пекина / Кутая раком/нешком* – ‘очень далеко’ или ‘очень долго’; *как до китайской Пасхи* – ‘никогда’. Объективацией интенсивности в значении лексических и фразеологических единиц обычно служат наречия «очень», «слишком», «крайне», «чрезвычайно», «сильно», «совершенно» и др.

Единицы второй группы относительно новые, они начали фиксироваться с 90-х годов XX века. В них отражаются представления о китайском как о некачественном. Видимо, это связано с тем, что в постперестроечную эпоху в России были востребованы дешевые товары китайского производства, не отличавшиеся высоким качеством. Это слова и фразеологизмы *шанхай* – ‘бедный, грязный, тесно застроенный, густонаселенный район города’, ‘трущобы’; два из четырех омонимов, существующих в русском языке: *китайка1* – ‘рынок, на котором продают дешевые китайские товары’, ‘сами эти товары’; *китайка2* – ‘постельное белье, которое, будучи уже использованным пассажирами, выдается проводником поезда другим пассажирам без стирки’, отсюда *скинуть (задвинуть, загнать и т.п.) китайку кому-либо* ‘выдать пассажиру поезда нестираное белье’, а также *получить белье из китайской прачечной* – ‘получить нестираное белье (обычно в поезде)’; *дядюшка / дядя Ляо* – ‘незаконный производитель китайских некачественных товаров (в основном – техники)’; *носки Шаолиня* – ‘некачественные сигареты’ (очень крепкие, сделанные из некачественного сырья, с плохим запахом).

Во многих из указанных единиц присутствует символическая составляющая (например, лексема *китаец* в определенных контекстах может выступать как персонализированный символ хитрости; фразеологизм *китайская стена* – как символ неприступности / изолированности чего-либо или непомерной длины строений и т. п.), что повышает их культурную значимость.

Подробнее о значениях, этимологии и употреблении данных единиц можно прочитать в нашей статье «От китайской грамоты до дядюшки Ляо: развитие представлений о Китае и китайцах в русской языковой картине мира (на материале лексики и фразеологии)» (Abramova and Arkhangelskaia, 2019).

Нами были подготовлены методические материалы для занятия с китайскими студентами, изучающими русский язык: таблица, включающая столбцы с отобранными преподавателем единицами и пустые столбцы для фиксации их значений, которые должны заполнить сами студенты в ходе работы со словарями; визуальный ряд в форме презентации Microsoft Office PowerPoint, иллюстрирующий фразеологизмы и лексемы; система упражнений, направленных на запоминание и отработку речевого применения изучаемых единиц (узнать единицу по картинке-иллюстрации, выбрать и вставить единицу в предлагаемый контекст, придумать контекст для разных единиц).

Занятие по изучению русских фразеологизмов и лексем, отражающих представления о Китае и китайцах, было проведено на международном факультете Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого в группах китайских студентов и стажеров (уровень владения языком – А2 и Б1). В конце урока был проведен контрольный срез: студентам предлагалось ответить на вопросы специально разработанных анкет.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Для определения значений русских стереотипов о Китае и китайцах (слов и устойчивых сочетаний) в настоящем исследовании были использованы лексико- и фразеологические издания: толковые и этимологические. Так, дефиниции единиц первой группы с общим значением интенсивности определялись по «Словарю современного русского литературного языка» в 17-ти томах (Slovar' sovremennogo

russkogo literaturnogo yazyka 1950 – 1965), а также по словарю под редакцией Д.Н. Ушакова (Ushakov 1928 – 1940). Для определения семантики единиц второй группы с общим значением 'плохой, некачественный' мы использовали словари, изданные за последние 10–15 лет, поскольку это единицы новые и более ранние лексикографические источники их еще не фиксируют. Кроме того, лексемы и фразеологизмы второй группы – это единицы со сниженной стилиевой окраской, присущие русской живой разговорной экспрессивной речи. В связи с этим для определения их значений необходимо было использовать аспектные толковые словари, в которых собраны преимущественно субстандартные единицы и экспрессивы: «Большой словарь русской разговорной речи» В.В. Химики (Khimik 2004) и «Толковый словарь русского сленга» В.С. Елистратова (Yelistratov 2010). Некоторые единицы настолько современны, что их еще не успели зафиксировать в словарях. Для их отбора использовались Интернет-сайты, например, сайт «Живой русский язык» (<https://vk.com/skazanul>), а также данные Национального корпуса русского языка. Помимо этого в некоторых случаях для мотивации значения фразеологизмов требовались этимологические справки, для чего привлекался «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой (Birich et. al., 1999).

При анализе значений, определении роли отобранных языковых единиц в русской языковой картине мира и их классификации мы опирались на концепцию А.Д. Шмелева, согласно которой «представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде» и эти неявные компоненты смысла нередко «повторяются в значении целого ряда языковых единиц, представляя собою своего рода “сквозные мотивы” языковой картины мира» (Shmel'jov 2009).

Говоря о символике отобранных языковых единиц, мы брали за основу тезис М.Л. Ковшовой о том, что «фразеологизм, транслируя в речи тот или иной устойчиво воплощенный в знаке культурный смысл, начинает играть роль оязыковленного символа, или вербального символа культуры» (Kovshova 2012).

На необходимость учитывать русские стереотипы в практике обучения русскому языку иностранцев в последние годы обратили внимание многие специалисты, в частности Ю.Е. Прохоров (Prohоров 2006). Исследователи также отмечают трудности, возникающие у китайских студентов-русистов в процессе изучения РКИ и связанные с различиями в этнокультурных традициях (Shanturova, 2015).

В ходе исследования использовались элементы этноориентированной методики, о важности которой говорится в статье А.К. Новиковой «Об учёте принципов этноориентированного обучения в системе занятий по РКИ (на примере китайской аудитории)» (Novikova, 2014). Материалом для занятия частично послужил текст статьи Ма Цзэхуэй и Н.В. Николаевой «Китайские стереотипы о русских в зеркале китайских анекдотов» (Jiehui Ma & Nikolaeva 2017).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основными методами нашего исследования были: теоретический анализ научных исследований и корпуса словарей; опытно-экспериментальная работа, в ходе которой китайские студенты под руководством преподавателя изучали русские фразеологизмы и лексемы, отражающие представления о Китае и китайцах. Выполняя специально разработанные для занятий упражнения, учащиеся осуществляли познавательные и общеучебные универсальные действия, такие как умение осуществлять направленный поиск (определение значений изучаемых единиц с привлечением словарей и интернет-источников), обработку (заполнение таблицы) и использование информации (соотнесение единиц с контекстом и визуальным рядом), осознанно и произвольно строить речевое высказывание в устной и письменной форме.

В рамках этноориентированной методики проводилось сопоставление русских и китайских этностереотипов о китайских и русских именах, которые отражаются, например, в русском детском фольклоре и китайских анекдотах. Так, в известной русской скороговорке «Жили-были три китайца...» китайские имена представлены в утрированно сложном виде (Як, Як-Цидрак, Як-Цидрак-Цидрак-Цидрони и др.). А в китайских анекдотах смех вызывает трехкомпонентное (фамилия, имя, отчество) и многосложное русское имя (Иван Иванович Иванов представляется и просится в китайский дом переночевать, но из-за двери ему отвечают: «Вас слишком много» – и не открывают).

Для получения обратной связи и оценки результатов опытно-экспериментальной работы был использован метод анкетирования. Учащимся, владеющим русским языком на уровне B1 (стажерам), предлагались следующие вопросы:

1. С какими из изученных на уроке фразеологизмов / слов вы уже были знакомы прежде?
2. Какие из них вызвали у вас наиболее сильные эмоции? Какие? Удивление? Возмущение? Гордость? Радость? Какие из них могли бы вызвать коммуникативный шок, если бы вы встретили их в речи русского собеседника без предварительной подготовки?
3. Полезны ли были для вас, как для людей, изучающих русский язык, те сведения, которые вы получили на занятии?
4. Будете ли вы использовать изученные единицы? Если да, то какие?
5. Какие стереотипные представления о России и русских людях существуют в Китае? Отвечая, используйте модели: Русский человек (какой?)...; Россия – страна, в которой ...
6. В каких устойчивых единицах языка эти представления выражаются? Напишите их по-китайски и дайте буквальный перевод на русский, а также значение.
7. Как вы считаете, было бы полезно русским людям, изучающим китайский язык, знать эти единицы, а также стереотипные представления о России и о русских людях, которые существуют в Китае? Зачем?

Студентам, владеющим языком на уровне А2, предлагались две анкеты: одна в виде таблицы, вторая в виде списка вопросов.

Анкета № 1:

фразеологизм/ слово	Я слышал(а) это выражение раньше да/нет	Теперь я буду употреблять его в своей речи да/нет	Мои эмоции от этого выражения (слова): смех удивление, возмущение и т.д.
<i>китайская грамота</i>			
<i>китайские церемонии</i>			
<i>и т.д.</i>			

Анкета № 2:

1. Вы изучили на занятии русские слова и фразеологизмы, в которых отражаются представления русских людей о Китае и китайцах. Эта информация полезна для вас?
2. Что думают в Китае о России и русских людях? Русский человек (какой?) Россия – страна, в которой...
3. В Китае есть фразеологизмы или слова о России и русских людях? Напишите их по-китайски и переведите на русский язык.
4. Сейчас многие русские люди изучают китайский язык. Как Вы думаете, для них полезно знать китайские слова и фразеологизмы о России? Почему?

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Результатом исследования стало подтверждение эффективности разработанной методики, которая помогает китайским студентам в изучении русских лексических и фразеологических единиц с символической составляющей о Китае и китайцах. Студенты проявили заинтересованность в теме занятия, делали мало ошибок, выполняя упражнения, что свидетельствует о правильности выбранных методов обучения.

Обработка анкет позволяет убедиться в том, что изучение отобранных единиц актуально для данных групп обучаемых. Студенты отмечали, что полученная на занятиях информация была полезна для них. С большинством данных единиц они познакомились впервые, многие фразеологизмы вызвали у них удивление, которое мы связываем с тем, что для них было неожиданным узнать, какими предстают Китай и китайцы в восприятии русских людей. Большинство отмечаемых студентами эмоций – положительные. Отрицательные эмоции у некоторых обучающихся вызывали фразеологизмы, в которых образы Китая и китайцев являлись негативными. Других студентов те же единицы рассмешили: они поняли иронию, присущую изучаемым фразеологизмам в русском языке.

На вопрос о том, какие китайские фразеологизмы отражают этностереотипы о русских людях, все студенты назвали одну устойчивую единицу 战斗民族 (zhandou minzu), которая в переводе означает «боевой народ» или «народ-воин». Следует отметить, что «боевой» в этом фразеологизме не означает «воинственный». В семантике данной единицы русские люди предстают мужественными, негибаемыми, сильными, независимыми. По мнению китайских студентов, русским людям, изучающим китайский язык, следует ее знать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, проведенное исследование, включающее выявление корпуса лексем и фразеологизмов с символическим компонентом, отражающих представления о Китае и китайцах в русской языковой картине мира, и их анализ; определение методики работы с данными единицами на занятиях по русскому языку как иностранному в китайской аудитории; апробацию и оценку результатов, показало следующее: 1) данная тема является актуальной для методики преподавания РКИ в китайской аудитории; 2) изучение указанных единиц способствует развитию коммуникативных навыков китайских студентов-русистов и позволяет избегать культурного и коммуникативного шока в процессе речевого общения с носителями русского языка; 3) оправданной представляется методика работы с данными единицами (использование таблиц, словарей, интернет-источников, выполнение упражнений, предполагающих обращение к контексту, визуализация образов, сопоставление русских и китайских гетеростереотипов, отражающих представления о национальных особенностях культуры и поведения людей).

LIST OF REFERENCES

Abramova, V.I., Arkhangelskaya, J.V. (2019) *От kitayskoy gramoty do dyadyushki Lyao: razvitiye predstavleniy o Kitaye i kitaysakh v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale leksiki i frazeologii)* [From *kitayskaya gramota to dyadyushka Lao: evolution of notions of China and the Chinese in the Russian linguistic picture of the world (on the basis of lexical and phraseological material)*]. *Bolgarskaya rusistika*, (1), 57-69.

Birich, A.K., Mokienko, V.M., Stepanova, L.I. (1999) *Slovar russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskiy spravochnik* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book]. St. Petersburg: Folio-Press.

Jiehui Ma, Nikolayeva, N.V. (2017) *Kitayskiye stereotipy o russkikh v zerkale kitayskikh anekdotov* [Chinese stereotypes about the Russians in the mirror of Chinese jokes]. *Kultura i tsivilizatsiya*, (V. 7 (№ 2A)), 460-466.

Khimik, V.V. (2004) *Bolshoy slovar russkoy razgovornoj ekspressivnoy rechi* [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg: Norint.

Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology. Codes of culture]. Moscow: LENAND.

- Novikova, A.K. (2014) Ob uchote printsiptov etnoorientirovannogo obucheniya v sisteme zanyatiy po RKI (na primere kitayskoy auditorii) [On taking into account the principles of ethno-oriented training in the system of teaching Russian as a foreign language (using the example of Chinese students)]. *Russkiy yazyk v sovremennom Kitaye*. Chita: ZabGu. (p. 204-206).
- Prokhorov, Y.E. (2006) Natsionalnyye, sotsialnyye stereotipy rechevogo obshtcheniya i ikh rol v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev [National, social stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. Moscow: KoiKniga.
- Shanturova, G.A. (2015) K voprosu o roli etnopsikhologicheskikh faktorov v obuchenii RKI kitayskikh studentov-rusistov [On the issue of the role of ethno-psychological factors in teaching Russian as a foreign language to Chinese students studying Russian philology]. *Metodika prepodavaniya RKI: traditsii i sovremennost*. Moscow: A.S. Pushkin State Institute of Russian Language. (p. 229-236).
- Shmelyov, A.D. (2009) Russkaya yazykovaya kartina mira: sistemnyye sdvigi [Russian linguistic picture of the world: systemic changes]. *Mir russkogo slova*, (4), 14-21.
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (1950 – 1965) [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow – Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.
- Ushakov, D.N. (1928 – 1940) Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow.
- Yelistratov V.S. (2010) Tolkovyy slovar russkogo slenga [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow: AST-PRESS BOOK.

For citation:

Abramova, V. & Arkhangel'skaya, Ju. (2019) SYMBOLICS OF CHINA REALIA IN RUSSIAN VERBAL CULTURE (IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 1/1 N1 (October, 2019). pp. 130-135. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-131-135>

Для цитирования:

Абрамова, В.И., Архангельская, Ю.В. (2019) СИМВОЛИКА *КИТАЙСКОГО* В РУССКОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ (В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 1/1 N1 (October, 2019). С. 130-135. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-131-135>

Information about the authors: Abramova Veronika - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

e-mail: istinijobraz@mail.ru

Arkhangel'skaya Julia - Senior Researcher, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

e-mail: archangelju@yandex.ru

Сведения об авторах: Абрамова Вероника Игоревна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

e-mail: istinijobraz@mail.ru

Архангельская Юлия Владимировна - старший научный сотрудник кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

e-mail: archangelju@yandex.ru

MONITORING PROFESSIONAL COMPETENCE OF A LECTURER IN FOREIGN CITIZENS' LANGUAGE TRAINING

Olena Bielikova
Senior Lecturer

Kharkiv national university of civil engineering and architecture
(Kharkiv, Ukraine)

e-mail: khnuba.ukrmova@gmail.com

belikova.lenochka@gmail.com

Svitlana Dytiuk
Senior Lecturer

Kharkiv national university of civil engineering and architecture
(Kharkiv, Ukraine)

e-mail: khnuba.ukrmova@gmail.com

Svetlanadytiuk@gmail.com

Abstract. The article analyzes the concept of "monitoring of the professional competencies of the lecturer of language training for foreign citizens", defines the role and place of diagnosis in the system of professional monitoring, highlights lecturer's competence in teaching foreign students of technical specialties. The competence approach connected with the search of new conceptual and methodological models for training specialists with higher technical education, quality of training professional personnel, the definition of key competencies that a modern lecturer should have. The concept of competence and role of Russian (Ukrainian) language as foreign in the development of communicative competence of foreign students of technical specialties investigated. Strengthening the attention to the issues of diagnosing the level of proficiency of language training lecturers of professional competences, as a modern trend requires not only scientifically based tools for continuous measurement, analysis and improvement of evaluation of educational results of students' professional training, but also a new look at the system of pedagogical diagnostics. System diagnostics based on a competent approach should become a key and crosscutting component of monitoring the quality of vocational training of language training specialists in universities of technical profile.

Keywords: lecturer's professional competence, language training, foreign students, universities of technical profile, competence approach, professional graphic monitoring

МОНИТОРИНГ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Елена Беликова

Старший преподаватель

Харьковский национальный университет строительства и архитектуры
(Харьков, Украина)

e-mail: khnuba.ukrmova@gmail.com

belikova.lenochka@gmail.com

Светлана Дытюк

Старший преподаватель

Харьковский национальный университет строительства и архитектуры
(Харьков, Украина)

e-mail: khnuba.ukrmova@gmail.com

Svetlanadytiuk@gmail.com

Аннотация. В статье осуществлен анализ понятия «мониторинг профессиональных компетенций преподавателя языковой подготовки иностранных граждан», определена роль и место диагностики в системе профессиографического мониторинга, выделены компетенции преподавателя по обучению языку иностранных студентов технических специальностей. Компетентностный подход связан с поиском новых концептуально-методологических моделей подготовки специалистов с высшим техническим образованием, качеством подготовки профессиональных кадров, определением ключевых компетенций, которыми должен владеть современный преподаватель.

Ключевые слова: качества преподавателя языковой подготовки иностранных граждан, компетентностный подход, педагогическая диагностика, профессиографический мониторинг, профессиональная компетенция

INTRODUCTION. In conditions of social and economic changes in Ukraine, improving quality of a professional higher education system, in process of introduction of new requirements and standards of teaching, significant transformations of lecturer and student's interaction take place. Changes, first of all, concern to lecturer's perception, a

system of role expectation as to lecturer's main qualities changes. That's why one of the most important questions in nowadays pedagogical discussions is a question about lecturer's identity, his professional activity, about demands that are being made to him.

Objective of an article is research and justification of theoretical basements of diagnostics of results of forming professional competencies of language training pedagogues in universities.

Taking into attention special moments in foreign students' language training, it can be said that lecturer who trains foreign students:

- must have skills not only in language training, but also be familiar with culture of the countries that his students came from;
- must be native to language and culture of the country;
- must also know everything about culture of his students' countries and highlight differences between cultures to his students;
- must master the culture of the language (his speech should be clean, diverse, different in words), stick to language etiquette.

LITERATURE REVIEW. Analysis of the latest researches and publications says that this problem is very promising. Actual problem of pedagogue's professional skills been researched by the following scientists: I. Zymnia, I. Zyazun, I. Podlasy, V. Slastenin, E. Klimov, M. Kharlamov and others. Main ideas that unite different points of view of mentioned researches are the following – university lecturer is a person who, because of his professional activity, should have such professional qualities as: be a scientist, a practicing pedagogue, a mentor, a psychologist, master the technology of education process and procure the unity of educational, scientific and innovational activities (Zimnyaya 2010; Podlasy 2015; Slastenin 2015) Psychologist V. Krutetsky suggests the following structure of modern lecturer's personality: world view, positive attitude to pedagogical activity, pedagogical abilities, professional pedagogical knowledge, skills. T. Rudneva adds cognitive component and practical skills to modern lecturer's professional competence. (Rudneva p.56). T. Tkachova highlights personal qualities of a pedagogue as main, as ones that affect students' education level. "Pedagogue's influence consists of his professional qualities, as a person who is master in his subject, and influence of his person, spirituality, emotionality. At the same time, personal skills are much more important than professional skills for students. When students appreciate their lecturer, it guarantees their love to him and his subject" (Tkachova 2015: 77).

Aggregate of professional demands to lecturer is specified as his professional willingness for his pedagogical activity. Inside it will be right to highlight, at one side, psychological and physical readiness, and at the other side – scientific and practical competence as a basement for professionalism. System of professional demands to pedagogue consists of his professional competence. Till nowadays there is a lot of experience in building lecturer's professional competence, and it allows to split professional demands on three main groups, that are connected and complement each other: general citizen qualities; qualities that specify lecturer's profession; special experiences and skills.

After analyzing psychological and pedagogical literature about the definitions mentioned above, we came up to a decision that the following competencies of a lecturer of foreign citizens' language training can be highlighted (Andreeva 2014; Kichuk 2007; Ortinskiy 2017; Ovcharuk 2004; Panina 2017; Slastenin 2015; Zimnyaya 2010):

1. General humanitarian competence. Problems of intercultural communication may be solved only under conditions of sufficient level of general humanitarian competence.
2. Linguistic competence. Knowledge of all key moments of the language he teaches is a main competence for language pedagogue.
3. Psychological competence. Teaching language will be successful if lecturer will take into attention personal qualities of his students, psychology of pedagogical activity and communication.
4. Pedagogical competence. Knowing base pedagogical conceptions, principles, categories and definitions, general knowledge about teaching methods lets lecturer optimize teaching process.
5. Methodical competence. Basement of this competence is in knowing theories, conceptions, methodical systems in teaching foreign students; in mastering skills and ways that allow teaching foreign students language.
6. Professional communicative competence. Ability to set optimal pedagogical connection with all participants of language teaching process, as a condition of lecturer's professional competence.

RESEARCH METHODS. For analyzing special features of language training lecturer's perception that are important for students of our university we conducted a survey: "A lecturer in foreign students' eyes". Students of faculty of construction and faculty of architecture of Kharkiv national university of civil engineering and architecture took part in it. We set some definite tasks for studying personality of a modern lecturer, namely to determine:

1. Foreign students' general image about requirements to university pedagogue;
2. The most important for foreign students characteristics in lecturer's professiogram;
3. Dynamics of university lecturer's image in the eyes of foreign students of different years of study.

This survey been held in several stages. On stage one foreign students of 3rd, 4th and 5th year of study had to finish the sentence: "Modern university lecturer should be ..." by using their own thoughts. After processing the results of our survey, we made a list of lecturer's features that are important for students. Students of 1st and 2nd years of study had to rank the features from the list we got. Analysis of survey results showed the existence of two main groups: professional skills and personal qualities of a pedagogue.

RESULTS AND DISCUSSIONS. According to results of our survey, foreign students consider that lecturer should have the following qualities and skills: *professionalism* (“easily explain”, “explain difficult moments”, “answer the questions”), *rhetorical mastery* (“teach in an interesting way”, “speak in easy manner”, “speak legibly”), *communicability* (“be communicable”, “communicate respectfully”, “be open to student”, “be a friend for student”), *wide area of thought* (“open minded”, “smart”, “knows much”), *mastery in subject* (“be a master in subject”, “deep knowledge”), *kindness* (“kind”, “in good relations with students”, “help a student”), *self-control* (“do not cry at students”, “do not tease at students”, “be calm”), *internationalism* (“don’t be racist”, “keep in mind that all students are equal: Ukrainian and foreign”), *tolerance* (“show respect to foreign culture”, “show respect to foreign religion”), *appearance* (“good-looking”, “neat”), *empathy* (“help the students”), *strict, objective, honorable to students*.

The most important skills appeared to be: “don’t be a racist” – 60%, “easily explain” – 55%, “be a master in subject” – 40%, “smart” – 38%, “be calm” – 33%, “in good relations with students” – 30%, “be communicable” – 30%, “honorable to students” – 27%.

During comparing characteristics given by students of younger and elder grades, we found out the following regularities.

Students of younger grades value lecturer’s attitude more than his professional skills, master level, knowledge base: for younger grade student it is more important how lecturer communicates them, how kind he is, his tact. In evaluation of modern pedagogue image they value his personal qualities more. At 1st place students of first and second grades put such quality as “being honorable to students”, on 2nd place – “internationalism”, on 3rd place – “kindness” and “communicability”, on 4th – “easily explain”, on 5th – “help a student”.

Students of third, fourth and fifth grades value personal qualities of a lecturer and his professional skills at same degree. They highlight the qualities that relate to professional and personal qualities of a lecturer: “be a master in subject” and “easily explain” (1st place); “honorable to students” and “kindness” (2nd place); “self-control” (3rd place); “objective” and “communicability” (4th place); “appearance” (5th place); internationalism (6th place).

After analyzing the data above, the following conclusions can be made:

- In their lecturer foreign students should see a patriot of Ukraine. At the same time it is totally unacceptable for him to be a nationalist, to dishonor other countries or nations;
- An image of a lecturer consists of many factors of perception by students and contains several groups of qualities: personal qualities, that characterize lecturer as a personality; professional skills, that characterize his professional activity; social skills, that characterize his communicative skills, interaction with students;
- During teaching process lecturer’s image in the eyes of the students changes;
- Effectiveness and optimization of teaching process in language training depends both on pedagogical mastership – knowledge and skills in linguistics, pedagogics and psychology, and on personal qualities of lecturer’s person.

CONCLUSION. Thereby, increased attention to questions of diagnosing language training lecturers’ professional levels demands not only scientific look and analysis, but also a new look on systems of pedagogical diagnostics. System diagnostics based on competence approach must become a key and pass-through component in monitoring professional competence of a lecturer in foreign citizens’ language training in technical universities.

Perspectives for continuing studies. An object for continuing studies is a study of an essence and structure of components for diagnosing professional competencies; definition of variable and invariable components of foreign students language training pedagogue’s professional competencies; justification of model and methods of system diagnostics of professional competencies.

REFERECES

- Andreeva, G. M. (2014). *Socialnaja psihologija: uchebnik dlja vuzov* [Social psychology: textbook]. 5th ed. Moscow: Aspekt Press.
- Bakhtin, M. M. (1986). *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh* [Problem of text in linguistics, philology and other human sciences] in Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, pp. 297-325.
- Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkijazyk i yazykovaja lichnost* [Russian language and language personality]. Moscow: Science.
- Kichuk, N. V., (ed.) (2007). *Kompetentnost samorazvitiija specialista: pedagogicheskie osnovy formirovaniija v vysshej shkole* [Competence of the specialist's self-development: the pedagogical foundations of the formation in higher education]. Izmail: IGGU.
- Ortinskiy, V. L. (2017). *Pedagogika vishchoj shkoli: navch. posib.* [High school pedagogy: the textbook]. Kyiv: Center for Literature Studies.
- Ovcharuk, O. V., (ed.) (2004). *Kompetentnostnyj podhod v sovremennom obrazovanii: mirovoj opyt i ukrainskie perspektivy: Biblioteka po obrazovatel'noj politike* [Competence approach in modern education: international experience and Ukrainian perspectives: Library for educational policy]. Moscow: K.I.S.
- Panina, S. V., Makarenko T. A. (2017). *Samoopredeleniye i professionalnaya oriyentatsiya uchashchikhsya: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Self-determination and professional orientation of students: textbook and workshop for academic undergraduate]. 3rd ed. Moscow: Yurayt, 2017, pp. 411-421.
- Podlasiy, I. P. (2015). *Pedagogika* [The pedagogy]. Moscow: VLADOS.
- Rudneva, T. I., Astakhova S. V., Lapshova E. S. (2007). *Professional'naya podgotovka spetsialistov humanitarnoho profilia* [Professional training of specialists of humanitarian profile: monograph]. Samara: Samara University.
- Slastenin, V. A., Isayev I. F., Shiyonov Ye. N. (2015). *Pedagogika: ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy* [The pedagogy: textbook]. Moscow: School Press.
- Tkachova, T. M. (2015). *Rol' lichnosti v obespechenii kachestva professional'noy podgotovki vypusknikov vuza: uchebnoye posobiye* [The role of the individual in ensuring the quality of vocational training of graduates of the university]. Moscow: MADI. 2015.
- Vasil'iev, A. D. (2015). *Slovo v rossijskom teleefire* [The word on Russian television]. Moscow: Science, pp. 11-155.

- Vereshchagin, E. M., Kostomarov V. G. (1976). *Yazyk i kultura. Lingvostranovedenie* [Language and culture. Linguistic studies]. Moscow, p. 356.
- Volkogonova, O. D., Chaplygin A. K. (2005). *Orientirujas' na Bolonskij protsess: opyt transformatsii vysshego obrazovaniya v Rossii i Ukraine* [Focusing on the Bologna process: the experience of the transformation of higher education in Russia and Ukraine] in *Modern technologies of training specialists in conditions of further development of higher education in Ukraine*. Kharkov, pp. 192-194.
- Zimnyaya, I. A. (2010). *Pedagogicheskaya psikhologiya : uchebnik dlya vuzov* [Pedagogical psychology: the textbook]. 3rd ed. Moscow: Moscow Institute of Psychology and Sociology; Voronezh: MODEK.

For citation:

Bielikova, O. & Dytiuk, S. (2019) MONITORING PROFESSIONAL COMPETENCE OF A LECTURER IN FOREIGN CITIZENS' LANGUAGE TRAINING. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 136-139. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-136-139>

Для цитирования:

Беликова, Е., Дытюк, С. (2019) МОНИТОРИНГ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 136-139. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-136-139>

Information about the authors: Olena Bielikova - Senior Lecturer, Kharkiv national university of civil engineering and architecture, Kharkiv, Ukraine

e-mail: khnuba.ukrmova@gmail.com

belikova.lenochka@gmail.com

Svitlana Dytiuk - Senior Lecturer, Kharkiv national university of civil engineering and architecture, Kharkiv, Ukraine

e-mail: khnuba.ukrmova@gmail.com

Svetlanadytiuk@gmail.com

Сведения об авторах: Елена Беликова - старший преподаватель, Харьковский национальный университет строительства и архитектуры, Харьков, Украина

e-mail: khnuba.ukrmova@gmail.com

belikova.lenochka@gmail.com

Светлана Дытюк - старший преподаватель, Харьковский национальный университет строительства и архитектуры, Харьков, Украина

e-mail: khnuba.ukrmova@gmail.com

Svetlanadytiuk@gmail.com

Manuscript received: 06/02/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-139-143>

CULTURE CONTACT AND VALUES CONFLICT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Liudmila Bogdanova
Doctor of Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
 (Moscow, Russia)
 e-mail: libogdanova1@mail.ru

Abstract. The article discusses the interaction of cultural values in teaching Russian. The purpose of the article is to show the universal and national-specific in the cultural spaces of languages that come into contact in learning of Russian as a foreign language. During the research various methods and operational procedures were used including analysis of definitions, component analysis, context transformation, equivalent replacement, modeling, linguistic experiment, etc. In the article the ways of reflection of cultural values in language are considered. The special attention is paid to the research of values conflict in the conditions of culture contact. The estimated sign of evaluation can be changed depending on the point of view that the value fixes: the view from the inside or the view from the outside. The structure of views about the same event can not correspond in different cultural communities. This work is deeply connected with such topical questions as formation of associative potential of words, national and cultural specificity of connotations, the means of its lexicographical representation, decoding of speaker's value system.

Key words: cultural values, evaluation, values conflict, culture contact, Russian as a foreign language

КОНТАКТ КУЛЬТУР И КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Людмила Ивановна Богданова
Доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
e-mail: libogdanova1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие в процессе обучения русскому языку культурных ценностей родной культуры и культуры изучаемого языка. Цель статьи – показать универсальное и национально-специфичное в культурных континуумах языков, вступающих в контакт в процессе обучения русскому языку как иностранному. В работе показано, каким образом в преподавании языка отражаются культурные ценности. Особое внимание уделяется изучению конфликта ценностей в условиях контакта культур. Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне. Структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ. Даже при наличии сходного опыта люди разных культур могут по-разному воспринимать и оценивать одни и те же факты, что подтверждает тезис о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют её языком и её схемами восприятия. В статье обосновывается необходимость учёта различных культурных кодов в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: культурные ценности, оценка, конфликт ценностей, контакт культур, русский язык как иностранный

ВВЕДЕНИЕ. В XXI веке, в условиях глобализации, вопрос о взаимодействии культур и трансформации национальных ценностей становится всё более актуальным. Рассмотрение феномена языка как средства хранения культурных ценностей является значимым фактором при обучении иностранным языкам. В процессе преподавания происходит контакт культур. Культура, понимаемая как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют члены социума, и как совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения (Sorokin 1992), является базой для формирования ценностно-ориентированной модели преподавания русского языка как иностранного. Контакт культур «обнажает» национальные ценности, высвечивая как наиболее яркие, доминантные, так и фоновые, скрытые от внешнего наблюдения. В процессе взаимодействия культур ценности разного уровня нередко вступают в конфликт друг с другом. В условиях возрастающей конфликтности изучение проблемы контакта и конфликта культур в дидактико-педагогическом аспекте характеризуется особой прагматической значимостью. Глубокое проникновение в суть противоречий, вызванных различной иерархией ценностей в разных культурах, способствует снижению уровня агрессии в общении людей. В процессе преподавания русского языка как иностранного учёт фактора столкновения ценностей и внутри коллектива обучающихся, и в связке «преподаватель – студент», является необходимой предпосылкой успешного обучения. В задачу данной работы входит выявление и конкретизация национально-культурной специфики русских ценностей, обнаруживающих себя в ситуациях контакта культур, в процессе преподавания русского языка как иностранного.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Значения слов, отсылающие пользователей языка к знаниям об окружающей их реальности (Putnam 1975), создают языковую картину мира на основе интерпретации действительности в её различных измерениях: физическом, социальном, духовном, ценностном (Bartminskiy 2005). Ценностное измерение отражает опыт освоения мира человеком и реализуется в оценочной концептуализации различных явлений. Вопросы лингвоаксиологии освещаются в работах Н.Д. Арутюновой (Arutyunova 1998), в исследованиях по лингвокультурологии и концептологии В.И. Карасика, М.Л. Ковшовой, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова и др., в трудах по этнопсихолингвистике Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, в работах по когнитивной семантике и профилированию лексики Е. Бартминьского, А. Вежбицкой и др. Изучение лексической семантики (Argesyan 1995; Wierzbicka 1999), фразеологии и паремииологии (Mokienko and Nikitina 2007; Teliya 1996) способствовало экспликации ряда культурных ценностей. Однако изучение русской ментальности показало, что «коммуникативность, возведённая в ранг единственно важного проявления языка», приводит к разъединению людей (Kolesov 2004), что особым образом подчёркивает необходимость выяснения обстоятельств, связанных с конфликтом ценностей в процессе преподавания русского языка как иностранного. Изучение этой проблемы к настоящему моменту нельзя считать завершённым. Требуется выявить факты неполной оценочной эквивалентности русских культурных понятий и лексических единиц, которые способны порождать ошибки, а иногда и «коммуникативные провалы», связанные с противоположной оценкой того или иного явления в другом коммуникативном сообществе.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе анализа материала в настоящем исследовании использовались дефиниционный, компонентный и сопоставительный анализ лексики, а также метод эквивалентных замен, трансформации контекстов, лингвистический эксперимент. Материалом послужили данные словарей русского языка и результаты наблюдений, полученные в ходе педагогической практики. Отбор материала проводился на основе диалогического подхода (Kecskes 2016), с учётом культурных параметров (Hofstede 1991; Kluckhohn and Strodtbeck 1961), из которых был выбран параметр, связанный с взаимоотношениями между людьми,

признаваемый большинством исследователей наиболее значимым для русской культуры. Внимание уделялось таким культурным фактам и лексическим единицам, которые могут иметь неоднозначную оценочную интерпретацию как в межкультурном контексте, так и внутри одной культуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Исследование показало, что основными источниками выявления ценностей, способных вступать в конфликт, являются национально-специфический компонент лексических значений, фразеологизмы, паремиологический фонд языка, культурные концепты. В процессе анализа лексической семантики было установлено, что информация о ценностях частично извлекается из словарных помет, однако словари непоследовательно сообщают о ценностном содержании слова (Bogdanova 2017). Субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» (Apreyan 1995), создаёт трудности при переводе слов с этим компонентом: для них не всегда есть точный аналог в других языках. Так, например, слова типа *ябеда*, *доносчик*, *стукач*, *фискал* указывают на отрицательную оценку русским языковым коллективом данного способа передачи информации: «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам или организациям, которые могут применить санкции против указанных людей». Трудно ожидать, что такая оценка будет универсальной: в ряде культур факт передачи информации о каких-либо нарушениях в полицию оценивается положительно как полезное для общественного порядка дело. Различия в коннотативном слое нередко приводят к непониманию при контакте культур. Так, например, финский учёный Л. Хакулинен мог сравнить финский язык с *болотом*, когда писал о сохранении в финском языке древних заимствований. Русским такое сравнение не очень понятно (родной язык – болото?!), поскольку русское слово *болото* имеет исключительно негативные коннотации (*болото предрассудков и суеверий*, *болото невежества* и т.п.). В Финляндии много болот, по одной из версий, название страны (Суоми) также связано со словом *болото*, поэтому для финнов *болото* не место тления и гниения, а «хорошее» место, с которым можно сравнивать родной язык. Различия в ассоциативном потенциале слова могут порождать коммуникативные неудачи. Так, например, иностранный студент хотел сделать комплимент преподавателю, сказав: «Вы красивая как лошадь», не зная, что в русском языке, в отличие от арабского, *лошадь* не является эталоном красоты для женщины, и сравнение с лошадью может её обидеть. В китайском языке *медведь* ассоциируется с глупостью, что выяснилось в эксперименте, заключающемся в продолжении начатых преподавателем устойчивых сравнений. На стимул «глупый как» в китайской аудитории последовал единодушная реакция: «как медведь». В русском языке *глупый как медведь* не является устойчивым сравнением, медведь ассоциируется с силой и неуклюжестью.

Опыт преподавания русского языка как иностранного убеждает в том, что одни и те же факты люди разных культур воспринимают и оценивают по-разному. Из этого следует, что культурные коды управляют языками и схемами восприятия в разных культурных сообществах не одинаково (Foucault, 1994). «Кодекс морально-нравственных правил, оценок бытия» (Teliya 1996) в структуре языка эксплицируют разного рода паремии, в частности, доказывающие ценность семьи, долга детей перед родителями и др.: *Дерево держится корнями, а человек семьёй; Вся семья вместе, так и душа на месте; Отца с матерью почитать – горя не знать; Родителей чти – не собьёшься с верного пути* и др. (Dal' 1999). Небольшой эксперимент, проведённый автором во время работы в южнокорейском университете, показал, что значимость даже таких универсальных ценностей, как любовь детей к родителям, не одинакова в разных национальных культурах. В качестве материала для аудирования корейским студентам (38 человек) был предложен текст, в котором рассказывалась история мальчика Миши. Он жил на севере, у моря, ловил с отцом рыбу, но мечтал учиться. Однако его отец хотел, чтобы сын стал рыбаком. Миша, вопреки воле отца, ушёл из дома и пешком отправился в Москву учиться. Послетекстовое задание предполагало, что студенты напишут окончание этой истории, покажут, чего добился герой рассказа в жизни. Примечательно то, что варианты продолжения текста оказались практически одинаковыми в том плане, что в фокусе внимания корейских студентов была не судьба Миши, а судьба его отца («старый отец заболел, тосковал о сыне, умер» и т.д.). Герой рассказа получил резко отрицательные характеристики: «плохой сын, нарушил волю отца, не уважает и не почитает родителей». В результате, по мнению учащихся, он спился, связался с «плохими женщинами», заболел и даже умер. Для русского сознания при этом ценностью является любовь к знаниям, стремление учиться, сила воли, целеустремленность. Но именно эти черты характера оказались вне культурного сознания корейских учащихся, потому что более высокими в иерархии ценностей для них являются долг перед родителями, их почитание и послушание. В результате эксперимента обнаружили себя как русские, так и корейские доминантные ценности. Примечательно также, что в русском культурном сознании судьба отца остаётся в тени, обычно при чтении биографии М.В. Ломоносова никто не задумывается о том, что стало с отцом после ухода сына.

В ходе исследования было установлено, что оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне. Об этом говорит, в частности, и педагогическая коммуникативная неудача, описанная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Суть её в том, что учитель русского языка предложил киргизским школьникам прочитать по ролям басню «Волк и ягнёнок», но дети отказались читать роль *ягнёнка*, потому что *ягнёнок* – слабый (слабость не вызывала у них жалости), а позитивные ассоциации у школьников были связаны с волком: *волк – сильный, храбрый, красивый, лукавый* и даже *добрый!* (Vereshchagin and Kostomarov 1980). В русском сознании слабый и беззащитный (*ягнёнок*) вызывает жалость и симпатию, *волк* же в большинстве случаев ассоциативно связан с агрессией, злобой, жестокостью (*волчий оскал, набросился как волк, злой как волк* и др.). У иностранных учащихся нередко получают отрицательную оценку положительные герои некоторых русских сказок (Иванушка-дурачок, Емеля). Причина несовпадения оценок состоит в том, что в характере одних и тех же персонажей представители разных

культур выделяют различные доминантные черты. Для русских это доброта, простодушие, бескорыстие, для представителей иных культур – глупость, лень и бездействие. Иностранцам, изучающим русский язык, трудно понять и смысл русской сказки «Морозко»: в сказке одна девушка говорит неправду, обманывает старика и получает богатство, а другая, напротив, говорит правду, что ей холодно, и за это её наказывают. Фильм «Морозко», показанный в США, оказался в числе 100 худших фильмов (Pavlovskaya 2009). Русские ценности (*терпение, смирение, кротость, скромность*) остались вне поля зрения американцев, однако славянам эти качества близки: фильм «Морозко» много лет шёл, например, в Чехии и Словакии в канун новогодних праздников.

Такая ценность, как внешняя *красота*, в русской культуре ценится не очень высоко. Об этом свидетельствует язык: *С лица воду не пить, Не родись красивой, а родись счастливой* и др. Даже жаргонные языковые единицы подтверждают ту мысль, что русский язык отражает как ценность не столько внешнюю красоту, сколько красоту поступка. Такие жаргонные номинации, как *красавчик, красава*, человек получает не за красивые глаза, а за действия, которые данной частью социума оцениваются положительно. А оскорбительная номинация *урод*, как правило, фиксирует внимание не на внешней уродливости, а на поведении, уродливом в моральном плане (*моральный урод*). В межкультурном аспекте интересно то, что в китайском языке также при восприятии *красоты* происходит сдвиг от эстетики к этике: *mei* ‘красота’ и *hao* ‘добродетель’ синонимичны. Отличие от русского восприятия красоты состоит в том, что в китайской культуре эстетическое наслаждение может вызывать утилитарную оценку (Tan' Aoshuan 2004). Именно поэтому в буквальном переводе «красивым» может быть доброе имя, благие намерения, вкусная еда и даже выгодная работа. В русском языке «красота» лишена утилитарности (красота - «огонь, мерцающий в сосуде»), но она не столь однозначно связана с нравственной основой, т.е. красота может быть как божественной, так и дьявольской.

В русской культуре в центре ценностной иерархии традиционно находятся человеческие отношения (любовь, дружба, общение), а в западных культурах, особенно в протестантских, в центре – личность, индивидуальность. *Обижение, общность*, а также связанные с ними *прямота, открытость, искренность*, не всегда понятны иностранцам. Русский «разговор по душам», характеризующийся именно *откровенностью, эмоциональностью, прямоотой*, человеку западного склада иногда кажется пустой тратой времени. А *прямота* и *откровенность* «со стороны» могут оцениваться отрицательно: как грубость, невоспитанность, бестактность. В этом же ряду «противоречивых» ценностей находится и такое русское качество, как *удаль* (ср. *русская удаль*), которое определяется «изнутри» как бесспорно положительное: ср. *удаль молодецкая; мал, да удал*. Однако, как отмечал Н.С. Трубецкой, «удаль, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам» (Trubetskoy 1921).

Русская классическая литература, транслирующая духовные ценности, может также неоднозначно восприниматься иностранцами учащимися. Иногда иностранцам непонятно, в чём духовная деградация Ионыча (рассказ А.П. Чехова): он богат, значит, у него всё хорошо сложилось в жизни. В связи с изменением ценностных ориентиров не только иностранные, но и российские учащиеся не всегда понимают, почему «быть знаменитым некрасиво» (Б. Пастернак).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В заключение следует отметить, что для каждой культуры характерны специфические алгоритмы минимизации культурных феноменов. При этом различия в оценке наиболее ощутимы, они могут привести к коммуникативным неудачам и межкультурным конфликтам. В эпоху трансформации базовых ценностей, «флуктуации» ценностных ориентиров в сторону прагматизма и денежных отношений, особенно важно обратить внимание на такую ценность, как искренние человеческие отношения, которые могут стать основой педагогики сотрудничества при обучении русскому языку как иностранному. В плане лингвистическом очевидна необходимость изучения динамических процессов в системе ценностей. Частотность употребления тех или иных лексико-фразеологических единиц, изменение значений, появление новых слов – всё это может быть «симптомами» изменения в аксиосфере. В плане лингводидактическом значимой является проблема создания ценностно-ориентированной модели преподавания русского языка как иностранного.

LIST OF REFERENCES

- Apresyan, Yu.D. (1995). *Integral'noye opisaniye yazyka I sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. Izbr. trudy' v dvux t.t. V 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 351.
- Arutyunova, N.D. (1998). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Bartminskiy, E. (2005). *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 32.
- Bogdanova, L.I. (2017). Otsenki i tsennosti v zerkale slovarey russkogo yazyka [The Reflection of Estimations and Values in Russian Language Dictionaries] *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 729-748.
- Dal' V.I. (1999) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] Moscow: Russkij yazyk.
- Foucault, M. (1994). *Slova i veshhi*. [Words and things]. SPb: A-cad.
- Hofstede, G.H. (1991). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
- Keckes, I. (2016). A Dialogic Approach to Pragmatics // *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 26-42.
- Kluckhohn, F. & Strodtbeck, F.L. (1961). *Variations in Value Orientations*. Connecticut: Greenwood Press.
- Kolesov, V.V. (2004) *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. Sankt-Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 175.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok*. [Large dictionary of Russian sayings]. Moscow.

- Pavlovskaya, A.V. (2009) *Russkiy mir. Kharakter, byt i nrawy* [Russian world. Character, life and customs]. V dvukh tomakh. Moscow: Slovo. V. 1, 29-30.
- Putnam, H. (1975). *Mind, Language and Reality. Philosophical Papers*. Cambridge Univ. Press. V. 2.
- Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo*. [Person. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat.
- Tan' Aoshuan (2004). *Kitayskaya kartina mira* [Chinese picture of the world]. Moscow, 102.
- Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 74.
- Trubetskoy, N.C. (1921) Verkhi i nizy russkoy kul'tury (Etnicheskaya osnova russkoy kul'tury) [The tops and bottoms of Russian culture (Ethnic basis of Russian culture)]. In: «Iskhod k Vostoku». Sofiya: Rossijsko-Bolgarskoye knigoizdatelstvo, 102.
- Vereshchagin, Ye.M. & Kostomarov, V.G. (1990) *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Linguistic and social studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Russkij yazyk, 88.
- Wierzbicka, Anna (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.

For citation:

Bogdanova, L.I. (2019) CULTURE CONTACT AND VALUES CONFLICT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 139-143. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-139-143>

Для цитирования:

Богданова, Л.И. (2019) КОНТАКТ КУЛЬТУР И КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 139.-143 doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-139-143>

Information about the author: Liudmila I. Bogdanova – PhD, Professor of Department of Comparative Studies of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; Doctor of Philology, Professor. *Research interests:* grammar, semantics, cognitive linguistics, the identification of subjective meanings.

e-mail: libogdanova1@mail.ru

Сведения об авторе: Людмила Ивановна Богданова – Доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Сфера научных интересов: грамматика, семантика, когнитивная лингвистика, выявление субъективных смыслов и способов их реализации в речи. e-mail libogdanova1@mail.ru

Manuscript received: 05/27/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-143-147>

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Leila Diasamidze

PhD

Batumi Shota Rustaveli State University

(Batumi, Georgia)

e-mail: leila.diasamidze82@mail.ru

Abstract. The use of innovative information and communication technologies is an integral part of today's language teaching. Their active usage enhances student learning effectiveness and contributes to the development of skills and abilities in the process of teaching foreign languages. Moreover, a creative type of person focused on independent acquisition of basic communicative competence is formed fostering learner's full engagement in educational process. The variety of Internet resources as supportive technical tool includes teleconferences, webinars, multimediaworkshops, presentations, electronic textbooks, remote lectures and many other opportunities for its integration into the system of foreign language teaching.

Keywords: innovation, multimedia, technology, foreign languages

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Лейла Яковлевна Диасамидзе
PhD, ассистент профессора
Батумский государственный университет
имени Шота Руставели
(Батуми, Грузия)
e-mail: leila.diasamidze82@mail.ru

Аннотация Использование инновационных информационно - коммуникативных технологий адекватно требованию сегодняшнего дня. Их активное использование в арсенале средств обучения повышает его эффективность и способствует развитию навыков и умений в процессе обучения иностранным языкам. Формируется творческий тип личности, ориентированный на самостоятельное приобретение основной коммуникативной компетенции в качестве полноправного партнёра учебного процесса. Реестр ресурсов Интернета, как вспомогательного технического инструмента обучения, включает телеконференции, вебинары, тестирование, мультимедиа-семинары, презентации, электронные учебники, дистанционные лекции и множество других возможностей для его интеграции в систему обучения иностранного языка.

Ключевые слова: инновации, мультимедийная информация, технология, иностранные языки

ВВЕДЕНИЕ. К современным вузам предъявляются требования о пересмотре подходов, которые до сих пор использовались для обучения иностранным языкам и поиск инновационных методов с учетом развития науки и техники. Использование интернет - технологий наряду с новыми моделями обучения, имеет целью уход от ранее используемой модели, основанной на объяснениях преподавателя. Внедрение современных информационных технологий, соответствующих международным образовательным стандартам, а также обеспечение всех необходимых условий для плодотворной работы преподавателей стратегическими приоритетами в сфере образования. Ведь информационные технологии помогают преподавателям вывести учебный процесс на качественно новый уровень.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Появление новых информационных технологий, связанных с развитием компьютерных средств и сетей телекоммуникаций, дало возможность создать качественно новую информационно-образовательную среду как основу для развития и совершенствования системы образования. Эти процессы вызвали необходимость теоретического осмысления и обмена накопленным опытом в плане их внедрения и размышлений о происходящих во всём мире процессах внедрения новых практик в преподавании иностранных языков. Существует значительное число работ, посвящённых тематике. Упомянем лишь часть из исследований коллег дальнего и ближнего зарубежья (Velikanova 2007; Polat 2004; Caturova 2004; Yakovec 2004; Belz 2010; Black 2008; Davison 2005; Hekar 2014; Rogers 2003; Todd 2009).

Инновация в точном переводе с латинского языка означает не «новое», а «в новое». Понятие «инновация» означает новшество, новизну, изменение; инновация как средство и процесс предполагает введение чего-либо нового. Применительно к педагогическому процессу инновация означает введение нового в цели, содержание, методы и формы обучения и воспитания, организацию совместной деятельности преподавателя и студентов.

Информационно – обучающая среда представляет собой совокупность условий, которые не только позволяют формировать и развивать языковые знания, умения и навыки, но и способствуют развитию личности студентов. При этом предполагается достижение коммуникативной компетенции, т.е. определенного уровня языковых, страноведческих, социокультурных знаний, коммуникативных умений и речевых навыков, позволяющих осуществлять иноязычное общение (Polat и др., 2004 :272).

К задачам информационной обучающей среды при изучении иностранного языка традиционно относятся обеспечение условий для творческого освоения письма и речевых умений и навыков, интеграция различных форм и стратегий, для развития самостоятельной познавательной учебной деятельности, повышение мотивационной насыщенности учебного процесса, организация познавательной и коммуникационной деятельности с носителями языка и членами сетевого сообщества, формирование на базе языковых знаний современной информационной культуры, позволяющей работать в компьютерной и телекоммуникационной среде (Velikanova 2007: 83).

Крису Дэвисону из Гонконга принадлежит проект «Виртуальные связи: аудитория как место для межкультурного обучения», целью которого является включить в реальную ситуацию общение между студентами из разных стран с помощью электронной почты. Проект был достаточно успешным, учитывая целесообразно определенный «виртуальный учебный треугольник» из двух групп в Германии и третьей – из Канады. Его успех можно объяснить и тем, что одним углом «виртуальный треугольник» входит в аутентичную языковую среду. Появление информационно-коммуникационных технологий значительно расширяет спектр возможностей для привлечения носителей языка к процессу обучения, причем без оставления ими аутентичной языковой среды (Davison 2005:304).

Говоря об инновационных формах повышения уровня владения иностранным языком, невозможно не упомянуть такое ставшее популярным явление, как тренинг. Это признанный метод активного обучения, одна из наиболее интересных форм проведения практических занятий со студентами. Он даёт возможность закрепления в сжатые сроки полученных теоретических знаний и отработки практических умений в деловых играх, производственных ситуациях, упражнениях, максимально приблизить знания и навыки к практике. Тренинг близок к профессиональной деятельности и представляет собой синтез различных приемов и процедур работы группы (Palagutina 2011).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Обучение иностранному языку с использованием компьютерных технологий включает в себя аутентичный языковой материал (видеоклипы, флэш-анимацию, веб-квесты и др.), онлайн - среду, где студенты общаются с носителями иностранного языка по e-mail, текстовые компьютерные редакторы, социальные сети, голосовые или видео-конференции. Инструменты языкового обучения (онлайн приложения и программы), направлены на изучение фонетики, произношения, лексики, грамматики и анализа предложений. Они включают в себя упражнения «от текста к речи», распознавание речи, интерактивные и контролируемые задания. Онлайн-среда даёт возможность коммуникации между преподавателем и студентами и студентами между собой.

Имеется довольно широкий спектр специальных инструментов и обучающих средств, предлагающих использование компьютерных технологий для обучения иностранным языкам. В обзоре технологий, используемых при обучении иностранным языкам, обычно перечисляются электронные словари, электронные аннотации, где даются ссылки на уровень слова или предложения, контекстные переводы или поясняющая информация. Это также могут быть обучающие системы, программы проверки грамматики и по автоматическому распознаванию речи, фонетические программы, виртуальные игры, синхронная компьютерная коммуникация, блоги, и многое другое.

Обычно выделяют два типа компьютерного обучения иностранным языкам. Первый предполагает дополнение компьютерными технологиями традиционные формы обучения, делая последние быстрее, легче и эффективнее. Второй тип включает инновационные способы и приёмы обучения, способствующие компетенции студентов в большей степени, чем это могут сделать традиционные методы.

Если в основе инновационного обучения лежат технологии проблемного и развивающего обучения и дифференцированного подхода к нему, а также развития критического мышления, то его основными принципами являются креативность, системное усвоение знаний, наглядность и нетрадиционные формы лекций и семинарских занятий.

При использовании инновационных технологий в обучении иностранному языку возможно большое разнообразие приёмов, включающих видеофильмы, лингвистические карты, групповую дискуссию, опорный конспект, работу с тестами, эссе и многое другое.

В нашей практике преподавания широко используются различные методы, в частности, игровое обучение улучшающее большинство компетенций студентов и делает обучение интереснее, создавая среду, в которой знания приобретают контекст. Игровое обучение развивает способность решать проблемы и навыки критического мышления через вовлеченность в процесс и интерактивный контроль, которые важны для достижения результатов обучения. Чат - беседа улучшает навыки говорения, расширяет используемый словарный запас, развивает внимательность. Пытаясь получить результат, студенты вынуждены обращать внимание на то, что они не знают или на то, что они знают только частично и концентрируют внимание на форме. Они обращают внимание на структурно - синтаксические аспекты языка для выполнения поставленной языковой задачи понимания и воспроизведения речи.

При этом электронные словари помогают студентам выполнять задания быстрее, чем при отсутствии технологий, а частота словарных просмотров увеличивается. Онлайн аудио и видео ресурсы способны усилить интерес к изучению иностранного языка и стимулируют эмоциональный отклик студентов в ответ на языковой материал. Компьютерные формы изучения языка должны быть частью смешанного обучения и совмещения с традиционными методами, которые охватывают изучение языка. Имея ограниченное количество аудиторных часов, необходимо расширять формы работ, которые студенты смогут выполнять вне занятий и здесь на помощь приходят именно компьютерные технологии и интернет-ресурсы.

Электронные онлайн аудио- и видео-ресурсы усиливают интерес к изучению иностранного языка и позволяют использовать увлекательный и спонтанный подход, стимулирующий эмоциональный отклик студентов на языковой материал. Компьютерные письменные работы, наряду с электронными письмами, требуют проверки выполненного, поощряя самоконтроль. Через переписку и общение по скайпу с носителями языка развиваются и обогащаются знания о культуре страны изучаемого языка. Через контакты представителями другой культуры формируются навыки межкультурной коммуникации и усваиваются ее ситуативные модели, при которых студенты усваивают культурные и лингвистические особенности зарубежной культуры. Компьютерная коммуникация помогает обращать больше внимания на языковые формы при выполнении письменных заданий и запоминания слов. Она также способна готовить студентов к устной коммуникации в учебной аудитории. Полагаем, что асинхронная и синхронная компьютерная коммуникация приносит определенную пользу в развитии навыков общения на иностранном языке.

Приведем конкретные примеры из нашей практики по применению современных технологий обучения различным видам коммуникативной деятельности в аудировании и устной речи. Обучение аудированию мы проводим на основе аутентичных текстов из специальных аудиофайлов, предоставленных издательством

учебного пособия “OpenMind” на электронной платформе. Такие записи приближены к естественной языковой среде и тренируют восприятие англоязычной речи в различном исполнении и на разнообразном фоне городского, производственного шумов и т.п. Нами учитывается степень охвата смыслового содержания при однократном предъявлении с естественным темпом речи. До последующего предъявления аудиоматериала предварительно даётся задача на узловые моменты текстового сюжета при достаточно жёстком лимите времени, а также снимаются лексические и грамматические трудности. Формы проверки понимания – дискуссия по прослушанному, комментирование с изложением собственного мнения, фиксация внимания на отдельных фонетических, лексических и грамматических моментах. Систематическое использование учебных фильмов на младших курсах и кинофильмов на старших, также вырабатывают навык речевого восприятия. Кроме того, мои задания найти материал для самостоятельного просмотра по теме в интернет-ресурсах (Education; Music; Sport; Doctorand Hospitals; Shopping...) помогают формировать навыки межкультурной коммуникации и знания о другой культуре.

Устная речь, как другой вид коммуникативной деятельности, неразрывно связана и в значительной мере зависит от информационной насыщенности и актуальности аудированных текстов; подбираются они нами и зачастую авторами пособий с тем, чтобы вызвать неподдельный и мотивирующий интерес. Полагаем, что главный генератор реальной дискуссии, – обсуждаемая тематика и проблемы, способные затронуть студенческую аудиторию; такие проблемы можно найти в любой теме, например, в вышеперечисленных темах текстов для аудирования, мы делаем акцент на образовательные реформы, музыкальные и спортивные предпочтения, уровень местного медицинского обслуживания, шопинг-манию и т.п. При обсуждении тем на занятии особую роль мы отводим личностно-ориентированному характеру коммуникации, поскольку он создаёт дополнительную мотивацию высказываниям дискутирующих студентов. Речевые клише, содержащие оценочные суждения, вводятся нами в активный оборот с помощью сюжетных клипов из видеоприложения к пособиям, либо подбираются заранее из учебных видео You.tube. Учебные тексты для аудирования являются при этом лишь маркерами тематики, в пределах которой происходит формирование навыков высказывания своих чувств, мыслей или настроения на заданную тему.

Тем же коммуникативным целям – аудированию и развитию навыков устной речи служит прослушивание кратких сюжетных новостей из англоязычного интернет – сайта по изучению английского языка NewinLevels, посвященного различной тематике, начиная с астрономии и заканчивая смешными происшествиями со всех уголков мира. После однократного аудирования, текст выводится на большой экран и дополнительно раздаются Handout – раздаточный материал, индивидуальный для каждой группы или пары, содержащий страноведческий, социокультурный и другие вопросы. Приобретение фоновых знаний о стране изучаемого языка может идти параллельно сравнению с ситуацией в стране проживания. Благодаря используемым нами интерактивным методам, в сотрудничестве с другими студентами эффективнее усваиваются знания. Методы коллективных форм обучения, когда над изучаемым материалом идёт работа группами, способствуют качественному усвоению нового материала. Используемым нами интерактивным методам относятся также образовательные, ролевые игры, занятия-экскурсии, групповые задания, «мозговой шторм», презентации PPT и другие, активно исключаящие монотонность из учебного процесса и пробуждающие инициативу и творческое, креативное мировосприятие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Итак, при условии квалифицированного и разумного применения, компьютерные технологии способны принести огромную пользу в развитии языковых умений и компетенций студентов вообще и при изучении иностранных языков, в частности. В основе инновационного мультимедийного обучения должен лежать принцип конструктивного и делового сотрудничества между студентами и преподавателем, при котором студент является не пассивным потребителем знаний, передаваемых преподавателем в учебном процессе, он умеет использовать все преимущества, которыми обладают инновационные методики с использованием мультимедиа- и компьютерных технологий. Интеграция компьютерных технологий в учебный процесс является нужным и полезным инструментом, предполагающим активное участие в нём обеих сторон с целью получить устойчивые знания по специальности.

LIST OF REFERENCES

- Velikanova, A. V. (2007). *Kompetentnostnoorientirovanniy podkhod k obrazovaniyu*. [Competence-based approach in education]. Samara: Profi.
- Polat, E. S., Bukharkina M. Iy, Moisseeva M. V., Petroff A. E. (2004). *Novie pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya*. [New pedagogical and recent technologies in education system]. Moskva: Akademia.
- Tsaturova, I. G. (2004). *Kompiuternye tekhnologii v obucheni iinostrannim yazykam*. [Computer technologies in teaching a foreign language]. Moskva: Visshayashkola.
- Yakovets, Y. V. (2004). *Epokhalnye innovatsii XXI veka*. [Epochal innovations of 21st century]. Moskva: Ekonomika.
- Belz, J. A., Thorne, S. L. (2010). *Computer-mediated Intercultural Foreign Language Education*. Boston, MA: Heinle & Heinle.
- Davison, Ch. (2005). *Information Technology and Innovation in Language Education*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
- Gunashakar, P. (2014). *Innovation in English Language Teacher Education*. Selected papers from the fourth International Teacher Educator Conference Hyderabad, India 21–23 February 2014. Hyderabad, India: Edited by George Pickering.
- Rogers, E. (2003). *Diffusion of Innovations*. New York: Simon and Schuster.

Thorne, S.L., Black, R.(2008). Language and Literacy Development in Computer-mediated Contexts and Communities. Annual Review of Applied Linguistics. № 28, 45-55.
 Tuksinvarajam, A., Todd, R. W. (2009). The E-pet: Enhancing motivation in E-portfolios // English Teaching Forum Online.URL: <http://exchanges.state.gov/englishteaching/forum/archives.html>

For citation:

Diasamidze, L. (2019) INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 143-147. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-143-147>

Для цитирования:

Диасамидзе, Л.Я. (2019) ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 143-147 doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-143-147>

Information about the author: Leila Diasamidze - PhD, Assistant Professor, Batumi Shota Rustaveli State University, Batumi, Georgia.

Research interests: linguistics, comparative literary studies, linguoculturology.

e-mail: eila.diasamidze82@mail.ru

Сведения об авторе: Лейла Яковлевна Диасамидзе – доктор филологии, преподаватель английского языка в государственном Университете им. Ш. Руставели, Батуми, Грузия. Область научных интересов, - лингвистика, сравнительное литературоведение, лингвокультурология.

e-mail: eila.diasamidze82@mail.ru

Manuscript received: 06/01/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-147-151>

LEXICAL MANIFESTATIONS OF THE CULTURAL SPECIFICITY OF EMOTIONS IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Ekaterina Yurievna Fatyushina
Candidate of Philological Sciences

D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Novomoskovsk Branch
 (Novomoskovsk, Russia)

e-mail: fatyushina@yandex.ru

Valentina Igorevna Popova
Assistant Professor

D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Novomoskovsk Branch
 (Novomoskovsk, Russia)

e-mail: artful.1991@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to identify and describe various ways of manifestation of cultural specificity of emotions in the vocabulary of the language, as well as to examine the possibility of using this specificity in the formation of a secondary language personality in the process of mastering Russian as a foreign language. The article uses the following methods: comparative, context analysis, case study, questioning. The cultural peculiarity of emotions is lexically manifested in the degree of their specification, which is expressed in the number of synonyms denoting the same emotional state in different languages or in the presence of additional lexemes to denote a specific variety of an emotion. Emotional vocabulary of languages can differ by potential semes, and semantic specificity entails differences in combinability. The choice of emotional vocabulary with a particular connotation also depends on the language situation. When studying a language, at the level of vocabulary semantization, it is necessary to analyze synonymic rows, to take into account the peculiarities of the compatibility and contextual use of words in the language, the specifics of functioning in different areas of language, as well as peculiarities of connotation.

Keywords: universal emotions, cultural specificity, semantization, emotional vocabulary, cultural shift of meaning

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЭМОЦИЙ (В КОНТЕКСТЕ
ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ)

Екатерина Юрьевна Фатюшина
Кандидат филологических наук
Новомосковский институт РХТУ им. Д.И. Менделеева
(Новомосковск, Россия)
e-mail: fatyushina@yandex.ru
Валентина Игоревна Попова
Старший преподаватель
Новомосковский институт РХТУ им. Д.И. Менделеева
(Новомосковск, Россия)
e-mail: artful.1991@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является выявление и описание различных способов проявления культурной специфики эмоций в лексике языка, а также возможности использования этой специфики при формировании вторичной языковой личности в ходе овладения русским языком как иностранным. В статье применялись следующие методы: компаративный, анализ контекстов, кейс-стади, анкетирование. Культурная специфика эмоций лексически проявляется в степени их детализации, которая выражена в количестве синонимов, обозначающих одно и то же эмоциональное состояние в разных языках или в наличии дополнительных лексем для обозначения той или иной разновидности эмоции. Эмоциональная лексика языков может различаться потенциальными семами, и семантическая специфика влечет за собой различия в словоупотреблении. Выбор эмоциональной лексики с определенной коннотацией также зависит от языковой ситуации. При изучении языка, на уровне семантизации лексики, необходимо проводить анализ синонимических рядов, учитывать особенности сочетаемости и контекстуального употребления слов в языке, специфику функционирования в различных сферах языка, а также особенности коннотации.

Ключевые слова: универсальные эмоции, культурная специфика, семантизация, эмоциональная лексика, культурный сдвиг значения

ВВЕДЕНИЕ. Эмоции проявляют себя на разных уровнях структуры личности. Потребности, желания, мотивы выбора человека обычно эмоционально окрашены. В регулировании взаимоотношений с другими, в развитии способностей к социализации не последнюю роль играет эмоциональный интеллект, то есть способность личности понимать намерения и мотивы других, управлять собственным эмоциональным состоянием. Понимание в процессе общения происходит посредством различных средств, в том числе и вербальных. Используя эмоциональную лексику (сюда будем относить как слова, имеющие эмоциональную коннотацию, так и обозначающие эмоциональные состояния), говорящий именно языковыми средствами намеревается донести до адресата общую картину испытываемых им чувств.

В контексте компетентностного подхода в современной методике преподавания можно говорить о том, что при обучении иностранным языкам грамотная семантизация эмоциональной лексики помогает формированию коммуникативной компетенции в составе вторичной языковой личности обучающегося.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Изучением эмоциональной сферы человека в первую очередь занимается психология, в частности, ее раздел эмотиология. Важными вехами здесь явились работы К. Изарда и Д. Мацумото. Среди отечественных эмотиологов – В.И. Шаховский, Ю.А. Сорокин, Е.Ю. Мягкова.

В лингвистике последних десятилетий заметно усилился антропоцентрический подход (об этом пишет, например, А.С. Илинская). Если в XX в. работы, посвященные эмоциональной стороне лексики, были малочисленны (среди них следует выделить исследования В. Телии), на сегодняшний момент всё больше лингвистов уделяют внимание этой проблематике (А.Ю. Бабкина, Л.А. Ветюгова, Н.Н. Орлова, К.О. Погосова).

Усиливается и интерес к вопросу об особом внимании к семантизации эмоциональной лексики при изучении иностранных языков. Так, в пособии Е.А. Маслыко и П.К. Бабинской предлагается привлекать к семантизации междометий комиксы. Непосредственно особенностям включения эмоциональной лексики в учебный процесс посвящено исследование С.В. Першутина.

Тем не менее, вопрос остается малоизученным, в частности, из-за того, что его разработка требует привлечения данных не только лингвистики и методики преподавания, но и психологии, теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и других наук.

ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Целью исследования является выявление и описание различных способов проявления культурной специфики эмоций в языке, а также возможности использования этой специфики при формировании вторичной языковой личности в ходе овладения русским языком как иностранным.

В статье применялись следующие **методы:** компаративный, анализ контекстов, кейс-стади, анкетирование.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Человеческие эмоции имеют универсальный характер. Это доказали исследования Ч. Дарвина и его последователей (Darvin, Ekman 2013; Izard 2007). Однако при всей универсальности основные человеческие эмоции – гнев, отвращение, страх, радость, печаль и удивление (К. Изард добавляет интерес, презрение, стыд, смущение (застенчивость), вину, любовь (Izard 2007: 6)) – допускают в диапазоне своего выражения некоторую вариативность – культурную специфику. Это отчетливо наблюдается в поведении, если сравнить, например, эмоциональность представителей северных и южных народов.

При обучении русскому языку как иностранному большую важность приобретают способы проявления культурных особенностей эмоций в языке. Различные языки по-разному описывают, фиксируют, детализируют проявление эмоций. Например, в языке о. Гаити концепт «любить» обозначается при помощи восьми слов (Mil'rud 2013: 43). В древнегреческом языке *эрос*, *агапе*, *филия*, *строге* описывали различные виды любви: любовь-страсть, любовь-дружбу, жертвенную любовь, любовь-привязанность (Nazarov 1993: 8), в то время как в современных европейских языках это семантическое поле менее разработано.

В качестве примера разносторонности семантического поля одного концепта в разных языках можно привести понятие «гнев» в русском и английском. В русском языке, привлекая данные нескольких словарей, мы обнаружили у слова «гнев» 8 синонимов: *бешенство*, *ярость*, *раздражение*, *негодование*, *злость*, *возмущение*, *аффект*, *озлобление*. В английском языке, только по данным онлайн-словаря Oxford Dictionary Thesaurus, у слова *anger* насчитывается 18 синонимов разной стилистической принадлежности (*rage*, *fury*, *wrath*, *outrage*, *temper*, *road rage*, *air rage*, *irascibility*, *ill temper*, *spleen*, *ill humour*, *tetchiness*, *testiness*, *waspishness*, *aggravation*, *ire*, *choler*, *bile*).

Слова, которые обозначают частные разновидности проявления эмоций, могут относиться к разряду безэквивалентной лексики, следовательно, на другие языки переводятся с трудом. Так, в японском языке есть слово *ijirashii* (это чувство вызывает человек, достойно преодолевающий препятствия) (Мацумото 2003: 26). Английскому слову *frustration* нет аналога ни в арабском, ни в русском. При переводе на русский это понятие можно передать либо термином «фрустрация», либо, при описании ситуации («frustrating situation»), используя эквивалент «обидно». Для языков характерно стремиться восполнить семантические лакуны. Поэтому безэквивалентные слова становятся объектом заимствования – например, *Schadenfreude* из немецкого вошло в английский язык, где до недавнего времени не было лексического обозначения для чувства злорадства.

Семантический состав слов, обозначающих понятие, может совпадать почти полностью, за исключением нескольких потенциальных сем. Но за счет этого две лексемы только условно можно считать взаимопереводимыми. Так, Стивен Пинкер пишет: «Концепт «freedom» не является независимым от конкретного языка (отличаясь, например, от римского концепта «libertas» или русского концепта «свобода»). Он сформирован культурой и историей, будучи частью общего наследия носителей английского языка» (Pinker 1994: 176).

Культурное наследие носителей русского языка хорошо обрисовывается из «непереводимых русских слов, таких как истина (нечто вроде 'высшей правды'), душа (рассматриваемая как духовное, моральное и эмоциональное ядро человека и некий внутренний театр, в котором разворачивается его моральная и эмоциональная жизнь); подлец ('подлый человек, внушающий презрение'), мерзавец ('подлый человек, внушающий отвращение')» (Vezhbickaya 1999: 265).

По нашим наблюдениям, слово «счастье» также можно считать примером слова, не совпадающим по своему объему значения со словом «happiness». Как «истина» – это *higher truth*, русское «счастье» - *higher happiness*, нечто более высоко и метафизически ориентированное. «Happiness» ближе к понятию «комфорт», «удовлетворенность происходящим». Довольно сложно перевести, используя слово «счастлив», следующие английские фразы: *If you're happy with your photo...* («Если вы довольны своим фото...»), *Gavin's prepared a present for Dad, and Mum isn't happy* («Гэвин приготовил подарок для папы, но маме подарок не нравится»). Явление, когда слова, имеющие регулярные переводческие соответствия в другом языке, в то же время отличаются наличием лингвоспецифичных потенциальных сем (в данном случае в английском языке есть соотносительность с личной удовлетворенностью / неудовлетворенностью, а в русском – с высшим идеалом), предлагаем назвать «культурным сдвигом значения». Семантическая специфика подобных единиц влечет за собой специфику сочетаемости и словоупотребления.

Выбор эмоциональной лексики с определенной коннотацией – оценочной или стилистической – зависит и от языковой ситуации. В культурах, для которых характерна ситуация диглоссии, выбор лексики также может быть обусловлен сферой употребления языка. Так, в группе подготовительного отделения, где обучаются русскому языку студенты из Демократической Республики Конго, мы задали вопрос: «На каком языке вы расскажете, что с вами произошло что-то очень плохое, а на каком – что произошло что-то очень хорошее?» Из пяти опрошенных четверо сказали, что о приятном событии будут рассказывать на французском (официальный язык ДРК), а о неприятном – на лингальском (африканский язык, который студенты назвали своим родным, используется для общения в семье). Безусловно, выбор языка в данном случае связан со спецификой коммуникативной ситуации: о горе не принято рассказывать посторонним, а внутри семьи конголезцы общаются на лингальском. В то же время, можно предположить, что повторяющаяся ситуация в будущем повлияет на развитие лингальского языка: семантическое поле лексем, выражающих негативные эмоции, может разрастись, если именно этот язык будет чаще употребляться для их выражения.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ НА УРОКЕ РКИ / PRACTICAL APPLICATION OF THE RESULTS IN THE LESSON OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Сформированная коммуникативная компетенция является показателем успешного освоения языка. В развернутой коммуникации с носителями языка (в случае данного исследования русского) точное и адекватное выражение эмоционального состояния при помощи вербальных средств подтверждает достаточно высокий уровень овладения языком. Напротив, ошибки в словоупотреблении могут стоить говорящему успешной коммуникации.

Если преподавание языка осуществляется в интернациональной группе, необходимо чутко улавливать различия в значениях и коннотациях, которые представители разных культур могут приписывать словам. Так, на уроке русского языка как иностранного, проходившем в Новомосковском институте РХТУ им. Д.И. Менделеева (г. Новомосковск, Россия), преподаватель попросил студентов привести примеры, иллюстрирующие новое для них слово «бояться» (учебник «Дорога в Россию», часть 3, тема «Слова, не употребляющиеся без 'ся'»). Помимо ожидаемых фраз вроде «я боюсь собак», «я боюсь тигров», «я боюсь летать на самолете» прозвучал пример «я боюсь Бога». В ходе дискуссии выяснилось, что в португальском языке лексема «бояться» имеет общие семы с лексемой «ненавидеть» (ср. пришедшее из древнегреческого понятие «фобия»: ксенофобия, арахнофобия и под.). В таком случае это слово по отношению к Богу религиозный человек употребить, конечно, не может. Однако в русском языке религиозный трепет можно назвать «боязнью», есть слово «богобоязненный», поэтому употребление словосочетания «бояться Бога» вполне возможно.

В качестве примера поэтапной семантизации эмоциональной лексики приведем постепенное раскрытие смысловых связей понятия «счастье» на уроке русского как иностранного при использовании учебного комплекса В.Е. Антоновой, М.М. Нахабиной, А.А. Толстых «Дорога в Россию». В первый раз обучающиеся встречаются с понятием «счастлив» при работе с текстом о доме-музее А.С. Пушкина на Арбате (элементарный уровень, урок 10). В тексте из учебника читаем: *«Александр Сергеевич – первый поэт России. Его жена Наталья Николаевна – первая красавица Москвы. Они жили здесь и были счастливы... Я видела кабинет. Здесь поэт работал, писал стихи. Я была в их гостиной. Здесь Пушкин и его жена отдыхали, слушали музыку. Здесь были их друзья. Они читали стихи и говорили, говорили...»* После прочтения обучающимся предлагается ответить на вопрос, почему Пушкин и его жена были счастливы. В целом, в отрывке заложены такие семантические связи концепта «счастье», как «счастье – любовь», «счастье – семья», «счастье – любимая работа», «счастье – общение с друзьями». Дома предлагалось написать небольшое сочинение на тему «Когда я счастлив?» В основном, ребята рассказывали о счастье в кругу семьи. Некоторые упоминали такие сниженные моменты, как приятная еда или удачная покупка. С ними провели беседу о том, что в русской культуре «счастье» более возвышенно и глобально, оно не совпадает с понятиями «рад», «доволен» (проведено сравнение и с английским «happy»). Часть обучающихся в домашней работе упомянула о счастье как об отсутствии войны (например, молодые люди из Сирии), о счастье, когда твоя Родина тебя любит и принимает. Следующим этапом был совместный просмотр презентации о понимании счастья Л.Н. Толстым (о его поиске «зеленой палочки»). Здесь упомянули, что важно, когда люди счастливы «все вместе» (цитировались дневники Толстого и том, что необходимо раскидывать «паутину любви»), делался акцент на необходимости труда (в том числе физического), на том, что до некоторой степени у разных людей и культур понятие счастья может различаться (у Пушкина оно более семейное, у Толстого больше «для всех»), в связи с чем необходимо быть терпимым к тем, кто видит свое счастье иначе. В этом контексте ребята готовили к уроку перевод пословиц о счастье с родного языка на русский язык. Следующим столкновением с понятием «счастье» стал текст «Два возраста счастья» (базовый уровень, урок 3). К слагаемым счастья добавились идеи о возможности мечтать (в 15 лет) и реализовывать свои мечты (70 лет). В итоге, когда на 4 уроке базового уровня обучающиеся выполняли задание написать открытку с пожеланиями, и одним из вариантов было пожелание счастья, все участники группы уже могли осознанно объяснить, что подразумевается под этим понятием.

ВЫВОДЫ. Таким образом, учитывать культурную специфику эмоций в изучаемом языке необходимо начинать на этапе семантизации лексики. Особенно пристального внимания в данном случае требует анализ контекстуального употребления слов. Немаловажно привлечение фразеологии, поиск синонимических рядов, рассмотрение особенностей сочетаемости и специфики функционирования в различных сферах языка.

LIST OF REFERENCES

- Babkina A.Y. (2008) *Semanticheskiye osobennosti naimenovaniya chuvstv i emotsij cheloveka v sovremennom russkom yazyke* [Semantic features of naming human feelings and emotions in the modern Russian language], Dissertatsiya na soiskaniye stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Kazan'
- Darwin Ch., Ekman P. (2013) *O vyrazhenii emotsij u cheloveka i zhivotnykh* [On the expression of emotions in humans and animals], SPb.
- Ilinskaya A.S. (2006) *Znakovaya tipologiya yazykovykh edinits, reprezentiruyushchikh emotsii v anglijskom yazyke* [Sign typology of language units representing emotions in English] Polzunovsky vestnik №3 / Altaysky gosudarstvennyy tekhnicheskyy universitet imeni I. Polzunova
- Izard K. (2007) *Psikhologiya emotsij* [Psychology of emotions], SPb.
- Maslyko E.A., Babinskaya P.K. (1999) *Nastolnaya kniga prepodavatelya inostrannogo yazyka: spravochnoye posobiye* [Handbook of a foreign language teacher] Vysshaya shkola, Minsk.

- Matsumoto D. (2003) *Psikhologiya i kultura* [Psychology and culture], SPb.
- Milrud R.P. (2013) *Yazyk kak simvol kul'tury* [Language as a symbol of culture] // *Yazyk i kul'tura*, № 2 (22).
- Myagkova E.Y. (2000) *Emotsionalno-chuvstvennyj component znacheniya slova: voprosy teorii* [The emotional-sensual component of the meaning of a word: theory questions] Dissertatsiya na soiskaniye stepeni doktora filologicheskikh nauk, Moskva, IY RAN.
- Nazarov V.N. (1993) *Fenomenologiya mudrosti: Obrazy mudretsa v istorii kultury* [Phenomenology of wisdom: Images of the sage in the history of culture], Tula.
- Orlova N.N. (2009) *Yazykovye sredstva vyrazheniya emotsij: sintaksicheskij aspekt (na materiale sovremennoj anglijskoj prozy)* [Language means of expressing emotions: syntactic aspect (on the material of modern English prose)] Dissertatsiya na soiskaniye stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Rostov-na-Donu.
- Pershutin S.V. (2014) *Nekotorye preimushchestva vklyucheniya emotsionalnoj leksiki v uchebnyj process* [Some advantages of including emotional vocabulary in the learning process] // *Tendentsii razvitiya tochnykh, estestvennykh i gumanitarnykh nauk*, Sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Bryansk, P. 23-29.
- Pinker Steven (1994) *The language instinct*. New York: William Morrow.
- Pogosova P.O. (2007) *Kontsepty emotsij v anglijskoj i russkoj yazykovykh kartinakh mira* [Concepts of emotions in English and Russian language pictures of the world] Dissertatsiya na soiskaniye stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Vladikavkaz.
- Teliya V.N. (1991) *Ekspressivnost' kak proyavleniye subjektivnogo faktora v yazyke i yeyo pragmaticheskaya orientatsiya* [Expressivity as a manifestation of the subjective factor in the language and its pragmatic orientation] В.Н. Телия // *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti*, Moskva, p. 5-36.
- Vetyugova L.A. (2008) *Leksicheskiye sredstva vyrazheniya i opisaniya emotsij v nemetskom yazyke* [Lexical means of expressing and describing emotions in German] *Unoversitetskiye chteniya: materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU*, Pyatigorsk, p.177-181.
- Wierzbicka A. (1999) *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and language description] Moskva, *Yazyki russkoj kultury*.

For citation:

Fatyushina, E.Yu. & Popova, V.I. (2019) LEXICAL MANIFESTATIONS OF THE CULTURAL SPECIFICITY OF EMOTIONS IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE. *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 147-151. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-147-151>*

Для цитирования:

Фатюшина, Е.Ю., Попова, В.И. (2019) ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЭМОЦИЙ (В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ) // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 147 -151. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-147-151>*

Information about the authors: Ekaterina Yurievna Fatyushina - Candidate of Philological Sciences (PhD)

D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Novomoskovsk Branch, Novomoskovsk, Russia
e-mail: fatyushina@yandex.ru

Valentina Igorevna Popova - Assistant Professor, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Novomoskovsk Branch, Novomoskovsk, Russia

e-mail: artful.1991@mail.ru

Сведения об авторах: Екатерина Юрьевна Фатюшина - кандидат филологических наук, Новомосковский институт

РХТУ им. Д.И. Менделеева, Новомосковск, Россия

e-mail: fatyushina@yandex.ru

Валентина Игоревна Попова - старший преподаватель, Новомосковский институт РХТУ им. Д.И. Менделеева, Новомосковск, Россия

e-mail: artful.1991@mail.ru

INTER-ETHNIC COMMUNICATION IN LANGUAGE TEACHING

Liubov Karpets

**Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Associate Professor
Kharkiv State Academy of Physical Culture
(Kharkiv, Ukraine)**

e-mail: lubo.karpets@gmail.com

Helena Kucherenko

**Candidate of Philology, Associate Professor
Kharkov National University of Civil Engineering and Architecture
(Kharkiv, Ukraine)**

e-mail: kucherenkoef@gmail.com

Abstract. The purpose of scientific research: to analyze the essence of the problem of mastering foreign languages in the process of international communication. The article used the following methods: field research, sociolinguistic analysis of the collected material, problem-situational analysis, active analysis. Within the framework of the survey, respondents determined the level of knowledge of a foreign language, the reason for interest in the culture of other countries, and the intercultural characteristics of learning foreign languages. Among the types of tasks, an analysis of textual, Internet material (video and audio) of an intercultural nature is proposed; systematic discussion of facts highlighting the characteristics of cultures; conducting role-playing games and discussions; writing dialogs with people from different cultures; comparative analysis of proverbs, sayings, phraseological units. Thematic trainings have been conducted that help overcome the difficulties of intercultural communication. To achieve this goal, it is necessary to take into account changes in the world's pictures in the minds of students, which are displayed differently by language means and have different intercultural meaning. The process of transculturation, cultural polylogue should not lead to a complete synthesis, fusion of cultures of the studied languages. Inter-ethnic communication is the interaction and mutual enrichment of cultures.

Keywords: inter-ethnic communication, teaching foreign languages, changing the pictures of the world.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКАМ

Любовь Карпец

**Доктор философии, кандидат филологии, доцент
Харьковская государственная академия физической культуры
(Харьков, Украина)**

e-mail: lubo.karpets@gmail.com

Елена Кучеренко

**кандидат филологии, доцент
Харьковский национальный университет строительства и архитектуры
(Харьков, Украина)**

e-mail: kucherenkoef@gmail.com

Аннотация. Цель научного исследования: проанализировать сущность проблемы овладения иностранными языками в процессе межнациональной коммуникации. В статье использованы следующие методы: полевого исследования, социолингвистического анализа собранного материала, проблемно-ситуационного анализа, деятельностный. В пределах проведенного исследования респонденты определяли уровень знаний иностранного языка, причину заинтересованности культурой других стран, межкультурных особенностей изучения иностранных языков. Среди видов заданий предложены анализ текстового, Интернет материала (видео и аудио) межкультурного характера; системное обсуждение фактов, выделяющих особенности культур; проведение ролевых игр и дискуссий; написание диалогов с представителями разных культур; сравнительный анализ пословиц, поговорок, фразеологизмов. Проведены тематические тренинги, которые помогают преодолеть трудности межкультурной коммуникации. Для решения поставленной цели обязательно необходимо учитывать изменения картин мира в сознании студентов, которые по-разному отображены языковыми средствами и имеют разный межкультурный смысл. Процесс транскulturации, культурный полилог не должен приводить к полному синтезу, слиянию культур изучаемых языков. Межнациональная коммуникация – это взаимодействие и взаимообогащение культур.

Ключевые слова: межнациональная коммуникация, обучение иностранным языкам, изменения картин мира

INTRODUCTION. Language is a universal means of not only receiving and transferring knowledge, information, but also a powerful means of human life and society. This is a socio-cultural mechanism of communication of the past, present, future. Under conditions of globalization, it acquires new features, new drawing. Analysis of the status and strategies of language as a reality of the educational sphere ascertains the new trends in its existence. Speech reality requires careful attitude towards oneself, where the desire to learn, to acquire knowledge, can turn into an educational capital of the individual, contributing to its intellectual and spiritual development. Today's rapid development of scientific and technological progress leads to an intensification of the interest in the problem of inter-ethnic

communication in education as an important factor in the individual. The basic principles and methods of communication theory were actively developed during the XX century and continue to be developed in the XXI century by scholars from all over the world, since the communicative aspect of language learning, the unresolved intercommunicative problems of linguocultural studies do not lose its relevance in a modern, globalized, inter-ethnic society.

REVIEW OF LITERATURE. The theory of linguistic communication, interethnic communication was the subject of research of scientific works as Ukrainian linguists (F. Baitsevich, A. Ishmuratov, T. Kosmeda, G. Pocheptsov, O. Semenyuk, etc.) and foreign (E. Bern, A. Vezhbitskaya, G. Grais, O. Zalevskaya, V. Karasik, Y. Lotman, O. Matiyash, P. Cooper, T. Ushakova, R. Jakobson, etc.).

Due to the definite topic of the study among the terms used, which reveal the essential aspects of the problems of interethnic relations and relations in the educational process at different historical periods of time, the most commonly used are the following: "intercultural communication", "intercultural competence", "intercultural learning methods".

R. Jakobson understood communication as "the process of transferring information between people through sign systems, signals" (Jakobson 1975).

According to Y. M. Lotman, it is extremely important for understanding communication that language knowledge and practical skills to translate the text from the language of your "I" into the language of your "you", the one who transmits information (Lotman 1996).

We share the opinion of F. Batsevych, which distinguishes mechanistic and active communication. Mechanistic communication is a process of transferring information from one participant of a communicative situation to another, and active communication involves the unity of all participants in the communicative process, which results in common views.

O. Matiyash is a supporter of psychologization of communication, because the scientist focuses on the interpersonal, interpersonal aspect of human communication (Matiyash 2002).

For the proposed research materials are extremely relevant, to our mind, it is necessary firstly to reveal the essence of the term "intercultural communication", which we will use in the future.

In "Glossary of Terms of Intercultural Communication" by F.S. Batsevich the definition of the above term is given: "Intercultural communication - the process of communication (verbal and non-verbal) of people (groups of people) belonging to different national linguocultural communities tends to be used in different idioethnic languages, feel linguocultural "foreignness" of the communication partner, have a different communicative competence that can cause communicative failures or cultural shock in communication" (Batsevich 2007).

The purpose of scientific research is to analyze the problems of effective teaching of foreign languages taking into account the processes of inter-ethnic communication.

RESEARCH METHODS. To achieve this goal, the following methods were used in this research: field research method, sociolinguistic analysis of collected material. The field survey method included questioning and interviewing, as well as direct observation. During the questionnaire respondents were asked to answer the questions that allowed to reveal: the interest in learning a foreign language; the purpose of studying a foreign language; self-esteem in native language; self-assessment of foreign language level; skills that interest most students in learning a foreign language; what language and in what situation one prefers and why; how to assess the aesthetic aspect of a language; how information technology helps in learning languages; the most effective forms of training.

One of the forms of observation was an interview, where questioning and observations were combined. Listening to the informant's answers, the interviewer could simultaneously observe the peculiarities of speaking, 175 people were interviewed.

Among the methods used in the research of this topic, an active method is important, oriented to the sociocultural context of the languages that are functioned and studied. The method is aimed at understanding the language as an active informative and communicative activity of the student as a way to realize the language in society and professional activities.

The application of the method of problem-situation analysis (case study) during language learning contributed significantly to the study of intercultural communication skills.

RESULTS AND DISCUSSION. Within the framework of the survey, respondents answered questions about their knowledge of a foreign language, interest in the culture of other countries, and the peculiarities of studying foreign languages. Among the types of tasks as the implementation of the active method, the following were proposed: analysis of text, Internet material (video and audio) of the intercultural direction; systematic discussion of facts that highlight the peculiarities of cultures of representatives of countries-communicators; conducting role-playing games and discussions, drawing on learned and mastered culturological material; writing imaginary dialogues with representatives of different cultures; comparative analysis of proverbs, sayings, phraseological units.

No less important for the development of intercultural competence are trainings that help to overcome the difficulties of intercultural communication. Through training, you can actually experience specific language learning conditions, apply the peculiarities of intercultural communication in a variety of situations: public speech, conflict resolution and misunderstanding, and constant changes in the cultural environment. Among the actively offered training methods of language teaching, which include the use of educational effects on the effectiveness of the learning process, we should mention brainstorming, role-playing games, group discussions. Group tasks performed during the training activities form and develop the intercultural etiquette behavior of the students of one team, contribute to the improvement of their intercultural competence.

The skills of intercultural communication (both language and linguistic) can be improved by applying the following directions of training: "Causes of Efficiency or Inefficiency in Intercultural Communication", "Tolerance as a Significant Factor of Understanding in an Intercultural Environment", "Basic Rules of Ethics of Communication in Interethnic Professional Speech", "Culture of Oral Inter-ethnic Business Communication", "Communicative Interaction in Intercultural Language Communication", "Speech Influence as a Result of Communicative Interaction". "The Role of the Individual in the Process of Preventing and Resolving Conflict Situations", "Features of International Business Etiquette".

Respondents were offered a training on "Features of International Business Etiquette", focusing on its successive structural stages. This training is aimed at active group work out of such tasks: a) definition of features of business etiquette of representatives of different cultures; b) the choice of general behavior, taking into account intercultural differences; c) the selection of the necessary language formulas for each particular communication situation; d) the practical application of selected language means in a group type of task (role play, dialogue or polylogue, discussion). Such trainings aim to teach intercultural communication, developing and enriching the language and speech culture of each of the participants in the communicative process.

The purpose of the study was to identify information regarding the desire to learn foreign languages. As the results of the survey showed, only 15% of respondents answered negatively. Most showed interest in learning foreign languages (Fig. 1). According to the questionnaire, 90 students study in the first year, representing the majority of the respondents (51% are boys, 49% are girls). 50 students - second year and 35 students - fourth year.

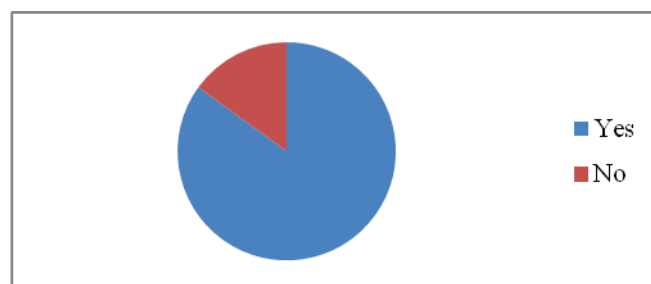

Fig. 1 The desire to learn foreign languages

In order to identify the interest and needs of students, the questionnaire raised the question of determining the purpose of learning a foreign language (Fig. 2). As the survey showed, for the majority of respondents, additional knowledge of a foreign language is required for the professional sphere of activity. Culturological and tourist destination put in the second place. Students understand that the expansion of the horizons enables them to develop, through the language to learn the spiritual world of another country.

The findings of our study demonstrate the average level of knowledge of respondents in foreign languages. The majority of respondents know better English among other foreign languages. This is not a new fact because students mainly study English language.

Most students in the study of foreign languages can see various forms of learning language but most of them are attracted by creative forms, where there is an opportunity to express their views. (Fig. 3).

In this regard, it is important to focus more attention during the classes on the development of oral communication. As you know, "active productive methods that are in line with the logic of a competent approach, there are such forms of team work, as "case-studies" method, simulation-action game, "brainstorming" (Chstelidou, 2011).

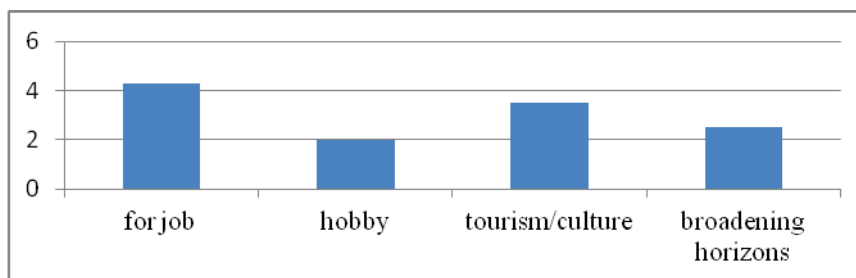

Figure 2. The purpose of studying a foreign language

The purpose of language education can no longer be only the mastering of language knowledge, skills and abilities. The main thing in language education should be the formation of the subject's ability to participate in intercultural communication, which involves the mutual exchange of values and orientations, knowledge and ideological positions that take place in the process of intercultural interaction between subjects.

In the training of national and foreign languages, there is awareness of new, the picture of different cultures and the interaction of these cultures is formed. The intercultural approach determines the relationship between various ethnic communities of the community. The result of the dialogue and the polylogue of such relations of communicants should

be awareness of national peculiarities, and consequently, sequential and structured actions, which determine the participation of each participant in the intercultural dialogue.

The organization of non-fragmentary knowledge in the modern education system remains ineffective until the language won't become a base of education as a means of knowledge and communication in native and non-native languages. The key in language education is the formation of the ability to participate in intercultural communication. In our opinion, the linguistic space in the conditions of the information society is influenced, on the one hand, by factors of the actual educational space, acting as a general in relation to the linguistic space, and on the other, the specific conditions for the formation of the linguistic space.

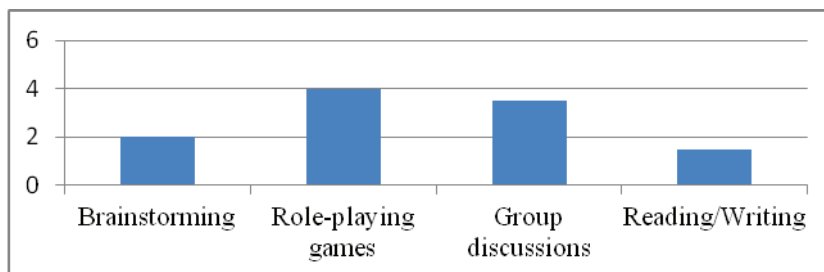

Fig. 3 Forms of classes

CONCLUSION. On the basis of the study, we can state that one of the main problems in mastering a foreign language, for the solution of which requires the appropriate organization of the educational process, is a change in the human consciousness of world paintings, which are differently reflected by linguistic means and carry different ideological load. The level of foreign language skills depends on the level of native language skills that a person learns to think, and the standards of national thinking are naturally transferred to the system of standards of thought, which belong to a foreign language, the so-called process of transculture occurs, there is a cultural polylogue, in which process should not take place complete synthesis, fusion, full cultural translation, where cultures meet, interact, but do not fuse. The process goes beyond the limits of language education. Language education as a process of disclosure and a combination of the worldview is an integrative one, in view of which it is necessary to formulate curricula that allow the adaptation of one world view to the other, to understand that different languages are formed on the basis of certain worldviews. The content of modern education in its essential part does not correspond to the tasks of development of cognitive abilities of the individual. Scientific knowledge, for a more accurate assimilation, was "packaged" in different disciplines and reflects only a certain picture of the world. It is possible to use certain integrated technologies, to create a holistic image of the national culture and to provide the possibility of analyzing the word in the context of the whole culture as a whole, which requires the establishment of interdisciplinary connections and, thus, the integration of the subjects being studied.

LIST OF REFERENCES

- Chstelidou D. Needs-Based Course Design: The Impact of General English Knowledge on the Effectiveness of an ESP Teaching Intervention. *Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol.15. P.403-409.
- Lotman Yu. M. (1996) *Vnutrimyslyashhixmirov. Chelovek- tekst-semiosfera-istoriya* [Inside the thinking words. Man-text-semiosphere-history] [Elektronnyj resurs] / Yu. M. Lotman.– Moskva.Rezhim dostupa: http://www-philology.univer.kharkov.ua/katedras/prof_sites/kazakova/leccion_5.pdf.
- Matyash O. I.(2002) *Chto takoe kommunikaciya i nuzno li kommunikativnoe obrazovanie* [What is communication and whether communication education is necessary// *Siberia. Philosophy. Education*](6), 36.– 47 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa:<http://jarki.ru/upress/2008/10/13/48>.
- Slovnny'kterminivmizhkul'turnoyikomunicaciyi (2007) [Dictionaryoftermismizkulturnoikomunikaciy] / F.S.Bacevy'ch.
- Yakobson R. (1975) *Lingvistika i poetica*//*Strukturalizm «za» i «protiv»*[Linguistics and Poetics// *Structuralism: «pros» and «cons»*] – Moskva, 193.– 205.

For citation:

Karpets, L. & Kucherenko, H. (2019) INTER-ETHNIC COMMUNICATION IN LANGUAGE TEACHING. *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 152-156. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-152-156>*

Для цитирования:

Карпец, Л., Кучеренко, Е. (2019) МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКАМ // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 152-156. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-152-156>*

Information about the author: **Luibov Karpets** – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Associate Professor Kharkiv State Academy of Physical Culture (Kharkiv, Ukraine)
e-mail: lubo.karpets@gmail.com

Сведения об авторе: Любовь Карпец – доктор философии, кандидат филологии, доцент, Харьковская государственная академия физической культуры, (Харьков, Украина)
e-mail: lubo.karpets@gmail.com

Information about the author: Helena Kucherenko – Candidate of Philology, Associate Professor, Kharkov National University of Civil Engineering and Architecture, (Kharkov, Ukraine).
email: kucherenkoef@gmail.com

Сведения об авторе: Елена Кучеренко – кандидат филологии, доцент, Харьковский национальный университет строительства и архитектуры, (Харьков, Украина)
email: kucherenkoef@gmail.com

Manuscript received: 05/027/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-156-160>

BILINGUAL EXPLANATORY-GRAMMATICAL DICTIONARY AS A MEANS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Tatiana Nikitina
Doctor of Philology, Professor
Pskov State University
(Pskov, Russia)
e-mail: cambala2007@yandex.ru

Abstract. The purpose of the project presented in this article is to create a multifunctional dictionary, which will be useful in teaching various types of speech activity and aspects of foreign language. This is achieved through the use of methods of comparative, contextual and linguoculturological analysis in the course of work on the project. The result of the study is the concept of a new type of educational dictionary – bilingual explanatory-grammatical (Russian-Hungarian). The article reveals the differences of this dictionary from traditional lexicographical sources, shows its advantages as a means of teaching a foreign language. The material in the first section of the dictionary is grouped by parts of speech. The second section implements the functional-communicative principle of material arrangement. Thus, the bilingual dictionary, based on the proposed model, provides a comprehensive approach to teaching Russian grammar to foreigners, and can also be useful for Russian-speaking users learning a foreign language.

Keywords: educational dictionary, non-native language teaching, Russian language, Hungarian language, adjective

ДВУЯЗЫЧНЫЙ ТОЛКОВО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ

Татьяна Геннадьевна Никитина
Доктор филологических наук, профессор
Псковский государственный университет
(Псков, Россия)
e-mail: cambala2007@yandex.ru

Аннотация. Цель научно-методического проекта, представляемого в данной статье – создание многофункционального учебного пособия словарного типа, которое будет полезным при обучении различным видам речевой деятельности и аспектам иностранного языка. Это достигается за счет использования в ходе работы над проектом таких методов лингвистического исследования, как сопоставительный, контекстуальный и лингвокультурологический анализ. Результатом исследования стала концепция учебного словаря нового типа – двуязычного толково-грамматического (русско-венгерского). В статье раскрываются отличия данного словаря от традиционных лексикографических источников, его преимущества как средства обучения неродному языку. Материал в первого раздела словаря группируется по частям речи. Здесь системно представлены их морфологические свойства и синтаксическая валентность. Во втором разделе реализуется функционально-коммуникативный принцип расположения материала: макростатьи объединяют средства выражения пространственных, временных, причинных и других логико-грамматических отношений, изучаемых в курсе русского языка как иностранного (базовый уровень). Таким образом, двуязычный словарь, построенный по предлагаемой модели, обеспечивает комплексный (системно-функциональный) подход в обучении русской грамматике иностранцев, а также может быть полезен русскоязычным пользователям, изучающим иностранный язык.

Ключевые слова: учебный словарь, обучение неродному языку, русский язык, венгерский язык, имя прилагательное

ВВЕДЕНИЕ. Лингвометодическое обеспечение процесса обучения неродному языку – проблема, основательно разработанная в теоретическом плане и получившая реализацию в многочисленных учебных пособиях и лексикографических разработках. Однако по-прежнему одной из задач лингвометодического плана, требующих скорейшего решения, является создание многофункционального учебного пособия словарного типа, полезного в плане обучения различным аспектам неродного языка и видам речевой деятельности. Этим обусловлена актуальность нашего исследования, целью которого является разработка концепции такого пособия – учебного толково-грамматического русско-венгерского словаря. В свою очередь цель данной статьи – представить нашу концепцию, показывая отличия проектируемого словаря от традиционных лексикографических источников, а также его преимущества как средства обучения неродному языку.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Отечественной лексикографией накоплен значительный опыт двуязычной репрезентации языкового материала и типологизации переводных словарей. В середине прошлого века академик Л. В. Щерба указывал на принципиальную ошибку составителей переводных словарей, состоящую в предположении адекватности систем описываемых языков (Shcherba, 1974), и советовал изучающим иностранный язык переходить от двуязычных словарей к толковым словарям, разработанным на изучаемом языке, т.к. только они в то время (работа Л. В. Щербы впервые была опубликована в 1940 г.) могли сформировать у обучающегося адекватное представление о функционировании иноязычного слова. Перед лексикографами же ставилась задача разработки двуязычных словарей нового, как сказали бы сейчас, активного типа. Таким образом, для всякой пары языков, по мнению Л. В. Щербы, нужно создавать четыре словаря – два толковых иностранных словаря с объяснениями на родном языке пользователя и два переводных словаря функционального типа с родного языка на иностранный (Shcherba, 1974). В. Г. Гак, интерпретируя и развивая лексикографическую концепцию Л. В. Щербы, конкретизирует типы двуязычных словарей в зависимости от их адресата: так, иностранно-русский словарь для русских должен быть преимущественно пассивным, русско-иноязычный же – преимущественно активным, и наоборот (Gak, 1964). В свою очередь он выделяет три типа иностранно-русских словарей: полный словарь общего типа, обеспечивающий понимание читаемого текста, переводной словарь, позволяющий переводчикам отыскивать нужные эквиваленты, и учебный словарь, назначение которого – дать представление не только о значении слова, но и его функционировании (Gak 1964). Анализируя опубликованные на тот момент учебные двуязычные словари, В. Г. Гак отмечает неоправданное объединение в них элементов общепереводного, переводческого, учебно-толкового словарей и делает вывод о том, что эти лексикографические источники – «суть словари смешанного типа, без четко дифференцированного назначения» (Gak 1964). В конце XX– начале XXI в. ситуация в двуязычной лексикографии кардинально изменилась. Уточнена и детализирована типология двуязычных словарей с учетом их функций (Dubichinskij 1998; Berkov 2004; Trifonov 2016). В русле лексикографических традиций совершенствуется концепция универсального словаря (Bulygina and Tripol'skaya 2016), разрабатываются и реализуются модели описания термины в двуязычных словарях активного типа (Gak 1991; Latypova et al., 2016), в том числе терминологических (Balkanov 2016). Лексикографы подчеркивают, что активный словарь, построенный на принципах антропоцентризма и функционализма, должен предлагать читателю такой объем информации, который демонстрирует правила использования языковой единицы и ее сочетаемостные возможности (Latypova et al., 2016). Таким образом, активные словари специализируются на обеспечении процесса порождения речи, пассивные же – на обеспечении процесса понимания. Словари третьего типа – активно-пассивные, направлены как на рецепцию, так и на репродукцию (Dubichinskij 1998; Trifonov 2016).

Не вызывает сомнения тезис о том, что параметр активности является неотъемлемым для учебного двуязычного словаря (Trifonov 2016). В свою очередь учет принципов взаимосвязанного обучения аспектам языка и видам речевой деятельности позволяет признать оптимальным для использования в процессе обучения неродному языку словарь смешанного активно-пассивного типа. При этом степень информативности и учебно-методической ценности словаря повысится, если составителю удастся усилить компонент системности в подаче грамматического материала. Эту задачу мы решаем в ходе разработки и реализации концепции учебного толково-грамматического русско-венгерского словаря.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Методом контекстуального анализа и анализа словарных дефиниций (в качестве источников материала использованы современные толковые словари (Kuznetsov 2000; [A magyar nyelv nagyszótára, 2006-2018](#); [Magyar-oroszszótár, 2000-2019](#)) нами были выявлены семантические и прагматические особенности лексических единиц, подлежащих описанию в толково-грамматическом русско-венгерском словаре (далее – ТГРВС). Методом сопоставительного анализа были установлены сходства и различия в семантической структуре, сочетаемостном потенциале и морфологических характеристиках соотносительных лексических единиц двух языков, которые затем были учтены при составлении словарных статей. Метод лингвокультурологического анализа позволил выявить специфику этнокультурного фона репрезентируемых в словаре русских лексических единиц, проявляющуюся в том числе в устойчивых сочетаниях, что также будет представлено в словаре на фоне венгерского языка с использованием соответствующих комментариев.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Репрезентация частей речи в Толково-грамматическом русско-венгерском словаре, согласно нашей концепции, первая часть ТГРВС объединит в нескольких разделах лексические единицы по их принадлежности к частям речи. Именно так могут быть системно представлены грамматические категории русского языка на фоне родного языка пользователей: при совпадении грамматических значений будет показана специфика средств их выражения. В случае лакуарности отсылка (под знаком #) к грамматическому справочнику, размещенному в заключительном разделе словаря, позволит получить или

скорректировать представление об отсутствующем в родном языке грамматическом явлении, а материал словарной статьи представит его конкретными языковыми реализациями.

Объем словаря, а значит и отбор материала для учебного словаря, адресованного иностранцам, изучающим русский язык, определяется лексическим минимумом соответствующего этапа обучения. В нашем случае это уровень А2 – базовый.

Представим нашу концепцию материалом словарных статей раздела «Имя прилагательное» – части речи, трудности освоения которой венграми обусловлены отсутствием в их родном языке категории рода (в словарной статье будут показаны примеры согласования русских прилагательных с существительными разной родовой принадлежности). Словосочетания со структурой *имя прилагательное + имя существительное* проиллюстрируют и согласование прилагательных с существительными в падеже (в венгерском языке падежные показатели в данном случае присоединяются только к существительным, что характерно также и для показателей множественного числа. Примеры таких словосочетаний даются следом за толкованием и венгерским эквивалентом (эквивалентами) заголовочного слова или при каждом из значений. Здесь венгерский пользователь, как и носитель русского языка, изучающий венгерский, получит представление не только об определенных морфологических свойствах имен прилагательных изучаемого языка, но и об особенностях их лексической сочетаемости. Следующая параметрическая зона словарной статьи представит читателю морфемную и словообразовательную структуру русского прилагательного. Этот структурный параметр важен для освоения формообразования прилагательных, прежде всего, форм сравнительной и превосходной степени, присутствующих в венгерском языке, но не имеющих такой вариативности, как в русском языке (аналитические и синтетические формы). Завершают словарную статью устойчивые словосочетания, в состав которых входит описываемое прилагательное. Здесь наблюдается как лексико-синтаксический параллелизм, так разного рода несовпадения – различия образной структуры и лексического состава. В ряде случаев материал этой параметрической зоны требует лингвокультурологического комментария.

В целом словарная статья выглядит следующим образом:

ВЫСОКИЙ, -ая, -ое. 1. Значительный по протяженности снизу доверху, по высоте. –MAGAS. *Высокий дом – magas ház; высокая башня – magas torony; высокое дерево – magas fa; Высокие девушки – magas lányok; в высоких домах – magas házakban.*

2. Значительный по количеству, уровню, ценности. – MAGAS, NAGY, KIVÁLÓ. *Высокая награда – nagy (magas) jutalom; высокий результат – kiváló eredmény; высокое давление – magas vérnyomás; высокие цены – magas árak; о высоких ценах – magas árákról.*

• Высok-ий.

• Выше [кого, чего; чем кто, чем что], более (мéнее) высокий [чем кто, чем что] – magasabb, nagyobb, kiválóbbv-minél, v-kinél.

• Сáмый (-ая, -ое) высокий (-ая, -ое), высший (-ая, -ее), высчáйший (-ая, -ее) – legmagasabb, legnagyobb.

• (#) Высok, высоká, высokó, высokí: *Наши показатели не высоки – a teljesítményünk nem magas.*

* **Высокий старт** – állórajt. * **Высокого роста** – magastermetű.

Несоответствий такого типа будет особенно много в сфере относительных прилагательных. Довольно часто логико-грамматические отношения, выражаемые в русском языке именными словосочетаниями с такими прилагательными, передаются в финно-угорских языках изафетными конструкциями и сложными словами с определительной первой частью. Поэтому словарные статьи, посвященные относительным прилагательным, содержат еще большее количество примеров межуровневых соответствий, в то время как зона формообразования остается не заполненной в силу отсутствия у относительных прилагательных способности образовывать формы степеней сравнения и краткие формы:

ДЕТСКИЙ, -ая, -ое. Относящийся к детям, свойственный детям, предназначенный для детей. – GYERMEKI; GYERMEK-. *Детская любовь – gyermeki szeretet; детские забавы – gyermeki szórakozások; детский спектакль – gyermekelődás; детский возраст – gyermekkor; детская песенка – gyermekdal; детская обувь – gyermekcipő; детская больница – gyermekkórház; о детских играх – gyermekjátékokról.*

• Дет-СК-ий (<дет-и).

• -

• -

• -

* **Детский сад** – óvoda. * **Детские ясли** – bölcsőde.

Репрезентация функционально-семантических категорий в толково-грамматическом русско-венгерском словаре

Концепция лексикографической репрезентации функционально-семантических категорий была разработана нами на примере категории субъективной модальности (Nikitina, 2013). Под функционально-семантическими категориями (далее – ФСК) мы традиционно понимаем инвариантные логико-грамматические значения в совокупности с разноуровневыми языковыми средствами их выражения. В словаре ФСК мы предложили воплотить идею идеографического грамматического словаря, высказанную В.А. Белашаповой и И.Г. Милославским (Beloshapkova and Miloslavskij 1988). Иерархическая организация материала в словаре ФСК должна отражать структуру соответствующего функционально-семантического поля.

В учебном толково-грамматическом двуязычном словаре описанию ФСК посвящен отдельный раздел, наполнение и структурирование макростатей которого (Пространство, Время, Цель, Причина, Условие, Обладание, Адресат, Инструмент и др.), как и в первом, системно-грамматическом разделе словаря, определяется грамматическим минимумом для определенного уровня владения языком. В заголовок статьи выносятся грамматическое средство выражения соответствующего значения с указанием синтаксической конструкции его реализации и венгерским функциональным эквивалентом (эквивалентами). Комментарии указывают на сферу употребления, примеры использования демонстрируют межъязыковые соответствия. В макростатьях, предполагающих структурирование в соответствии с изученным функционально-грамматическим материалом, выделяются подрубрики (напр.: УСЛОВИЕ: РЕАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ; ИРРЕАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ). Остальные рубрики идеографически не структурируются. Материал внутри рубрик и подрубрик располагается в алфавитном порядке:

ПРИЧИНА

В СИЛУ (+ Р.п. чего), в офиц. речи. Vmi KÖVETKEZTÉBEN, vmi FOLYTÁN. В силу сложившихся обстоятельств – *a körülmények folytán*; в силу привычки – *puszta szokásból*.

ИЗ (+ Р.п. чего). -BŐL, -BŐL. Из ревности – *féltékenységből*; из любопытства – *kíváncsiságból*; из благодарности – *hálából*.

ИЗ-ЗА (+ Р.п. чего, кого). MIATT, -BŐL, -BŐL, -TŐL, -TŐL. Из-за меня – *miattam*; из-за этого – *emiat*; из-за пустяка – *valami semmiség miatt*; из-за женщины – *a nő miatt*; из-за шума ничего не слышно – *a zajtól semmit se lehet hallani*; из-за чего? – *miért?*

ОТ (+ Р.п. чего). -BŐL, -BŐL, -TŐL, -TŐL, -BA, -BE. От горя – *bánatában*; от радости – *az örömtől (örömeből)*; дрожать от страха – *remegni a félelemtől*; страдать от жары – *szenvedni a hőségtől*; умереть от раны – *sebébe belehal*.

ОТ ТОГО [...], ЧТО, в сложном предложении. (AZÉRT) ... MERT. Я не приехал от того, что не мог – *nem jöttem el, mert nem tudtam*.

ПОТОМУ [...], ЧТО, в сложном предложении. (AZÉRT) ... MERT; MIVEL. Я устал, потому что ночью не спал. – *Fáradt vagyok, miveléjjelnemaludtam*.

ТАК КАК, в сложном предложении. (AZÉRT) ... MERT; MIVEL. Он не может передать ей книгу, так как она уже уехала. – *Nem tudja átadni neki a könyvet, mivel ő már elutazott*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, учебный словарь нового типа – двуязычный толково-грамматический, сочетающий системно-грамматический и функционально-коммуникативный принципы подачи материала, будет полезен при использовании в обучении неродному языку как сознательного (когнитивного), так и коммуникативно-деятельностного подходов. Модель комплексной репрезентации материала позволяет знакомить пользователя этого словарного пособия с материалом лексического и грамматического уровней, решать задачи обучения как рецептивным, так и продуктивным видам речевой деятельности. Несмотря на то, что русский язык является здесь исходным, словарь не будет для венгерского читателя пособием исключительно пассивного типа. Обнаружив здесь перевод неизвестного русского слова, он получит информацию не только о его значении, но и о грамматических особенностях в полном их объеме, о возможностях речевой реализации слова. Системная репрезентация грамматики в направлении от родного языка к изучаемому не обеспечила бы полного представления о грамматическом уровне последнего в силу типологических различий. Описание в толково-грамматическом словаре материала функционально-семантических категорий повышает его ценность как пособия активного типа. Отсюда следует, что толково-грамматический словарь, построенный по предлагаемой модели, можно охарактеризовать как активный для носителя исходного языка и пассивно-активный для читателя, изучающего данный язык. В целом же при таком подходе достаточно будет не четырех, а двух словарей, представляющих материал пары контактирующих в учебном процессе языков.

LIST OF REFERENCES

- A Magyar nyelv nagyszótára (2006-2018). Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet. V. 1-8.
- Balkanov, I. V. (2016). *Megastruktura otraslevogo slovarya (na material voennyh dvuyazychnyh slovarey XX veka)* [Megastructure of the industry dictionary (on the material of military bilingual dictionaries of the twentieth century)]. Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 22 (3), 101-113.
- Beloshapkova, V. A. & Miloslavskiy, I. G. (1988). *Voprosy ideograficheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Questions of ideographic grammar of the Russian language]. Ideograficheskie aspekty grammatiki. Moskva: MGU, 3-11.
- Berkov, V. P. (2004). *Dvuyazychnaya leksikografiya* [Bilingual lexicography]. Moskva: AST.
- Bulygina, E. Yu. & Tripol'skaya, T. A. (2016). *Universal'nyiy i aktivnyiy slovar': razvitie leksikograficheskoy traditsii ili vozvrashchenie k istokam* [Universal and active vocabulary: development of the lexicographic tradition or a return to basics]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (2), 7-23.
- Gak, V. G. (ed.) (1991). *Francuzsko-russkiy slovar'* [French-Russian dictionary]. Moskva: Rus. yaz.
- Gak, V. G. (1964). *O raznyh tipah dvuyazychnyh slovarey* [About different types of bilingual dictionaries]. Tetradi perevodchika (2), 71-78.
- Dubichinskiy, V. V. (1998). *Teoreticheskaya i prakticheskaya leksikografiya: uchebnoe posobie*. Vena – Har'kov: Wiener Slawistischer Almanach; Har'kovskoe leksikograficheskoe obshchestvo.

- Kuznecov, S. A. (ed.) (2000). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg: Norint.
- Latypova, L. A., Sirazeeva, A. F. & Sharifullina, Zh. A. (2016). *Mikrostruktura dvuyazychnogo slovarya aktivnogo tipa* [Microstructure of bilingual active dictionary]. *Filologia i kul'tura* (2), 93-98.
- Magyar-orosz szótár (2000-2019). https://hungarian_russian.academic.ru/ [16.02.2019].
- Trifonov, A. S. (2016). *Osnovnyie parametry tipologizacii uchebnyh slovarey* [The main parameters of typology of training dictionaries]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* (2), 80-90.
- Shcherba, L. V. (1974). *Opyt obshchey teorii leksikografii* [The experience of the General theory of lexicography]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'*. Leningrad: Nauka, 265-303.

For citation:

Nikitina, T.G. (2019) BILINGUAL EXPLANATORY-GRAMMATICAL DICTIONARY AS A MEANS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 156-160. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-156-160>

Для цитирования:

Никитина, Т. Г. (2019) ДВУЯЗЫЧНЫЙ ТОЛКОВО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 156-160. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-156-160>

Information about the author: Nikitina Tatiana Gennadievna – DrHab (philology), Professor, Pskov State University (Pskov, Russia)

e-mail: cambala2007@yandex.ru

Сведения об авторе: Никитина Татьяна Геннадьевна - доктор филологических наук, Псковский государственный университет (Псков, Россия)

e-mail: cambala2007@yandex.ru

Manuscript received: 06/02/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

TRANSLATION

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-161-165>

TRANSLATION HEADACHES: R. BURNS *WHA IS THAT AT MY BOWER-DOOR?* AND S. MARSHAK *FINDLEY*
(Linguistic Commentary Experience)

Elena A. Krasina
Doctor of Philology, Professor
Peoples' Friendship University (RUDN University)
(Russia, Moscow)
e-mail: elena_krassina@mail.ru

Abstract. The article is discussing the analysis of translation into modern Russian of R. Burns' verse «Wha is that at my bower-door?» made by S. Marshak. It is a literary text translation which preserves theme and motives of authentic Scots folklore songs, as well as their structure and imagery. In course of analysis, the synthesis of literary text linguistic interpretation and the network of translation methods – primarily modulations and transformations, demonstrated mechanisms to realize obligatory parameters of literary text translation, namely: equivalence, appropriateness, imagery and stylistic conformity. Main methods of the analysis include comparative semantic analysis at the word, word-collocation and sentence levels; transformational method and modulations together with linguistic and textual commentary. The cause of translation problems of this verse by R. Burns lays in the fact that the original text is written in Scots, or the English-Scottish dialect, which dates back to the XVIII century and translates another cultural tradition as well as reflects another linguistic worldview. Finally, the carried out analysis helps state that R. Burns' «Wha is that at my bower-door?» original verse and its translation by S. Marshak as «Findley» has revealed semantically determined relations of asymmetry-symmetry and bilateral complementarity, while the text translated has become a sui generis literary «text within the text».

Key words: literary text, linguistic interpretation, translation, semantic modulation, syntactic transformation

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: R. R. BURNS *WHA IS THAT AT MY BOWER-DOOR?*
И С. МАРШАК *ФИНДЛЕЙ*
(опыт лингвистического комментария)

Елена Александровна Красина
Доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов
(Россия, Москва)
e-mail: elena_krassina@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – представить анализ перевода стихотворного художественного текста Р. Бернса «Wha is that at my bower-door?» на современный русский язык, сохранившего образность и тему, мотивы, форму народной песни. В ходе анализа синтез лингвистического толкования художественного текста и комплекс переводческих приемов, преимущественно модуляции и трансформации, показал механизмы реализации обязательных параметров перевода художественного текста: эквивалентность, адекватность и образность, стилистическое единство. Основные методы анализа – сопоставительный семантический анализ на уровне слова, сочетания слов и предложения, метод трансформаций и модуляций, включая языковой и текстовый комментарий. Трудности перевода стихотворения Р. Бернса обусловлены тем фактом, что текст оригинала написан на англо-шотландском диалекте, отстоит во времени (XVIII в.) и принадлежит другой культуре, как и другой языковой картине мира. В результате проведенного анализа было установлено, что оригинал Р. Бернса «Wha is that at my bower-door?» и перевод С. Маршака «Финдлей» выявили семантически обусловленные отношения асимметрии-симметрии и взаимной дополнительности, при этом текст перевода стал своеобразным художественным «текстом в тексте».

Ключевые слова: художественный текст, лингвистическое толкование, перевод, семантическая модуляция, синтаксическая трансформация

ВВЕДЕНИЕ. Художественный перевод – это сложная коммуникативная деятельность, которая предполагает понимание языка как искусства и, соответственно, опирается на переводческие компетенции, обеспечивающие реализацию лингвистических стратегий трансляции содержания литературного текста с целью «передачи художественно-эстетического достоинства оригинала» (Zhukova et al., 2014). Процесс перевода осложняется, если оригинал отстоит во времени и написан на языке особого типа, как в случае стихотворения Р. Бернса, который творил в XVIII в. на англо-шотландском языке – Scots, одном из национально-территориальных вариантов английского языка, или Standard English. Очевидно, что в процессе перевода становится важным подстрочник, в данном случае – текст на современном английском языке. Так возникает триада текстов: текст оригинала – подстрочник – текст перевода.

Практика перевода показывает, что в подстрочнике нивелируются различия в фонетике, грамматике и лексике текста оригинала, что обеспечивает более полное понимание содержания произведения, однако параллельно используются комментарии и специальные лексиконы-гlossарии, как например, для комментирования поэзии Р. Бернса создан электронный гlossарий Burns county glossary (<http://www.robertburns.org/works/glossary/447.html> ; дата обращения: 15.02.2019).

Таким образом, адекватность, эквивалентность, наконец, успешность перевода поддерживается дополнительными лингвистическими ресурсами.

С другой стороны, трудности перевода минимизируются, если переводчик обращается к лингвистическому толкованию текста, по существу – филологическому комментарию, поскольку он не ограничивается учетом языковых сходств и различий, но предполагает обращение к науке о языке художественной литературы, у истоков которой стоял акад. В.В. Виноградов (Vinogradov, 1959; 1963; 2005). В этой теории определена и прикладная область – лингвистическое толкование художественного текста (Scherba 1957; Lotman 1996; 1998; Novikov 1978, 1979). Если Л.В. Щерба разработал и наглядно продемонстрировал лингвистические принципы толкования художественного текста применительно к языковым ресурсам всех уровней языка, то в дальнейшем на этой основе стали складываться критерии лингвистического анализа художественного текста с акцентом на стилистику, поэтику, риторику, шире – филологию текста, а язык стал трактоваться как одно из искусств (Bakhtin 1986, 2017; Gyubenet 1991; Lotman 1992; Lunkova 2010; 2016; Novikov 2001; Polubichenko 1988).

Тем более художественный перевод – это творческая деятельность, искусство речи, требующее от переводчика множества разнообразных знаний и умений, уникального владения языком и культурой народов, говорящих на языках оригинала и перевода. Переводчик становится транслятором и носителем эстетических ценностей и смыслов, его отличает сознание собственной миссии как посредника между народами в процессе межкультурной коммуникации, помимо искусного владения практическими навыками и приемами перевода (Komissarov 1973; Minyar-Beloruhev 1996; Obolenskaya 2006; Ogneva 2012; Semenov 2008; Ter-Minasova 2008; Fyodorov 1983; Shveytser 1973; Jakobson 1985;).

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ. Сочетание художественного перевода и лингвистического комментария поддерживается комплексным применением методов сопоставительного анализа художественного текста в первую очередь на уровне лексики и грамматики; семантическими и синтаксическими трансформациями и переводческими модуляциями с целью реализации адекватности и эквивалентности текстов оригиналов и переводов. Термин **модуляция** (Zhukova et al., 2014) был введен в 1958 г. (Vinay, J.-P. & Darbelnet, J. 1995) и описан как прием смыслового развития слова и сочетания слов оригинала при его переводе такой лексической единицей, которая не эксплицируется в тексте оригинала, но выводится из значения единицы оригинала (Bazylev 2016; Ermolovich 1996; Komissarov 2002; Rais 1978; Shveytser 2003; Vinay & Darbelnet 1995).

Творчество Р. Бернса связано с родными местами поэта в графстве Эйршире на юго-западе Шотландии. Оно пропитано народными мотивами и часто повествует о жизни простых людей. Большое количество стихотворений написано Бернсом с привлечением различных местных просторечий на англо-шотландском диалекте, получившем статус литературного шотландского языка в начале XVII в. При этом отличия от литературной нормы наблюдаются на всех уровнях – от фонетики до синтаксиса, но в XVIII в. они нивелируются, и грамматические различия существенно минимизируются. .

Представим текст небольшого стихотворения-песни Р. Бернса в оригинале и переводе С. Маршака:

R. Burns. *Wha is that at my bower-door?*

"Wha is that at my bower-door?"
 "O wha is it but Findlay!"
 "Then gae your gate, ye'se nae be here:"
 "Indeed maun I," quo' Findlay;

 "What mak' ye, sae like a thief?"
 "O come and see," quo' Findlay;
 "Before the morn ye'll work mischief:"
 "Indeed will I," quo' Findlay.

"Gif I rise and let you in"-
 "Let me in," quo' Findlay;
 "Ye'll keep me waukin wi' your din;"
 "Indeed will I," quo' Findlay;

"In my bower if ye should stay"-
 "Let me stay," quo' Findlay;
 "I fear ye'll bide till break o' day;"
 "Indeed will I," quo' Findlay.

"Here this night if ye remain"-
 "I'll remain," quo' Findlay;

Р. Бернс. *Финдлей*

- Кто там стучится в поздний час?
 "Конечно, я - Финдлей!"
 - Ступай домой. Все спят у нас!
 "Не все!" - сказал Финдлей.

 - Как ты прийти ко мне посмел?
 "Посмел!" - сказал Финдлей.
 - Небось наделаешь ты дел...
 "Могу!" - сказал Финдлей.

- Тебе калитку отвори...
 "А ну!" - сказал Финдлей.
 - Ты спать не дашь мне до зари!
 "Не дам!" - сказал Финдлей.

- Попробуй в дом тебя впустить...
 "Впусти!" - сказал Финдлей.
 - Всю ночь ты можешь прогостить.
 "Всю ночь!" - сказал Финдлей.

- С тобою ночь одну побудь...
 "Побудь!" - сказал Финдлей.

"I dread ye'll learn the gate again;"
"Indeed will I," quo' Findlay.

"What may pass within this bower"-
"Let it pass," quo' Findlay;
"Ye maun conceal till your last hour:"
"Indeed will I," quo' Findlay.

1783 г.

<http://www.robertburns.org/works/34.shtml>
(дата обращения: 20.02.2019)

- Ко мне опять найдешь ты путь.
"Найду!" - сказал Финдлей.

- О том, что буду я с тобой...
"Со мной!" - сказал Финдлей.
- Молчи до крышки гробовой!
"Идет!" - сказал Финдлей.

1944 г.

Пер. С. Маршака.
<http://www.stihomaniya.ru/2014/11/burns-stihotvoreniya-findlej.html>
(дата обращения: 20.02.2019)

Вопрос о лексических и синтаксических трансформациях не только в переводе, но и для современного англоязычного читателя поэзии Р. Бернса решается с опорой на комментарии, которые учитывают различия англо-шотландского диалекта и нормативного Standard English (Trudgill 2000; Nazarova 2017). В ходе анализа лексико-семантических и грамматических ресурсов оригинала и перевода будем использовать комментарии (Burns, 1982) и подстрочник стихотворения *Who is that at my bower door* на Standard English (<http://www.stihomaniya.ru/2014/11/burns-stihotvoreniya-findlej.html>; дата обращения 15.02.2019). Например, согласно этим источникам вопросительное слово *wha* (вариант *whaeveer*) соответствует английскому *who*, как и его производные: *wham – whom, whase – whose*.

В грамматике различаются глагольные и сопутствующие им местоименные формы, соответственно: *maun – must; quo' – said; gae – go* и *wha – who; ye – you*; используются сокращенные диалектно-разговорные формы, например, *ye 'se; mak 'ye; quo ';* *waukin wi ';* *ye 'll; o 'day*. Лексический пласт отличают специфические архаичные и диалектные слова и словоформы: например, среди глаголов *maun – must*, как и другие модальные глаголы *may, will; quo ' (форма прошедшего времени индикатива от quether) – said*, ср. англ.: *quote/quoted*; аналогично *gae – go/went* и служебные слова (частицы, союзы): *'n – and; nae/na(e)/na(') – no, not; sae – so; gif – if*.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ. В переводе С. Маршака изначальное название стихотворения Р. Бернса *Who is that at my bower-door?* меняется на мужское имя мужчины **Финдлей**, одного из партнеров стихотворного диалога, хотя в оригинале и подстрочнике – это вопросительное высказывание: букв. *'Кто там (стойт) у входной двери'*. При этом *bower-door* обозначает 'входную дверь в загородном сельском доме или коттедже'. В оригинале стихотворение названо по первой строке, как это принято в народных песнях: по типу это песня на мотив *Lass, an I come near thee / 'Девушка, я иду к тебе'* (букв: 'Девушка, я рядом/я здесь'). Тем не менее, название **Финдлей** – результат переводческой модуляции – вполне оправдано, т.к. весь текст строится на диалоге, ведущим голосом которого является Финдлей (о диалогичности: Bakhtin, 2017), хотя зачин диалога и каждой строфы принадлежит безымянной девушке, которая откликается на стук в дверь. Заметим сразу, что структурная диалогичность и диалогичность в духе М.М. Бахтина усложняется, т.к. в тексте присутствует и автор: *quo' Findley – сказал Финдлей* (слова автора при прямой речи). Очевидно, что типичная коммуникативная ситуация диалога «говорящий – слушающий» с постоянной меной их ролей дополняется присутствием третьего лица, которое становится косвенным – внешним и «посторонним» участником диалога, таким образом возникает «эффект третьего лица» (Davidson 1983: <http://poq.oxfordjournals.org/content/47/1/1> (дата обращения: 15.02.2019); Perloff 1999).

В русском переводе С. Маршака модуляция проявляется при обозначении актуального действия *стучится* и времени *в поздний час*. Далее в переводе прием модулирования развивается и последовательно нарастает. Ср.: *Then gae your gate, ye'se nae be here // Then go your way, you should not be here*: букв.: 'Тогда уходи к себе, ты не должен быть здесь'; вариант С. Маршака *Ступай домой. Все спят у нас!* продолжает семантическое расширение с опорой на указание времени в *поздний час*. Наконец, в последней строке первой строфы резко меняется модальность. Если оригинал и подстрочник демонстрируют императив долженствования со стороны Финдлея *Indeed maun I!* и *Indeed must I!*, что поддерживается инверсией, то в русском тексте модальность никак не обозначена, ср.: **Не все!**, но развивается модуляция *все спят у нас*. Тем самым переводчик усиливает межличностное общение и заинтересованность в нем и девушки, и Финдлея. В последующих строках и строфах в переводе продолжают доминировать модуляции и лексико-синтаксические трансформации, эллипсисы, полные и частичные повторы, ср.: *Indeed will I / Indeed I will* в оригинале и по-русски *Могу! Не дам! Всю ночь! Найду!*, особенно финальные повторы с эллипсисом в третьей и четвертой строфах, которые заданы предшествующими строками, соответственно: *Ты спать не дашь мне до зари; Всю ночь ты можешь прогостить*. В первой строфе *Могу!* оправдано модальностью фразы-реплики девушки *Небось наделаешь ты дел с имплицитной модальностью возможности и уступительности*. В последней строке стихотворения после просьбы-императива *Молчи до крышки гробовой!* происходит полная замена на *Идет!* (сказал Финдлей) в значении согласия с условием. Подобные частичные повторы распределены по всему тексту перевода, например: *Попробуй в дом тебя впустить...// "Впусти!" – сказал Финдлей; С тобою ночь одну побудь...// "Побудь!" – сказал Финдлей*; наконец, симметричный повтор, **ты** меняется на **я**, означает, что Финдлей добился желаемого: *О том, что буду я с тобой...// "Со мной!" – сказал Финдлей*. Полагаем, что в оригинале семантика и модальная установка реплик девушки обуславливает модуляции полного и неполного повтора в переводном тексте в целом, например: *I fear ye'll bide till break o' day* и *Ты спать не дашь мне до зари*

– четвертая строфа; *Ye maun conceal till your last hour* и *Молчи до крышки гробовой!* – последняя строфа. Отметим, что при отсутствии такого рода повторов в тексте оригинала при всех структурных и смысловых вариациях в тексте перевода сохранен стихотворный размер, поддерживающий связь оригинала и перевода.

Построенный на многочисленных модуляциях русский переводной текст становится, по Ю.М. Лотману, «текстом в тексте» относительно оригинала Р. Бернса: между оригиналом и переводом возникает своеобразная языковая игра, которая отражается и в самой ситуации, и в теме стихотворения – уговорить девушку о личном свидании, очаровать её и остаться с ней на ночь. При этом возникают асимметрично-симметричные отношения: сначала девушка противится и не соглашается, а потом принимает правила игры, поэтому перевод С. Маршака порождает множество новых смыслов, хотя и не разрушает смысловую однородности с оригиналом Р. Бернса (Lotman 1992).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Высокая художественность перевода С. Маршака стихотворения Р. Бернса «*Wha is that at my bower-door?*» связана с богатым переводческим опытом, профессиональными знаниями и умениями переводчика, который становится как бы соавтором поэта. Эквивалентность, адекватность и образность текста перевода достигается благодаря единству и синтезу лингвистического толкования художественного текста оригинала и переводческих приемов, в чем проявляется глубинное знание языков оригинала и перевода и творчество переводчика. Трудности перевода возникают по целому ряду причин: время и место действия, действующие лица, события, архаичный и диалектный язык оригинала и др. принадлежат одной культуре, одному обществу, наконец, одной языковой картине мира, что в тексте перевода требует согласования, упорядочения и уподобления с другой языковой картиной мира. Очевидно, что именно переводческий прием модуляции – семантического расширения содержания текста оригинала в целом и его отдельных лексических, морфологических и синтаксических компонентов в сочетании с синтаксическими трансформациями, в частности, полными и частичными повторами, обеспечивает творческое решение задач адекватности и образности художественного перевода. Оба текста – оригинал и перевод – начинают тесно взаимодействовать, и текст перевода становится «текстом в тексте», эксплицирующим отношения асимметрии-симметрии с текстом оригинала.

LIST OF REFERENCES

- Bakhtin, M.M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of the verbal art]. Moskva: Iskusstvo.
- Bakhtin, M.M. (2017). *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoyevsky's poetics]. Moskva: Izdatelstvo «Э», 194-195.
- Bazylev, V.N. (2016). *Didaktika perevoda* [Didactics of translation]. Moskva: Flinta.
- Burns county glossary: <http://www.robertburns.org/works/glossary/447.html> (accessed 20.02.2019)
- Davidson, W. (1983). *The Third-Person Effect in communication*. *Public Opinion Quarterly*, 47: <http://poq.oxfordjournals.org/content/47/1/1> (accessed: 15.09.2018).
- Ermolovich, D.I. (1996). *Osnovy professionalnogo perevoda* [The Basics of professional translation]. Moskva: Izdatelstvo RON.
- Fyodorov, A.V. (1983). *Osnovy obschey teorii perevoda (lingvisticheskiye problem)* [Basics of general theory of translation (linguistic problems)] (4th ed.). Moskva: Vysshaya shkola.
- Gyubbenet, N.V. (1991). *Osnovy filologicheskoy interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta* [The Basics of philological interpretation of fiction text]. Moskva: MGU.
- Jakobson, R.O. (1985). *O lingvisticheskikh aspektakh perevoda* [On linguistic aspects of translation] In: Jakobson, R.O. (1985). *Izbranniye raboty*. Moskva: Progress, 361-368.
- Komissarov, V.N. (1973). *Slovo o perevode* [Discourse on translation]. Moskva: Mezhdunarodniye otnosheniya.
- Komissarov, V.N. (2002). *Sovremennoye prevodovedeniye* [Modern theory of translation]. Moskva: EST.
- Lotman, Yu.M. (1992). *Tekst v tekste* [Text within text]. In: Lotman, Yu.M. *Izbranniye statii v 3-kh tomakh*. Tom 1. Tallinn: «Aleksandra», 148-161.
- Lotman, Yu.M. (1996). *O poetakh i poezii: analiz poeticheskogo teksta* [About poets and poetry: Poetic texts analysis]. St-Petersburg: Iskusstvo-St-Pet.
- Lotman, Yu.M. (1998). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of literary text]. St-Petersburg: Iskusstvo.
- Lunkova, L.N. (2010). *Tekst: Intellektualnoye dezha-vyu* [Text: Intellectual deja-vu]. Kolomna: MGOSGI.
- Lunkova, L.N. (2016). *Kognitivnaya stilistika* [Cognitive Stylistics]. Moskva: Ruslain.
- Minyar-Beloruichev, R.K. (1996). *Teoriya i metody perevoda* [Theory and methods of translation]. Moskva: Moskovskiy Litsey.
- Nazarova, A. Yu. (2018). *Osobennosti dialekticheskogo mnogoobraziya britanskogo varianta angliyskogo yazyka* [Specifics of dialectical multiple variety of the British English variations]. *Bolshoye Evraziyskoye partnerstvo: lingvisticheskiye, politicheskiye i pedagogicheskiye aspekty. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moskva: M.: IJU MGOU, 531-538.
- Novikov, L.A. (1978). *Metodologiya i praktika lingvisticheskogo tolkovaniya khudozhestvennogo teksta* [Methodology and practice of linguistic interpretation of literary text]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, (3), 53-70.
- Novikov, L.A. (1979). *Lingvisticheskoye tolkovaniye khudozhestvennogo teksta* [Linguistic interpretation of literary text]. Moskva: Russkiy yazyk.
- Novikov, L.A. (2001). *Yazyk kak iskusstvo* [Language as an art]. In: Novikov, L.A. (2001). *Izbranniye trudy*. Tom II. *Esteticheskiye aspekty yazyka*. *Miscellanea*. Moskva: Izdatelstvo RUDN.
- Obolenskaya, Yu. L. (2006). *Khudozhestvenniy perevod i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Art of translation and cross-cultural communication]. Moskva: Vysshaya shkola.
- Ogneva, E.A. (2012). *Khudozhestvenniy perevod: problem peredachi komponentov perevodcheskogo koda* [Art of translation: problems of rendering translation code components]. (2nd ed.). Moskva: Editus.
- Perloff, R.M. (1999). *The Third-Person Effect: A Critical Review and Synthesis*. *Media Psychology*, 1, 353-377.
- Polubichenko, L.V. *Filologicheskaya topologiya v angliyskoy klassicheskoy poezii* [Philological topology of the English classical poetry]. Moskva: MGU.

- Rais, K. (1978). Klassifikatsiya tekstov i metody perevoda [Classification of texts and the methods of translation]. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike. Moskva: Mezhdunarodniye otnosheniya.
- Semenov, A.L. (2008). Teorii perevoda i perevodcheskoy deyatelnosti [Theories of translation and translational activity]. Moskva: Akademia.
- Scherba, L.V. (1957). Opyty lingvisticheskogo tolkovaniya stikhovvoreniy: «Vospominaniye» Pushkina [Experimental interpretation of poems: Pushkin's "Vospominaniye"]. In: Scherba, L.V. (1957). Izbranniye raboty po russkomu yazyku. Moskva: Uchpedgiz, 26-44.
- Shveytser, A.D. (2003). Tekst i perevod [Text and translation]. Moskva: Librokom.
- Shveytser, A.D. (1973). Perevod i lingvistika [Translation and linguistics]. Moskva: Voenizdat.
- Ter-Minasova, S.G. (2008). Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Language and cross-cultural communication]. Moskva: Слово/Slovo.
- Trudgill, P. (2000). The Dialects of England. (2nd ed.). Oxford: Blackwell.
- Vinay, J.-P. & Darbelnet, J. (1995). Comparative stylistics of French and English: trans. and ed. by J.-C. Sager and M.-J. Hamel. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Vinogradov, V.V. (1959). O yazyke khudozhestvennoy literatury [On the language of fiction]. Moskva: Goslitizdat.
- Vinogradov, V.V. (2005). O teorii khudozhestvennoy rechi [On the theory of artistic speech] Moskva: Vysshaya shkola.
- Vinogradov, V.V. (1963). Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetics [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moskva: AN SSSR.
- Zhukova, I.N. et al. (2013). Slovar terminov mezhkulturnoy kommunikatsii [The dictionary of cross-cultural communication terms]. Moskva: FLINTA:Nauka, 265; 305-307.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ Р. БЕРНСА: ОРИГИНАЛ, ПОДСТРОЧНИК И ПЕРЕВОД

Who is that at my bower-door? URL <http://www.robertburns.org/works/34.shtml> (accessed: 20.02.2019).

Английские баллады и песни. М.: Гослитиздат, 1944 г., 59.

Robert Burns. The Poetical Works. Moscow: Raduga Publishers, 1982, 270-271; 671-697 .

Stihomaniya.ru: Who is that at my bower door? <http://www.stihomaniya.ru/2014/11/burns-stihovoreniya-findlej.html> (accessed: 20.02.2019).

Stihomaniya.ru: Р. Бернс. Финдлей. Пер. С. Маршака:

<http://www.stihomaniya.ru/2014/11/burns-stihovoreniya-findlej.html> (accessed: 20.02.2019).

For citation:

Krasina, E.A. (2019) TRANSLATION HEADACHES: R. BURNS *WHAT IS THAT AT MY BOWER-DOOR?* AND S. MARSHAK. *FINDLEY* (Linguistic Commentary Experience). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 161-165. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-161-165>

Для цитирования:

Красина Е.А. (2019) ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: R. R. BURNS *WHAT IS THAT AT MY BOWER-DOOR?* И С. МАРШАК. *ФИНДЛЕЙ* (опыт лингвистического комментария) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 161-165. doi:<https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-161-165>

Information about the author: Elena A. Krasina - Doctor of Philology, Professor, Peoples' Friendship University (RUDN University), Russia, Moscow.

e-mail: elena.krassina@mail.ru

Сведения об авторе: Красина Елена Александровна - доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Россия, Москва.

e-mail: elena.krassina@mail.ru

Manuscript received: 05/27/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

**TACTIC OF PRAGMATIC ADAPTATION
IN TRANSLATING TOURISTIC TEXTS**

Said Mamedov

**Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Lobachevsky State «University of
Nizhny Novgorod - National Research University» Arzamas Branch**

(Arzamas, Russia)

saidmamedow@yandex.ru

Abstract. The article deals with the tactics of translation used in the field of tourism, the tactics of pragmatic adaptation and the tactics of transmission of the main relevant information in particular. Practical examples confirming the relevance of the use of the above-mentioned tactics in translating touristic texts are given.

Keywords: tourism, communicative situation of translation, translation, translation strategies and tactics, translation operations

**ТАКТИКА ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ
ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕСТИНАЦИИ**

Саид Заурович Мамедов

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского» Арзамасский филиал

(Арзамас, Россия)

saidmamedow@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тактики перевода, применяемые в сфере туризма, в частности тактика прагматической адаптации и тактика передачи основной релевантной информации. Приведены практические примеры, подтверждающие актуальность использования вышеуказанных тактик при переводе текстов туристической дестинации.

Ключевые слова: туризм, коммуникативная ситуация с использованием перевода, перевод, стратегии и тактики перевода, переводческие операции

INTRODUCTION. According to the communicative-functional approach, translation, like any other speech activity, is performed in a certain communicative situation (Sdobnikov 2015); thus, the translation strategy is chosen according to the purpose of the translation, the needs and expectations of the recipients and the initiator, the conditions for the implementation of these subjects of their substantive activities.

In the real world there is an unlimited number of communicative situations, each of which is unique and specific. The concept of "communicative situation" is correlated with the concepts of "act of speech communication" or "speech event", although being somewhat wider. According to R. O. Jakobson, in the model of communication, or speech event, the addresser (speaker) and the addressee (listener) participate; from the first to the second one a certain message written with the help of a code is transmitted; the context is associated with the content of this message, with the information transmitted by it, as well as with the situation in the surrounding reality. The concept of contact, in its turn, is associated with the regulatory aspect of communication, its establishment, maintenance and completion (Jakobson, 1975).

Within one and the same sphere of life of activity different communicative situations may arise. For example, earlier we have identified the following types of communication situations in relation to the tourism industry:

Hospitality (arrival, registration, accommodation of the client in the hotel, short-term contacts with clients, a range of services, meals, departure, customer payment at check-out).

Meals/Food and beverage (Breakfast, lunch, dinner in a restaurant, cafe, food court; catering).

Marketing communications (promotions, bonus programs).

Communication "travel Agency – tourist/client" (selection, presentation and design of the tour).

Communication "travel Agency – tour operator" (proposals for the organization of various types of recreation).

Excursion (excursion program).

Communication situations taking place at the airport or train station (meeting and seeing tourists, information services, Shuttle service).

Advertising (brochures, catalogues, booklets, advertisements, promotional tours) (Mamedov, 2017).

If communication in the above-mentioned situations takes place in different languages, a cross-language and cross-cultural communication arises, carried out with the help of a mediator, usually an interpreter, whose task is to help communicants in overcoming language and cultural barriers.

The need for translation in the field of tourism covers all possible forms of information: websites, catalogues, booklets, menus, leaflets or signs related to the tourism industry, which means that the need for interpreters arises from the staff of airports, hotels, restaurants, museums, as well as from guides or tour operators seeking to best provide their

services and meet the needs of tourists. Thus, in its turn means that each time a translation is made, the needs and expectations of the actual or potential recipients of the translated text must be taken into account.

LITERATURE REVIEW. The theoretical basis of this study were the works of V. V. Sdobnikov and R. O. Jakobson. As a practical material used to confirm the relevance of the use of tactics of pragmatic adaptation in translating touristic texts, excerpts of hotel brochures, as well as elements of terminology used in the study area were used.

RESEARCH METHODS. The following research methods were used in the study: content analysis to analyze the texts of the tourist destination and their translation methods, descriptive method to describe the used lexical units and the method of communicative-pragmatic analysis.

RESULTS AND DISCUSSION. The general classification of communicative with the use of translations is presented in the works of V. V. Sdobnikov. The researcher distinguishes two types:

1. The Communicative situations of translation, in which the translation was intended, originally planned;
 2. The Communicative situations of translation in which the translation was not originally planned (Sdobnikov, 2015).
- Communicative situations of translation -1, in their turn, are divided into subtypes depending on the degree of formality of relations between communicants. Accordingly, we can define the formal Communicative situation of translation -1 (Communicative situation of translation -1_{formal}) and informal Communicative situation of translation -1 (Communicative situation of translation -1_{informal}).

Examples of Communicative situation of translation -1_{formal} in the field of tourism are the following situations: business meetings and negotiations between multilingual representatives of the tourism sector; international lectures, seminars and trainings for specialists in the field of tourism; interviews with foreign travel agents, hotel employees and other structures of tourism business; excursions for foreign tourists; translation support of a foreign tourist in a hotel, restaurant, customs and other institutions, ordering tickets, etc.; translation of brochures, booklets, as well as documentation related to the work of tourism enterprises and business letters. In all these cases, the need for translation is realized in advance, the translation service is organized by the person responsible for the tourists' stay in a foreign country (in most cases it is the Manager of a travel agency/hotel).

Communicative situation of translation -1 of an informal nature (Communicative situation of translation -1_{informal}) means such communicative situations as a banquet with the participation of foreign specialists or communication among foreign specialists on production and non-production topics outside the working situation, including conferences among participants outside the framework of meetings, etc. (Sdobnikov 2015).

Another example- a corporate meeting of a hotel/travelagency employees (again with the participation of foreign specialists).

A vivid example of Communicative situation of translation -2 in the field of tourism is the situation when a tourism specialist buys some professional (special) literature in a foreign language (due to the lack of such in his native language) and decides to order the translation of this manual; as we see, in this situation, the translation of literature was not initially planned.

In the field of tourism, as well as in other fields of activity, one and the same text can be used in different communicative situations in accordance with different translation objectives and, accordingly, can be translated in different ways; in other words, when translating the same text in different communicative situations, the interpreter uses different translation strategies. According to V. Sdobnikov, translation strategy is a common programme for implementing translation activities in a particular communicative situation of bilingual communications, defined by specific features of the given situation and purpose of the translation and, in turn, defining the nature of professional conduct of the interpreter in the framework of the given communicative situation.

Therefore, the success of translation activity is determined by the right choice of the necessary translation strategy. V. V. Sdobnikov identifies three types of translation strategies: strategy of communicative translation, strategy of tertiary translation and redirection strategy (Sdobnikov 2015).

The communicative translation strategy is used when the aim of the original text and the text of the translation are the same. For instance, such situations as excursions, business meetings and negotiations between multilingual representatives of the tourism sector, international lectures, seminars and trainings for specialists in the field of tourism, interviews with foreign travel agents, employees of hotels and other structures of tourism business, translation support of foreign tourists in the hotel, restaurant, customs and other institutions, ticket booking, etc., translation of brochures (for foreign tourists), booklets, as well as documentation related to the work of enterprises of tourism business, and business letters, etc. since it is obvious that in these situations the purpose of the translation is to provide the necessary information and have a similar (emotional and psychological) impact on the recipient, in our case – a tourist/foreign travel agent or other employee of the tourism sector.

For example, when organizing a tour for foreign tourists, the purpose of translation is similar to the purpose of the original; the task of the interpreter is the same as the task of the author of the original (in this case – the guide) – providing information to the tourist and, as already mentioned, having a similar emotional and psychological impact, i.e. to interest the client and make the tour interesting and exciting.

The same applies to the situation of training the specialists in this field: the purpose of both the author of the original and the interpreter in this case is to provide foreign workers with certain information and to teach them new skills concerning tourism industry and business. Since a foreign specialist performs the role of a "student" in this situation, it will be important to have an appropriate emotional and psychological impact on him.

As for the second type of Communicative situation of translation (Communicative situation of translation -2), the purpose of the translation depends on the special needs of the translation initiator in the framework of its substantive

activities. Among the initiators of the translation, we include the author of the original text, the potential recipient of the translation, the translation receiver and the interpreter, because their needs determine the nature (type) of the translation strategy; in this case, we distinguish between the potential recipient of the translation and the customer of the translation. However, it should be borne in mind that the needs of the recipient of the original may not be different from the needs of the recipient of the translation, so, the strategy of communicative translation can be used there.

As an example, the above mentioned situation with the translation of brochures and guidebooks for foreign tourists may be given, but only if this translation was not initially planned. For example, a travel company buys a brochure/guidebook (in electronic form for instance) and orders its translation for displaying on the website.

However, the strategy of communicative translation is not the only strategy that can be used in Communicativesituationsoftranslation-2; the strategy of tertiary translation is also applicable when the translation text is not designed to have an impact similar to that of the original. Speaking about the field of tourism, the example may be the following: the sender of the source text - an author of a tourist brochure (originally designed for tourists), the recipient of the translation of this brochure is, forexample, a foreign business-partner; this type of recipient needs only "pure" information about the hotel's objects and facilities necessary for further cooperation. Thus, the function of translation in this case – the impact only on the recipient's consciousness, that is, the text of the translation all emotional and expressive means available in the text of the original (whose purpose is not only to provide the recipient with certain information, but also to have an emotional and psychological impact and, accordingly, to convince him to use the services of this company), will be omitted ("Our holding includes two recreation centers in the forest, one children's camp on the river, two hotels...").

One of the tactics by which this strategy is implemented is the tactics of transferring the main relevant information.

Let's consider some practical examples:

1. An excerpt from the hotel brochure (Park Inn hotel, St. Petersburg):

«Санкт-Петербург – это один из самых уникальных и красивых в мире городов, и Петро Палас Отель находится в самом его сердце.»

As already mentioned, foreign business partners need only "pure" information, respectively, one of the translation options in this case will be as follows: "the hotel is located in the center of St. Petersburg, a famous Russian city."

2. An Information brochure "mon Repo Palace", *presidential suites* room type description:

«Вединомипросторномпомещениивампредлагаетсякомфортвклассическихтонах. Гостиная, большая спальня с одной двуспальной кроватью, ванная комната с ванной или душевой кабинкой и богатый спектр услугсоставляют обстановку существенной роскоши. Просторная меблированнаяверанда дает вам возможность смотреть на бесконечную синеву залива Горича

и магический город Корфу. Наслаждайтесь заботой нашего опытного персонала и поддайтесь своим чувствам».

Again, when translating the Russian original into English, performed for foreign partners, as in the previous examples, all emotional and expressive means will be pubescent; the first sentence is enough to translate as follows: "the combined Suite is made in the classical style." Further - " consists of a bedroom with living room, large double bedroom, bathroom with bath/shower ...". The next offer is "a large furnished veranda with views of the Gorica Strait and the city of Corfu".

3. An excerpt from the hotel brochure "Park Plaza" (Cardiff):

Each of the hotel's 129 stunning rooms has been thoughtfully designed using a variety of luxurious fabrics and fittings and the latest fashion cons for your comfort. The air-conditioned rooms at Park Plaza Cardiff feature a flat-screen TV, a Minibar, tea / coffee making facilities, a Hairdryer, an iron with Ironing Board and a laptop safe.

Of course, in the translation intended for foreign partners, such expressive means as "stunning", "summary" or "latest-mod-cons for your comfort" will be omitted; as in all previous examples, only "dry" information: «129 комнатсовременногодизайна... всекомнатьоснащены (оборудованы) кондиционерами, минибарами, кофемашинами, гладильнымидосками, утюгами, феномиисейфами».

Anotherimportanttacticnecessaryfortranslatingtouristictextsistacticofproperinformationprocessing (Sdobnikov, 2015); ignoring this tactic may confuse the translation receiver because of some barriers connected within formation processing rules and realities. Forexample, translating the English phrase «This year we stayed at Radisson» into Russian as «В этом году мы отдыхали в Рэдиссоне» would not beright astherecipientmaynotk now exactly what Radissonis (a town/a company/a hoteletc.), thustherightvariantis «В этом году мы отдыхали в отеле «Рэдиссон» asaccordingtotherulesoftheRussianlanguage, namesofcompanieshouldbeputbetweenquotationmarks. Moreover, attentionshouldalsobepaidtothewordorder, forinstance «Marriothotel» (English) – «Отель Марриот» (Russian)

Onemoretranslationmethod, usedwithinthistacticisconnectedwith using explanations, such as:

The phrase «Нижегородскаяземля, родинаВалерияПавловичаЧкалова» (Russian); it's clear that foreign tourists do not know who the above-mentioned person was, so, when translating this phrase into a foreign language, this should be clarified, that is, the translation may look as follows: "...homeland of a famous Russian pilot Valeri Pavlovich Chkalov...". In the case of written translation, this information may be included in a footnote.

Another example of descriptive translation: in one of the guidebooks, the Italian term *Villanoviani* is translated as follows – 'ancient tribes of the Villanova zone' (the so-called *Villanoviani*).

Attention must be alsopaidtopropertranscribingandtransliteratingspecifictermsespeciallynames, such as

«Стамбул» (Russian) whichistheappropriatetranslationforIstanbul (not «Истанбул»)

or «компания «Майкрософт» (Russian), not «Микрософт».

Let'sconsider a fewmoreexamplesoftransliteration:

infrastructure – инфраструктура; bank – банк;
 factor – фактор; capital – капитал;
 liberalization – либерализация; credit – кредит;
 sector – сектор; parliament – парламент;
 Austria – Австрия;
 Alps – Альпы;
 Habsburg Dynasty's – Габсбургская династия;
 the Beatles – Битлз;
 Sony – Сони;
 the Guardian – Гардиан (ежедневная британская газета);
 Manchester United – «Манчестер юнайтед» (британский футбольный клуб)

When transliteration is somehow impossible or unacceptable, another method can be used - calculus is the reproduction not of sound, but of combinatorial composition of a word or phrase, when the components of a word (morpheme) or phrase (lexeme) are translated by the corresponding elements of the translating language.

Head of the government – глава правительства;

mass culture – массовая культура;

basic law – основной закон, конституция;

non-confidence vote – вотум недоверия;

Federal Constitutional Court – Федеральный Конституционный суд;

Roman law – Римское право;

The Democratic Party – Демократическая партия;

Human rights – права человека;

inflation ‘инфляция’, *foreign suppliers* ‘иностранные поставщики’, *tariff systems* ‘тарифные системы’, *export-import documentation* ‘экспортно-импортная документация’.

As we all know, the information is adapted to the speakers of not only a different language, but also a different culture; accordingly, when translating touristic texts it's often necessary to deal with certain realities (especially national-specific ones), which are quite difficult to translate or untranslatable at all; as we know, hidden cultural and linguistic difficulties cause great problems. According to S. G. Ter-Minasova, "words are a veil over real life, a kind of web, a curtain". The user needs to look behind the 'curtain of words' in a foreign language, to understand where the 'paths of word meanings' lead (Ter-Minasova 2007). Therefore, in this case it is appropriate to talk about one more tactic – *the tactic of pragmatic adaptation of the text* (Sdobnikov 2015). The most used methods of translation, aimed at implementing this tactic, as we see, are transcription, transliteration, descriptive translation, the use of footnotes (in written translation) and reducing the information, unnecessary for particular recipients and in particular communicative situations. And it's clear that pragmatic adaptation is necessary even if the aims of the original text and the text of the translation are the same because it is still necessary to reproduce some realities, terms or events and make them clear to recipients (see the above-mentioned examples).

CONCLUSION. The above mentioned examples reveal the relevance of the use of tactic of pragmatic adaptation while translating touristic texts in accordance with the types of recipients of translation, their needs and requirements, thus, due to the type of the Communicative Situation of translation, in accordance with which the necessary translation methods (strategies - tactics-operations) are chosen.

LIST OF REFERENCES

- Sdobnikov, V.V. *Perevod i kommunikativnaya situatsiya: monografiya* [Translation and Communicative Situation: Monograph]. Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2015. 464 p.
- Jacobson R.O. *Lingvistika poeta // Strukturalizm: za i protiv: Sbornik nauchnyh statej* [Poet Linguistics // Structuralism: for and against: Collection of scientific articles]. Moscow: Progress, 1975, P. 193-230
- Mamedov S.Z. *Vidy diskursa v sfere turizma. Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda: Sbornik nauchnyh trudov. Seriya «Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya»*. [Discourse types in the field of tourism. Problems of theory, practice and didactics of translation: Collection of scientific papers. "Language. Culture. Communication." Series]. Issue 20 Volume II. Nizhny Novgorod: NGLU (Nizhny Novgorod State Linguistic University), 2017 P.183-189.
- Ter-Minasova, S.G. *Vojna i mir yazykov i kul'tur*. [War and peace of languages and cultures.] - Moscow: Slovo/Slovo, 2007. - 287 p.

For citation:

Mamedov, S. (2019) TRANSLATION HEADACHES: R. BURNS *WHA IS THAT AT MY BOWER-DOOR?* AND S. MARSHAK. *FINDLEY* (Linguistic Commentary Experience). International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 166-170. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-166-170>

Для цитирования:

Мамедов, С.З. (2019) ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: R. R. BURNS *WHA IS THAT AT MY BOWER-DOOR?* И С. МАШИЯК. *ФИНДЛЕЙ* (опыт лингвистического комментария) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). С. 166-170.
doi:<https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-166-170>

Information about the author: Said Mamedov - Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Lobachevsky State «University of Nizhny Novgorod - National Research University» Arzamas Branch, Russia

saidmamedow@yandex.ru

Сведения об авторе: Саид Заурович Мамедов - Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Арзамасский филиал, Россия

saidmamedow@yandex.ru

Manuscript received: 06/02/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ „WEST-EAST”

Vol 2/1 №1

Passed for printing 23.09.2019 - 01.10.2019, Paper size 60×84/16. Offset printing. Print run of 250 copies, Order N 125

Подписано в печать 23.09.2019 - 01.10.2019 Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,6. Тираж 250 экз. Заказ №125

Publishing House **“UNIVERSAL”**

4, A. Politkovskaia st., 0186, Tbilisi, Georgia ☎: 5(99) 33 52 02, 5(99) 17 22 30
E-mail: gamomcemlobauniversali@gmail.com; universal505@ymail.com

